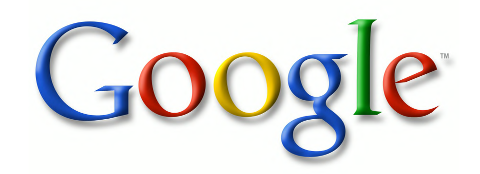
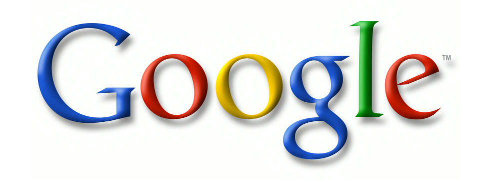

Belozerskaia, Nadezhda

Василій Трофимовичъ НАРѢЖНЫЙ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ

Н. БѢЛОЗЕРСКОЙ.

Удостоенный Уваровской преміи въ 1893 году.

ИЗДАНІЕ 2-Е ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1896.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая № 27.

Историко-литературное изслѣдованіе «Василій Трофимовичъ Нарѣжный» впервые напечатано въ «Русской Старинѣ» 1888 г., №№ 5, 6, 8; 1890 г. № 9 и 1891 г. №№ 5, 6, 7, 8; затѣмъ оттиски изъ «Русской Старины», съ обширными рукописными добавленіями, были представлены, въ 1892 году, въ Академію Наукъ на соисканіе Уваровской преміи. Въ сентябрѣ слѣдующаго 1893 года историко-литературное изслѣдованіе «В. Т. Нарѣжный» удостоено Уваровской преміи, на основаніи разбора, составленнаго акад. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ и напечатаннаго въ «Отчетѣ о тридцать пятомъ присужденіи наградъ графа Уварова».

ВАСИЛІЙ ТРОФИМОВИЧЪ НАРѢЖНЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Русскихъ романистовъ было много, а романовъ мало, и между романистами совершенно забытъ ихъ родоначальникъ Нарѣжный... Появленіе Булгарина въ качествѣ романиста было упреждено появленіемъ на томъ же поприщѣ Нарѣжнаго, человѣка съ замѣчательнымъ и оригинальнымъ талантомъ“... (В. Г. Бѣлинскій, Соч., т. VI, стр. 68—69, и т. XII, стр. 508) (1).

Со времени Бѣлинскаго названіе «перваго русскаго романиста» осталось за В. Т. Нарѣжнымъ въ нашей литературѣ. Равнымъ образомъ, большинство рецензентовъ сочиненій В. Нарѣжнаго признають въ немъ сильный самобытный талантъ, наблюдательность, оригинальный умъ, творческую силу воображенія, а также «познаніе сердца человѣческаго, искусство ловить комическія черты, разсказывать просто, занимательно» и пр. (2). Но, въ настоящее время, русской читающей публикѣ приходится вѣрить всему этому на-слово, потому что Бѣлинскій, занятый текущей литературой, долженъ былъ ограничиваться лишь общими обзорами ея прежней поры. Послѣдующіе критики еще менѣе обращали вниманія на прошлое нашей литературы, такъ что къ нимъ едва-ли не въ бо́льшей степени примѣнимъ упрекъ Гоголя, нѣкогда обращенный имъ къ русской критикѣ въ его статьѣ «О движеніи журнальной литературы»: «Нигдѣ не встрѣтишь, говоритъ онъ, чтобы упоминали имена уже окончившихъ поприще писателей нашихъ... о вліяніи ихъ еще замѣтномъ. Наша эпоха, кажется, какъ будто отрублена отъ своего корня, какъ

будто у насъ вовсе нѣтъ начала, какъ будто исторія прошедшаго для насъ не существуетъ»... (3).

Не подлежитъ сомнѣнію, что знакомство съ прошлой русской литературой значительно подвинулось впередъ, благодаря капитальнымъ монографіямъ и изслѣдованіямъ, вышедшимъ въ новѣйшее время, но пока разработаны только извѣстные отдѣлы и періоды. Многое осталось почти нетронутымъ, какъ, напримѣръ, вопросъ о постепенномъ развитіи романической литературы въ Россіи или, другими словами, о времени возникновенія переводнаго романа, перехода его въ подражательный, а затѣмъ въ болѣе или менѣе самобытный. Естественно, что вмѣстѣ съ тѣмъ остался незатронутымъ и Нарѣжный. Историки общей литературы отвели сравнительно невидное мѣсто нашей первоначальной романистикѣ и всѣ, кромѣ А. Д. Галахова (4), по той или другой причинѣ не сочли нужнымъ заняться разборомъ и оцѣнкой сочиненій Нарѣжнаго. Въ біографическихъ и энциклопедическихъ словаряхъ, даже наиболѣе пространныхъ, или вовсе не упоминается о немъ, или же мы встрѣчаемъ самый краткій отзывъ о «первомъ русскомъ романистѣ», почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ;—при этомъ обыкновенно упомянуты два-три его романа.

Между тѣмъ до сихъ поръ почти во всѣхъ петербургскихъ библіотекахъ для чтенія можно встрѣтить десять томовъ романовъ и повѣстей В. Нарѣжнаго изд. 1835—1836 гг. Кромѣ того, въ 1814 г.. былъ напечатанъ его замѣчательный, по тому времени, романъ «Россійскій Жилблазъ или похожденія князя Гаврилы Симоновича Чистякова», пріостановленный цензурой послѣ появленія третьей части, вслѣдствіе чего это сочиненіе уже въ 1820 году составляло рѣдкость (5). Затѣмъ В. Нарѣжный написалъ пять трагедій, не считая одъ, стихотвореній, басенъ, драматическихъ сценъ, историческихъ повѣстей и разсказовъ, помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій.

Понятно, что при такомъ отношеніи литературы къ нашему первому по времени романисту стала мало по малу забывать о Нарѣжномъ и русская читающая публика. Въ настоящее время не мало найдется образованныхъ людей, которые едва знаютъ о существованіи Нарѣжнаго, хотя помнятъ имена многихъ современныхъ ему, болѣе мелкихъ и даже бездарныхъ, писателей. Его случайные читатели могутъ теперь судить о немъ только съ эстетической, а

не исторической точки зрѣнія, особенно важной въ данномъ случаѣ, и не смотря на безусловную талантливость его произведеній должны неизбѣжно находить ихъ устарѣлыми, мѣстами скучными, и быть можетъ, иногда, даже лишенными смысла. Они вправѣ упрекать его въ тяжеломъ слогѣ и даже подчасъ въ недостаткѣ художественнаго вкуса, въ чемъ, впрочемъ, упрекали его и современники, хотя эта слабая сторона таланта Нарѣжнаго была менѣе ощутительна для нихъ, нежели для насъ.

Причины такого незаслуженнаго забвенія со стороны литературы и публики довольно сложныя, и настолько же зависѣли отъ общаго состоянія литературы и положенія прозаическихъ писателей въ первую четверть настоящаго столѣтія, какъ и отъ характера произведеній Нарѣжнаго и условій его личной жизни. Съ разбора этихъ причинъ и уясненія вопроса, насколько Нарѣжный заслуживаетъ названіе «родоначальника нашихъ романистовъ» и что новаго представляютъ его произведенія, сравнительно съ предшествующей романической литературой — начинаемъ нашъ историко-біографическій очеркъ.

I.

В. Т. Нарѣжный, писатель послѣднихъ годовъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, началъ свою литературную дѣятельность при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для развитія его таланта. Русскій романъ и повѣсть находились въ зачаточномъ видѣ, и тогдашняя русская беллетристическая проза не представляла, въ этомъ отношеніи, готовыхъ образцовъ какъ по формѣ, такъ и содержанію. Приходилось прокладывать новый путь, и естественно, что, согласно общему ходу нашей культуры и подчасъ чрезмѣрному поклоненію всему западному, наша романическая литература началась съ рабскаго подражанія западнымъ образцамъ. Русская публика зачитывалась переводными иностранными романами и наши первые романисты должны были неизбѣжно слѣдовать въ своихъ произведеніяхъ господствующему вкусу и требованіямъ. Хотя во многихъ изъ нихъ проглядываетъ очевидное стремленіе къ сближенію съ русской дѣйствительностью, но это стремленіе выражалось пока въ видѣ единичныхъ и большею частью крайне слабыхъ проблесковъ. Въ одномъ только «Россійскомъ Жилблазѣ», первомъ значительномъ

произведенія Нарѣжнаго, изданномъ въ 1814 году, мы видимъ положительный поворотъ къ созданію вполнѣ русскаго романа. Но здѣсь, какъ и въ двухъ позднѣйшихъ лучшихъ своихъ романахъ: «Бурсакъ» и «Два Ивана», Нарѣжный, въ силу естественнаго закона постепеннаго развитія, заплатилъ извѣстную дань подражанію, хотя въ неизмѣримо меньшей степени, нежели кто либо изъ его предшественниковъ.

Малоразвитая русская читающая публика конца XVIII и начала нынѣшняго вѣка, встрѣчая въ подражательныхъ романахъ и повѣстяхъ, выдаваемыхъ за «оригинальныя россійскія сочиненія», или рабское копированіе иностранныхъ произведеній, или много общаго съ ними по формѣ, характерамъ героевъ и героинь, равно и содержанію, могла легко смѣшивать ихъ съ послѣдними и не замѣчать случайныхъ самобытныхъ чертъ. Этимъ только можно объяснить, до извѣстной степени, безразличное отношеніе тогдашней публики къ нашей первоначальной романической литературѣ, кромѣ подражательныхъ повѣстей Карамзина; значительный успѣхъ ихъ, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ, объясняется авторитетомъ, который пріобрѣлъ Карамзинъ среди русской публики изданіемъ «Писемъ русскаго путешественника» въ 1791—1792 гг., судя по тому, что его первая сентиментально-любовная повѣсть «Евгеній и Юлія», напечатанная года за два передъ тѣмъ, прошла безслѣдно (6). Затѣмъ изъ четырехъ повѣстей, помѣщенныхъ въ «Московскомъ Журналѣ» 1792 года (7), всего больше посчастливилось «Бѣдной Лизѣ», которая настолько пришлась по вкусу большинства тогдашнихъ читателей, что обратила на себя общее вниманіе. Объ успѣхѣ ея можно судить изъ того, что семь лѣтъ спустя она не была забыта, хотя взглядъ на самого Карамзина значительно измѣнился, по крайней мѣрѣ въ людяхъ извѣстнаго направленія, какъ видно изъ письма И. А. Иванова, соученика А. Х. Востокова по академіи художествъ и его близкаго пріятеля [1]).

[1]) И. А. Ивановъ писалъ Востокову изъ Москвы отъ 15-го (24-го) августа 1799 года: „Съ 1792 г. повѣсть о Бѣдной Лизѣ продолжаетъ занимать всѣхъ. По пріѣздѣ отправился осматривать мѣсто, очарованное перомъ Карамзина... Нашелъ я прудъ, стоящій среди поля и окруженный деревьями и валами; опять сѣвши я продолжалъ читать. Тетрадь чуть не вырвалась у меня изъ рукъ и не скатилась въ самый прудъ къ великой чести Карамзина, что копія его во всемъ сходствуетъ съ оригиналомъ. Нынѣ прудъ здѣсь въ великой

II.

Продолжительное, почти исключительное господство различныхъ видовъ стихотворства, драматической литературы, сатиры и басни, пріучило русскую публику считать писателями только тѣхъ, которые подвизались на этомъ поприщѣ, хотя она вообще не отличалась разборчивостью и подчасъ одинаково восхищалась первоклассными и мелкими поэтами, талантами и бездарностями. Такіе писатели пользовались особеннымъ уваженіемъ и всякій грамотный человѣкъ пытался быть стихотворцемъ, драматургомъ или баснописцемъ, тѣмъ болѣе, что на занятіе литературой смотрѣли какъ на пріятное препровожденіе времени, свободнаго отъ службы и другихъ серьезныхъ дѣлъ. Особенно распространены были стихотворенія и оды, которыя появлялись по поводу самыхъ разнообразныхъ случаевъ и едва-ли не въ бо́льшемъ количествѣ, нежели гдѣ-либо. Большинство нашихъ извѣстныхъ тогдашнихъ литераторовъ, какъ, напримѣръ, Карамзинъ, Капнистъ, Крыловъ, Востоковъ и другіе, писали, между прочимъ, и стихи, а у нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, Мерзлякова, стихи значительно преобладаютъ надъ прозой (8). Равнымъ образомъ и Нарѣжный, быть можетъ подъ давленіемъ гос-

---

славѣ, часто гуляетъ около него народъ станицами и читаетъ надписи, вырѣзанныя на деревьяхъ вокругъ пруда, и я читалъ ихъ и не нашелъ ни одной путной; вездѣ Карамзина ругаютъ, вездѣ говорятъ, что онъ навралъ, будто Лиза утонула, никогда не существовавшая на свѣтѣ. Есть, правда, изъ нихъ и такія, кои написаны чувствительными, тронутыми сею жалкою исторіею, но онѣ жалки и писаны, кажется, петиметрашками..." Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ апрѣля 1800 года, Ивановъ опять пишетъ о Карамзинѣ: „Здѣсь такъ о немъ худо говорятъ, что я потерялъ въ немъ половину прежняго почтенія и любопытства его видѣть, отъ того по сю пору не видалъ его... Мнѣ кажется, что онъ былъ нѣкогда такимъ, какимъ онъ по сочиненіямъ своимъ казался, жилъ такъ, какъ въ книжкахъ пишутъ, пока не вступилъ въ большой свѣтъ. Ему въ доказательство можно поставить посланіе его къ Дмитріеву... Ты, можетъ быть, сію пьесу наизусть знаешь. Она, мнѣ кажется, положила предѣлъ Карамзинской невинной жизни. Съ сихъ поръ, онъ, видя, что она между людьми неумѣстна и находя себя имѣющимъ право пользоваться мірскими благами, такъ какъ всѣ пользуются, вырывая другъ у дружки, сталъ жить какъ умной человѣкъ и пр.... Ты хвалишь Нарѣжнаго, а я похвалю тебѣ князя Долгорукаго, коего я читалъ недавно двѣ или три пьесы въ стихахъ, весьма прекрасныя, по моему мнѣнію..." (См. „Сборникъ 2-го отдѣленія Имп. Акад. Наукъ", т. V, вып. 2, стр. VIII—IX).

подствующаго вкуса въ литературѣ, началъ съ писанія одъ, стихотвореній, драматическихъ сценъ и трагедій, какъ о томъ свидѣтельствуютъ его первые литературные опыты, помѣщенные въ московскихъ журналахъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1798 года (9) и «Иппокрена или Утѣхи Любословія» 1799 и 1800 гг. (10). Стихи Нарѣжнаго, повидимому, въ свое время имѣли почитателей и въ томъ числѣ Востокова, какъ показываетъ одна фраза въ концѣ приведеннаго нами письма И. А. Иванова, отъ апрѣля 1800 года.

Между тѣмъ писатели-прозаики были далеко не въ такомъ блестящемъ положеніи и не пользовались большимъ почетомъ, что, между прочимъ, подтверждается отзывомъ одного изъ нихъ, который еще въ 1810 году жалуется на равнодушіе и отсутствіе поддержки со стороны читателей: «Публика причиной, говоритъ онъ, что многіе съ талантомъ и познаніями начали скучать упражненіями въ словесности и посвящаютъ свои дарованія государственной службѣ... одобреніе и награда слабы, а досада и неудовольствія, сопряженныя съ состояніемъ писателя, такъ велики, что должно имѣть самую страстную любовь къ словесности, чтобы заниматься ею долго; я говорю о прозаическихъ писателяхъ» (11). Справедливость этого отзыва подтверждается современными извѣстіями, изъ которыхъ видно, что переводчики, особенно классическихъ произведеній, ставились на одну доску съ оригинальными прозаическими писателями, а нѣкоторые изъ нихъ даже впослѣдствіи пріобрѣли извѣстность, какъ, напримѣръ: Мартыновъ, А. Алексѣевъ, П. Голенищевъ-Кутузовъ, Ѳ. Поспѣловъ, М. Невзоровъ, М. Глѣбовъ и др. (12). Какое значеніе придавали тогда переводамъ вообще, сравнительно съ оригинальными произведеніями, можно видѣть изъ слѣдующаго отзыва издателя «Новостей русской литературы» Сохацкаго въ 1804 году: «Признавая чистосердечно наши словесныя произведенія (выключая весьма немногихъ привилегированныхъ на безсмертіе писателей), это, большею частью, только опыты. Но и птенцы перепархиваютъ сперва съ вѣтви на вѣтвь, пока укрѣпятся столько, чтобы смѣло пуститься въ пространства воздушныя»... Затѣмъ Сохацкій задаетъ вопросъ: «Переводы принадлежатъ-ли къ новостямъ русской литературы?» и даетъ такой отвѣтъ: «По всему праву, если только они выработаны старательно, точно, чисто, съ сохраненіемъ оригиналовъ» (13).

Почти всѣ тогдашніе писатели, не исключая и Нарѣжнаго, на ряду съ оригинальными произведеніями, занимались въ значительной степени переводами, которые были даже выгоднѣе съ матеріальной стороны. Такъ, напримѣръ, московскіе журналы, издававшіеся въ большомъ количествѣ до 1812 года, отдавали въ этомъ отношеніи преимущество переводчикамъ, которые одни получали плату «хотя и скудную», что объясняется положеніемъ журналовъ, издаваемыхъ, повидимому, изъ любви къ искусству, судя по незначительному числу подписчиковъ (иногда меньше 100 и не свыше 300), а также кратковременному существованію многихъ изъ нихъ. Издатели тратились преимущественно на печать, бумагу и переводы, тѣмъ болѣе, что оригинальныя произведенія и стихи доставлялись даромъ, «изъ чести быть напечатанными». Что же касается книгопродавцевъ, о невѣжествѣ и корыстолюбіи которыхъ говоритъ И. И. Дмитріевъ въ своей автобіографіи, то «они покупали и печатали переводы, платя за нихъ по произвольной оцѣнкѣ и согласію съ переводчиками, книгами изъ своей книжной лавки» (14). Но даже не принимая въ разсчетъ нравственныхъ качествъ и степени образованія тогдашнихъ книгопродавцевъ, можно предположить, что они болѣе дорожили переводами, нежели подражательными романами и повѣстями. Извѣстнымъ ручательствомъ успѣшнаго сбыта того или другаго перевода служило для нихъ имя иностраннаго автора, болѣе или менѣе популярное среди русской публики, благодаря множеству издававшихся тогда переводныхъ романовъ и повѣстей, не говоря о рукописной литературѣ.

III.

Помимо неблагопріятныхъ литературныхъ условій, равнодушія или непониманія со стороны публики, не менѣе должно было тормозить развитіе начинающихъ доморощенныхъ романистовъ и, въ томъ числѣ Нарѣжнаго, отсутствіе надлежащей критики, которая была въ такомъ же зачаточномъ видѣ, какъ и наша романическая проза. Тогдашняя критика разсматривала сочиненія, преимущественно, со стороны языка, строго преслѣдовала всякое отступленіе отъ принятыхъ правилъ піитики и риторики и, въ большинствѣ случаевъ, ограничивалась возгласами или отрывочными указаніями

на неудачныя слова и выраженія. Рельефнымъ образчикомъ такой критики служитъ рецензія 1804 года, за подписью «Неизвѣстный», представляющая разборъ трагедіи В. Нарѣжнаго «Димитрій Самозванецъ», напечатанной въ Москвѣ отдѣльной книгой въ 1804 году.

«Правосудія, милостивые государи, правосудія! восклицаетъ «Неизвѣстный» рецензентъ, обращаясь къ редакціи журнала «Сѣверный Вѣстникъ» (15). «Вы добровольно взялись быть судьями нелицемѣрными и показали на самомъ дѣлѣ свое правосудіе, я доставлю вамъ новый случай показать его»... Послѣ такого оригинальнаго воззванія рецензентъ считаетъ долгомъ сдѣлать оговорку, что если его замѣчанія покажутся ошибочными, то онъ проситъ «указать ему ошибки», а затѣмъ уже приступаетъ къ разбору трагедіи «Димитрій Самозванецъ». Онъ особенно нападаетъ на автора за отступленіе отъ правилъ, изложенныхъ въ книгѣ аббата Batteux «Principes de Litterature» и указываетъ на главы о драмѣ и трагедіи:

«Всякое театральное сочиненіе, говоритъ онъ, раздѣляется на дѣйствія. Первое дѣйствіе должно показать ясно, въ чемъ состоитъ главное содержаніе, дать понятіе о дѣйствующихъ лицахъ и кончиться, заставивъ зрителей внимательно ждать послѣдствій. Мѣсто дѣйствія должно быть единственное... Мѣста видовъ своихъ не перемѣняютъ. Но если сочинитель найдетъ себя принужденнымъ перемѣнять мѣста, то, по крайней мѣрѣ, долженъ онъ это сдѣлать при началѣ дѣйствія, а не въ срединѣ, что совсѣмъ недозволительно»... При этомъ для большей наглядности слѣдуютъ указанія въ какихъ собственно сценахъ Нарѣжный отступилъ отъ принятыхъ правилъ:

«Я читалъ двѣ Шиллеровы трагедіи въ этомъ же родѣ, замѣчаетъ далѣе рецензентъ, но «Самозванецъ» не можетъ равняться ни съ трагедіей «Разбойники», ни съ трагедіей «Заговоръ Фіеска въ Генуѣ»... Есть, однако-жъ, въ Самозванцѣ прекрасныя мѣста!» восклицаетъ затѣмъ рецензентъ и въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ довольно пространныя выдержки изъ трагедіи Нарѣжнаго, хотя безъ всякихъ объясненій, такъ что при чтеніи ихъ невольно является вопросъ: почему указанныя сцены могли показаться «прекраснѣе» другихъ.

Не менѣе своеобразенъ отзывъ Неизвѣстнаго о слогѣ «Димитрія Самозванца» и его наставленіе сочинителю, которое служитъ заключеніемъ рецензіи:

«Надобно много бумаги, говоритъ онъ, чтобы вписать всѣ мои

замѣчанія на слогъ, которымъ писана сія трагедія. Скажу только, что я нашелъ множество непонятныхъ выраженій, какъ-то: смотритъ во всѣ глаза, адомъ бьется сердце, сегодня ночью... вездѣ га! и г-мъ! и множество другихъ съ непростительными ошибками противъ правилъ грамматики»,

«Вообще видно, что если г. Нарѣжный забудетъ расположеніе нѣмецкихъ трагедій, если прочтетъ «Principes» Batteux, согласится передѣлать свою трагедію, выбросить лишніе разговоры и оставить необходимые для главнаго содержанія, поправитъ слогъ и рѣже будетъ говорить о діаволахъ и сатанахъ, то напишетъ прекрасную трагедію». Подписано: «Неизвѣстный».

Однако, и въ тѣ времена, когда писались рецензіи, подобныя вышеприведенной, и печатались въ журналахъ, такъ и позже встрѣчаются единичныя попытки болѣе дѣльной и осмысленной критики, какъ, напримѣръ, П. Макарова, Каченовскаго, Л. Неваховича, Е. Станевича, Д. Дашкова, Писарева, Мерзлякова, Строева и другихъ, между которыми видное мѣсто занимаетъ разборъ книги Шишкова «О старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка», написанный Макаровымъ (16). Но такія единичныя случайныя явленія не могли имѣть прочнаго вліянія на нашу литературу, какъ это сознавали и тогдашніе критики, судя по словамъ Макарова, приведеннымъ Н. Гречемъ (17): «Критика наша не для авторовъ и переводчиковъ, а единственно въ пользу тѣхъ любителей чтенія, которые для выбора книгъ не имѣютъ другаго руководства, кромѣ газетныхъ объявленій».

IV.

Съ другой стороны не малымъ препятствіемъ для развитія критики могло быть и то условіе, что тогда по принципу не допускались какія-либо нападки на признанныхъ писателей и господствовалъ такой взглядъ, что «чтобы судить объ авторѣ отличномъ, надобно быть такимъ-же». Еще въ 1815 г. А. Ѳ. Мерзляковъ, профессоръ поэзіи и краснорѣчія въ московскомъ университетѣ (съ 1804 по 1830 г.), приступая къ разбору «Россіяды», поэмы Хераскова (18), долженъ былъ сдѣлать въ этомъ отношеніи рядъ оговорокъ и доказывать необходимость критики: «Хотите ли, говоритъ

онъ, чтобы число авторовъ умножилось. Будьте къ нимъ внимательнѣе. Еще скажу, разбирайте ихъ и не осуждайте разборовъ. Писатель никогда не достигнетъ совершенства, когда публика не въ силахъ будетъ судить о нихъ. Критика благоразумная раздражаетъ его честолюбіе и понуждаетъ къ великимъ усиліямъ: равнодушіе наше убійство словесности. Публика и писатель взаимно другъ друга совершенствуютъ» и пр. Но на ряду съ такимъ прогрессивнымъ взглядомъ Мерзляковъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: «Разборъ посредственныхъ писателей, не возмогшихъ дѣйствовать на умы и сердца, есть разборъ безъ цѣли. Они не приносятъ ни малѣйшей пользы, не представляя ни красотъ высокихъ, достойныхъ подражанія, ни недостатковъ, увлекающихъ еще неутвержденный вкусъ молодыхъ людей»...

Вообще должно замѣтить, что разборъ «Россіяды» очень характеренъ, какъ для обрисовки состоянія критики одинадцать лѣтъ спустя послѣ приведенной нами рецензіи «Неизвѣстнаго» 1804 года, такъ и для самого Мерзлякова, не разъ называемаго въ литературѣ «нашимъ первымъ (по времени) критикомъ». Любопытны его постоянныя колебанія между тѣмъ, что предписывала «ѳеорія» и чего ей недоставало; старая привычка къ классицизму слишкомъ часто пересиливала въ немъ чувство изящнаго; онъ опасался всякихъ нововведеній и литература опередила его; еще при жизни его явились новые критики, болѣе соотвѣтствующіе духу времени, какъ кн. П. А. Вяземскій и Марлинскій (А. А. Бестужевъ).

Мерзляковъ, изложивъ въ своемъ разборѣ содержаніе «Россіяды», разсуждаетъ о томъ, насколько предметъ, избранный Херасковымъ, «есть совершенно предметъ эпической или достойной безсмертной эпопеи», и ссылаясь на примѣръ Гомера и другихъ классическихъ писателей, говоритъ о необходимости «единства дѣйствія», находитъ недостатки «въ изобрѣтеніи, содержаніи и въ расположеніи», равно и въ описаніи «чудеснаго». Въ то-же время, дѣлая попытку разбора характеровъ лицъ, изображенныхъ въ поэмѣ, онъ трактуетъ о правилахъ Аристотеля и правилахъ эстетики вообще, а затѣмъ, переходя къ слогу, распространяется о соблюденіи «постепенности», напоминаетъ, что для оживленія повѣствованія необходимы противоположенія, сравненія и уподобленія и пр.

Въ этомъ же разборѣ, по поводу «Россіяды», Мерзляковъ высказываетъ свой взглядъ на романы вообще и на ихъ главную задачу:

«Сладкія чувствованія родства, дружбы, любви, великія пожертвованія, добродѣтели или пороки, прелестные виды природы, картины, доставляемыя прошедшимъ и настоящимъ: все это вмѣстѣ составляетъ запасный магазинъ романиста! Хорошо, когда бы романы всегда устремлены были къ доброй цѣли, когда бы писали ихъ Ричардсоны и Филдинги! — Хорошо, когда бы романы могли служить къ величайшей цѣли жизни, пріобрѣтаемой наукой, къ познанію насъ самихъ, способствовали бы къ образованію нашей нравственности»...

Въ виду такого взгляда, а также основываясь на аналогіи, мы рѣшаемся высказать предположеніе, что если бы Мерзлякову пришлось разбирать которое либо изъ романическихъ произведеній, хотя бы «Жилблаза» В. Нарѣжнаго, вышедшаго за годъ передъ тѣмъ, то онъ прибѣгнулъ бы къ тѣмъ же критическимъ пріемамъ, какъ и въ рецензіи поэмы Хераскова. Правила принятой тогда теоріи изящнаго, вѣроятно, играли бы немалую роль въ его разборѣ, равно и слогъ, который еще въ 1815 году, судя по его собственному отзыву, продолжалъ быть спорнымъ вопросомъ въ русской литературѣ: «Одни, говоритъ онъ, укоряютъ другихъ въ излишнемъ употребленіи словъ славянскихъ, а другіе въ излишнемъ отступленіи отъ славянскаго и въ ослабленіи языка»... (19).

Не подлежитъ сомнѣнію, что тогдашнее неудовлетворительное состояніе критики уже не могло имѣть такого большоге значенія въ области нашей сатиры, стихотворной поэзіи, драматической литературы и басни, изъ которыхъ каждая достигла извѣстной, довольно значительной степени развитія, имѣла, такъ сказать, свою исторію, сложившуюся постепенно, втеченіе многихъ лѣтъ. Молодой писатель, выступающій въ этомъ направленіи, чувствовалъ подъ собою почву, находилъ опору въ готовыхъ традиціяхъ и, внося новое въ свои произведенія, пользовался результатами опыта своихъ предшественниковъ. Молодые таланты встрѣчали непосредственную поддержку со стороны живущихъ и отживающихъ знаменитостей, которыя, въ большинствѣ случаевъ, относились съ патріархальнымъ добродушіемъ къ своимъ преемникамъ и становились ихъ добровольными руководителями.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи были наши первые прозаическіе писатели романовъ и повѣстей. Здѣсь не было прошлаго, не было ни исторіи, ни готовыхъ традицій; существовавшія правила творчества, преподаваемыя теоріей словесности, могли только стѣснять

авторовъ и задерживать ихъ развитіе; приходилось имъ создавать самую манеру писанія, находить новые сюжеты для содержанія, выработать форму, даже слогъ.

V.

Тяжеловѣсный, въ значительной мѣрѣ искусственный языкъ Ломоносова, съ его полуславянскими, полулатинскими и нѣмецкими оборотами рѣчи, продолжалъ господствовать въ нашей литературѣ конца XVIII вѣка, хотя сильно видоизмѣненный послѣдующими писателями, то въ лучшую, то въ въ худшую сторону. Этимъ языкомъ (за исключеніемъ Карамзина и его подражателей) писали всѣ русскіе беллетристы того времени, не исключая Нарѣжнаго, какъ видно изъ его первыхъ произведеній, помѣщенныхъ въ упомянутыхъ московскихъ журналахъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1798 г. и «Иппокрена или утѣхи любословія» 1799 и 1800 гг. Въ этихъ журналахъ принимали также участіе нѣкоторые изъ университетскихъ товарищей В. Нарѣжнаго и, между прочимъ, воспитанники московскаго благороднаго пансіона, имѣвшіе съ 1800 года свой печатный органъ, въ которомъ исключительно помѣщались ихъ труды (20).

Слогъ Нарѣжнаго, какъ въ переводахъ, такъ и оригинальныхъ произведеніяхъ, напечатанныхъ въ двухъ названныхъ журналахъ, не представляетъ никакихъ рѣзкихъ отличій или особенностей, сравнительно съ другими сотрудниками. Направленіе его также пока не опредѣлилось; онъ находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ классиковъ, изучаемыхъ въ университетѣ, замѣтно подражаетъ Державину въ своихъ стихотворныхъ опытахъ. Но въ этихъ юношескихъ произведеніяхъ видны проблески сильнаго таланта, полная ясность мысли и отсутствіе сентиментальности.

Въ то же время, сравнительно значительное количество его литературныхъ опытовъ, помѣщенныхъ въ томъ и другомъ журналѣ, служитъ доказательствомъ, что на него смотрѣли, какъ на молодаго писателя, подающаго большія надежды. Но литературное занятіе въ тѣ времена, не представляло никакого матерьяльнаго обезпеченія для писателя и не могло сдѣлаться професcіей для такого бѣдняка, какимъ по всѣмъ даннымъ былъ Нарѣжный. Едва окончивъ

университетское образованіе въ 1801 г., онъ поступилъ на службу «при письменныхъ дѣлахъ» въ новооткрывшееся «Грузинское правительство» и уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ оставался до половины мая 1803 года.

Такимъ образомъ В. Нарѣжный на двадцать первомъ году своей жизни, прямо съ университетской скамьи, былъ перенесенъ въ полудикую страну, въ чуждый для него канцелярскій міръ и долженъ былъ приняться, въ качествѣ мелкаго чиновника, за обязательную механическую работу, не имѣвшую ничего общаго съ свободными литературными занятіями. Этотъ внезапный переходъ и въ особенности удаленіе изъ Москвы, представлявшей до 1812 г. средоточіе умственнаго и литературнаго движенія тогдашней Россіи, было крайне неблагопріятно для нормальнаго развитія его молодаго, неокрѣпшаго, хотя и несомнѣннаго таланта. Онъ былъ слишкомъ рано оторванъ отъ образованной среды, окружавшей его во все время, проведенное имъ въ московской гимназіи и въ университетѣ, лишенъ книгъ и общенія съ людьми, которые могли поддержать его въ первую пору литературной дѣятельности и быть до извѣстной степени его руководителями и критиками (21). Въ Москвѣ жили Карамзинъ и Дмитріевъ, около нихъ вращалось все лучшее въ литературѣ и группировались молодые таланты, для которыхъ ихъ приговоръ имѣлъ рѣшающее значеніе. Не мало было и другихъ домовъ, гдѣ при патріархальномъ гостепріимствѣ «допожарной» Москвы сходились литераторы разныхъ поколѣній, какъ, напримѣръ, дома князя А. И. Вяземскаго (отца писателя), Нелединскаго-Мелецкаго, Иванова, мало замѣчательнаго писателя, но радушнаго хозяина, имѣвшаго много пріятелей среди литераторовъ и др. Вообще оживленію общественной жизни тогдашней Москвы въ значительной мѣрѣ содѣйствовало вліяніе старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ, чтеніе публичныхъ лекцій, на которыхъ собиралась многочисленная публика, а также значительное количество издававшихся журналовъ.

Съ отъѣздомъ В. Нарѣжнаго изъ Москвы, насколько намъ удалось прослѣдить, прекращается его участіе въ московскихъ повременныхъ изданіяхъ. Мы не встрѣтили его имени даже въ «Новостяхъ Русской Литературы», изд. отъ 1802 до 1805 г., хотя этотъ журналъ составлялъ собственно продолженіе «Иппокрены», гдѣ Нарѣжный былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ во время своего студенчества. Между тѣмъ участіе въ журналахъ имѣло тогда немаловаж-

имѣло значеніе для начинающихъ писателей, особенно прозаиковъ, если они не находились подъ непосредственнымъ покровительствомъ котораго либо изъ литературныхъ корифеевъ. Это былъ для нихъ едва ли не единственный путь для пріобрѣтенія извѣстности, судя по тому, что этимъ способомъ выдвинулись многіе изъ товарищей Нарѣжнаго по гимназіи и университету, а также нѣкоторые изъ его сверстниковъ. Въ числѣ подобныхъ примѣровъ мы можемъ указать на талантливаго, но рано умершаго А. Беницкаго, автора такъ называемыхъ «восточныхъ повѣстей», нигдѣ не писавшаго, кромѣ журналовъ, и на П. Львова, бездарнаго, но плодовитаго сочинителя подражательныхъ романовъ и повѣстей, начавшаго свою литературную дѣятельность въ разныхъ журналахъ.

Время, проведенное В. Нарѣжнымъ на Кавказѣ, затѣмъ водвореніе въ Петербургѣ, совершенно чуждомъ для него городѣ, и почти непрерывная служба въ качествѣ мелкаго чиновника разныхъ вѣдомствъ, были для него большою помѣхой къ пріобрѣтенію извѣстнести и окончательно укрѣпили его литературную отчужденность. Предоставленный самому себѣ и собственнымъ силамъ, онъ очутился внѣ какого бы то ни было литературнаго вліянія вообще или въ частности того или другаго писателя. Если при этихъ условіяхъ талантъ его могъ выиграть въ смыслѣ самобытности и оригинальности, то съ другой стороны, какъ литературный самоучка, онъ впалъ въ крайности, свойственныя въ большей или меньшей степени всѣмъ самоучкамъ, даже наиболѣе скромнымъ изъ нихъ. У него явилась слишкомъ большая увѣренность въ собственныхъ силахъ и связанныя съ нею упорство и неподатливость, близкія къ застою. Нарѣжный не хотѣлъ дѣлать никакихъ уступокъ господствующимъ литературнымъ взглядамъ, неизбѣжному прогрессу времени, даже тамъ, гдѣ онѣ были необходимы до очевидности. Отсюда происходитъ, какъ намъ кажется, недостаточная выработка въ немъ художественнаго вкуса, отсутствіе мѣры, тяжелый, подчасъ невозможный, слогъ, особенно въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ, сравнительно со слогомъ другихъ современныхъ писателей, даже самыхъ посредственныхъ.

VI.

В. Нарѣжный пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1803 году, въ пору раздвоенія, вызваннаго въ нашей литературѣ появленіемъ «Писемъ русскаго путешественника» (22) и повѣстей Карамзина, написанныхъ новымъ языкомъ. Весьма возможно, что это раздвоеніе прошло бы незамѣтно и съ теченіемъ времени кончилось бы образованіемъ единаго литературнаго языка, видоизмѣняемаго субъективными особенностями различныхъ писателей. Но такому естественному ходу развитія языка помѣшала несвоевременная и слишкомъ усердная защита старины, въ лицѣ вице-адмирала А. С. Шишкова, выступившаго въ 1803 г. съ своимъ извѣстнымъ «Разсужденіемъ о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка». Шишковъ въ качествѣ ветерана между литераторами и академиками и восторженнаго поклонника Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и Державина, считалъ себя призваннымъ бороться противъ ложнаго вкуса, начинавшаго проникать въ нашу литературу. Онъ горячо напалъ на послѣдователей новаго карамзинскаго слога и впалъ въ другую крайность, вслѣдствіе своего чрезмѣрнаго пристрастія къ старинѣ и къ славянскому языку, чѣмъ вызвалъ не менѣе жестокія нападенія со стороны своихъ противниковъ.

Образовались два враждебныхъ лагеря, одинаково безпощадныхъ и нетерпимыхъ другъ къ другу, но В. Нарѣжный не примкнулъ ни къ одному изъ нихъ и продолжалъ идти своимъ путемъ. Чуждый ходульности, фразы, сентиментальности, искренній и реальный до простодушія, даже подчасъ наивнаго цинизма, хорошо знакомый съ темными сторонами русской дѣйствительности, Нарѣжный не могъ сочувствовать бѣдности содержанія подражательныхъ повѣстей Карамзина, ихъ салонной искусственности, напускной слезливости и театральному изображенію лицъ, особенно крестьянъ. Не могъ нравиться ему и самый слогъ повѣстей и писемъ Карамзина, легкій, удобочитаемый, но переполненный галлицизмами, составлявшій полную противоположность его собственному, выразительному, хотя и грубому языку.

Но какъ нерѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, Нарѣжный, увлекаемый недостатками моднаго литературнаго направленія, не хотѣлъ видѣть хорошихъ сторонъ Карамзинскаго слога, который,

при всѣхъ своихъ погрѣшностяхъ, заключалъ задатки самобытнаго развитія, какъ это мы видимъ въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ молодыхъ послѣдователей слога Карамзина. Такъ, напримѣръ, Беницкій, П. И. Макаровъ, Подшивал овъ, М. Н. Муравьевъ, по справедливости, считались въ свое время хорошими стилистами; ихъ произведенія вообще легко читаются до сихъ поръ и не представляютъ рѣзкихъ шероховатостей языка.

На ряду съ этимъ, по многимъ даннымъ, Нарѣжный совершенно не раздѣлялъ литературныхъ вкусовъ петербургскаго шишковскаго кружка и его пристрастія къ славянской рѣчи, какъ видно изъ его словъ въ предисловіи къ первой части «Россійскаго Жилблаза»: «Славянскій языкъ, говоритъ Нарѣжный, безспорно высокъ, точенъ, обиленъ; однако-жъ. тотъ изъ насъ, который, стоя предъ красавицею, будетъ нѣжить слухъ ея названіями: лѣпообразная дѣво! голубице, краснѣйшая рая,—едва-ли не долженъ быть почтенъ за сумасброда, а такіе витязи и до сихъ поръ у насъ находятся и не безъ послѣдователей!..» Наконецъ, Нарѣжный и въ самомъ текстѣ «Жилблаза» выставилъ въ уродливо-комическомъ видѣ одного изъ любителей славянщины, подъ именемъ Трисмегалова (23), цѣльные типы которыхъ онъ могъ наблюдать тогда въ Петербургѣ, гдѣ шишковское направленіе должно было неизбѣжно породить ихъ.

VII.

Въ 1809 году вышла первая часть «Славенскихъ вечеровъ» Нарѣжнаго, представляющая рядъ историческихъ поэмъ, писанныхъ прозой, которые встрѣтили самый лестный отзывъ въ «Цвѣтникѣ» того же года, антишишковскомъ журналѣ, издаваемемъ сторонниками новаго литературнаго направленія (24). Безъименный рецензентъ, въ числѣ другихъ похвалъ, распространяется о слогѣ Нарѣжнаго, находитъ его «величественнымъ, чистымъ, плавнымъ» и въ заключеніе говоритъ, что «Славенскіе вечера» могутъ служить образчикомъ чистоты языка и хорошаго слога».

Въ слѣдующемъ году Нарѣжный представилъ издателямъ «Цвѣтника» двѣ новыя повѣсти: «Георгій и Елена» и «Анастасія», тогда же напечатанныя въ журналѣ (№№ 2 и 7) и составляющія какъ бы продолженіе повѣстей, изданныхъ подъ общимъ именемъ

«Славенскихъ вечеровъ». Насколько послѣднiе вообще цѣнились въ данное время, можно видѣть изъ того, что Н. И. Гречъ въ своей книгѣ «Избранныя мѣста русскихъ сочиненiй и переводовъ» 1812 года, приводитъ, въ числѣ лучшихъ образцовъ русской прозы, выдержки изъ повѣсти В. Нарѣжнаго «Кiй и Дулебъ», вошедшей въ составъ первой части «Славенскихъ вечеровъ», напечатанной въ 1809 году. (25).

Между тѣмъ «Славенскiе вечера» Нарѣжнаго, повидимому, написанные имъ подъ непосредственнымъ впечатлѣнiемъ «Слова о Полку Игоревѣ», впервые переложеннаго на современное нарѣчiе Мусинымъ-Пушкинымъ въ 1800 году и обратившимъ на себя особенное вниманiе нашей тогдашней литературы (26), едва-ли могутъ быть названы удачными. Самая мысль поддѣлаться подъ тонъ «Слова о Полку Игоревѣ» въ рядѣ эпическихъ поэмъ, написанныхъ прозой, кажется намъ невѣрной. Нарѣжный, старательно подражая древнему памятнику, становится натянутымъ и искуственнымъ, извращаетъ свой языкъ и портитъ общее впечатлѣнiе, которое могли бы произвести прекрасныя изображаемыя имъ картины, художественныя и поэтическiя выраженiя.

Съ другой стороны, сравнительный успѣхъ «Славенскихъ вечеровъ» и похвалы, возданныя слогу, которому въ тѣ времена придавалось такое важное значенiе, не замедлили отразиться на слогѣ его дальнѣйшихъ произведенiй и въ дурную сторону, особенно въ слабыхъ и подражательныхъ мѣстахъ, потому что въ лучшихъ, увлекаемый силой своего таланта, онъ давалъ волю перу и писалъ такъ, какъ думалъ и говорилъ.

VIII.

Послѣ напечатанiя двухъ упомянутыхъ повѣстей въ «Цвѣтникѣ» 1810 года, имя В. Нарѣжнаго на нѣкоторое время опять исчезаетъ изъ современной литературы, хотя дѣятельность его, повидимому, не прекращалась, такъ какъ, по свидѣтельству Н. Греча, до 1812 года имъ уже были написаны три трагедiи: «Елена», «Свѣтлосанъ» и «Святополкъ», а также его романъ: «Россiйскiй Жилблазъ» Что касается трагедiй, то въ виду такого опаснаго соперника, какимъ былъ Озеровъ, едва-ли кто изъ тогдашнихъ книгопродавцевъ рѣшился бы издать ихъ, а самъ онъ не могъ

позволить себѣ такой роскоши при своихъ скудныхъ средствахъ, а тѣмъ менѣе мечтать о постановкѣ ихъ на сцену при отсутствіи какихъ либо связей и вѣроятнаго неумѣнья находить «протекцію».

«Россійскій Жилблазъ», о которомъ мы скажемъ подробнѣе при общемъ разборѣ сочиненій Нарѣжнаго, появился только въ 1814 г., но былъ запрещенъ цензурой по выходѣ третьей части, чѣмъ объясняется молчаніе о немъ современныхъ газетъ и журналовъ.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что пріостановка «Россійскаго Жилблаза», безусловно перваго русскаго романа, была тяжелымъ ударомъ для автора, предпринявшаго совсѣмъ новую работу, о трудности которой мы едва-ли можемъ себѣ составить даже приблизительное понятіе.

Ударъ этотъ былъ особенно чувствителенъ для Нарѣжнаго, такъ какъ за годъ передъ тѣмъ онъ оставилъ канцелярскую службу въ горной экспедиціи Кабинета и въ случаѣ успѣха «Россійскаго Жилблаза», могъ бы хотя на время посвятить себя исключительно литературному труду и «досуги свои проводить съ единственнымъ для него удовольствіемъ» [1]).

Какъ бы то ни было, весной 1815 года онъ опять поступаетъ на службу, а именно въ инспекторскій департаментъ, преобразованный въ слѣдующемъ году и вошедшій въ составъ главнаго штаба. Хотя здѣсь, въ качествѣ столоначальника, онъ получалъ бо́льшее жалованье, нежели гдѣ либо (1200 р. ассиг.), но, повидимому, все еще находился въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи. По крайней мѣрѣ, въ 1818 году, быть можетъ въ связи съ какими либо семейными обстоятельствами, онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ общественной благотворительности, хотя «пособіе» было выдано ему «за представленное имъ сочиненіе».

Въ 1816 году кружокъ молодыхъ литераторовъ при участіи гр. Д. И. Хвостова, И. А. Крылова и Ѳ. Н. Глинки положилъ основаніе «Вольному Обществу Любителей россійской словесности» (27), которое съ 1818 года начало издавать журналъ подъ названіемъ: «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», въ которомъ приняли, между прочимъ, участіе Жуковскій, Крыловъ, Ѳ. Глинка, кн. И. Долгорукій, Гнѣдичъ, К. Батюшковъ. Цѣль изданія журнала

---

[1]) См. посвященіе В. Нарѣжнаго Петру Александровичу Буцкому въ первой части „Славенскихъ вечеровъ“, изд. въ Спб., 1809 года.

была благотворительная, какъ видно изъ слѣдующаго объявленія, напечатаннаго на оберткѣ: «Вся выгода, пріобрѣтенная отъ изданія, опредѣляется на вспоможеніе тѣмъ, которые, занимаясь науками и художествами, требуютъ подпоры и призрѣнія. Вдовы ихъ и сироты обоего пола имѣютъ равное право на пособіе общества, которое для этой цѣли будетъ издавать полезныя сочиненія и переводы классическихъ писателей»... Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе къ великодушію соотечественниковъ, которые, повидимому, не замедлили своими пожертвованіями, судя по тому, что въ томъ же 1818 году общество, на основаніи второй части устава, приступило къ выдачѣ пособій.

Въ числѣ первыхъ «пособій» этого года было выдано коллежскому ассесору В. Т. Нарѣжному, за представленное имъ сочиненіе, 300 руб. [1]. Неизвѣстно, относилось-ли это къ повѣсти «Игорь» (изъ второй, еще неизданной тогда, части «Славенскихъ вечеровъ», прочитанной имъ въ публичномъ засѣданіи общества 20 мая 1818 г., или за славенскія повѣсти, напечатанныя въ «Соревнователѣ», а именно: Любославъ (№№ XI и XII, 1818 г.) и Александръ (VII, 1819 г.). Замѣчательно, что при этомъ Нарѣжный, какъ видно изъ протоколовъ общества, не былъ записанъ въ число членовъ, хотя въ 1819 году приняты были въ члены-сотрудники за представленные ими сочиненія и переводы: баронъ А. А. Дельвигъ и сербъ Вукъ Степановичъ (Караджичъ) [2].

Участіе Нарѣжнаго въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія» (изд. 1818—1820 гг.) ограничилось двумя умопянутыми повѣстями: «Любославъ» и «Александръ». Что же касается другаго изданія общества, а именно «Трудовъ вольнаго общества любителей россійской словесности» (изд. съ 1820 по ноябрь 1825 г.), въ которомъ на ряду съ Жуковскимъ, Крыловымъ, кн. Шаховскимъ, Востоковымъ, Ѳ. Глинкой и друг. встрѣчаются имена

---

[1]) Остальныя пособія, выданныя какъ въ этомъ, такъ и слѣдующихъ годахъ, безъименныя; такъ, напримѣръ, сказано: „выдано пособіе несчастному чиновнику“ (вѣроятно литераторствующему) или „выдано вдовѣ художника“, столькимъ-то „беднѣйшимъ семействамъ ученаго званія“, „на воспитаніе дѣтей“ и проч.

[2]) За годъ предъ тѣмъ, въ 1818 году, баронъ А. И. Дельвигъ удостоился той же чести отъ „Вольнаго общества любителей наукъ, словесности и художествъ“, которое выбрало его въ свои члены.

многихъ молодыхъ входившихъ въ славу писателей [1]), то здѣсь мы не встрѣтили ни одного произведенія Нарѣжнаго.

Этотъ фактъ самъ по себѣ, не говоря уже о полномъ умалчиваніи со стороны критики, можетъ, какъ намъ кажется, служить доказательствомъ, что повѣсти Нарѣжнаго, составлявшія продолженіе прежнихъ «Славенскихъ вечеровъ» и ни въ чемъ не уступавшія имъ, далеко не встрѣтили такого лестнаго пріема, какъ въ 1810 г. Причина этого достаточно понятна: главный недостатокъ новыхъ повѣстей В. Нарѣжнаго заключался въ томъ, что онѣ ничѣмъ не отличались отъ старыхъ и должны были показаться «отсталыми» сравнительно съ другими произведеніями тогдашней литературы, вступившей въ новый фазисъ развитія. Время какъ будто не коснулось Нарѣжнаго, не внесло никакихъ измѣненій въ его сочиненія, ни по формѣ, ни по способу изложенія. Живя внѣ общества и литературы, старыми традиціями, онъ продолжалъ писать такъ, какъ писалъ прежде. Рядъ неудачъ, тѣмъ болѣе ощутительныхъ для него при вѣроятномъ сознаніи присущаго ему сильнаго таланта, однообразная чиновничья жизнь, связанная съ матеріальными лишеніями. въ тѣсномъ кругу пріятелей, единственныхъ цѣнителей его произведеній, не могла располагать его къ уступкамъ вѣянію новаго времени.

IX.

Между тѣмъ русское общество въ короткій промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ пережило цѣлую эпоху, благодаря своему непосредственному участію въ политическихъ событіяхъ Европы. Напряженное патріотическое воодушевленіе 1812 дода, охватившее всю Россію, ненависть ко всему французскому, дико выразившаяся даже въ нѣкоторыхъ представителяхъ интеллигенціи, уступило мѣсто не менѣе дикому самохвальству, послѣ изгнанія непріятеля изъ Москвы, какъ это мы видимъ на литературѣ того времени. Но все измѣнилось въ концѣ борьбы съ Наполеономъ. Русское общество, вмѣстѣ

[1]) Изъ нихъ названы В. К. Кюхельбекеръ, кн. П. А. Вяземскій, И. И. Лажечниковъ, М. Н. Загоскинъ, еще не писавшіе романовъ въ то время: Булгаринъ (переводы), Н. Гречъ, баронъ Дельвигъ, Е. А. Баратынскій, П. А. Плетневъ, К. Ѳ. Рылѣевъ, Н. М. Языковъ и, наконецъ, въ 1825 году, А. С. Пушкинъ (см. № 2).

съ пробужденіемъ національнаго сомосознанія, обратило вниманіе на задачи внутренняго развитія, чему не мало способствовало вліяніе русской военной молодежи, вернувшейся изъ-за границы съ запасомъ новыхъ идей и понятій. Подняты были небывалые вопросы о народности, требованіяхъ вѣка; газеты и журналы получили общеевропейскій характеръ и стали заниматься тѣмъ, что происходило въ другихъ странахъ, особенно во Франціи; самое число читателей значительно увеличилось.

Литература переселилась въ Петербургъ и вступила въ новый фазисъ развитія. Новыя силы и знаменитости заняли мѣсто старыхъ авторитетовъ, которые считались непогрѣшимыми. А. Пушкинъ, Баратынскій, Дельвигъ, Козловъ, Рылѣевъ и другіе поглотили общее вниманіе; стихи ихъ выучивались наизусть, распространялись въ рукописяхъ, вмѣстѣ съ Грибоѣдовскимъ «Горе отъ ума», не пропущеннымъ тогдашней цензурой. Поэзія опять вытѣснила только что нарождавшійся романъ. Блестящая, изящная по формѣ, богатая талантами и матеріальными средствами, она водворяется въ аристократическомъ салонѣ, который въ тѣ времена представлялъ, по словамъ П. А. Плетнева, средоточіе высшей образованности, знакомства съ европейской литературой и развитаго вкуса.

Литература, а за нею и общество заговорили другимъ языкомъ; художественный языкъ, благозвучность стиховъ Пушкина и его сверстниковъ должны были до крайней степени развить въ этомъ отношеніи требовательность русской публики. Хотя и въ это время еще не вымерли послѣдніе могикане Шишковскаго направленія и еще въ 1825 году заявили о своемъ существованіи [1], но во всякомъ случаѣ число ихъ не было значительно и они не могли имѣть вліянія на господствовавшее тогда направленіе литературы.

При этихъ условіяхъ пришлось опять выступить Нарѣжному, еще не вполнѣ признанному, но уже забытому писателю. Какимъ

[1] Такъ, кружокъ „любителей отечественной словесности" при изданіи своего „Собранія новыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ" (Спб. 1825 г., 2 части), сочло полезнымъ напечатать въ „Собраніи" нѣсколько старыхъ прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій съ слѣдующей оговоркой въ предисловіи: „Стихи Кантемира и Петрова и теперь имѣютъ цѣну; проза Ломоносова, Хераскова, Козицкаго, Гамалея и Подшивалова и теперь еще обворожаетъ слухъ, плѣняетъ воображеніе и убѣждаетъ разумъ"...

[illegible] Пушкина — [illegible] В. Нарѣжнаго, [illegible] въ 1824 году [illegible] «[illegible]». [illegible] В. Нарѣжнаго, [illegible] «Аристіонъ» [illegible] «Бурсакъ» и «Два Ивана»; а [illegible] «[illegible] или Гаркуша [illegible]» [illegible] (28). [illegible] В. Нарѣжнаго, [illegible] А. А. Бестужевъ (29) [illegible] г. Нарѣжнаго [illegible] А. Е. Измайловъ, [illegible] «Благонамѣренный» [illegible] «Бурсакъ» (30), [illegible] «Сѣверной Пчелѣ» (31) [illegible] «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ» [illegible] «Нарѣжный [illegible] сталъ бы на ряду съ [illegible]. Теперь же [illegible]...

X.

Мы указали вслѣдствіе какихъ причинъ Нарѣжный не былъ признанъ современниками, которые стали заживо забывать его, а за ними забыла его послѣдующая литература и потомство. Теперь намъ предстоитъ уясненіе не менѣе сложнаго вопроса: насколько Нарѣжный заслуживаетъ названіе «родоначальника нашихъ романистовъ» и что новаго представляютъ его произведенія, въ сравненіи съ предъидущей романической литературой.

Но выводы наши получатъ нѣкоторую наглядность только въ томъ случаѣ, если мы бросимъ общій взглядъ на русскую романическую литературу, и не только ту, которая непосредственно предшествовала Нарѣжному, но и болѣе раннюю.

Только при такомъ обзорѣ разнохарактерныя произведенія Нарѣжнаго будутъ вполнѣ понятны для насъ и явится возможность отличить подражательные и такъ сказать наносные элементы отъ того, что эти произведенія представляютъ новаго и самобытнаго. Мы однако затронемъ этотъ вопросъ лишь насколько считаемъ это безусловно необходимымъ для нашей задачи и начнемъ съ переводнаго романа.

Въ настоящее время при широкомъ развитіи самобытной русской литературы, мы едва ли можемъ себѣ представить степень распространенія и значеніе, какое имѣла у насъ переводная романическая литература, втеченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, начиная съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Между тѣмъ, нашъ печатный переводный романъ не былъ новымъ явленіемъ въ русской умственной жизни того времени, а представлялъ продолженіе болѣе ранней и весьма обширной рукописной литературы, изученію которой посвящены труды: А. Веселовскаго, Л. Майкова, А. Пыпина, Н. Тихонравова и др. Рукописныя «повѣсти, переведенныя въ XV, XVI и XVII вв. цѣликомъ переходятъ въ Петровское время, а содержаніе въ болѣе разнообразныхъ формахъ передано XVIII вѣку и составляетъ важнѣйшее достояніе его литературы въ первую его половину» (32).

Эта ранняя литература, судя по стариннымъ лубочнымъ изданіямъ и уцѣлѣвшимъ остаткамъ, дошедшимъ до насъ въ рукописяхъ, заключала несравненно болѣе народныхъ элементовъ, чѣмъ

позднѣйшіе печатные переводы. Рукописный переводный романъ носитъ характеръ болѣе или менѣе самобытной обработки на русскій ладъ въ видѣ извлеченій и цѣльныхъ пересказовъ, что уже само по себѣ должно было способствовать развитію русскаго романическаго творчества. Въ связи съ этимъ встрѣчаются попытки самобытной русской повѣсти, какъ напр.: «Новгородскихъ дѣвушекъ святочный разсказъ, съигранной въ Москвѣ свадебнымъ», «Фролъ Скабѣевъ», и «Похожденія Ивана Гостиннаго сына», хотя въ послѣдней повѣсти очевидно заимствованіе изъ иностраннаго образца.

При значительной дороговизнѣ и ограниченномъ числѣ книгъ еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, печатныя книги русскія и иностранныя переходили черезъ множество рукъ; и цѣлые тома по свидѣтельству современниковъ тщательно переписывались. Поэтому книги являлись роскошью доступной для немногихъ; остальная читающая публика должна была довольствоваться рукописью, вслѣдствіе чего помимо добровольныхъ переписчиковъ были и такіе, для которыхъ переписка повѣстей и романовъ составляла ремесло. Такъ М. Чулковъ, нашъ первый собиратель этнографическаго матеріала, сообщая въ своемъ журналѣ «И то и сьо» 1769 года (мартъ, стр. 5), притчу, слышанную имъ отъ подъячаго передаетъ о немъ слѣдующія подробности: «По прекращеніи приказной службы, кормитъ онъ голову свою переписываніемъ разныхъ исторій, которыя продаются на рынкѣ, какъ-то напримѣръ: Бовы Королевича, Петра златыхъ ключей, Еруслана Лазаревича, о Францѣ Венеціянинѣ, о Геріонѣ, о Евдонѣ и Берфѣ, о Арзасѣ и Размѣрѣ, о россійскомъ дворянинѣ Александрѣ, о Фролѣ Скабѣевѣ, о Барбосѣ разбойникѣ и прочія весьма полезныя исторіи и сказывалъ онъ мнѣ, что уже сорокъ разъ переписывалъ исторію «Бовы Королевича» ибо на оную бываютъ большіе походы, нежели на другія такія драматическія сочиненія».

Не подлежитъ сомнѣнію, что за послѣдніе двадцать пять лѣтъ прошлаго столѣтія при быстромъ увеличеніи книгопечатанія и книжной торговли, о которомъ свидѣтельствуетъ Карамзинъ, (33) должно было мало по малу уменьшиться количество рукописей, отчасти вошедшихъ въ печатные сборники конца XVIII вѣка. Съ другой стороны печатная переводная и подражательная повѣсть,

представляя болѣе живой интересъ для тогдашнихъ русскихъ «сочинителей», въ виду, большаго круга читателей, могла группировать около себя лучшія силы возникающей русской беллетристики, оставивъ рукопись въ рукахъ неумѣлыхъ сочинителей, переводчиковъ и переписчиковъ. Эти условія невыгодныя для дальнѣйшаго развитія рукописной литературы, должны были отразиться и на содержаніи рукописной повѣсти, которая не удовлетворяя болѣе требованіямъ значительнаго числа прежнихъ читателей, становилась все болѣе и болѣе достояніемъ народной литературы. Отечественная война 1812 года могла только ускорить исчезновеніе рукописи, такъ какъ въ это время въ Москвѣ погибло множество драгоцѣнныхъ списковъ въ общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ, а равно и запасы рукописей на рынкѣ, у лицъ, для которыхъ она составляла предметъ торговли.

XI.

Вліяніе предшествовавшей рукописной литературы особенно замѣтно на нашемъ печатномъ переводномъ романѣ второй половины прошлаго столѣтія, который продолжается въ томъ-же направленіи. Въ немъ еще долго проглядываетъ стремленіе переводчиковъ къ руссификаціи, въ передѣлкѣ иностранныхъ именъ и географическихъ названій въ русскія имена и названія и въ неумѣлыхъ вставкахъ на русскій ладъ. Хотя въ печатныхъ переводахъ мы не встрѣчаемъ такого смѣлаго, чисто народнаго пересказа содержанія иностраннаго сочиненія, какъ въ рукописи, но продолжается то-же безцеремонное отношеніе къ подлиннику, въ видѣ умалчиванія фамиліи иностраннаго автора, переиначенія заглавій переводимыхъ сочиненій до полной неузнаваемости и т. п.

Наша печатная переводная литература начинается собственно при Петрѣ Великомъ и сразу получаетъ значительное развитіе. Но среди множества ученыхъ, учебныхъ классическихъ и другихъ книгъ и даже лубочныхъ изданій мы не встрѣчаемъ вовсе переводовъ беллетристико—романическаго содержанія. Въ послѣдующія царствованія до 1756 года при общей поразительной скудости русской литературы, вообще и сравнительномъ процвѣтаніи разнаго рода драматическихъ произведеній появилось очень мало перевод-

ныхъ романовъ. Такъ втеченіе тридцати одного года послѣ Петра Великаго издано всего пять романовъ [1]).

Съ 1756 г. по 1814 годъ мы пользовались исключительно «Росписью россійскихъ книгъ» А. Смирдина, изд. въ 1828 г. и двумя къ ней «Прибавленіями» (1829 и 1833), тѣмъ болѣе, что сюда внесена, какъ извѣстно, болѣе ранняя «Роспись» Плавильщикова 1820 года. Весьма возможно, что Смирдинская «Роспись» не полна и многія книги пропущены; но цифры, взятыя изъ года въ годъ почти за шестьдесятъ лѣтъ, должны были неизбѣжно дать хотя приблизительные, но болѣе или менѣе вѣрные общіе выводы.

Судя по «Росписи» Смирдина, съ 1756 года до вступленія на престолъ Екатерины II въ 1762 г., напечатано только восемь переводныхъ романовъ съ французскаго языка, и если мы допустимъ, что такое же количество не занесено въ «Роспись», то все-таки ихъ окажется не много. За бѣдность печатной переводной романической литературы, въ это время, говоритъ, между прочимъ, то обстоятельство, что переводы до напечатанія могли представляться для просмотра въ Академію Наукъ, какъ это мы видимъ на примѣрѣ «Аргениды» [2]) В. К. Тредіаковскаго въ 1750 г., который при этомъ нашелъ приличнымъ посвятить свой переводъ императрицѣ (34). Но вообще, какія бы ни были причины малочисленности печатныхъ переводныхъ романовъ, онѣ не могли заключаться въ недостаткѣ поощренія со стороны правительства, по крайней мѣрѣ, въ царствованіе Елизаветы Петровны.

Такъ, въ 1747 году, 24-го іюля, повидимому съ цѣлью облегченія печатанія книгъ при Академіи Наукъ, кромѣ прежней, основан-

---

[1]) 1730. Ѣзда въ островъ любви. Пер. съ фр. В. А. Тредіаковскій. Спб. Переводъ книги: „Le voyage de l'isle d'amour à Lycidas", par Paul Tallement).

1747. Похожденіе Телемака, сына Улиссова. соч. Фенелона. Переводъ съ франц. Спб.

1751. Аргенида, повѣсть героическая, сочиненная Іоанномъ Барклаемъ. Пер. съ лат. В. К. Тредіаковскаго. Спб.

1752. Исторія о княжнѣ Іеронимѣ. Пер. съ фр. Ив. Шишкинымъ. Спб.

1754. Похожденія Жильблаза де-Сантилланы, соч. Лесажа. Пер. съ фр. Василій Тепловъ, 4 части. Спб.

[2]) Подъ этимъ именемъ извѣстный сатирикъ, шотландецъ Джонъ Барклай, издалъ на латинскомъ языкѣ въ 1621 году романъ, въ которомъ аллегорически изобразилъ французскій дворъ того времени.

ной въ 1727 году, учреждена новая типографія, по именному указу императрицы слѣдующаго содержанія:

«Типографіямъ быть двумъ, одной для печатанія книгъ на иностранныхъ языкахъ и другой—для россійскаго языка. Въ обѣихъ типографіяхъ быть одному фактору, которому имѣть смотрѣніе надъ всѣми типографскими служителями, дабы всякъ должность свою отправлялъ прилежно и радѣтельно, а притомъ же литеры, формы и станы содержать подъ добрымъ охраненіемъ, дабы отъ кого въ томъ фальши произойти не могло, какъ о томъ въ особливыхъ инструкціяхъ пространнѣе изъяснено быть имѣетъ, а сколько какихъ людей при обѣихъ типографіяхъ имѣть—о томъ въ штатѣ ниже изображено (35).

Въ слѣдующемъ 1748 году, 27-го января, графъ Разумовскій, во время присутствія въ академической канцеляріи, объявилъ именный ея императорскаго величества устный указъ, приведенный Пекарскимъ въ его «Исторіи Академіи», коимъ всемилостивѣйше повелѣно стараться при Академіи переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ».

Для выполненія этого порученія, въ академической канцеляріи былъ составленъ, а потомъ напечатанъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1748 г., № 10, такой вызовъ: «Понеже многіе изъ россійскихъ, какъ дворянъ, такъ и другихъ разныхъ чиновъ людей, находятся искусны въ чужестранныхъ языкахъ: того ради, по указу ея импер. вел—ства, канцелярія Академіи Наукъ чрезъ сіе охотникамъ объявляетъ, ежели кто пожелаетъ какую книгу перевесть съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, английскаго или съ другихъ какихъ языковъ, то-бъ явились въ канцелярію Академіи Наукъ съ тѣмъ намѣреніемъ, что отъ нихъ сперва будутъ пробы взяты ихъ переводовъ, а потомъ, буде найдется ихъ искусство довольно по переводу книгъ, то дана будетъ книга для перевода, а какъ скоро оная будетъ переведена и, переписавъ начисто, принесена въ канцелярію, то за труды оному, по напечатаніи съ его именемъ, ежели онъ пожелаетъ, выдано ему будетъ въ подарокъ сто печатныхъ экземпляровъ той-же книги».

«Переводчики, по свидѣтельству П. Пекарскаго, сначала уступали рукописи за небольшое количество печатныхъ экземпляровъ

своихъ трудовъ; потомъ они стали требовать денежнаго вознагражденія, а подъ конецъ встрѣчались уже примѣры платы переводчикамъ по уговору съ печатнаго листа» и пр. [1]).

Однако, не смотря на такую заботливось со стороны правительства, число переводчиковъ, повидимому, не было особенно велико, судя по тому, что въ 1761 г., № 70, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано вторичное обращеніе къ переводчикамъ слѣдующаго содержанія: «Симъ объявляется, чтобъ имѣющіе у себя исправно переведенныя на россійскій языкъ книги, которыя бы для народной пользы могли быть напечатаны, объявили оныя въ академической книжной лавкѣ, за что чинено будетъ имъ пристойное награжденіе деньгами или равномѣрно нѣкоторымъ числомъ экземпляровъ по напечатаніи той книги. Ежели кто пожелаетъ въ сво-

---

[1]) См. „Исторія Имп. Академіи Наукъ въ Петербургѣ“ П. Пекарскаго, т. II, стр. LII и LI. Спб. 1873 г. Въ связи со всѣмъ вышесказаннымъ Пекарскій дѣлаетъ слѣдующее добавленіе: „Число романовъ, повѣстей, сказокъ, такъ умножилось впослѣдствіи, что при Академіи учредилась отдѣльная типографія, называемая „новой“, въ отличіе отъ первоначальной, изъ которой выходили преимущественно изданія ученаго содержанія. При основаніи новой типографіи именно имѣлось въ виду „умножить въ оной печатаніе книгъ, какъ для удовольствія народнаго, такъ и для прибыли казенной“ и проч.

Однако, ни въ Исторіи Академіи, ни въ П. С. Законовъ, не смотря на самые тщательные поиски, мы не нашли указа объ учрежденіи еще какой-либо другой типографіи при Академіи Наукъ, кромѣ вышеупомянутой.

Въ другомъ сочиненіи П. Пекарскаго: „Образцы шрифтовъ типографіи и словолитни Имп. Академіи Наукъ, Спб., 1870 г., на стр. XIV мы читаемъ: „Въ 1758 году, кромѣ старой типографіи, учреждена была при Академіи другая, называвшаяся для отличія отъ прежней „новозаведенной“ типографіей. Она имѣла отдѣльное управленіе“ и пр.... „Любопытно въ дѣятельности этой типографіи, добавляетъ авторъ, что такъ какъ для нея нужны были произведенія, которыхъ нельзя было ожидать отъ пера академиковъ, то пришлось обращаться къ постороннимъ переводчикамъ“. Затѣмъ слѣдуетъ вышеприведенный вызовъ: „Понеже многіе изъ россійскихъ, какъ дворянъ, такъ и другихъ разныхъ чиновъ людей, находятся искусны въ чужестранныхъ языкахъ, того ради“ и пр. Между тѣмъ, этотъ вызовъ напечатанъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1748 г., № 10, что подтверждаетъ и самъ Пекарскій въ своей „Исторіи Академіи“, т. II, стр. LI, такъ что здѣсь очевидная неточность въ указаніи времени на десять лѣтъ.

„Новозаведенная типографія, говоритъ въ заключеніе Пекарскій, прекратила свое отдѣльное существованіе и присоединена къ старой академической типографіи съ вступленіемъ директора Академіи Наукъ графа В. Орлова въ 1766 году“.

бодное время переводить книги изъ платы, то оныя даны будутъ ему изъ оной же книжной лавки, выбирая такія матеріи, къ которымъ кто наибольше склонности и способности имѣть будетъ».

Медленному развитію печатной переводной романической литературы могло отчасти способствовать то обстоятельство, что въ это время на нее еще не было особеннаго спроса. Извѣстная часть общества, охваченная французоманіей, при знаніи языка могла читать въ подлинникѣ французскіе оригинальные и переводные романы или же по старой привычкѣ довольствовалась русскими переводами и передѣлками, ходившими въ рукописяхъ. Остальная публика возставала противъ чтенія романовъ и даже приписывала имъ порчу нравовъ,—явленіе, которое встрѣчается и во второй половинѣ XVIII вѣка. Такой взглядъ еще болѣе чѣмъ впослѣдствіи находилъ поддержку въ литературѣ, какъ видно изъ словъ Сумарокова въ «Трудолюбивой Пчелѣ» 1759 г. (іюнь, стр. 374—375), который открыто высказался противъ чтенія романовъ. «Пользы отъ нихъ мало, писалъ онъ, а вреда много. Говорятъ о нихъ, что они умѣряютъ скуку и сокращаютъ время, то-есть вѣкъ нашъ, который и безъ того коротокъ. Чтеніе романовъ не можетъ назваться препровожденіемъ времени; оно погубленіе времени. Романы, писанные невѣждами, читателей научаютъ притворному и безобразному складу и отводятъ отъ семейственнаго, который одинъ тольковаженъ и пріятенъ... Я исключаю Телемака, Донкишота и еще самое малое число достойныхъ романовъ. Телемака причисляли къ эпическимъ поэмамъ, но что всего смѣшнѣе, Телемакъ не поэма; нѣтъ ни эпической поэмы, ни одъ въ прозѣ. А Донкишотъ сатира на романъ... Ежели кто скажетъ, что романы служатъ къ утѣшенію неученымъ людямъ для того, что другія книги имъ не понятны: ето неправда, ибо и самой высочайшей математики основанія понятно написать удобно, хотя то и подлинно, что книгъ таковыхъ мало видно... Однако, много еще книгъ и безъ романовъ осталось, которыя вразумительны и самымъ неученымъ людямъ. Довольно того чѣмъ и просвѣщаяся можно препровождать время, хотя бы мы и по тысячѣ лѣтъ на свѣтѣ жили...»

XII.

При Екатеринѣ II начинается процвѣтаніе переводной романической литературы, чему въ значительной мѣрѣ содѣйствовало само правительство. Такъ, въ 1767 году, при Академіи Наукъ учреждено было особое собраніе подъ названіемъ «Переводнаго Департамента», занятія котораго продолжались до основанія Россійской Академіи въ 1783 году. Упраздненный въ это время «Департаментъ» былъ снова открытъ черезъ семь лѣтъ, по инціативѣ гр. Дашковой,— подъ названіемъ «Собранія старающихся о переводѣ иностранныхъ книгъ на россійскій языкъ» и находился подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ акад. А. П. Протасова. При этомъ на Протасова возложена была обязанность подавать еженедѣльные отчеты съ указаніемъ лицъ, трудившихся подъ его руководствомъ надъ переводами, а равно и книгъ, выбираемыхъ для переводовъ (36).

Что касается собственно романической литературы, то число переводовъ идетъ прогрессивно до 1812 г., исключая промежутка времени, представляемаго царствованіемъ Павла I, когда сравнительно уменьшается кокичество переводныхъ романовъ. Такимъ образомъ, въ періодъ временн отъ 1762—1814 года общее число переводныхъ романовъ и повѣстей по «Росписи» Смирдина и двумъ «Прибавленіямъ» достигаетъ почтенной цифры 954 (при Екатеринѣ II—540 при Павлѣ I—62; при Александрѣ I до 1814 г.—346; безъ обозначенія годовъ изданія — 6).

Подобное несоразмѣрное размноженіе переводовъ, сравнительн съ первой половиной XVIII вѣка, несомнѣнно въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ развитія на нихъ потребности со стороны читающей публики и отъ общаго хода типографскаго дѣла въ Россіи, а именно открытія частныхъ типографій (37).

Въ 1771 году заведена въ Петербургѣ первая частная или такъ называемая «вольная» типографія по привилегіи, выданной иностранцу Гартунгу, и то для печатанія на однихъ иностранныхъ языкахъ. Печатать книги русскія въ вольной типографіи было запрещено, «дабы прочимъ казеннымъ типографіямъ въ доходахъ ихъ подрыву не было». Однако, черезъ пять лѣтъ (въ 1776 г.) выдана книгопродавцамъ Вейтбрехту и Шнору привилегія на печатаніе въ своей «вольной типографіи» книгъ не только на иностранныхъ язы-

кахъ, но и на русскомъ. Наконецъ, въ 1783 г. именнымъ указомъ Екатерины II типографское дѣло объявлено свободнымъ и всякому повсюду дозволено по городамъ заводить вольныя типографіи и печатать въ нихъ книги по предварительномъ разсмотрѣніи ихъ въ мѣстной управѣ благочинія.

Послѣ этого указа вольныя типографіи размножились не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и появились въ провинціальныхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Нижнемъ Новгородѣ, Калугѣ, Тамбовѣ и Смоленскѣ, (гдѣ переводные романы печатались въ большемъ количествѣ, нежели въ трехъ названныхъ городахъ).

Естественно. что съ бо̀льшимъ развитіемъ типографскаго дѣла въ Россіи должно было умножиться число книгъ вообще, а равно и переводныхъ романовъ, какъ это мы видимъ на прилагаемой таблицѣ № 1 [1]). Она также показываетъ въ какой степени отразились

---

[1]) ТАБЛИЦА № 1

колебаній въ количествѣ переводовъ отъ разныхъ причинъ.

Въ царствованіе Екатерины II число переводовъ съ разныхъ языковъ:

		Перев.
	За 21 годъ, начиная съ 1762 до 1783 г. . . .	19
Въ 1783 года изд. указъ о разрѣшеніи заводить частныя типографіи по городамъ.	За 13 лѣтъ съ 1783 г. до 1796 г.	343

(Въ 1796 г. уничтоженіе частныхъ типографій за немногими исключеніями и организація цензуры).

Въ царствованіе Павла I число переводовъ съ разныхъ языковъ.

	За 4 года съ 1796 до 1800 г.	54
Въ 1800 году закрытіе всѣхъ частнымъ типографій и запрещеніе вывоза книгъ изъ-за границы.	Въ 1800 году переведено всего	8

Въ царствованіе Александра I число переводовъ съ разныхъ языковъ:

	Въ 1801 году	22
Въ 1802 г. разрѣшеніе заводить частныя типографіи и отмѣна цензурныхъ установленій 1796 года.	Съ 1802—1812 гг.	319
Послѣ нашествія непріятеля.	Въ 1813 г.	1
	Въ 1814 г.	4

на количествѣ издаваемыхъ переводныхъ романовъ такія причины, какъ уничтоженіе большинства частныхъ типографій въ 1796 году, закрытіе всѣхъ частныхъ типографій и запрещеніе вывоза книгъ изъ-за границы въ 1800 г., а съ другой стороны, отмѣна этихъ стѣснительныхъ мѣръ въ 1802 г. при императорѣ Александрѣ I.

Въ виду значительнаго развитія переводной романической литературы во вторую половину прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, считаемъ не лишнимъ представить здѣсь нѣкоторые полученные нами, хотя и приблизительные выводы. Такъ, напримѣръ, преобладаніе печатныхъ переводныхъ романовъ съ французскаго языка въ царствованіе Елизаветы Петровны, при незначительномъ количествѣ ихъ, получаетъ еще большее фактическое подтвержденіе въ слѣдующія царствованія, какъ показываетъ приложенная здѣсь таблица № 2 [1]). Не менѣе характерно и то обстоятельство,

---

[1]) ТАБЛИЦА № 2.

(По росписи Смирдина и двумъ Прибавленіямъ).

При Екатеринѣ II съ 1762 по 1796 г. переведены:

	Число роман.
Съ французскаго	350
„ нѣмецкаго	107
„ англійскаго	6
„ италіянскаго	7
„ латинскаго	5
„ польскаго	4
„ друг. язык. (въ томъ числѣ 1 сборникъ)	10
„ неизвѣстныхъ языковъ	51
Итого	540

При Павлѣ I съ 1796 г. по 1801 г. переведены:

Съ французскаго	32
„ нѣмецкаго	19
„ англійскаго	2
„ италіянскаго	1
Сборникъ	1
Съ неизвѣстн. языковъ	7
Итого	62

(По росписи Смирдина и двумъ Прибавленіямъ.

При Александрѣ I съ 1801—1804 гг. переведены:

	Число роман.
Съ французскаго	220
„ нѣмецкаго	95
„ англійскаго	11
„ грузинскаго	2
„ башкирскаго	1
Сборниковъ	2
Съ неизвѣстныхъ языковъ	15
Итого	346

Такіе же результаты относительно преобладанія французскаго языка получаются по Росписи Аделунга съ 1801—1806 гг.

Съ французскаго	119
„ нѣмецкаго	53
„ англійскаго	4
„ грузинскаго	1

(См. «Систем. обозр. литературы въ Россіи въ теченіи пятилѣтія съ 1801 г. по 1806 г. соч. А. Шторха и Ф. Аделунга, ч. I, Спб., 1811 г.).

что переводы съ подлинниковъ не считались обязательными, да подобное требованіе едва ли и было выполнимо въ тѣ времена, когда знаніе языковъ не могло быть особенно велико.

Съ другой стороны, поразительное разнообразіе переводныхъ романовъ служитъ нагляднымъ доказательствомъ весьма значительной степени распространенія у насъ романической иностранной литературы. Только богатствомъ выбора и безразличнымъ отношеніемъ переводчиковъ и издателей можно объяснить отсутствіе какой-либо системы въ нашей литературѣ. Но рѣшительно нѣтъ возможности опредѣлить чѣмъ собственно руководились переводчики при выборѣ того или другаго романа. На ряду съ романами XVIII вѣка почти одновременно встрѣчаются романы XVII и даже подчасъ XVI столѣтія; произведенія писателей, пользующихся громкою извѣстностью, переводятся рядомъ съ произведеніями такихъ мало извѣстныхъ романистовъ и романистокъ, что даже въ подробныхъ иностранныхъ словаряхъ біографическихъ и энциклопедическихъ, которыми мы пользовались, какъ для провѣрки именъ, такъ и сличенія русскихъ заглавій переведенныхъ романовъ съ иностранными, иногда упомянуто только имя писателя съ краткимъ обозначеніемъ года рожденія или смерти или же сказано: «жилъ въ такомъ-то вѣкѣ».

Что касается общаго числа иностранныхъ авторовъ, произведенія которыхъ переводились у насъ за указанный періодъ времени, съ обозначеніемъ ихъ именъ на переводахъ, то оно доходитъ до цифры 146, такъ что для поименнаго перечисленія ихъ пришлось составить особыя таблицы, распредѣленныя по царствованіямъ въ порядкѣ появленія русскихъ переводовъ, съ краткими указаніями годовъ или вѣка, когда жилъ тотъ или другой авторъ (См. прилож. къ первой части таблицы I—V). При этомъ считаемъ долгомъ замѣтить, что составленныя нами таблицы далеко не полныя, потому что мы могли называть только тѣхъ иностранныхъ писателей, имена которыхъ обозначены на переводахъ, а въ дѣйствительности число переводимыхъ авторовъ было несравненно значительнѣе, не говоря уже о вѣроятныхъ пропускахъ Смирдинской «Росписи». Такъ, напримѣръ, въ каждое царствованіе мы встрѣчаемъ рядъ переводныхъ романовъ безъ обозначенія именъ иностранныхъ авторовъ (при Екатеринѣ II—380; при Павлѣ I—35; при Александрѣ I до 1814 г.—125, (а затѣмъ встрѣчаются еще переводные

романы, гдѣ не обозначены ни имена авторовъ, ни языкъ съ котораго сдѣланъ переводъ, (при Екатеринѣ II такихъ переводовъ—51, при Павлѣ I—7, при Александрѣ I до 1814 г.—15). Причина такого умалчиванія едва-ли могла заключаться въ чемъ-либо другомъ, кромѣ непониманія со стороны переводчиковъ, потому что въ то-же время, въ большинствѣ случаевъ, они считали долгомъ выставлять свое имя и фамилію.

Весьма возможно, что, не смотря на тщательное составленіе таблицъ I—V, въ нихъ будутъ найдены неточности, вь виду безцеремоннаго переиначенія именъ иностранныхъ писателей русскими переводчиками, смѣшенія писателей съ писательницами, издателей съ авторами, именъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ тѣхъ или другихъ романовъ съ именами авторовъ и пр. Въ этихъ случаяхъ только при сличеніи заглавій подлинныхъ и переведенныхъ романовъ можно было убѣдиться, что это одинъ и тотъ же авторъ, хотя такое сличеніе не всегда могло быть выполнено нами. Такимъ образомъ составленныя нами таблицы требуютъ дальнѣйшей и болѣе подробной разработки.

Между прочимъ въ двухъ иностранныхъ романахъ, изданныхъ въ Москвѣ въ 1788 и 1810 гг., сказано въ одномъ, что это сочиненіе «Филадельфіи», а въ другомъ, что это сочиненіе «Ферфассера» (сочинителя). Иногда заглавія передѣланы въ такой степени, что безъ обозначенія имени автора довольно трудно догадаться кѣмъ они написаны, какъ, напримѣръ: а) «Кто за двумя зайцами погонится, тотъ никого не поймаетъ», нравоучительная испанская повѣсть перев. съ французскаго 1792 г.; b) «Вертопрашка или исторія дѣвицы Бетси Татлесъ», пер. съ франц. М. Копьевъ 1795 г. с.) «Аннушка», англійскій романъ, пер. съ франц. 1797 г. Въ нѣкоторыхъ переводныхъ романахъ, даже при обозначеніи имени автора, все-таки остается прибѣгать къ догадкамъ, какъ, напримѣръ, при такомъ заглавіи: «Парижская дура или отъ любви и легковѣрности происходящія дурачества», соч. Нугарета (повидимому, не что иное, какъ извѣстный романъ Нугарета «Lucette ou les progrès du libertinage» и т. д.

Тѣмъ не менѣе, среди массы самыхъ разнообразныхъ романовъ замѣтно извѣстное предпочтеніе нѣкоторымъ иностраннымъ писателямъ. Иногда одни и тѣ-же романы переводятся разными лицами, равно и нѣкоторые иностранные писатели переводятся въ разныя

царствованія, какъ, напр., Фенелонъ, Лесажъ, Вольтеръ, д'Арно, Скарронъ, Флоріанъ, Стернъ, Дюкре-Дюмениль и пр. Затѣмъ въ каждое царствованіе встрѣчаются какъ бы излюбленные писатели: При Екатеринѣ II сравнительно всего больше переведено романовъ: д'Арно, Вольтера, Виланда, Мармонтеля, Флоріана, Лесажа и Фильдинга; при Павлѣ I—Дидерота, Дюкре-Дюмениля, Горжи; при Александрѣ I — г-жи Жанлисъ или Жанли, какъ ее тогда называли, Радклифъ, Августа Лафонтена и Коцебу, затѣмъ Шатобріана, Крамера и Маріи Рошъ.

Подобное предпочтеніе, оказанное однимъ писателемъ передъ другимъ, какъ намъ кажется, въ значительной мѣрѣ объясняется стремленіемъ угодить вкусу и требованіямъ читающей публики. Такъ, напримѣръ, почти всѣ романы Коцебу, Радклифъ и Жанлисъ были переведены на русскій языкъ и книгопродавцы въ своихъ объявленіяхъ, очевидно, для бо̀льшаго сбыта, подчасъ безцеремонно приписывали Радклифъ и Жанлисъ произведенія другихъ иностранныхъ писателей.

XIII.

Что касается общаго характера переводовъ и степени вѣрности ихъ съ подлинниками, а также времени возникновенія подражательнаго романа, то это вопросы, требующіе спеціальнаго изученія. Весьма возможно, что переводъ, передѣлка и подражаніе явились почти одновременно, судя по тому, что на ряду съ крайне наивными произведеніями этого рода встрѣчаются такія, въ которыхъ виденъ извѣстный литературный навыкъ, который могъ быть только выработанъ постепенно предшествующей литературой. Но при тогдашней неразборчивости большинства русскихъ читателей переводные романы и повѣсти вообще мало отличались отъ подражательныхъ или такъ называемыхъ «оригинальныхъ россійскихъ сочиненій». Такъ, напримѣръ, въ «Росписи» Смирдина, подъ рубрикой переводныхъ романовъ и повѣстей, начиная съ 1756 года, встрѣчаются и такіе въ которыхъ, не упомянуто, что это переводъ, а въ иныхъ прямо сказано, что сочиненіе такого-то: Михаила Проскудина, дѣвицы Н. Н. и пр. Въ другихъ самое заглавіе показалось намъ сомнительнымъ, какъ a) «Анекдоты древнихъ пошехонцевъ», соч. В. Березайскаго, Спб. 1798 г.; b) «Малъ золотникъ да дорогъ или увеселительный и

въ смѣхъ приводящій разсказчикъ», Москва, 1792 г.; с) «Прекрасная Россіянка», 2 ч., 1784—1790 г. и т. д.

Въ нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ, «русскіе сочинители», заимствуя содержаніе иностраннаго романа или повѣсти, указывали, въ чемъ заключалась ихъ передѣлка и отступленіе отъ подлинника. Такъ Н. Гнѣдичъ (переводчикъ «Илліады»), издавая въ свѣтъ свое юношеское произведеніе: «Донъ Коррадо де Геррера или духъ мщенія и варварства Гишпанцевъ», Россійское сочиненіе. М. 1803 г., говоритъ въ предисловіи: «Основаніе взялъ я изъ одной повѣсти, гдѣ сочинитель желая сдѣлать Коррадо героемъ оной, знакомитъ его съ читателемъ, такъ какъ онъ знакомъ съ жителемъ луны и выставляя дѣла его, показываетъ только тѣнь ихъ»... Затѣмъ юный авторъ, называя «гишпанцевъ образцами суевѣрія и бѣшенства, распространяется о злодѣяніяхъ Филиппа II и добавляетъ: «Приступая къ сочиненію сей повѣсти, я болѣе всего старался выставить страшную картину страшныхъ дѣлъ Коррадо, окончивши которую я самъ трепеталъ въ душѣ» и т. д.

Къ сожалѣнію намъ не удалось отыскать подлинника, и самое имя героя повѣсти повидимому вымышленное, такъ какъ оно не встрѣчается въ подробномъ спискѣ инквизиторовъ, который приложенъ къ извѣстному сочиненію Лоранта: «Inquisition d'Espagne», de Juan Antonio Llorente, traduite en français par N. Pellier, 1817 и наоборотъ два Геррера (Петръ и Антоній) названы въ числѣ жертвъ инквизиціи. Но если подлинникъ дѣйствительно отличается блѣдностью красокъ, то Н. Гнѣдичъ во всякомъ случаѣ впалъ въ другую крайность и настолько усилилъ краски при описаніи чудовищной жестокости Коррадо, что лишилъ свое «сочиненіе» всякаго правдоподобія, хотя ему нельзя отказать въ живости и даже талантливости разсказа

Съ другой стороны, въ числѣ такъ называемыхъ «оригинальныхъ романовъ и повѣстей», означенныхъ въ «Росписи», мы встрѣчаемъ такіе, которые прямо показались намъ переводными. Такъ въ одномъ сборникѣ повѣстей 1791 года повѣсть «Награжденный Купидонъ» носитъ несомнѣнные признаки перевода съ иностраннаго подлинника: дѣйствіе въ Италіи, характеры выведенныхъ лицъ и нравы не русскіе; въ авторѣ виденъ литературный навыкъ, имѣющій мало общаго съ обычными пріемами неумѣлаго пера большинства русскихъ подражателей. Аналогичный съ этою повѣстью романъ 1794

года: «Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки или смѣшныя и забавныя проказы трехъ красавицъ, чинимыя надъ простосердечными супругами» опять таки безъ обозначенія имени автора. Между прочимъ, одна повѣсть, изданная въ 1809 г. «Чрезвычайное происшествіе, угнетенная добродѣтель или поросенокъ въ мѣшкѣ», хотя и названа «русскимъ сочиненіемъ», но представляетъ, повидимому, плохой переводъ англійскаго юмористическаго разсказа, судя по содержанію, вкравшимся англійскимъ словамъ и оборотамъ; при этомъ переводъ настолько плохъ, что встрѣчаются совсѣмъ непонятныя слова и даже цѣлыя фразы.

Вообще въ болѣе раннихъ подражательныхъ «россійскихъ сочиненіяхъ» довольно трудно прослѣдить въ точности, гдѣ кончается переводъ и начинается подраженіе, тѣмъ болѣе, что сами «сочинители» очень скромно относились къ своей задачѣ, какъ видно изъ словъ П. Львова въ предисловіи къ его сельской повѣсти «Розана и Любимъ» 1790 г., составляющей отчасти подражаніе идилліи Шмидта «Рахель и Богъ Мессопотаміи», гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ: «Нѣкоторые читатели, судившіе «Россійскую Памелу» въ которой видны и робость моя, и несовершенство и стремительное желаніе подражать достохвальнымъ писателямъ, находятъ, что я въ иныхъ мѣстахъ писалъ не свое, а принадлежащее симъ творческимъ умамъ, радуюсь, что посильныя мои способности могли быть подобны ихъ дарованіямъ. Счастливъ весьма буду, ежели удостоюсь называться ихъ не токмо подражателемъ, но хотя и переводчикомъ» и пр.

Иностранные образцы нѣкоторыхъ изъ нашихъ подражательныхъ романовъ указаны Галаховымъ и Порфирьевымъ. На происхожденіе многихъ другихъ указываютъ сами «сочинители», говоря прямо, что подражали такому-то «безсмертному» автору или такому-то иностранному произведенію или же давали опредѣленныя названія своимъ повѣстямъ, въ родѣ: «Россійскій Вертеръ», «Вертеровы чувствованія» и проч.; въ нѣкоторыхъ случаяхъ упомянуто только имя автора, послужившаго образцомъ, восхваляется его талантъ и пр. При этомъ, насколько мы могли прослѣдить, указаніе образца не мѣшало иногда «сочинителямъ» въ одномъ и томъ же произведеніи дѣлать заимствованія изъ другихъ писателей, хотя и въ меньшей степени, что неизмѣнно отражается на содержаніи и тонѣ разсказа, написаннаго подъ вліяніемъ авторовъ, болѣе или менѣе различныхъ

по направленію, степени и роду таланта. Кромѣ того, во многихъ романахъ встрѣчаются стихи, цѣлыя страницы разговоровъ между дѣйствующими лицами или же въ текстъ вставлены такъ называемыя «восточныя» или другія повѣсти, и даже сказки, нерѣдко безъ малѣйшей связи съ предъидущимъ [1]).

Между прочимъ, нѣкоторыя подражательныя произведенія этого времени представляютъ болѣе рѣдкія явленія, какъ, напримѣръ, иносказательныя повѣсти Хераскова: «Нума или Процвѣтающій Римъ» (1768), «Кадмъ и Гармонія» (1793), «Полидоръ» (1794) и др. Изъ аллегорическихъ повѣстей мы встрѣтили одну и довольно талантливо написанную, «Путешествіе Дружбы», Отрывокъ, соч. Вельяминова-Зернова 1807 года. Къ такимъ же, сравнительно рѣдкимъ, произведеніямъ принадлежитъ повѣсть М. Чулкова, «Пригожая повариха или Похожденія развратной женщины», 1770 года, которая представляетъ ничто иное, какъ слабое подражаніе французскимъ романамъ легкаго содержанія.

Вообще русскій подражательный романъ, нерѣдко наивный и изуродованный при неопытности нашихъ тогдашнихъ писателей, находился всецѣло подъ вліяніемъ иностранныхъ романическихъ произведеній, и повидимому развивался особо отъ прежней рукописной литературы, что объясняется исключительными условіями нашей цивилизаціи. Помимо духовенства, умственная жизнь котораго началась и сложилась издавна, русскую интеллигенцію XVIII вѣка составляли преимущественно придворные и болѣе или менѣе достаточное дворянство, воспитанное въ европейскихъ понятіяхъ о литературѣ. За нимъ тянулось и остальное дворянство, составлявшее значительную часть тогдашняго русскаго «общества» въ тѣсномъ смыслѣ слова. Поэтому нашъ первоначальный печатный романъ, чтобы удовлетворить требованіямъ русскаго интеллигентнаго читателя, долженъ былъ начать съ отрицанія народныхъ началъ, и первымъ русскимъ романистамъ не оставалось иного пути, какъ подражаніе тому, что уже существовало въ западно-европейской литературѣ. Имъ пришлось также усвоить литературныя формы, принятыя на западѣ, вслѣдствіе чего нашъ подражательный романъ

---

[1]) „Пріемъ вставныхъ повѣстей, завѣщанный восточными сказочными сборниками, не разъ встрѣчается въ повѣствовательной литературѣ XVI вѣка...“ См. изслѣдованіе акад. А. Н. Веселовскаго. „Изъ исторіи русской переводной повѣсти XVIII вѣка“. Спб., 1887 г.

пережилъ тѣ же фазисы развитія и сходенъ съ западнымъ романомъ какъ по формѣ, такъ и содержанію.

Естественно, что рабское подражаніе и поддѣлка въ широкихъ размѣрахъ иностранныхъ произведеній, чуждыхъ по духу и нравамъ, создавшія у насъ обширную литературу въ данномъ направленіи, а равно и отрицаніе прежняго полународнаго содержанія письменности и народной литературы, могли замедлить ростъ самобытнаго русскаго романа. Тѣмъ не менѣе, подражательный русскій романъ имѣетъ безусловное значеніе, какъ переходная ступень отъ перевода къ творчеству, и изученіе его обязательно для пониманія общаго хода нашей романической литературы. Подражательный періодъ, болѣе продолжительный у насъ, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, отжилъ свое время, а заключенные въ немъ задатки самобытности положили начало русскому самобытному роману и повѣсти.

Не смотря на кажущееся разнообразіе нашего подражательнаго романа и довольно частый переходъ одного рода въ другой, послѣдовательное чтеніе нѣсколькихъ десятковъ романовъ, краткихъ и болѣе подробныхъ повѣстей второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія убѣдило насъ, что по содержанію и общему характеру они, какъ и на западѣ, могутъ быть раздѣлены на категоріи. Наиболѣе ранніе изъ нихъ, въ указанный періодъ времени съ 1764 — 1814 гг., какъ видно по годамъ изданій: a) романы съ приключеніями (romans «d'aventures»); b) романы нравоучительные; c) такъ называемыя восточныя повѣсти;—болѣе позднія: d) сентиментальные романы и повѣсти, а также попытки: e) историческаго и f) реальнаго романа.

Вообще, различіе романовъ и повѣстей по родамъ ихъ, принятое въ западной литературѣ и вполнѣ примѣнимое къ нашимъ подражательнымъ романическимъ произведеніямъ, является обязательнымъ для надлежащей оцѣнки ихъ. Необходимо оно и для нашей цѣли въ томъ отношеніи, что дастъ намъ возможность прослѣдить болѣе или менѣе въ какой степени тотъ или другой родъ романовъ и повѣстей отразился на произведеніяхъ Нарѣжнаго. Но при этомъ считаемъ необходимымъ сдѣлать оговорку, что всякое дѣленіе романовъ и повѣстей на тѣ или другія категоріи можетъ быть только приблизительнымъ, въ виду встрѣчаемыхъ исключеній. Такъ, напр., восточныя повѣсти по своему общему направленію могутъ быть отнесены къ нравоучительнымъ романамъ и повѣстямъ и отличаются отъ

нихъ только формой и мѣстомъ дѣйствія, перенесеннымъ въ далекія страны востока. Къ сентиментальнымъ романическимъ произведеніямъ принадлежатъ такъ называемыя, «пастушескія и сельскія повѣсти», равно какъ и реальный романъ нерѣдко принимаетъ нравоучительно-сатирическій характеръ. Къ типичнымъ произведеніямъ этого рода принадлежитъ романъ А. Измайлова: «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества». 1799—1801 гг. Спб., 2 ч.

XIV.

Для бóльшей наглядности мы послѣдовательно укажемъ въ общихъ чертахъ на болѣе типичные романы каждой изъ упомянутыхъ категорій и сравнительно долѣе остановимся на содержаніи романовъ «съ приключеніями», такъ какъ позволяемъ себѣ употреблять терминъ, принятый пока только въ западно-европейской и нашей ученой литературѣ («romans d'aventures»). Съ другой стороны этого рода романы и повѣсти представляютъ для насъ особенный интересъ, потому что ихъ вліяніе всего замѣтнѣе отразилось на произведеніяхъ Нарѣжнаго, и они должны были наиболѣе соотвѣтствовать широкому полету его богатой фантазіи. Этимъ только можно объяснить утомительное разнообразіе нерѣдко самыхъ причудливыхъ и даже неправдоподобныхъ приключеній, множество вводныхъ лицъ и крайне запутанную любовную завязку, которыя такъ непріятно поражаютъ нынѣшнихъ читателей произведеній Нарѣжнаго и которыя составляли неизбѣжную принадлежность вымершаго романа «съ приключеніями».

Вообще наши подражательные романы «съ приключеніями», по своему содержанію, близко подходятъ къ этого рода произведеніямъ иностранной литературы въ извѣстную пору ея развитія, когда романъ и сказка шли нерѣдко рука объ руку. «Сочинитель» смѣло поддавался волѣ своей ничѣмъ необуздываемой фантазіи, не стѣснялся вѣрностью въ изображеніи мѣстности, нравовъ или обычаевъ той или другой страны. Онъ чуждъ какихъ-либо тенденцій; если подчасъ онъ фантазируетъ на тему разныхъ нравственныхъ вопросовъ и если встрѣчаются у него разсужденія и сентенціи въ нравоучительномъ тонѣ, то это не болѣе какъ случайныя вставки, не имѣющія тѣсной связи съ общею нитью разсказа.

Къ наиболѣе типичнымъ произведеніямъ этого рода принадлежитъ романъ Ѳедора Эмина, «Награжденная постоянность или Приключенія Лизарка и Сарманды», 4 части, Спб., 1764 г., написанный въ подражаніе греческимъ романамъ, переводимымъ на западѣ съ XVI в., а въ данномъ случаѣ Иліодора Эмезскаго. Герой романа Лизаркъ, во время бури, попадаетъ въ руки морскихъ разбойниковъ, а затѣмъ ко двору египетскаго царя, становится пажемъ его дочери Изиды и влюбляется въ нее; она раздѣляетъ его чувство, что служитъ поводомъ къ самымъ разнообразнымъ приключеніямъ. Кромѣ того, въ Лизарка влюблена Сарманда, сестра другаго пажа, которая слѣдуетъ за нимъ въ Мемфисъ, переодѣтая въ мужское платье, и поступаетъ къ нему въ услуженіе. Отсюда Лизаркъ отправляется посломъ въ Эліополь, въ сопровожденіи мнимаго слуги; во время морской бури оба попадаютъ въ плѣнъ и ихъ продаютъ разнымъ господамъ, но Сарманда, послѣ разныхъ похожденій, отыскиваетъ Лизарка и, ради его спасенія, подвергается тюремному заключенію и приговорена къ смерти. Счастливая случайность избавляетъ ее отъ казни; она попадаетъ ко двору намѣстника, гдѣ встрѣчаетъ Лизарка, который настолько тронутъ ея самоотверженною привязанностью къ нему, что, не смотря на свою любовь къ Изидѣ, хочетъ жениться на ней. Между тѣмъ городъ осажденъ съ моря и взятъ приступомъ Изидой, которой отецъ далъ флотъ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ выйти замужъ за Лизарка; но этотъ объявляетъ, что не можетъ жениться на ней. Изида догадывается о причинѣ и изъ мести отправляетъ Лизарка на галеры; Сарманда спасается бѣгствомъ и подвергается новымъ приключеніямъ. Однако, все кончается къ общему благополучію. Лизаркъ оказывается законнымъ сыномъ египетскаго царя и роднымъ братомъ Изиды, а поэтому безпрепятственно женится на Сармандѣ.

Другой не менѣе типичный романъ «приключеній»—«Несчастный Никаноръ и приключенія жизни россійскаго дворянина», соч. Н., три части, 1787 г. (второе изд. по «Росписи» Смирдина). Обѣднѣвшій дворянинъ Никаноръ, живущій изъ милости въ домѣ «добродѣтельнаго человѣка», въ угоду знатной госпожѣ, разсказываетъ свою исторію, исполненную самыхъ хитросплетенныхъ приключеній. На сценѣ опять любовь и безконечныя препятствія къ браку, бѣгство Анеты черезъ окно отъ тиранившаго ее дяди, рядъ случайностей, всевозможныя опасности, которыя она избѣгаетъ съ помощью

благодѣтельнаго еврея, который отправляетъ ее въ Варшаву къ своему пріятелю. Никаноръ стремится къ свиданію съ нею, не смотря на сажаніе въ тюрьму, всевозможныя приключенія и предсказанія грозившихъ ему несчастій, въ случаѣ упорства. Предсказаніе сбывается роковымъ образомъ: онъ бросаетъ службу и, переодѣтый, дѣлаетъ попытку пробраться въ Варшаву; его арестуютъ, везутъ въ Москву; онъ оправдывается, но долженъ ждать рѣшенія дѣла. Между тѣмъ является пріятель Никанора изъ Варшавы и сообщаетъ о смерти Анеты, умершей отъ побоевъ отыскавшаго ея убѣжище жестокаго дяди, который на слѣдующій день найденъ на улицѣ изрубленнымъ въ куски. Никаноръ заболѣваетъ отъ горя; отецъ увозитъ его къ себѣ въ деревню; затѣмъ слѣдуетъ разсказъ объ его женитьбѣ, новыхъ любовныхъ приключеніяхъ и постепенномъ обѣдненіи. Въ заключеніе авторъ обрываетъ разсказъ и отъ своего имени, въ видѣ эпилога, описываетъ въ общихъ чертахъ смерть Никанора.

Однако, не смотря на то, что основой содержанія обоихъ романовъ служатъ самыя разнообразныя и запутанныя приключенія и судьба героевъ зависитъ отъ роковаго стеченія обстоятельствъ, «Несчастный Никаноръ» представляетъ значительныя преимущества, сравнительно съ вышеприведеннымъ романомъ Эмина. Здѣсь приключенія теряютъ свой сказочный характеръ и становятся менѣе безпочвенными, такъ какъ фантазія автора значительно обуздана уже тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣйствіе происходитъ въ Россіи, и слишкомъ большое отступленіе отъ русской жизни и быта оказалось бы неудобнымъ въ виду русскихъ читателей. Такимъ образомъ, въ «Несчастномъ Никанорѣ» самыя несбыточныя приключенія связаны съ правдоподобной обстановкой, вполнѣ соотвѣтствующей дѣйствительности, что заслуживаетъ особеннаго вниманія въ тѣ времена когда большинство сочинителей подражательныхъ романовъ и повѣстей прямо избѣгали какихъ бы то ни было описаній мѣстности и ограничивались названіемъ города и губерніи или же обозначали ихъ начальными буквами и звѣздочками. Къ тому же роду, какъ и Никаноръ, принадлежитъ не менѣе замѣчательная повѣсть «Похожденія Ивана Гостинаго сына», въ сборникѣ повѣстей и сказокъ Н. Новикова, изданномъ въ 1785 г. въ Петербургѣ и составляющемъ библіографическую рѣдкость.

Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ западно-европейскаго романтизма,

встрѣчаются единичныя попытки перенести романъ «съ приключеніями» на сенсаціонную почву въ видѣ привидѣній, воскресшихъ мертвецовъ, молніи убивающей злодѣя, разбойниковъ, наемныхъ убійцъ и пр. Въ такомъ же родѣ написана подражательная повѣсть Карамзина «Валерія», 1792 года (изъ Nouvelles Флоріана), а затѣмъ еще болѣе характерная въ этомъ отношеніи повѣсть «Александръ и Юлія, истинная русская повѣсть» соч. П. Львова, Спб., 1801 г., и романъ неизвѣстнаго автора «Обольщенная жена, россійское сочиненіе», Москва, 1804 г., гдѣ несчастная заключенная женщина томится въ подземельи какого-то замка съ башнями. Изрѣдка ее водятъ кормить ребенка; появляются какія-то таинственныя личности; таинственностью проникнутъ весь разсказъ, настолько туманный, что только по заглавію можно догадаться, что кара исходитъ отъ оскорбленнаго супруга. Тѣмъ не менѣе романъ кончается благополучно бѣгствомъ заключенной изъ тюрьмы.

Но въ то время, какъ сенсаціонно-романтическій элементъ проходитъ какъ бы мелькомъ въ нашей подражательной романической литературѣ, романъ «съ приключеніями» хотя и теряетъ свою самобытность, но продолжаетъ господствовать въ нашихъ позднѣйшихъ романахъ и повѣстяхъ, въ видѣ основной и существенной части. Онъ проникаетъ во многіе нравоучительные и даже отчасти сентиментальные романы и повѣсти, не исключая такъ называемыхъ «восточныхъ» повѣстей и произведеній, представляющихъ попытки историческаго и реальнаго романа и повѣсти.

XV.

Нравоучительные подражательные романы и повѣсти, по содержанію, всего ближе подходятъ къ роману «съ приключеніями». Но здѣсь мы уже не встрѣчаемъ отличающей его непосредственной простоты разсказа: сочинители, задаваясь цѣлью поучать читателей, пускаются въ длинныя утомительныя разсужденія и сентенціи на тему нравственности и впадаютъ въ искусственность, вслѣдствіе стремленія выставить неизмѣнное торжество добродѣтели и наказаніе порока. Качества и пороки, въ большинствѣ случаевъ, олицетворены въ фамиліяхъ дѣйствующихъ лицъ, какъ, напримѣръ, Сердоболинъ, Честонъ, Разсудинъ, Правдолюбовъ или же князь Промо-

тайловъ, Залыгалкинъ, Петиметровъ, дюшеса Саншюдеръ, графиня Модникова и пр.

Вообще нравоучительные романы и повѣсти нашей подражательной литературы, по своему содержанію, могутъ быть подведены подъ три различныхъ вида:

Нравоучительные любовные романы и повѣсти, написанные въ формѣ писемъ, имѣютъ совершенно своеобразный характеръ. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ болѣе или менѣе очевидные признаки подражанія «Новой Элоизѣ» Руссо, какъ, напримѣръ, «Роза», полусправедливая повѣсть Николая Эмина, Спб., 1788 г., и «Всеволодъ и Велеслава, романъ, сохранившійся въ письмахъ, Н. Н. Муравьева Спб., 1807 года. Образцы многихъ другихъ неизвѣстны и, между прочимъ, повѣсти «Не всѣмъ на вкусъ, рѣдкая чета», соч. И. В., Спб., 1802 г., въ которой видно несомнѣнное стремленіе къ самобытности, хотя это стремленіе проявляется преимущественно въ самомъ способѣ изложенія и слогѣ нѣкоторыхъ писемъ. Умновзора, героиня повѣсти, тоскуетъ въ разлукѣ съ мужемъ, уѣхавшимъ въ командировку за 8,000 верстъ, и довѣрчиво принимаетъ ухаживаніе богатаго помѣщика Вѣтромысла, который является въ роли утѣшителя. Но когда Вѣтромыслъ приглашаетъ Умновзору къ себѣ въ деревню, чтобы вручить ей 15 тысячъ для поправленія денежныхъ обстоятельствъ, у ней является сомнѣніе относительно его безкорыстія; она пишетъ ему письмо и задаетъ наивный вопросъ: «Не на счетъ ли цѣломудрія супружества? Если то такъ, добавляетъ она, то извините... Правда, письма ваши не романъ, но подходъ вашъ такая задача, отъ которой недолго и вовсе повредишься;—между всѣмъ тѣмъ, какъ бы вы ни изволили поддерживать и утѣшать. Это, по моему, не въ досаду вамъ, странная, очаровательная и тонкая замашка, впрочемъ, нѣсколько рѣшительная... это изъ всего видно...»

Затѣмъ Умновзора пишетъ нѣжное письмо мужу, жалуется, что долго не имѣла отъ него извѣстій, и сообщаетъ, что чувствуетъ себя нездоровой: «Ужасъ, какъ не по себѣ! Заставай, князь, пока жива, коли ты тотъ-же...» А затѣмъ, по поводу дошедшихъ до нея слуховъ, спрашиваетъ его, не заложилъ ли онъ имѣнія, говоритъ, что мирится съ нищетой, ссылается на Локка и пр. Письмо кончается словами: «Много я уже намарала, но это мое разсѣяніе, равно и чтеніе книгъ...» Супругъ, съ своей стороны, отвѣчаетъ въ нѣжныхъ,

высокопарныхъ выраженіяхъ, описываетъ бывшія съ нимъ приключенія и извѣщаетъ о скоромъ пріѣздѣ. Слѣдуетъ соединеніе любящихъ супруговъ; друзья и знакомые поздравляютъ Солида, отца Умновзоры, «съ такой рѣдкой четой и что онъ ничего не жалѣлъ на хорошее воспитаніе дочери».

Въ нѣкоторыхъ нравоучительныхъ романахъ и повѣстяхъ нашей подражательной литературы сочинители настолько проникнуты стремленіемъ доказать превосходство добродѣтели надъ порокомъ, что наставительный элементъ является преобладающимъ при сравнительно малосодержательномъ или же крайне натянутомъ разсказѣ. Такъ въ сочиненіи Г. Громова «Нѣжныя объятія въ бракѣ и потѣхи съ любовницами продажными», Спб. 1799 года, въ видѣ отрывочныхъ сценъ, прерываемыхъ длиннѣйшими разсужденіями, изображены преимущества «законной супружеской любви» и добродѣтельной жизни надъ порочной и ея увлеченіями. Въ концѣ книги приложены изреченія премудрости Іисуса, сына Сирахова, и притчи Соломона. Въ повѣсти «Егорушка или человѣкъ самъ собою довольный», изд. въ Москвѣ 1797 года, Я. Благодарова, герой разсказа говоритъ притчами и поученіями и представляетъ собою ходячую добродѣтель. Онъ не хочетъ мѣнять бѣдность и независимость «на барское житье», восхваляетъ жизнь простую, близкую къ природѣ, «въ сообществѣ съ Богомъ», питается трудами рукъ своихъ, отвергаетъ собственность, не признаетъ учености и удаляется отъ общества, гдѣ царитъ зависть, осужденіе и клевета. Въ другой нравоучительной повѣсти «Неонила или распутная дщерь», соч. А. Л., двѣ части, 1794 года, героиня разсказа, Неонила, въ противоположность предъидущей повѣсти, представляетъ собою чудовищное олицетвореніе порока и, подъ конецъ, въ видѣ наказанія за свою развратную жизнь, умираетъ въ больницѣ отъ жестокой болѣзни.

Кромѣ двухъ упомянутыхъ видовъ нравоучительныхъ романическихъ произведеній, встрѣчаются подражательные нравоучительно-сатирическіе романы и повѣсти, гдѣ сатира, въ большинствѣ случаевъ, направлена на старую тему, затронутую Кантемиромъ, Фонъ-Визиномъ и сатирическими журналами XVIII вѣка, а именно о вредѣ невѣжества, подражанія французскимъ нравамъ вообще и французскаго воспитанія въ особенности и пр. Сочинители этого рода романовъ и повѣстей нерѣдко задаются цѣлью поучать и ис-

правлять читателя отрицательнымъ способомъ, посредствомъ изображенія дурныхъ сторонъ моднаго свѣта, людскихъ пороковъ и пагубныхъ, вытекающихъ отсюда послѣдствій, а также противопоставленіемъ преимуществъ патріархальнаго воспитанія, дающаго противоположные результаты. Перваго метода держится, между прочимъ, А. Писаревъ, авторъ любопытнаго романа 1792 года, изд. въ Москвѣ въ трехъ частяхъ: «Переписка двухъ адскихъ вельможъ, Алгабека и Алгамека, находящихся по различнымъ должностямъ въ старомъ и новомъ свѣтѣ» и пр., 3 части. При этомъ, чтобы не стѣснять себя относительно высказыванія горькихъ истинъ, онъ выдаетъ свое сочиненіе за переводъ съ арапо-еврейскаго языка и называетъ себя «греко-японскимъ переводчикомъ». Романъ заключается въ письмахъ Алгабека къ Алгамеку, въ которыхъ онъ описываетъ свое путешествіе въ сѣверную страну и настолько яркими красками, что съ первыхъ страницъ становится очевиднымъ, что дѣйствіе происходитъ въ Россіи, а именно въ Петербургѣ. Въ разсказъ вставлены стихи и біографіи выведенныхъ лицъ, фамиліи которыхъ указываютъ на ихъ отличительныя свойства, какъ, напр.: Безчестновъ, Невѣждинъ, Обдираловъ, Вѣстовщиковъ, княгиня Чужевралова, г-жа Скудоумова, Безстыдова и т. под.

Въ позднѣйшей повѣсти Н. Остолопова «Евгенія или нынѣшнее воспитаніе», изд. въ Спб. 1803 г., сопоставлены результаты моднаго и патріархальнаго воспитанія рано погибшей Евгеніи, выросшей на рукахъ наемныхъ французженокъ, и ея двоюродной сестры Софьи, воспитанной отцомъ въ строгихъ правилахъ добродѣтели, которая счастливо выходитъ замужъ и прекрасно воспитываетъ своихъ дѣтей. Въ другой повѣсти, «Кривоносъ, домосѣдъ, страдалецъ модный», Спб., 1789 г., неизвѣстный авторъ описываетъ отъ лица героя повѣсти его неудачную жизнь съ момента появленія на свѣтъ, представлявшую непрерывную цѣпь пагубныхъ послѣдствій увлеченія модой со стороны родителей. Разсказъ не лишенъ юмора и дарованія, но въ то же время и сильныхъ натяжекъ; слогъ легкій и удобочитаемый. Половина небольшой книги занята трактатомъ «О глупости».

Что касается Нарѣжнаго, то вліяніе нравоучительныхъ романовъ, болѣе или менѣе замѣтное во всей нашей романической литературѣ первой четверти нашего столѣтія, отразилось и на его произведеніяхъ, въ видѣ моральныхъ сентенцій и разсужденій, въ нѣ-

сколько утрированномъ изображеніи пороковъ и неизмѣнномъ торжествѣ добродѣтели. Но сатира въ романахъ Нарѣжнаго принимаетъ болѣе самобытный и жизненный характеръ и не ограничивается узкой старой темой о вредѣ французскаго воспитанія и подражанія французскимъ нравамъ и пр., которой почти исключительно придерживались его предшественники.

XVI.

Соотвѣтственно такъ называемымъ «восточнымъ повѣстямъ» западно-европейской литературы, мы встрѣчаемъ въ нашей подражательной романистикѣ особый разрядъ восточныхъ повѣстей, гдѣ также съ нравоучительною цѣлью изображены далекіе восточные народы, которые, не выходя изъ патріархальнаго быта, не знали печальныхъ явленій европейской жизни и европейской порчи нравовъ. Особенно типичны въ этомъ отношеніи двѣ извѣстныхъ повѣсти Беницкаго: «Ибрагимъ или Великодушный» и «Бедуинъ» (38).

Но этимъ далеко не исчерпывается содержаніе восточныхъ повѣстей нашей подражательной литературы, которая въ одинаковой мѣрѣ пользовалась для нихъ мотивами восточныхъ и другихъ сказокъ, какъ и западно-европейскими мотивами и даже подчасъ совмѣщала ихъ въ одномъ и томъ же разсказѣ. Такъ, въ одномъ сборникѣ 1791 года, весьма распространенномъ въ свое время, «Дѣвушкины прогулки и молодкины увертки или лабиринтъ женскихъ коварствъ», мы встрѣтили нѣсколько характерныхъ восточныхъ повѣстей этого рода. Въ одной изъ нихъ, «Простодушный суевѣръ или посланникъ боговъ», персидскій чиновникъ Абдаллахъ видитъ во снѣ, что его красавица дочь должна быть супругой жителя Олимпа, отказываетъ всѣмъ женихамъ и запираетъ Сюльмену въ загородномъ домѣ. Сюльмена въ отчаяніи, но крылатая слава объ ея красотѣ размножаетъ жениховъ; сынъ китайскаго чиновника, Мулей, пробирается къ ней по веревочной лѣстницѣ, съ помощью приставницы Замбаки, которая покровительствуетъ ихъ свиданіямъ въ продолженіи семи мѣсяцевъ. Наконецъ, Мулей обратился къ чародѣю, чтобы онъ далъ ему крылья и родители Сюльмены могли бы принять его за посланника Олимпа. Чародѣй вручаетъ ему волшеб-

ное кольцо, является духъ и китаецъ «съ его помощью переряжается, получаетъ волоса золотые, нѣкоторыя части тѣла золотыя, другія серебряныя, увязываетъ ихъ лентами вышитыми, являются крылья и прирастаютъ къ тѣлу». Родители красавицы принимаютъ его за жителя Олимпа, изъявляютъ свое согласіе и сносятъ на площадь всѣ сокровища, въ сопровожденіи множества народа. Является колесница, запряженная василисками. Мулей складываетъ въ нее принесенныя сокровища и вмѣстѣ съ Сюльменой возвращается въ свое отечество и женится на ней. Въ другой повѣсти, «Очарованная красавица», вмѣсто кольца, является волшебная коробочка, съ помощью которой влюбленный Елимъ, превращенный въ попугая, влетаетъ въ комнату Мессалины, дочери персидскаго чиновника Ибрагима, для нѣжныхъ свиданій. Но такъ какъ вслѣдствіе ихъ неосторожности свиданія должны прекратиться, то Мессалина, по просьбѣ своего возлюбленнаго, пьетъ посланный имъ составъ и падаетъ какъ мертвая; ее хоронятъ въ лабиринтѣ. Елимъ воскрешаетъ ее и уговариваетъ остаться въ лабиринтѣ; черезъ три дня его также приносятъ въ лабиринтъ мнимо-умершимъ; она, въ свою очередь, оживляетъ его, затѣмъ оба уѣзжаютъ на почтовыхъ и соединяются узами брака. Въ третьей повѣсти, «Нечаянное превращеніе», вся завязка построена на общеизвѣстномъ распространенномъ мотивѣ продажи души чорту, скрѣпленной формальнымъ актомъ, написаннымъ кровью. Плѣнный англичанинъ Лизавръ, съ помощью чорта Цьяшоса, принимаетъ образъ воображаемаго героя, созданнаго воображеніемъ дочери турецкаго паши Лилерозы, начитавшейся романовъ, и женится на ней. Молодые супруги нѣкоторое время живутъ благополучно, но подъ конецъ Лизавръ такъ надоѣдаетъ чорту безпрестанными вызовами изъ ада и просьбами, что этотъ возвращаетъ ему обратно подписанный имъ актъ, Лизавръ опять становится англичаниномъ и въ этомъ видѣ сразу «омерзѣлъ» своей супругѣ, которая не замедлила сообщить отцу о такомъ неожиданномъ превращеніи. Паша узнаетъ своего бывшаго плѣнника и избавляется отъ него съ помощью яда, а Лилероза выходитъ вторично замужъ.

Помимо этихъ трехъ повѣстей, въ томъ же сборникѣ помѣщены два разсказа совсѣмъ инаго характера, а именно, турецкая повѣсть «Торжествующая Селима», гдѣ сынъ богатаго купца, Аладинъ, влюбляется въ 14-ти-лѣтнюю дочь вдовы, Селиму, во время семидневнаго позорища (празднества), по случаю мира съ персами. Мать

красавицы, узнавъ объ этомъ, запираетъ ее въ отдаленный покой, но Селима подкупаетъ приставленную къ ней дѣвицу Заиру и проситъ ее, «сдѣлавъ подобную себѣ маску и одѣвши Аладина въ свое платье, проводила-бъ въ ея покой, по наступленіи ночи». Заира исполняетъ ея желаніе; нѣжныя свиданія продолжаются полгода; но однажды мать застаетъ ихъ спящими и немедленно посылаетъ за отцомъ Аладина. Этотъ хочетъ убить сына, но вдова удерживаетъ его и дѣло кончается свадьбой влюбленныхъ. Въ другой повѣсти, «Домовой» подъ видомъ китайской деревни и китайскихъ крестьянъ описанъ русскій сельскій бытъ. Старый китаецъ крестьянинъ женится на молодой Мильсанѣ, которая вскорѣ измѣняетъ мужу и, для бо́льшаго удобства нѣжныхъ свиданій, наряжаетъ своего любовника Вювама въ домоваго; этотъ по ночамъ накидывается на стараго мужа и мучитъ его, а подъ конецъ душитъ его до смерти, къ ужасу всей деревни. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе дальнѣйшихъ романическихъ отношеній Вювама къ Мильсанѣ и ея взрослой падчерицѣ.

Въ другомъ болѣе раннемъ сборникѣ 1779 года, «Разныя повѣствованія, сочиненныя нѣкоторою россіянкою», мы встрѣтили два своеобразныхъ «восточныхъ» разсказа, не имѣющихъ ничего общаго съ вышеприведенными повѣстями. Одинъ изъ нихъ, «Гармора», по началу напоминаетъ тенденціозныя восточныя повѣсти, гдѣ Азія представлена благословенной страной торжества добродѣтели, но по общему содержанію и тону принадлежитъ къ числу псевдоклассическихъ повѣстей, съ ходульными героическими характерами и рѣдкими примѣрами самоотверженной дружбы и дочеринской любви. Въ другомъ разсказѣ, «Звѣзда во лбу или знакъ добрыхъ дѣлъ», Меркантъ, сынъ перваго министра злаго европейскаго государя, отправляется въ Азію; буря заноситъ его на неизвѣстный островъ, гдѣ у государя на лбу звѣзда, какъ знакъ добрыхъ дѣлъ; въ случаѣ дурныхъ онъ обязанъ снимать звѣзду, что заставляло его избѣгать ихъ. Меркантъ возвращается въ отечество и разсказываетъ о видѣнномъ; злой государь хочетъ ввести то-же въ своей землѣ и рѣшаетъ, чтобы его статуя оставалась покрытою, когда народъ недоволенъ имъ, и чтобы въ обратномъ случаѣ снималось покрывало. Но статуя долго остается покрытою; наконецъ, онъ совершаетъ доброе дѣло, народъ бросается снимать покрывало, цѣлуетъ ноги статуи и это заставляетъ злаго государя исправиться.

Въ произведеніяхъ Нарѣжнаго отразился и этотъ родъ повѣстей нашей подражательной литературы. Восточныя повѣсти встрѣчаются въ видѣ вставокъ, въ двухъ извѣстныхъ романахъ Нарѣжнаго, а именно въ «Россійскомъ Жилблазѣ» и въ его посмертномъ романѣ «Черный годъ или Горскіе князья», изданномъ въ 1829 году; кромѣ того, имъ написана отдѣльная восточная повѣсть «Турецкій судъ», вышедшая въ 1824 г. и перепечатанная въ собраніи его сочиненій въ 1835—1836 гг.

XVII.

Сентиментальныя или чувствительныя повѣсти представляютъ собою совершенно особый родъ произведеній нашей романической подражательной литературы и отличаются еще болѣе безпочвеннымъ и отвлеченнымъ содержаніемъ, нежели даже такъ называемыя «пастушескія» и «сельскія» повѣсти, одно время весьма распространенныя въ Европѣ. Мы скажемъ о нихъ нѣсколько подробнѣе, въ виду того, что въ числѣ романическихъ произведеній Нарѣжнаго встрѣчается хотя единственная, но безусловно сентиментальная подражательная повѣсть «Марія», содержаніе которой будетъ изложено нами при общемъ обзорѣ литературной дѣятельности Нарѣжнаго. Повѣсть «Марія» рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ его романовъ и повѣстей, и съ этой, такъ сказать отрицательной стороны заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Все содержаніе сентиментальныхъ повѣстей, насколько мы могли прослѣдить, направлено къ тому, чтобы тронуть сердца читателей, заставить ихъ проливать слезы. Поэтому, даже въ случаѣ благополучнаго исхода романической завязки извѣстная степень трагизма, повидимому, считается неизбѣжной; отсюда различныя проявленія душевныхъ страданій, проливаніе слезъ, обмороки, иногда двухдневные и пр. Съ другой стороны, какъ бы для того, чтобы житейскія заботы не мѣшали героямъ и героинямъ предаваться въ волю своимъ чувствамъ и страданіямъ, они въ большинствѣ случаевъ являются вполнѣ обезпеченными въ матеріальномъ отношеніи. На сцену выведены графы, князья, даже бароны и они всѣ богатые люди. Дѣйствіе происходитъ въ столицѣ, среди моднаго свѣта или, по крайней мѣрѣ, въ губернскомъ городѣ; если герои и героини удаляются въ свои усадьбы, то развѣ для того, чтобы на-

сладиться счастьемъ любви среди сельскаго уединенія, а также для воздыханія и пролитія слезъ въ случаѣ разочарованія или утраты предмета любви, хотя виды природы еще болѣе увеличиваютъ ихъ меланхолію.

Сентиментальный элементъ, какъ видно изъ нашихъ романическихъ произведеній второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій, проявляется въ началѣ въ видѣ примѣси въ нѣкоторыхъ нравоучительныхъ романахъ и повѣстяхъ и составляетъ отчасти какъ бы неизбѣжную принадлежность пастушескихъ и сельскихъ повѣстей. Но собственно сентиментальныя повѣсти начинаются только въ концѣ прошлаго столѣтія и особенно размножаются съ 1800-хъ годовъ. Трудно сказать, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, насколько Карамзинъ способствовалъ ихъ распространенію, но одно несомнѣнно, что онѣ были въ большой модѣ, такъ какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ современники. Между прочимъ, Н. Брусиловъ неудачу своей повѣсти «Бѣдный Леандръ или авторъ безъ риторики» 1803 года, прямо приписываетъ недостатку сентиментальности (въ предисловіи къ своей подражательной пастушеской повѣсти «Старецъ или превратность судьбы»).

Что касается образцовъ, которымъ подражали сочинители сентиментальныхъ повѣстей, то они весьма разнообразны и заимствованы изъ иностранной литературы. Среди множества просмотрѣнныхъ нами «сентиментальныхъ» повѣстей мы не встрѣтили такихъ, которыя были бы непосредственно написаны подъ вліяніемъ Карамзина. Только въ одной повѣсти «Несчастный Л***, Россійское сочиненіе Д. М.» 1803 года, авторъ говоритъ, что разговоръ объ участи «Бѣдной Лизы» послужилъ поводомъ для его разсказа, хотя и здѣсь подражаніе является весьма условнымъ. Герой довольно бездарно написанной повѣсти, нѣкто Л***, также какъ и Карамзинская «Лиза», съ отчаянія бросается въ прудъ, но что собственно побудило его рѣшиться на самоубійство—остается неизвѣстнымъ для читателя, и только изъ неясныхъ намековъ онъ можетъ догадаться, что причина отчаянія несчастнаго Л*** заключалась въ непомѣрной строгости родителей и какихъ-то неудачахъ по службѣ.

Сентиментальныя произведенія нашей подражательной романической литературы представляютъ нѣсколько разновидностей, и поэтому, для бо́льшей наглядности, мы укажемъ на замѣченныя

нами особенности каждой изъ нихъ и, въ видѣ примѣровъ, изложимъ въ короткихъ словахъ содержаніе наиболѣе типичныхъ повѣстей.

Нѣкоторыя изъ нихъ даже едва заслуживаютъ названіе «повѣстей», присвоенное ихъ авторами, потому что этого рода произведенія почти исключительно состоятъ изъ трогательныхъ изліяній чувствъ. Такъ, напримѣръ, въ повѣсти «Часы задумчивости» І. Галинковскаго, 1799 года, описано томленіе влюбленнаго юноши; всѣ окружающіе предметы «принимаютъ участіе въ его горести» и вызываютъ слезы, даже каминъ, барельефы на каминѣ, книга Вертера и пр., такъ какъ все напоминаетъ ему «несклонную, но давно милую сердцу Элизу». Виды природы, луна, музыка еще больше усиливаютъ его тоску; онъ приходитъ къ мрачнымъ берегамъ, «гдѣ благотворный сонъ разсыпалъ маки свои надъ очами жителей воздуха и земли» (стр. 47), но ничто не можетъ «ободрить унылый духъ задумчиваго любовника» и разсѣять его печаль. Въ томъ же духѣ написанъ «Ландшафтъ моихъ воображеній», А. Кропотова, 1803 года, гдѣ также нѣтъ никакой романической завязки, ни дѣйствія, а только одни разсужденія. Въ другой повѣсти того же года «Могила», соч. М. П. Г., супругъ оплакиваетъ утрату любимой жены и вмѣстѣ съ желаніемъ скорой смерти выражаетъ надежду, что «дѣти, плодъ благословенной любви, придутъ на гробницу, оросятъ ее слезами... и это будетъ пріятной данью ихъ благодарности...» Въ повѣсти «Щастливый воспитанникъ или Долгъ благодарности сердца», россійское сочиненіе неизвѣстнаго автора 1808 года, богатая женщина воспитываетъ вмѣстѣ со своими сыновьями бѣднаго мальчика, котораго держитъ у себя до 13-ти-лѣтняго возраста, а къ тому времени и родители въ «состояніи отдать его въ то мѣсто, гдѣ совершенствуется юношество». Затѣмъ слѣдуетъ рядъ сентиментальныхъ разсужденій на разныя темы: благодарность родителямъ, буря, мысли къ Богу, цѣль человѣка и гражданина, день, вечеръ, ночь, сравненіе весны съ юностью, надежда, скромность и пр.

Кромѣ того существуетъ цѣлый рядъ довольно однообразныхъ повѣстей, гдѣ къ разсужденіямъ примѣшивается нѣчто похожее на романическую завязку. Такъ, въ повѣсти «Лилія», соч. А. Попова 1802 г., невинная Лилія, обманутая соблазнившимъ ее княземъ, умираетъ отъ отчаянія. Въ другой повѣсти «Бѣдная Лилла», неизвѣстнаго автора 1803 г., — опять на сценѣ обманутая невинность, но, вмѣсто смерти, несчастная дѣвушка сходитъ съ ума, между

тѣмъ какъ въ разсказѣ А. Кропотова 1809 г., «Духъ Россіянки», героиня, поставленная въ тѣ-же условія, оказывается болѣе рѣшительной и отравляетъ себя и соблазнившаго ее графа. Къ тому же разряду малосодержательныхъ повѣстей принадлежатъ: «Обольщенная Генріетта», И. Свѣчинскаго, 1801 г., Исторія бѣдной Марьи», безъ подписи автора, 1805 г., и др.

Но въ числѣ этого вида повѣстей встрѣчаются и такія, гдѣ трагизмъ имѣетъ благополучный исходъ. Между прочимъ, въ повѣсти Карамзина «Евгеній и Юлій», 1789 г., опасная внезапная болѣзнь новобрачнаго Евгенія грозитъ разрушить счастье влюбленныхъ, но дѣло обходится одной тревогой. Равнымъ образомъ въ слѣдующей повѣсти 1800 г.. «Милыя и нѣжныя сердца», рос. соч. А. Э., смерть Евгенія оказывается летаргическимъ сномъ и она просыпается отъ воплей своего неутѣшнаго супруга Клавдія; затѣмъ оба доживаютъ до старости, воспитываютъ въ благочестіи сына Доремидонта, который «совратился было съ пути добродѣтели, но черезъ нѣкоторое время чудеснымъ образомъ паки возвратился къ своей должности».

Собственно сентиментальныя повѣсти, въ прямомъ значеніи слова, по своей болѣе или менѣе замысловатой романической завязкѣ и преобладанію разсказа надъ разсужденіями, рельефно отличаются отъ двухъ приведенныхъ нами видовъ чувствительныхъ повѣстей. Такъ въ соч. И. Свѣчинскаго. «Украинская сирота, истинная повѣсть», 1805 г., есть даже попытки описанія природы и характеровъ: «Наташинъ отецъ, маіоръ, «для котораго деньги были началомъ и концомъ всѣхъ его дѣйствій и желаній», женится на богатой и проигрываетъ все; жена, чтобы сохранить свое состояніе, разводится съ нимъ, а затѣмъ умираетъ отъ тоски. Маіоръ беретъ дочь къ себѣ и насильно выдаетъ замужъ за развратнаго щеголя Евгенія, не смотря на любовь Наташи къ молодому малороссіянину Петру, который гдѣ-то служитъ чиновникомъ. Наташа въ отчаяніи, мужъ проигрываетъ все, пускается во всѣ распутства; его сажаютъ въ тюрьму и отправляютъ на поселеніе. Петръ сходитъ съ ума отъ измѣны своей возлюбленной и умираетъ; она также умираетъ узнавъ объ его смерти; маіоръ ежедневно льетъ слезы на могилѣ дочери.» (Форма повѣсти полуразговорная, полуописательная).

Но вообще въ этого рода повѣстяхъ, насколько мы могли прослѣдить, всего чаще на сценѣ нарушеніе супружеской вѣрности,

быть можетъ, потому, что эта романическая тема особенно богата поводами для душевныхъ терзаній. Въ «Розѣ», полусправедливой, полуоригинальной повѣсти Н. Эмина 1796 г., изображена несчастная любовь и бракъ по принужденію графской дочери Розы, которая выходитъ замужъ за князя Вѣтрогона. Милонъ въ отчаяніи два дня лежитъ въ обморокѣ, хочетъ убить себя, но его удерживаютъ; онъ ѣдетъ въ деревню, гдѣ предается печальнымъ размышленіямъ, затѣмъ онъ узнаетъ, что Роза также живетъ въ усадьбѣ и нанимается въ садовники къ Вѣтрогону. Роза, не подозрѣвая этого, поетъ въ саду о своей неудавшейся любви, Милонъ поетъ въ отвѣтъ:

„Коль Розою любимъ счастливѣйшій Милонъ,
„Чегожъ желать онъ можетъ болѣе“ и пр.

Слѣдуетъ нѣжное объясненіе; влюбленные заключаютъ другъ друга въ объятія; но во время одного такого свиданія является неожиданно супругъ, вызываетъ Милона на дуэль и ранитъ его. Роза умираетъ, а супругъ ея, князь Вѣтрогоновъ, отравляетъ себя.

Въ Карамзинской повѣсти «Юлія», написанной въ 1794 г., вышедшей впервые отдѣльнымъ изданіемъ въ 1796 г. [1]), супругъ поставленъ въ такое же неловкое положеніе, но дѣло обходится безъ дуэли. Онъ застаетъ Юлію въ саду, сидящею въ нѣжной позѣ подлѣ князя N, который цѣловалъ ея руку и уговаривалъ слѣдовать влеченію сердца. Въ первую минуту у Ариста является желаніе «заколоть ихъ однимъ кинжаломъ, утолить кровію жажду справедливаго мщенія, а потомъ умертвить и себя, но онъ усмирилъ кипящее сердце и скрылся», оставивъ Юліи объяснительное письмо, въ которомъ великодушно предоставлялъ ей свободу и все оставшееся послѣ него имущество. У Юліи является раскаяніе, она отсылаетъ отъ себя князя и удаляется въ деревню, гдѣ становится примѣрной женщиной и матерью, а супругъ, увѣрившись въ ея исправленіи, возвращается къ ней и оба вновь наслаждаются семейнымъ счастьемъ.

Въ повѣсти «Романъ моихъ ближнихъ» 1804 г. взята та-же тема, что у Карамзина, и даже, быть можетъ, заимствована отъ

---

[1]) Повѣсть „Юлія“ была переведена на французскій языкъ. См. журналъ „Патріотъ“ 1797 г., т. II. стр. 208.

него; но краски усилены и неизвѣстный авторъ видимо разсчитываетъ на эффектъ. Особенно трагично начало повѣсти, гдѣ нѣжная Юлія въ деревенскомъ уединеніи льетъ слезы о супругѣ Ліодорѣ, которому она измѣнила и считаетъ умершимъ. «Она бродитъ кротчайшими шагами, блѣдная, сухая, съ поникшей головой, въ мрачной густотѣ березовой рощи, гдѣ осенній Борей осыпалъ землю пожелтѣвшими листьями; картина осени вливала въ составъ растерзаннаго ея существа нѣчто мрачнѣе, нежели глубокая меланхолія...» Къ ней приносятъ умирающую госпожу съ ребенкомъ, израненную разбойниками; оказывается, что это бывшая пріятельница Юліи, Милена; она умираетъ и оставляетъ своего маленькаго сына Любима на рукахъ Юліи, которая посвящаетъ себя его воспитанію. Черезъ три года является неожиданно Ліодоръ, прощаетъ Юлію и соединяется съ нею; вслѣдъ затѣмъ входитъ Валерій, отецъ Любима;—всѣ проливаютъ радостныя слезы.

Въ заключеніе укажемъ на двѣ повѣсти, гдѣ сентиментальный элементъ является еще болѣе утрированнымъ. Такъ въ повѣсти «Пламиръ и Раида», 1796 г., К. Д. Горчакова, жестокосердый отецъ разлучаетъ влюбленныхъ. Пламиръ ѣдетъ на войну и, смертельно раненый въ сраженіи, не позволяетъ врачу вынуть изъ своей груди осколки разбитаго пулей портрета Раиды, которая, въ свою очередь, умираетъ при вѣсти объ его смерти. Въ другой повѣсти «Несчастная Лиза, истинное происшествіе», соч. князя Долгорукова, 1811 года, на сценѣ опять неудачная любовь: Лиза выходитъ замужъ по принужденію, но вѣрная своему Аристу бѣжитъ съ нимъ. Нѣкоторое время они живутъ счастливо: Аристъ уѣзжаетъ въ командировку и оставляетъ Лизу больною въ домѣ купца: полицейскій требуетъ отъ нея свидѣтельства и грозитъ строгостью законовъ, если она не жена Ариста. Съ нею дѣлается ударъ и она умираетъ. Аристъ въ отчаяніи, бросаетъ службу, украшаетъ могилу своей возлюбленной кусточками и цвѣтами, обноситъ перилами, а «у поверхности ставитъ картину на которой была изображена плачущая женщина передъ урной» (картина въ видѣ виньетки приложена къ началу повѣсти). Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ Аристъ ежедневно посѣщаетъ могилу своей возлюбленной и льетъ слезы; но пріѣзжаетъ мужъ Лизы, узнаетъ объ ея смерти и «уничтожаетъ памятникъ чувствительности, украшающій ея могилу» [1]).

[1]) Повѣсть эта была предварительно напечатана въ журналѣ „Аглая“ изд.

Извѣстная повѣсть Карамзина «Бѣдная Лиза» изданная въ 1792 году, такая же сентиментальная повѣсть, какъ и предъидущія, только болѣе краснорѣчиво написанная и съ талантливымъ изображеніемъ Москвы. Молодые пастушки поютъ пѣсни играютъ на свирѣляхъ, сплетаютъ вѣнки на свои шляпы; на сценѣ зефиры, кусточки, цвѣты» пьющіе животворные лучи свѣта и пр. Лиза и ея старая мать, безпрестанно проливающая слезы о смерти мужа—«ибо и крестьянки любить умѣютъ!»—представляютъ олицетвореніе патріархальныхъ добродѣтелей, безкорыстія, счастливаго невѣдѣнія зла. Невинная нѣжная Лиза выражается языкомъ барышни, начинавшейся романовъ, вмѣстѣ съ старой крестьянкой матерью любуется красотами природы, дважды падаетъ въ обморокъ. Наконецъ на сцену выступаетъ герой въ видѣ легкомысленнаго Эраста, съ замашками Ловеласа; онъ соблазняетъ Лизу, затѣмъ безжалостно бросаетъ ее и приказываетъ слугѣ выпроводить со двора, когда она приходитъ къ нему за объясненіями. Несчастная съ отчаянія топится въ прудѣ.

«Марьина роща» Жуковскаго, напечатанная въ 1809 г. только по началу и нѣкоторымъ отдѣльнымъ выдержкамъ, взятымъ почти цѣликомъ изъ Карамзинской «Бѣдной Лизы» можетъ быть отнесена къ сентиментальнымъ повѣстямъ. Что же касается общаго содержанія и всего тона разсказа, то и эта повѣсть, очевидно написана Жуковскимъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ западно-европейскаго, собственно нѣмецкаго романтизма. Наиболѣе рельефное дѣйствующее лицо—Рогдай, богатырь временъ Владиміра, является со всѣми аттрибутами средневѣковаго романическаго рыцаря, какъ съ внѣшней такъ и нравственной стороны.

Къ сентиментальнымъ романическимъ произведеніямъ относятся и такъ называемыя пастушескія и сельскія повѣсти, хотя носятъ своеобразный характеръ и отличаются преобладаніемъ идилліи, которая составляетъ ихъ неизбѣжный элементъ. Здѣсь вся цѣль нравоученій направлена къ тому, чтобы показать наглядно преимущества патріархальнаго простаго образа жизни среди природы, передъ испорченностью нравовъ господствовавшею въ городахъ.

Среди романическихъ произведеній этой категоріи мы встрѣтили

въ Москвѣ кн. П. Шаликовымъ, (см. апрѣль 1810 г.), но авторъ вмѣсто своей фамиліи выставилъ букву *Р*.

только одну, собственно пастушескую по преимуществу подражательную повѣсть: «Старецъ или превратность судьбы», Н. Брусилова 1803 г., гдѣ изображены невинные пастухи и пастушки; они одарены всѣми патріархальными добродѣтелями и ведутъ праздную безмятежную жизнь: описаны зефиры, соловьи, ручьи протекающіе вдоль зеленыхъ береговъ, усѣянныхъ цвѣтами и пр. Пастушокъ Милонъ разсуждаетъ съ женой о величіи міра и ихъ счастьи. Элеонора отвѣчаетъ ему въ томъ-же тонѣ; является старецъ въ одеждѣ бѣднаго странника; они приглашаютъ его къ себѣ раздѣлить съ ними скудную трапезу. Старецъ разсказываетъ имъ исторію своей жизни; онъ былъ нѣкогда царемъ и отечески управлялъ своими подданными, а затѣмъ лишился престола и пятилѣтней дочери, пропавшей безъ вѣсти, которую онъ напрасно отыскивалъ въ теченіи многихъ лѣтъ Слѣдуетъ объясненіе: Элеонора оказывается его дочерью, пастухъ и пастушки поздравляютъ ее; старецъ поселяется въ хижинѣ дочери и ея мужа. Въ другой пастушеской повѣсти «Несчастные любовники» соч. П. С., 1809 г., хотя и выведены пастухи и пастушки, но она не представляетъ цѣльности предъидущей повѣсти. Жестокій отецъ не хочетъ выдать своей дочери за бѣднаго пастуха Николая, любимаго ею, такъ какъ разсчитываетъ на болѣе выгоднаго жениха. Николай идетъ въ рекруты и убитъ въ сраженіи; влюбленная пастушка умираетъ отъ тоски, а за нею отецъ, хижина пустѣетъ послѣ ихъ смерти.

Въ сельской повѣсти «Розана и Любимъ» соч. Павла Львова Спб. 1790 г., отчасти написанной въ подражаніе идилліи Шмидта «Рахель и Богъ Мессопотаміи», пастушескій элементъ уже представляетъ нѣчто вводное, Аркадія съ серебристыми ручьями, амурами, исполненная красоты, нѣжности и наслажденій, только «во снѣ» представляется героинѣ повѣсти, Розанѣ; она видитъ также своего жениха Любима, влекомаго чудовищами, но Амуръ побѣждаетъ ихъ. Дѣйствіе повѣсти происходитъ въ русской деревнѣ среди крестьянъ и пастуховъ, которые живутъ въ первобытной простотѣ и добродѣтели и довольствуются скуднымъ достаткомъ. Въ деревню пріѣзжаетъ молодой баринъ, заходитъ въ избу вдовы, матери Розаны и застаетъ тамъ собравшихся крестьянъ и отставнаго солдата. Сначала разговоръ ведется «о плодородіи, милостяхъ Божіихъ и царскихъ добродѣтеляхъ», затѣмъ переходитъ къ другимъ вопросамъ. Авторъ, устами отставнаго солдата въ высокопарныхъ выраженіяхъ

высказываетъ свои взгляды на воспитаніе, бракъ, общественныя и государственныя дѣла, обязанности гражданина и пр. Молодой баринъ, слыша такіе разговоры приходитъ къ выводу, что и «подчиненные умѣютъ судить объ общественныхъ дѣлахъ и о начальникахъ»; затѣмъ онъ окончательно умиляется душою, когда даетъ деньги матери Розаны и отцу Любима, а тѣ отсылаютъ деньги болѣе бѣднымъ семействамъ. Это убѣждаетъ его, что и «въ низкомъ состояніи есть высокія души, есть бѣдные люди, пекущіеся о человѣчествѣ»; онъ съ своей стороны является въ роли благодѣтеля. Нѣсколько дней спустя, Розана приходитъ къ нему съ жалобой, что прикащикъ хочетъ незаконно отдать въ солдаты ея жениха Любима; баринъ возгарается благороднымъ негодованіемъ, отдаетъ въ солдаты «корыстолюбиваго прикащика и его соучастниковъ» и даетъ богатое приданое Розанѣ. Всѣ проливаютъ слезы; баринъ исполненъ «душевнаго восторга, видя себя окруженнымъ сими благодарными сердцами», и т. д.

Въ романическихъ произведеніяхъ Нарѣжнаго мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго слѣда подражанія пастушескимъ и сельскимъ повѣстямъ, что кажется намъ вполнѣ объяснимымъ. Направленіе его таланта было слишкомъ реальное, чтобы у него могло явиться стремленіе сочинять такого рода наивныя идилліи. Съ другой стороны, какъ сынъ бѣднаго шляхтича, рано знакомый съ нуждой и бытомъ простаго народа, среди котораго протекли первые годы его жизни, онъ не могъ изображать крестьянъ и пастуховъ, въ духѣ Пав. Львова и Карамзина и приписывать имъ ходульныя добродѣтели, несвойственныя имъ языкъ и понятія.

XVIII.

Наши историческіе романы и повѣсти конца XVIII и начала нынѣшняго вѣка представляютъ несомнѣнные признаки вліянія ложно-классическихъ произведеній западной романической литературы. Хотя историческій элементъ издавна проявляется у насъ въ разныхъ видахъ народнаго эпоса, въ народныхъ сказаніяхъ и разсказахъ, а также въ основанныхъ на нихъ повѣстяхъ, въ родѣ Саввы Грудцына и др,, но только въ печатной русской литературѣ конца прошлаго столѣтія встрѣчаются попытки собственно

историческаго романа. Эти попытки носятъ подражательный характеръ; и на нихъ долго отражается общій складъ такъ называемыхъ «героическихъ романовъ», одно время весьма распространенныхъ въ Европѣ, въ пору господства ложно-классическихъ условныхъ формъ. Въ «героическихъ» романахъ, далекихъ отъ дѣйствительной жизни, выводились полумиѳическіе и древнеисторическія лица; при этомъ авторы, въ назиданіе живущимъ царственнымъ особамъ, изображали героическіе характеры; и въ разговорахъ между дѣйствующими лицами высказывали свои понятія о философіи, политикѣ и нравственности.

Изъ этихъ нравственно-политическихъ романовъ особенно прославилась «Аргенида» латинское сочиненіе шотландца І. Барклая, написанное въ аллегорической формѣ, которое впервые напечатано въ Парижѣ въ 1621 году. Но вскорѣ, аллегорію замѣняетъ историко-фантастическій элементъ, а именно въ «Телемакѣ» Фенелона, успѣхъ котораго вызвалъ много подражателей въ самой Франціи и другихъ странахъ.

Первымъ подражателемъ Фенелона является у насъ Ѳедоръ Эминъ въ своемъ романѣ 1763 года «Приключенія Ѳемистокла и разные политическіе, гражданскіе, физическіе и военные съ сыномъ разговоры». Еще болѣе близкое подражаніе Телемаку представляютъ романы М. Хераскова, который «считалъ Фенелона величайшимъ изъ писателей, а Телемака неподражаемымъ произведеніемъ» (39). Но Херасковъ смѣлѣе западно-европейскихъ писателей и безцеремонно обращается съ историческими фактами и преданіями, какъ напр. въ романѣ «Нума или процвѣтающій Римъ» (1768). Равнымъ образомъ, въ другомъ своемъ романѣ «Кадмъ и Гармонія» (1793), хотя Херасковъ шагъ за шагомъ придерживается «Телемака» и даже подчасъ повторяетъ его, но и здѣсь онъ не менѣе произвольно извращаетъ древне-классическій миѳъ. При этомъ въ «Кадмѣ и Гармоніи» встрѣчаются самыя фантастическія имена, небывалыя мѣстности, хронологическія и другія несообразности, такъ какъ авторъ не считалъ для себя обязательнымъ соблюденіе исторической и географической вѣрности и даже самъ заявляетъ объ этомъ въ «Предисловіи».

Тѣмъ не менѣе, несмотря на полное отсутствіе творчества и поэтическаго таланта въ двухъ названныхъ романахъ, а равно и въ «Полидорѣ» (1794), произведенія Хераскова пользовались извѣст-

ностью и выдержали четыре изданія. Продолжительное кураторство въ Московскомъ университетѣ также не мало способствовало его популярности среди новаго поколѣнія. Карамзинъ въ «Московскомъ журналѣ» 1791 года (ч. I стр. 80—101) съ уваженіемъ отзывается о романѣ «Кадмъ и Гармонія», а равно и журналъ «Улей» 1811 г. (ч. II стр. 112—113).

Хотя ложный классицизмъ окончилъ свое существованіе въ произведеніяхъ Хераскова и его послѣдователей, но ложно-классическія формы продолжають господствовать въ русскомъ историческомъ романѣ и повѣсти подражательнаго періода. Слава Хераскова, какъ писателя не осталась безъ вліянія на современныхъ «русскихъ сочинителяхъ», выступающихъ въ новой области историческаго романа; и съ ихъ стороны было вполнѣ возможно подражаніе его произведеніямъ, за неимѣніемъ другихъ образцовъ. Поэтому въ нашихъ историческихъ романахъ и повѣстяхъ не только прошлаго но и начала нынѣшняго вѣка, мы неизмѣнно встрѣчаемъ обычные ложноклассическіе пріемы:—полное отсутствіе естественности, высокопарный напыщенный тонъ и фантастическихъ ходульныхъ героевъ, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Съ другой стороны, историческія и иныя несообразности, какія позволялъ себѣ Херасковъ, явились само собою у нашихъ первоначальныхъ историческихъ писателей при невѣжествѣ многихъ изъ нихъ; и ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя упрекнуть въ намѣренномъ извращеніи фактовъ. Поэтому въ нашихъ тогдашнихъ историческихъ повѣстяхъ и романахъ мы находимъ нерѣдко полное почти доходящее до комизма незнаніе исторіи и условій описываемаго времени, особенно въ тѣхъ романическихъ произведеніяхъ, гдѣ дѣло касается давней старины.

Особенно любопытна въ этомъ отношеніи историческая повѣсть Лазаревича 1782 года «Добродѣтельная Розана» изъ временъ Владиміра Святаго, гдѣ на сценѣ Любочесть, богатый вотчинникъ влюбленный въ дочь помѣщика Розану, которая мучится сомнѣніями, по поводу неравенства ихъ состоянія. Онъ отвѣчаетъ ей съ паѳосомъ: «Что мнѣ пользы въ томъ, что я первымъ по Владимірѣ, если сіе достоинство не можетъ раздѣлять та, которую сердце мое избрало повелительницею». Затѣмъ Любочесть обращаетъ избранницу своего сердца въ христіанство выдержками изъ катихизиса; но вскорѣ свиданія ихъ прекращаются; Розана получаетъ письмо,

въ которомъ Любочесть въ высокопарныхъ чувствительныхъ выраженіяхъ распространяется о своей любви и объявляетъ, что долженъ идти въ походъ на печенѣговъ. Розана падаетъ въ обморокъ при этомъ извѣстіи и заболѣваетъ горячкой, тѣмъ болѣе, что отецъ хочетъ выдать ее замужъ за стараго Грубея, извѣстнаго своей грубостью и низостью, но она захвачена въ плѣнъ печенѣгами, которые уводятъ ее въ степи и хотятъ выдать за мужъ за своего князя, но Розана противится. Проходитъ шесть лѣтъ. Наконецъ, Любочесть отыскиваетъ станъ печенѣговъ, побѣждаетъ ихъ, убиваетъ печенѣжскаго князя и женится на своей возлюбленной. Отсюда нравоученіе, что «сколь участь Розаны ни была сурова, она, слѣдуя добродѣтели всечастно, достигла, наконецъ, и тѣхъ блаженныхъ дней».

Между тѣмъ наивность разсказа и историческія погрѣшности повѣсти Лазаревича еще долго встрѣчаются въ историческомъ романѣ этого времени и служитъ нагляднымъ доказательствомъ медленности его развитія. Въ этомъ отношеніи особенно характерна одна позднѣйшая повѣсть, написанная девятнадцать лѣтъ спустя, а именно «Ольга», историческій отрывокъ неизвѣстнаго автора, изданная въ Москвѣ въ 1803 году, въ которой разговорная форма преобладаетъ надъ повѣствовательной. Игорь царствуетъ въ Новгородѣ, «имя его гремитъ на сѣверѣ, раздается въ странахъ полуденныхъ, востокъ и западъ наполняются звуками его; подданные настолько любятъ Игоря, что готовы «жертвовать жизнью для сохраненія его». Онъ долго не возвращается съ охоты и Новгородъ въ безпокойствѣ приноситъ жертвы богамъ въ капищѣ Перуна. Куда удалился онъ? Въ это время Игорь сидитъ на берегу Волхова въ глубокой задумчивости и видитъ, что юная дѣвица, покорившая его сердце, «какъ серна скрывается въ уединенную рощу»; съ груди ея падаетъ розовая повязка; «государь поднимаетъ повязку и съ пламеннымъ лобзаніемъ прижимаетъ ее къ груди своей...» Это юная дѣвица Прекраса, внука Гостомысла, которая живетъ за десять поприщъ отъ Новгорода, съ старой Иньгердой, «въ спокойномъ уединеніи, добродѣтели и счастіи». Неожиданная встрѣча съ незнакомымъ богатыремъ смутила ея сердце; она также влюбилась въ него и проводитъ ночь безъ сна; но скрываетъ свою тайну отъ Иньгерды. «На другой день она, съ притворной веселостію и невинной хитростію, почти всегдашній ея характеръ, подходитъ къ Иньгердѣ и говоритъ

самымъ тонкимъ языкомъ влюбленной юности». Авторъ приводитъ «сей интересный разговоръ», который, по его мнѣнію, «покажетъ Прекрасу, что она будетъ нѣкогда великою Ольгою».

Иньгерда. Что, милая Прекраса, каково проводила ночь сію?

Прекраса. (Притворно, какъ будто старается скрыть). Ахъ, маменька, я всегда спала спокойно.

Иньгерда. Спала, а не спишь...

Прекраса. Нѣтъ, я сплю, ты знаешь, маменька, я всегда была...

Иньгерда. Къ чему это? все была — спала, а для чего не иначе?... Нѣтъ, Прекраса, ты что нибудь скрываешь отъ меня...

Прекраса смѣется, снова хитритъ, но, уступая желанію Иньгерды, говоритъ, что видѣла во снѣ богатыря и пр.

Между тѣмъ, бѣжавшій изъ плѣна Альфредъ, съ 50,000 половцевъ, идетъ походомъ на Новгородъ. «Онъ поклялся адомъ до основанія разорить сей ненавистный для него городъ; половцы на каждое его мановеніе отвѣчаютъ скрежетомъ зубовъ». Происходитъ сраженіе, половцы начинаютъ одолѣвать, но является Прекраса въ видѣ дѣвы Орлеанской, «вонзаетъ булатный кинжалъ въ грудь Альфреда» въ тотъ моментъ, когда онъ хочетъ убить Игоря, и преслѣдуетъ бѣгущихъ половцевъ.

Является на полѣ битвы Олегъ, съ колесницею отъ благодарнаго Новгорода, и приглашаетъ юную героиню слѣдовать за нимъ. Въ Новгородѣ ихъ ожидала торжественная встрѣча. Олегъ подводитъ ее къ престолу, «сіявшему въ златѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ; Игорь сходитъ съ престола и съ колѣнопреклоненіемъ подноситъ ей священныя регаліи. Жрецъ именемъ Вседержителя благословилъ ихъ бракосочетаніе, а Олегъ перемѣнилъ имя ея и наименовалъ своимъ именемъ, Ольгою» и пр. [1]).

---

[1]) Эта же повѣсть, съ нѣкоторыми измѣненіями и съ приложеніемъ портрета Игоря и Ольги, была перепечатана въ Москвѣ въ 1814 году, подъ названіемъ: „Игорь, великій князь Сѣвера. Героическое происшествіе“, соч. А. К. Дѣйствительный или присвоившій себѣ чужое сочиненіе авторъ распространяется въ предисловіи о подвигахъ русскаго народа 1812 года и заявляетъ, что, „писавши сіе историческое происшествіе объ Игорѣ, онъ имѣлъ цѣлію не иначе что, какъ изобразить примѣръ храбрости и приверженности нашихъ предковъ къ царю и отечеству... Еще подъ знаменами Игоря умѣли они карать дерзнувшихъ нарушить благоденствіе Сѣвера“ и пр.

Къ повѣсти приложены любопытныя примѣчанія изъ славянской миѳологіи, гдѣ на ряду съ краткими объясненіями отдѣльныхъ словъ представлены характеристики славянскихъ боговъ, въ родѣ слѣдующихъ: a) Перунъ—славянскій Юпитеръ, но власть перваго сильнѣе и не столько ограничена, какъ послѣдняго. Это за то, что Богъ славянъ никогда не унижалъ себя превращеніями. b) Разсуда—Минерва славянъ, она родилась не такъ, какъ вторая, не изъ головы Юпитера, но она родилась, или лучше сказать, создалась изъ двухъ свойствъ Перуна: изъ Разсудка и Мудрости... Римская богиня Мудрости была завистлива, даже ревнива, до которой страсти богиня славянъ не унижала себя и пр.

Приведенная нами повѣсть «Ольга» особенно поражаетъ насъ въ сравненіи съ «Марѳой Посадницей» Карамзина, напечатанной въ томъ же 1803 году; но видимая разница между обѣими повѣстями не покажется намъ такой неизмѣримой, если мы припомнимъ въ общихъ чертахъ содержаніе «Марѳы Посадницы». Не подлежитъ сомнѣнію, что грубыя историческія несообразности, встрѣчаемыя въ «Ольгѣ», были немыслимы у талантливаго и образованнаго автора «Исторіи Гос. Россійскаго»; но и онъ позволилъ себѣ несообразности въ своей повѣсти, хотя въ другомъ родѣ и въ менѣе первобытной формѣ. Не смотря на сдѣланное имъ въ предисловіи заявленіе, что «всѣ главныя происшествія согласны съ исторіей», мы не находимъ этого въ дѣйствительности [1]); онъ также, какъ и его предшественники, совершенно игнорируетъ условія времени и не знаетъ мѣры своей фантазіи, вслѣдствіе чего весь разсказъ является ходульнымъ и мелодраматическимъ. Высокопарная рѣчь царскаго посла передъ народомъ, патріотическія рѣчи Марѳы обращенныя къ народу, ея бесѣда съ дѣтьми своими и отшельникомъ Ѳеодосіемъ поражаютъ насъ своей искусственностью, равно и напускной героизмъ Ксеніи. Она поливаетъ цвѣты въ то время, когда происходитъ сраженіе и ея возлюбленный супругъ, Мирославъ, въ качествѣ вождя подвергался наибольшей опасности. Но Марѳа видитъ

---

[1]) Такъ, напримѣръ, первый походъ Іоанна на Новгородъ 1471 г. и второй походъ 1478 г. описаны одновременно, а отсюда рядъ происшествій, несогласныхъ съ исторіей; оба сына Марѳы Борецкой не были убиты въ сраженіи, равно и она сама не была казнена въ Новгородѣ; Іоаннъ послѣ покоренія Новгорода не особенно заботился о душевномъ успокоеніи новгородцевъ и принялъ, какъ извѣстно, довольно рѣшительныя мѣры и проч.

издали разсѣянныя тысячи бѣгущихъ и среди нихъ колесницу, осѣненную знаменами съ тѣломъ Мирослава; Ксенія «обливаетъ слезами хладныя уста своего друга», но говоритъ матери: «будь покойна, я дочь твоя!» Блѣдный окровавленный витязь Михаилъ Храбрый, пріѣхавшій въ колесницѣ, изнемогающій отъ ранъ, пространно повѣствуетъ о битвѣ, но голосъ его слабѣетъ и онъ, какъ театральный герой, умираетъ по окончаніи рѣчи. Оба сына Марѳы убиты въ сраженіи, но она спокойно выслушиваетъ эту вѣсть и своими рѣчами воодушевляетъ новгородцевъ. Наступаетъ ночь. «Утомленные воины не хотятъ отдохновенія, они стояли на площади, облокотясь на свои щиты, и говорили: побѣжденные не отдыхаютъ». На другой день Марѳа на похоронахъ двухъ витязей, «съ цвѣтами въ рукахъ», опять говоритъ рѣчь. Между тѣмъ, въ городѣ начинается голодъ, готовится мятежъ... «Марѳа, гордая, величавая, вдругъ упадаетъ на колѣни» передъ народомъ, умоляетъ выслушать ее и ободряетъ новгородцевъ; воины спѣшатъ въ поле, но послѣ трехчасовой битвы побѣда остается на сторонѣ царя. Іоаннъ торжественно въѣзжаетъ въ Новгородъ, «державной рукой своей сыплетъ злато на бѣднѣйшихъ гражданъ, которые искренно и добросердечно славятъ его благотворительность. Не грозный чужеземецъ, но великій государь русскій побѣдилъ русскихъ; любовь отца монарха сіяла въ очахъ его!» Тѣмъ не менѣе, передъ домомъ Ярослава воздвигается эшафотъ, голова Марѳы падаетъ на плахѣ; бояринъ Холмскій для успокоенія новгородцевъ читаетъ имъ милостивую царскую хартію. Вѣчевой колоколъ снятъ съ древней башни, отвезенъ въ Москву и проч.

Въ другой, болѣе ранней и болѣе удачной, повѣсти Карамзина «Наталья, боярская дочь», написанной въ 1792 году, гдѣ романическій интересъ преобладаетъ надъ историческимъ, цвѣтистая нѣжная рѣчь даровитаго автора опять-таки плохо вяжется съ изображаемымъ патріархальнымъ бытомъ старыхъ московскихъ бояръ и простымъ языкомъ стараго времени, и онъ даетъ слишкомъ большую волю своему воображенію. Похищеніе боярской дочери, описаніе таинственнаго лѣснаго жилища опальнаго боярина Алексѣя, его подвиги на полѣ битвы, Наталья, сопровождающая его въ одеждѣ воина, бесѣда царя съ Алексѣемъ и проч. — все это своего рода несообразности, уменьшающія достоинство повѣсти.

Къ этому же виду романическо-историческихъ произведеній могутъ

быть отнесены одна повѣсть 1807 г. и романъ 1809 г., хотя историческій элементъ также является здѣсь чѣмъ-то побочнымъ; и сочинители безъ всякой удержи предаются волѣ своей фантазіи. a) Повѣсть «Б—въ и М—въ или слѣдствіе пылкихъ страстей и нарушеніе обѣта», Петра Казотти, 1807 года, взята изъ временъ царя Алексѣя Михайловича, когда Россія, по словамъ автора, «наслаждалась безмятежной тишиной и спокойствіемъ, а истина и добродушіе блистали во всемъ величіи въ сердцахъ русскихъ». Послѣ такихъ восхваленій читатель въ правѣ ожидать, что они будутъ подкрѣплены какими нибудь фактами; но это ожиданіе оказывается напраснымъ: авторъ только мимоходомъ блеснулъ своими историческими знаніями, а затѣмъ слѣдуетъ сенсаціонный разсказъ въ сентиментальномъ духѣ. b) Въ четырехъ-томномъ романѣ: «Наталья Т-тч-ва и На-ы-нъ или любовники, сосланные въ Сибирь, историческое происшествіе, взятое изъ временъ Петра Великаго», соч. В. З., послѣ восхваленія подвиговъ Петра I слѣдуетъ подробное описаніе, какъ любимая фрейлина императрицы Т-тч-ва умертвила ребенка, прижитаго ею съ На-ы-нымъ, за что оба подвергаются ссылкѣ въ Сибирь. Но тутъ уже начинается настоящій романъ съ «приключеніями», съ самой запутанной завязкой, всевозможными препятствіями, которыя въ продолженіе многихъ лѣтъ мѣшаютъ встрѣчѣ несчастныхъ любовниковъ и, наконецъ, На-ы-нъ попадаетъ въ тюрьму. Петръ Великій пріѣзжаетъ инкогнито въ Тобольскъ и за обѣдомъ у губернатора приказываетъ освободить заключеннаго, прощаетъ Т-тч-ву, послѣ чего «въ безмолвіи наслаждается кроткими плодами благости своей». Въ 1809 году появился другой романъ того же содержанія, «Любовники, сосланные въ Сибирь, или приключенія Г-жи Амильтонъ и Г. Н.», изъ временъ Петра I, съ тою разницею, что героиня убиваетъ не одного, а двухъ дѣтей. Кромѣ того, изгнанники получаютъ прощеніе по просьбѣ своего сына, который родился въ Сибири и отличился въ Полтавскомъ сраженіи. Романъ этотъ безъ подписи, лишенъ всякой внутренней связи и, повидимому, представляетъ неудачную копію предъидущаго далеко неталантливаго романа.

На ряду съ указанными видами историческаго романа и повѣсти, мы встрѣтили нѣсколько повѣстей, гдѣ историческій интересъ преобладаетъ надъ романическимъ, и сочинители впадаютъ въ другую крайность. Они, главнымъ образомъ, гонятся за историческою

вѣрностью фактовъ и представляютъ сухія историческія реляціи въ родѣ «Князь Менщиковъ, любопытный историческій отрывокъ», соч. Геракова, 1801 года, или же къ ущербу романическаго интереса переполняютъ разсказъ пространными и точными выписками изъ историческихъ сочиненій и лѣтописей. Типичнымъ примѣромъ этого рода произведеній можетъ служить повѣсть: «Ксенія, княжна Галицкая», 1808 года, неизвѣстнаго автора, который описывая нашествіе Батыя на Россію вполнѣ точно придерживается даже мелкихъ фактовъ, сообщаемыхъ Суздальской лѣтописью по списку библіотеки Московской Духовной Академіи (Изд. Арх. Ком. 1872 г.). Но мы не беремся рѣшить, руководствовался-ли авторъ именно этимъ или какимъ либо другимъ рукописнымъ спискомъ, потому что Суздальская лѣтопись еще не была издана въ 1808 году. О степени его добросовѣстности въ этомъ отношеніи можно судить изъ того, что онъ, между прочимъ, дѣлаетъ такую оговорку: «исторія гласитъ, что Батый, послѣ побѣды надъ войскомъ Юрія, пошелъ не къ Галичу, а къ Новгороду, но я перемѣнилъ сіе обстоятельство для того, что Галичъ есть родина героини сея повѣсти»... [1]). Что касается романической части повѣсти, то при сухомъ и бездарномъ изложеніи, авторъ не считаетъ нужнымъ сообразоваться съ условіями времени и описываемой страны, вслѣдствіе чего рисуетъ Золотую Орду довольно фантастическими красками. Повѣсть начинается съ описанія смерти галицкаго князя Мстислава и его супруги; та же участь грозитъ ихъ единственной дочери Ксеніи, но самъ Батый спасаетъ ее изъ рукъ татаръ и поручаетъ своему брату Темиру отвести ее въ Орду, вмѣстѣ съ галицкимъ священникомъ Михаиломъ и другими плѣнниками. Темиръ, одаренный всѣми доблестями средневѣковаго рыцаря, при рѣдкой деликатности чувствъ, влюбляется въ Ксенію и ежедневно навѣщаетъ ее по прибытіи въ Орду; но священникъ Михаилъ неизмѣнно присутствуетъ при ихъ свиданіяхъ. Только два года спустя, Темиръ случайно застаетъ Ксенію одну, объясняется въ любви и проситъ ея руки въ надеждѣ вымолить у брата согласія на бракъ. Ксенія уже готова дать слово, но входитъ Михаилъ и принуждаетъ ее въ ту-же ночь бѣжать съ нимъ. Она оставляетъ Темиру письмо, въ которомъ, въ высоко-

---

[1]) Въ лѣтописи того же списка сказано, подъ 1238 годомъ, что татары послѣ побѣды надъ войскомъ Юрія „за сто верстъ до Новгорода не дошли“.

парныхъ выраженіяхъ, распространяется о томъ, что «предпочитаетъ всему любовь къ родинѣ», благополучно возвращается въ Галичъ и поступаетъ въ монастырь. Влюбленный Темиръ, послѣ неуспѣшной погони за бѣглецами, изнываетъ отъ тоски и, наконецъ, «находитъ желанную смерть на полѣ битвы».

С. Глинка въ своихъ историческихъ повѣстяхъ, изданныхъ въ 1810 году, также считаетъ своей главной задачей вѣрность историческихъ фактовъ и придерживается сухаго способа изложенія Геракова и неизвѣстнаго автора повѣсти «Ксенія, княжна галицкая». Онъ дѣлаетъ пространныя выписки изъ мемуаровъ и различныхъ историческихъ источниковъ и разнообразитъ ихъ вставными сценами и разговорами дѣйствующихъ лицъ въ патріотическомъ духѣ.

Въ заключеніе укажемъ на два романа съ историческими заглавіями, изданные въ 1809 году, которые не лишены извѣстнаго интереса въ смыслѣ попытки романа, основаннаго на современныхъ событіяхъ. Одинъ изъ нихъ, «Князь В—скій и княжна Щ—ва или умереть за отечество славно, новѣйшее происшествіе во время кампаніи французовъ съ нѣмцами въ 1806 г.», изд. В. З., 2 части,—повидимому, не что иное, какъ передѣлка какого-то сенсаціоннаго иностраннаго романа, написаннаго въ сентиментальномъ духѣ. Старый отставной воинъ, князь Финогенъ В—скій, живущій въ своей усадьбѣ К—ской губерніи отправляетъ на войну двоихъ сыновей; одинъ изъ нихъ убитъ въ Германіи во время сраженія, къ великому огорченію его тайной любовницы княжны Щ—вой и стараго отца, который съ отчаянія сходитъ съ ума, послѣ чего авторъ исключительно распространяется о нихъ. Но, во второй части оказывается, что молодой князь не убитъ, а только опасно раненъ; благодѣтельный пасторъ поднимаетъ его съ поля битвы и помѣщаетъ въ своемъ домѣ до окончательнаго выздоровленія. Молодой князь, въ качествѣ русскаго офицера, бесѣдуя съ пасторомъ, старается внушить ему уваженіе къ русскому воинству. «Народная сила и храбрость, говоритъ онъ (стр. 23), ставятъ насъ на ряду съ греками и римлянами... Давно-ли утомленная Польша учинилась жертвою вѣроломства своего? Давно-ли униженные французы со стыдомъ бѣжали изъ Италіи отъ перваго появленія россійскихъ войскъ?..» Затѣмъ молодой князь превозноситъ успѣхи русскихъ «въ политическомъ и моральномъ отношеніи» и добавляетъ, что

«лучше сотни разъ умереть на полѣ сраженія, нежели безпечно покоиться въ объятіяхъ своей любезной». Пасторъ пораженъ такими рѣчами и, въ свою очередь, читаетъ ему длинную проповѣдь о нравственности. Въ заключеніе храбрый русскій офицеръ возвращается въ Россію, слѣдуетъ трогательная сцена свиданія съ родными и пр. Въ другомъ романѣ или, точнѣе, повѣсти 1809 г.: «Русская амазонка или геройская любовь россіянки, отечественное происшествіе, случившееся въ продолженіе послѣдней противъ французовъ кампаніи въ 1806 и 1807 годахъ», 2 части,—молодая дѣвушка, переодѣтая въ офицерское платье, отправляется въ походъ за своимъ возлюбленнымъ и, вслѣдствіе этого, подвергается разнымъ случайностямъ. Авторъ, при передачѣ подробностей военныхъ событій, очевидно, находился подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ современныхъ разсказовъ и газетныхъ реляцій; и въ этомъ отношеніи не позволяетъ себѣ никакихъ отступленій въ пользу романическаго интереса.

Указанныя нами попытки историческаго романа и повѣсти, при всей неумѣлости авторовъ и слабыхъ сторонахъ, принесли свою долю пользы и были неизбѣжны при общемъ ходѣ развитія нашего историческаго романа. Изъ этихъ единичныхъ попытокъ, не представлявшихъ никакой внутренней связи, творческому таланту Нарѣжнаго суждено было впервые заложить прочное основаніе для будущаго историческаго романа въ настоящемъ значеніи слова. Хотя Нарѣжный не написалъ ни одного цѣльнаго, вполнѣ историческаго романа, но въ его «Запорожцѣ» и «Бурсакѣ» мы встрѣчаемъ законченныя историческія картины и мастерское изображеніе извѣстныхъ моментовъ изъ прошлой исторіи Малороссіи, хорошо знакомой ему по живымъ, еще не забытымъ преданіямъ и разсказамъ о гетманскихъ временахъ, слышанныхъ въ дѣтствѣ. Онъ впервые представляетъ дѣйствительныя, не фантастическія описанія стариннаго быта, со всей тогдашней обстановкой и старинными одеждами; его описанія хотя и не такъ эффектны, какъ у Карамзина, но имѣютъ характеръ болѣе историческій. При воспроизведеніи историческихъ событій богатая фантазія Нарѣжнаго во всякомъ случаѣ является болѣе обузданной, нежели у котораго либо изъ его предшественниковъ, а съ другой стороны онъ не довольствуется однимъ сухимъ изложеніемъ фактовъ, какъ Гераковъ, С. Глинка и др.

XIX.

Попытки реальнаго русскаго романа, въ періодъ времени отъ 1764 по 1814 годъ, встрѣчаются: a) въ видѣ существеннаго элемента или же случайной примѣси въ самыхъ разнородныхъ романахъ и повѣстяхъ нашей подражательной литературы; b) въ формѣ цѣльныхъ реальныхъ разсказовъ, и c) романическихъ произведеній, представляющихъ задатки самобытнаго реальнаго романа съ нынѣшней точки зрѣнія.

Послѣднія показались намъ наиболѣе слабыми и неудовлетворительными. Что-же касается единичныхъ проявленій реализма въ нѣкоторыхъ подражательныхъ романахъ и повѣстяхъ этого времени, а также цѣльныхъ реальныхъ разсказовъ, то мы видимъ здѣсь пріемы, указывающіе на значительную степень развитія, которая могла быть подготовлена только предшествующей литературой. Реализмъ нашей старой устной и письменной литературы могъ продолжаться и въ разсказахъ, навѣянныхъ чтеніемъ западно-европейскихъ романовъ и повѣстей, вошелъ и въ наши переводные романы и повѣсти, которые шли рука объ руку съ передѣлкой и подражаніемъ.

1) Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ вышеприведенныхъ романовъ «съ приключеніями»: «Несчастный Никаноръ и приключеніе жизни Россійскаго Дворянина», соч. Н., изд. второе, 3 части, 1787 года, встрѣчаются хотя немногія, но безусловно реальныя сцены и описанія, которыя ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать наивными или неумѣлыми. Между прочимъ, авторъ съ первыхъ же страницъ рисуетъ мѣткими и вполнѣ реальными чертами жизнь обѣднѣвшаго Никанора въ домѣ «добродѣтельнаго человѣка» и оказываемыя имъ услуги, чтобы заслужить милость благодѣтелей. «Онъ игралъ съ ними въ маленькую игру для препровожденія времени, между тѣмъ употреблялъ пристойныя шутки, пѣлъ и сочинялъ пѣсни; также сочинялъ оды и всякіе увеселительные стишки... сказывалъ имъ сказки и исторіи, на святкахъ производилъ съ ними всякія игры и гаданія, въ маскарадахъ одѣвался въ женское платье, словомъ сказать, все то дѣлалъ, что въ угодность имъ служило...» Затѣмъ, въ той же первой части романа, на стр. 150—155, не менѣе рельефно описаны нравы въ домѣ «милостивца», гдѣ, кромѣ Никанора, жили по бѣдности и другіе дворяне, какъ, напримѣръ, титу-

лярный совѣтникъ Никифоръ, который помѣщался въ одномъ покоѣ съ Никаноромъ. Между обоими жильцами была вражда и постоянныя ссоры, такъ что хозяинъ дома, для прекращенія споровъ, въ шутку посовѣтовалъ имъ размежеваться. Никаноръ устроилъ себѣ глухую перегородку у печки, такъ что титулярному совѣтнику, любящему прохладу, стало совсѣмъ холодно; этотъ, въ свою очередь, чтобы «познобить Никанора, проигрывавшаго всѣ ночи въ карты съ барынями», старался заранѣе запирать сѣни и ворота. Но люди любили Никанора и всегда отворяли ему, хотя разъ ему все-таки пришлось «перелѣзть черезъ заборъ и пола кафтана осталась на рѣшеткѣ, однако, онъ ничего не сказалъ врагу своему, который за всякую бездѣлицу серживался...» Равнымъ образомъ, въ самомъ разсказѣ Никанора, гдѣ онъ повѣтствуетъ о своей жизни, исполненной самыхъ неправдоподобныхъ приключеній, встрѣчаются реальныя описанія мѣстностей и городовъ, очевидно, знакомыхъ автору, старой помѣщичьей усадьбы, съ неизмѣннымъ садомъ и прудомъ и пр. Не лишена также извѣстной степени реальности исторія неудачной женитьбы и постепеннаго разоренія несчастнаго Никанора.

Въ повѣсти «Похожденія Ивана Гостинаго сына», И. Новикова, напечатанной въ Сборникѣ 1785 года и принадлежащей къ тому же разряду романовъ съ «приключеніями», какъ и «Несчастный Никаноръ», вполнѣ реально описана (стр. 26—40) исторія его дѣтства и постепенное деморализированіе, вслѣдствіе отсутствія нравственнаго воспитанія и нелѣпаго потворства со стороны глупой матери, которое привело его къ распутной жизни, обкрадыванію отца и пр. Тѣмъ не менѣе, по замѣчанію М. И. Михайлева (40), «заимствованіе изъ чужеземнаго источника видно и въ самой исторіи «Ивана Гостинаго сына...» Аллегорическій сонъ, имена Елизы и Елеоноры и нѣсколько нерусскихъ оборотовъ повѣсти показываютъ, что она невполнѣ принадлежитъ Ивану Новикову...»

Изъ нравоучительныхъ романовъ наиболѣе заслуживаетъ вниманія въ данномъ направленіи вышеприведенная повѣсть Н. Остолопова «Евгенія или нынѣшнее воспитаніе», Спб., 1803 г. Не смотря на избитую тему о вредѣ французскаго воспитанія, въ разсказѣ встрѣчаются живыя реальныя сцены, какъ, напримѣръ, наемъ француженки вдовой Вѣтраной, вся забота которой заключается въ томъ, чтобы француженка ни слова не говорила по русски, а также ея наивное хвастовство передъ пріятельницами, по

поводу удачнаго выбора гувернантки. Не менѣе реально описаны блестящіе результаты воспитанія: Евгенія приводитъ въ восторгъ всѣхъ знакомыхъ своимъ прекраснымъ французскимъ выговоромъ, искусствомъ въ танцахъ и умѣньемъ одѣваться со вкусомъ. Мать гордится своей благовоспитанной дочерью и только бѣгство Евгеніи съ соблазнившимъ ее парикмахеромъ Полиссономъ разочаровываетъ Вѣтрану.

Тема обѣихъ предъидущихъ повѣстей совмѣщена въ реальномъ нравоучительно-сатирическомъ романѣ А. Измайлова, «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества, 1799—1801 гг. СПб. 2 ч. (41) гдѣ авторъ описываетъ вредъ дурнаго домашняго, а равно и моднаго, такъ называемаго французскаго воспитанія въ богатой номѣщичьей семьѣ. Евгеній Негодяевъ, главное лицо романа является олицетвореніемъ всякихъ пороковъ, вслѣдствіе систематической, хотя безсознательной нравственной порчи и нелѣпаго баловства со стороны родителей, которые по своему заботятся объ его будущности: съ рожденія записываютъ въ гвардію и платятъ большія деньги на его образованіе, но при своеобразномъ пониманіи воспитанія, они нанимаютъ, по рекомендаціи модистки, въ гувернеры для своего единственнаго сына бѣглаго французскаго каторжника, затѣмъ отдаютъ Евгенія въ модный пансіонъ, содержимый нѣмцемъ Эзельманномъ. Здѣсь Евгеній пріобрѣтаетъ внѣшній лоскъ, совершенствуется во французскомъ языкѣ и танцахъ; при этомъ въ тайнѣ научается пьянству и азартной игрѣ, наконецъ соблазняетъ четырнадцати-лѣтнюю воспитанницу Марію; и за этотъ подвигъ выключенъ изъ пансіона. Также безплодно для умственнаго развитія Евгенія оказывается его пребываніе въ Московскомъ университетѣ, гдѣ онъ становится посмѣшищемъ товарищей и сводитъ дружбу съ бѣднымъ студентомъ Развратинымъ, который по окончаніи курса ѣдетъ съ нимъ въ Петербургъ и, живя на его счетъ, окончательно деморализируетъ его съ помощью столичнаго развращеннаго общества. И такъ какъ всѣ дѣйствующія лица романа оказываются болѣе или менѣе порочными, то авторъ наказываетъ ихъ поголовно: Евгеній Негодяевъ, послѣ смерти родителей, проматываетъ все завѣщенное ими состояніе и умираетъ на 24 году отъ рожденія; Развратинъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ и т. д.

Сюжетъ юношескаго романа А. Измайлова не новый, такъ какъ вопросъ о воспитаніи часто обсуждался въ литературѣ и служилъ

предметомъ для сатиры второй половины восемнадцатаго вѣка. Но тѣмъ не менѣе романъ «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества», несмотря на всѣ натяжки и преувеличенія заслуживаетъ особеннаго вниманія по своей реальной постановкѣ. Авторъ наглядно знакомитъ читатей съ домашнимъ воспитаніемъ барскихъ дѣтей и общимъ характеромъ модныхъ пансіоновъ того времени, а также рельефными чертами рисуетъ злоупотребленія крѣпостнаго права, безчеловѣчное обращеніе съ домашней прислугой и жизнь помѣщиковъ у себя дома и въ столицѣ при ихъ ненасытной алчности къ наживѣ, мотовствѣ и развратѣ. Не менѣе любопытны подробности, сообщаемыя авторомъ о поступленіи Евгенія Негодяева въ гвардію; подробности эти служатъ подтвержденіемъ современныхъ извѣстій о тогдашней военной службѣ богатыхъ дворянъ, при которой получались чины, помимо выполненія какихъ-либо обязанностей. Равнымъ образомъ, заслуживаетъ вниманія въ книгѣ II-й «исторія Развратина» (стр. 67 — 99 изд. 1891 г.) который вполнѣ реально описываетъ свое дѣтство и молодость, проведенные въ чиновничьемъ кругу провинціальнаго города, и пріѣздъ въ Москву для поступленія въ Университетъ. Неправдоподобнымъ является только обвиненіе, взводимое имъ огуломъ на московскихъ профессоровъ, такъ какъ по его словамъ, въ качествѣ бѣднаго студента, онъ «не получалъ даже похвалы за свое прилежаніе и успѣхи» и долженъ былъ уступать первенство болѣе слабымъ товарищамъ, «потому что ихъ отцы могли быть полезны наставникамъ или своей знатностью или своимъ имуществомъ» [1]).

---

[1]) Романъ А. Измайлова «Евгеній или пагубныя послѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества», подвергся строгой критикѣ въ третьей книгѣ журнала «Новости» 1799 года (стр. 277), гдѣ неизвѣстный рецензентъ высказываетъ свое негодованіе по поводу «реализма и недостаточной нравственности автора», который «самъ любуется волокитствомъ Евгеніевымъ и самъ готовъ лишить оправданія, нарушенную честность женщины» въ лицѣ Маріи.

Рецензентъ считаетъ невозможнымъ, чтобы насмѣшки университетскихъ товарищей надъ Евгеніемъ писаны были въ классахъ на стѣнахъ и самъ онъ во время лекцій вырѣзывалъ на лавкѣ свое имя. «Такой безпорядокъ, восклицаетъ онъ, я почитаю совершенно несообразнымъ публичному благоустроенному мѣсту, хотя бы Авторъ увѣрялъ меня, что онъ самъ тотъ Евгеній. Да и зачѣмъ подчивать публику, такимъ ребячествомъ, такими platitudes!..» Вообще «иронія Автора и даже гипербола, самая плохая, производитъ отвращеніе къ книгѣ а не къ порокамъ, противъ коихъ вооку-

Реализмъ проявляется до извѣстной степени и въ наименѣе самобытныхъ сентиментальныхъ романахъ и повѣстяхъ, хотя въ видѣ случайной примѣси, не имѣющей ничего общаго съ остальнымъ разсказомъ. Такъ, напримѣръ, въ повѣсти «Новый чувствительный путешественникъ или моя прогулка въ А***», соч. К. Г., представляющей сколокъ съ «Voyageur sentimental ou ma promenade à Yverdun» Верна, (франц. подражаніе извѣстному сочиненію Стерна), «чувствительный путешественникъ» заѣзжаетъ по дорогѣ въ казенную русскую деревню и неожиданно обращается къ хозяевамъ постоялаго двора съ вопросомъ о положеніи крестьянъ: «Что, каково жить? спрашиваетъ онъ, нѣтъ-ли притѣсненій со стороны гг. исправниковъ?» На это получается отвѣтъ: «и, батюшка, сунулъ имъ въ руку, такъ все ладно будетъ; они люди не чиновные, все берутъ. а то какъ бы, батюшка, не притѣснять!»... Послѣ этой случайной вставки, разсказъ продолжается въ прежнемъ сентиментальномъ тонѣ.

2) Изъ цѣльныхъ реальныхъ разсказовъ заслуживаетъ вниманія «Новгородскихъ дѣвушекъ святочной разсказъ съ игранной въ Москвѣ свадебнымъ», помѣщенный въ упомянутомъ сборникѣ 1785 года И. Новикова (Похожденія Ивана Гостинаго сына) стр. 112 — 152, гдѣ, какъ и въ другихъ сборникахъ XVIII вѣка съ ихъ разнохарактернымъ содержаніемъ, могли быть помѣщены нѣкоторыя изъ произведеній прежней рукописной литературы, ходившія во множествѣ списковъ среди читающей публики въ до-петровскія времена. Основное содержаніе Святочнаго разсказа то же, что и Фрола Скабѣева, найденнаго въ одномъ изъ сборниковъ прошедшаго столѣтія И. Д. Бѣляевымъ при описаніи Погодинскихъ рукописей поступившихъ въ И. П. Библіотеку, какъ о томъ заявляетъ самъ М. Погодинъ въ примѣчаніи къ повѣсти «Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скабѣевѣ и стольничей дочери Нардина

житься, повидимому, было для него дѣло постороннее... Такъ не пишутъ романовъ для воспитанія!...» Въ заключеніе рецензентъ выражаетъ надежду, что, авторъ «ограничивъ нѣсколько плодовитую силу своего воображенія при своихъ способностяхъ и лучшемъ вкусѣ, съ благороднѣйшимъ тономъ можетъ со временемъ написать, что нибудь достойное чтенія. Объ изобрѣтеніи же его надобно сказать, что самъ Евгеній не могъ бы подробнѣе и точнѣе написать свои confessions».

Нащокина Аннушкѣ», напечатанной въ 1-й кн. «Москвитянина» 1853 г. (стр. 3—16). Такимъ образомъ, обѣ повѣсти «Новгородскихъ дѣвушекъ святочной разсказъ» и «Исторія о Фролѣ Скабѣевѣ» помѣщены въ сборникѣ XVIII в. (печатномъ и рукописномъ) и представляютъ варіанты или передѣлку старинной оригинальной русской повѣсти, пока единственной въ этомъ родѣ. Здѣсь является вопросъ, въ которой изъ обѣихъ повѣстей, помѣщенныхъ въ упомянутыхъ сборникахъ XVIII вѣка, сохранился больше первоначальный текстъ и подвергся сравнительно меньшей передѣлкѣ. Вопросъ этотъ едва-ли можно считать окончательно рѣшеннымъ и намъ кажется недостаточно убѣдительнымъ мнѣніе автора «Библіографической замѣтки» (подп. Г. Г.), напечатанной въ 3-й кн. «Москвитянина» того же 1853 года (стр. 245 — 246), гдѣ «Новгородскихъ дѣвушекъ святочной разсказъ» безъ всякихъ доказательствъ названъ «позднѣйшей передѣлкой исторіи о Фролѣ Скабѣевѣ» и гдѣ сказано, что «основаніемъ этого разсказа послужила повѣсть о Фролѣ Скабѣевѣ. Лица и происшествія тѣ же; измѣнены однако нѣкоторыя имена, нѣкоторыя частности, а самое изложеніе уже новое и мѣстами только встрѣчаются старинныя слова»... Мнѣніе автора «Библіографической замѣтки» раздѣляетъ и А. Н. Пыпинъ, такъ какъ въ своемъ «Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (1858 г.) также называетъ «Новгородскихъ дѣвушекъ святочной разсказъ»—передѣлкой «Исторіи о Фролѣ Скабѣевѣ конца прошлаго столѣтія» (42).

Между тѣмъ, намъ кажется, что «Новгородскихъ дѣвушекъ святочной разсказъ» едва-ли можно признать передѣлкой «Исторіи о Фролѣ Скабѣевѣ», такъ какъ «святочной разсказъ» повидимому представляетъ вполнѣ самобытную передачу старинной повѣсти, передачу, быть можетъ, болѣе раннюю и, во всякомъ случаѣ, болѣе неумѣлую, чѣмъ «Исторія о Фролѣ Скабѣевѣ». Насколько мы могли замѣтить въ повѣсти «Новгородскихъ дѣвушекъ святочной разсказъ» новыя слова, понятія и выраженія, свидѣтельствующія о позднѣйшей передѣлкѣ, встрѣчаются въ видѣ неумѣстныхъ вставокъ, которыя замѣтно отличаются отъ основнаго текста, очевидно стараго, не имѣющаго ничего обща-

го съ способомъ изложенія повѣствователей и романистовъ XVIII вѣка [1]).

Съ другой стороны, въ пользу нашего предположенія служитъ историческій элементъ повѣсти о Фролѣ Скабѣевѣ, который совершенно отсутствуетъ въ «Новгородскихъ дѣвушекъ святочномъ разсказѣ». Судя по множеству прочитанныхъ нами повѣстей и романовъ, если только это не простая случайность, историческій

---

[1]) Считаемъ нелишнимъ выписать цѣликомъ начало повѣсти: «Новгородскихъ дѣвушекъ святочной разсказъ съигранной въ Москвѣ свадебнымъ»:

«Около Новгорода и Пскова жилъ одинъ дворянинъ, оставшійся послѣ родителей своихъ въ малыхъ лѣтахъ сиротою, не имѣвшій никого изъ родственниковъ, окромѣ одной сестры одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ около двадцати пяти: и хотя при крещеніи и названъ онъ былъ Селуяномъ и произходилъ отъ давней фамиліи Сальниковыхъ однако не имѣлъ счастія содержать себя по чести дворянина съ малыхъ лѣтъ возпитывались и съ сестрою щедростію людскою, а возмужавши за неимѣніемъ какъ и у батюшки ево крестьянъ принужденъ пропитаніе имѣть по образу родительскому трудами своими, вспахивая и удабривая землю самъ въ рядовую съ прочими чужихъ господъ крестьянами, ибо у него земли было доволь, равно сохи, бороны серпы и косы находились въ добромъ здоровьѣ, а сестрица ево, какъ дѣвушка взрослая не оставляла также, чтобъ не прилагать прилежнаго смотрѣнія имѣть за домомъ и за скотиною.

«Сему дворянину въ оной жизни по много прилагаемымъ въ полѣ въ вожении домой и убираніи хлѣба и сѣна трудамъ нѣсколько наскучило и для того довольно разумѣвши русской грамотѣ и острыхъ ко всякимъ обманамъ замысловъ и затѣевъ, понявшихъ у бывшаго своего учителя дьячка человѣка поворотливаго и къ тому-жъ какъ и онъ лукавству обыклаго, посовѣтовавъ спросивши его и принявши наставленіе вздумалъ ходить за приказными ябедами, коихъ въ тамошнемъ краю въ то время очень много бывало стряпчимъ; и такъ посвятя себя онымъ чиномъ, ѣздя по окольнымъ деревнямъ съ наставникомъ своимъ пересказывалъ о себѣ что онъ въ стряпческомъ искусствѣ весьма знающъ, при чемъ и учитель его тожъ самое подтверждалъ и выхваливалъ, по чему во первыхъ поссорившіеся между собою крестьяне приходя къ нему просили справедливаго и скораго на словахъ рѣшенія и удовольствія, а онъ судилъ каждаго по достоинству дѣла, обирая принесенное и съ отвѣтчика и челобитчика поровну, а кто больше дастъ тотъ и правъ, хотя бы и и подлинно былъ виноватъ но ослѣпленные ихъ глаза тому вѣривали; кто же его судомъ бывали недовольны тѣмъ писывалъ къ господамъ челобитныя и наставлялъ доброхотныхъ дателей полутче нежели скупыхъ и несмысленныхъ по томъ осыпали его множествомъ мѣлкотравчетыхъ дворянъ и письменными прозбами съ довѣренностію, чтобъ ему за ихъ хожденіе имѣть и по приказамъ» и пр.

элементъ въ романѣ едва-ли не является впервые въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Равнымъ образомъ, не смотря на богатую фантазію нѣкоторыхъ сочинителей историческихъ романовъ и повѣстей, мы нигдѣ не встрѣтили, кромѣ «Мареы Посадницы» Карамзина, намѣреннаго извращенія историческихъ фактовъ. Если сочинители отступаютъ отъ истины, то безсознательно, вслѣдствіе незнанія исторіи; но вездѣ, гдѣ они только могли собрать точныя свѣдѣнія объ историческихъ лицахъ или приводимыхъ фактахъ, ихъ скорѣе можно упрекнуть въ томъ, что для исторической вѣрности они жертвуютъ романическимъ интересомъ. Даже въ такихъ произведеніяхъ, которыя не имѣютъ ничего историческаго, какъ, напримѣръ, въ вышеупомянутомъ романѣ «съ приключеніями», 1787 г., «Несчастный Никаноръ», авторъ хотя выводитъ мимоходомъ извѣстныхъ ему, отчасти историческихъ лицъ: В. А. Рѣпнина († въ 1748 г.), И. А. Бибикова, смоленскаго губернатора Аршеневскаго и др., но не позволяетъ себѣ относительно ихъ никакихъ фантазій, хотя они не играютъ большой роли въ романѣ. Поэтому трудно допустить, чтобы современникъ могъ игнорировать такой фактъ, что знаменитый въ свое время, ближній бояринъ и думный дворянинъ Афанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, любимецъ царя Алексѣя Михайловича (поступившій въ монастырь въ 1672 († 1680 г.), имѣлъ только единственнаго сына, стольника Воина Аөанасьевича Ординъ-Нащокина, который былъ впослѣдствіи воеводой въ Галичѣ и умеръ бездѣтнымъ. Затѣмъ до самаго Афанасія Лаврентьевича фамилія псковскихъ помѣщиковъ Ординъ-Нащокиныхъ не встрѣчается въ спискахъ московскихъ думныхъ чиновъ (43).

При этомъ считаемъ необходимымъ сдѣлать оговорку, что если мы выразили нѣкоторыя сомнѣнія относительно историческаго элемента напечатанной повѣсти Фрола Скабѣева, то не болѣе, какъ въ видѣ догадки, потому что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только при всестороннемъ изученіи нашего первоначальнаго историческаго романа.

Не менѣе любопытенъ, какъ и «Новгородскихъ дѣвушекъ святочный разсказъ», хотя въ другомъ отношеніи, позднѣйшій, безусловно реальный, юмористическій разсказъ 1809 года А. Кропотова (автора сентиментальныхъ повѣстей). Этотъ единственный въ своемъ родѣ, нѣсколько многословный разсказъ, написанный ста-

ринным слогомъ, носитъ названіе: «Исторія о смуромъ кафтанѣ, которымъ обладатель не только что желаетъ прикрыть свои плечи, но и выкроить женѣ своей юбку». Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является сторожъ Панфилъ, все желаніе котораго обращено на пріобрѣтеніе смураго кафтана, висѣвшаго нѣсколько лѣтъ въ воеводской канцеляріи, «изъ коего намѣренъ онъ былъ выкроить теплую исподнюю юбку женѣ своей, а себѣ камзолъ съ рукавами для зимняго времени, и просилъ о семъ съ самымъ жалобнымъ тономъ его высокоблагородіе воеводу»... Но отмѣнное состраданіе, замѣчаетъ авторъ, нерѣдко переноситъ благородный разсудокъ за границы справедливости... ибо лишь жалобныя слова: исподняя юбка, бѣдная жена, теплой смурой кафтанъ коснулись до ушей его, сердце воеводы закипѣло и прежде, чѣмъ Панфилъ успѣлъ окончить свою челобитную... онъ сказалъ ему, что съ большою охотою и отъ всего сердца онъ уступаетъ ему на оный право; но, Панфилъ, прибавилъ онъ, ты знаешь, что я недавно поступилъ на мою новую должность, не знакомъ съ здѣшними обрядами. Подожди лучше съ недѣлю, пока я справлюся, и ежели увижу, что онъ въ моей власти, увѣряю тебя, другъ мой, снова, что съ большимъ удовольствіемъ отдамъ тебѣ его, если бы онъ былъ во сто разъ лучше, какъ ты мнѣ его описалъ»...

«Сихъ-то справокъ и страшился Панфилъ сердечно; онъ зналъ очень хорошо, что ежели воевода молвитъ только одно слово о семъ канцелярскимъ приставамъ, то и все дѣло разстроится. По симъ и еще нѣсколькимъ причинамъ, кои упоминать не нужно, Панфилъ сдѣлался еще неотступнѣе. Докучливость его имѣла свое наступательное дѣйствіе на сторонѣ его высокоблагородія, начавшаго подозрѣвать, что дѣло не такъ-то справедливо».

«Въ одинъ вечеръ, сидя въ своемъ учебномъ кабинетѣ, размышлялъ онъ со всѣхъ сторонъ о семъ дѣлѣ, не выпуская изъ виду Панфиловъ характеръ... и снявъ канцелярскій протоколъ, молвилъ самому себѣ: можетъ быть я найду что нибудь и о кафтанѣ. Произнося слова сіи, едва успѣлъ онъ открыть книгу, какъ и попалъ на желанное мѣсто, ясно написанное на первой страницѣ крупными буквами въ слѣдующихъ словахъ: Memorandum «теплой сѣрой кафтанъ былъ купленъ и отданъ за двѣсти лѣтъ тому назадъ уѣзднымъ помѣщикомъ въ сію канцелярію для исключительнаго употребленія канцелярскимъ сторожамъ и ихъ наслѣдникамъ

во время студеныхъ, дождливыхъ, зимнихъ и холодныхъ дней; упомянутой уѣздный помѣщикъ сдѣлалъ это изъ сострадания къ симъ бѣднякамъ и спасенія своей собственной души, за которую и повелѣно имъ молиться» и пр.

Но едва успѣлъ воевода мысленно поздравить себя, что «не успѣлъ отдать кафтана и принять твердое рѣшеніе не касаться даже до пуговицы его, какъ брякъ Панфилъ со всѣмъ предметомъ подъ обѣими пазухами, ибо кафтанъ дѣйствительно былъ весь у него раскроенъ,—камзолъ находился подъ правою пазухою, а исподница подъ лѣвою; онъ несъ все сіе къ портному и, веселясь душевно, зашелъ показать воеводѣ искусство свое въ кроеніи»...

Авторъ не находитъ словъ, чтобы дать понятіе «объ удивленіи и благородномъ негодованіи, которое сей неожиданный и нахальный Панфиловъ поступокъ напечатлѣлъ на взорахъ воеводы... исключа, что Панфилу повелѣно было суровымъ голосомъ положить связки на столъ, идти къ своей должности»...

«Около сего времени его высокоблагородіе, какъ человѣкъ разумной, послалъ за повытчикомъ Иваномъ... и во время присутствія «по собраніи всѣхъ членовъ разсказалъ имъ все дѣло отъ начала до конца. Панфилъ не могъ сказать много въ свою защиту... и объяснилъ, что ежели онъ не имѣетъ на оный кафтанъ право по обѣщанію, то по крайней мѣрѣ за заслуги,—такъ какъ и всѣмъ извѣстно, что онъ ему много оныхъ оказывалъ: что онъ ваксилъ воеводскіе башмаки безъ счету, смазывалъ сапоги его болѣе пятидесяти разъ, бѣгивалъ въ городъ за яйцами, точилъ всегда ножи, чистилъ и сѣдлалъ лошадь,—а равно и жена его была всегда къ его услугамъ и что ни онъ, ни жена его по своей лутшей памяти не брали за сіе ни копѣйки, исключа кружку пива»... а съ полгода тому назадъ, когда его высокоблагородіе, разрѣзывая рѣпу, порѣзалъ свой палецъ, онъ ходилъ за полмили къ одной старушкѣ спросить ее чѣмъ лутшѣ и скорѣе можно унять кровь, и принесъ отъ нея паутину и никогда не думалъ, «что чрезъ мѣру много дѣлаетъ» и пр.

«Сей планъ Панфилова защищенія не могъ произвести ничего кромѣ смѣху. И по разсмотрѣнію сего съ обѣихъ сторонъ, вышло, что Панфилъ поступилъ весьма худо. Сверхъ сего открылися еще Панфиловы слова... что повытчикъ Иванъ и всѣ прочіе служители скверные люди—за сей подлый поступокъ вытолкали его за двери и запретили казаться на глаза».

«Сначала Панфилъ былъ жестоко взбѣшонъ, бранился, какъ сумасшедшій, клялся, что будетъ просить суда... но по успокоеніи перваго гнѣва вспомнилъ, что его высокоблагородіе можетъ его укротить, и ежели только захочетъ, то отошлетъ въ смирительный домъ. А посему оставя онаго въ покоѣ, напалъ со всею жестокостью на повытчика... и возобновилъ дѣло о старыхъ выношенныхъ черныхъ штанахъ... которые когда-то выманивалъ у повытчика» и пр.

Исторію этой ссоры Панфила съ повытчикомъ Иваномъ мы не будемъ приводить здѣсь, чтобы не удлинить уже достаточно длинныхъ выдержекъ изъ разсказа А. Кропотова.

Само собою разумѣется, что указанные нами примѣры проявленія реализма въ различныхъ романахъ и повѣстяхъ нашей подражательной литературы, а равно и разсказы, рисующіе отдѣльные эпизоды, ни въ какомъ случаѣ не соотвѣтствуютъ понятію о самобытномъ реальномъ романѣ съ нынѣшней точки зрѣнія. Задатки его встрѣчаются только въ тѣхъ романическихъ произведеніяхъ, гдѣ разсказъ является хотя до извѣстной степени законченнымъ и романическая завязка имѣетъ болѣе или менѣе реальное основаніе.

3) Къ этого рода произведеніямъ принадлежитъ сочиненіе 1790 г., подъ названіемъ: «Похожденіе нѣкотораго Россіянина, истинная повѣсть, имъ самимъ писанная, содержащая въ себѣ исторію его службы и походовъ съ приключеніями, гдѣ неизвѣстный авторъ дѣлаетъ попытку совмѣстить романъ съ дневникомъ, и попытку довольно неудачную, такъ какъ не достигаетъ ни той, ни другой цѣли. Разсказъ ведется отъ лица «нѣкотораго Россіянина», который шагъ за шагомъ описываетъ свою боевую жизнь, перемѣшанную съ различными любовными похожденіями. Но, къ сожалѣнію, обѣ части одинаково переполнены утомительнымъ, безцвѣтнымъ перечнемъ видѣнныхъ городовъ и мѣстечекъ, не исключая самыхъ ничтожныхъ. Сверхъ того, при полной бездарности изложенія, «нѣкоторый Россіянинъ» тѣмъ же дѣловымъ языкомъ военной реляціи повѣствуетъ о такихъ любопытныхъ событіяхъ своей жизни, какъ пребываніе въ Варшавѣ въ 1764—1771 гг., о походѣ къ турецкой границѣ, бомбардированіи Хотина и пр.; и даже во многихъ случаяхъ подробнѣе распространяется о своемъ безцѣльномъ проживаніи въ какомъ нибудь малоизвѣстномъ городкѣ. Такое же отсутствіе всякаго живаго интереса представляютъ и его любовныя похожденія. Во второй части

помѣщены въ видѣ вставокъ шесть русскихъ народныхъ сказокъ, разсказанныхъ солдатами во время ночлега.

Другое позднѣйшее сочиненіе «**Несчастная Маргарита**», истинная россійская повѣсть», 1803 года, безъ подписи автора, представляетъ несравненно бóльшій интересъ, въ смыслѣ попытки создать цѣльную самобытную повѣсть на реальной русской почвѣ. Разсказъ ведется отъ лица молодой монахини Маргариты, которая простымъ безъискуственнымъ языкомъ описываетъ исторію своей ранней молодости, проведенной въ домѣ отца, овдовѣвшаго богатаго купца, который держалъ ее во всей строгости и поручилъ надзору старой няни. Маргарита случайно знакомится съ бѣднякомъ Иваномъ и влюбляется въ него; корыстолюбивая няня, подкупленная влюбленными, устраиваетъ для нихъ свиданія въ комнатѣ молодой дѣвушки. Между тѣмъ отецъ задался мыслью выдать дочь за богатаго купеческаго сына, добродушнаго малаго, которому Маргарита откровенно заявляетъ, что не любитъ его, и онъ соглашается отложить свадьбу на неопредѣленное время. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе, какъ во время одного изъ нѣжныхъ свиданій Маргариты съ возлюбленнымъ неожиданно является въ ея комнату хозяинъ дома, такъ что няня едва успѣла спрятать Ивана въ постели и навалить на него перины. Проходитъ часъ за часомъ. Маргарита мѣняется въ лицѣ, а отецъ продолжаетъ бесѣдовать съ нею. Послѣ его ухода обѣ женщины бросаются къ постели и находятъ трупъ задохнувшагося Ивана; няня приводитъ своего сына пьяницу, проживавшаго въ домѣ въ качествѣ прикащика, и за извѣстную плату уговариваетъ его вытащить ночью трупъ изъ дому и бросить въ Волгу. Съ этихъ поръ Маргарита въ его рукахъ; онъ безпрестанно требуетъ отъ нея денегъ и, наконецъ, однажды подъ пьяную руку, расхваставшись передъ пріятелями, требуетъ черезъ посланнаго, чтобы сама купеческая дочь принесла ему денегъ въ корчму. Маргарита исполняетъ его требованіе и, подъ вліяніемъ страха и жажды мести, поджигаетъ корчму; и такимъ образомъ сгораютъ заживо нѣсколько человѣкъ. Начинается уголовное дѣло, которое прекращается съ помощью денегъ отца Маргариты; она поступаетъ въ монастырь.

Хотя и здѣсь тема заимствованная и не разъ встрѣчается въ болѣе старыхъ пересказахъ, но тѣмъ не менѣе эта повѣсть въ цѣломъ представляетъ задатки самобытнаго реальнаго романа, какъ по способу разработки самой темы, такъ и удачному примѣненію къ

русской жизни и нравамъ. Въ ней даже видны попытки описанія природы, ярмарки, купеческаго быта и какъ бы намеки на типы, хотя все еще въ неопредѣленныхъ, трудно уловимыхъ, чертахъ; равнымъ образомъ, и въ самомъ разсказѣ нѣтъ достаточной послѣдовательности, вслѣдствіе чего многое остается невыясненнымъ.

Только въ произведеніяхъ Нарѣжнаго мы встрѣчаемъ вполнѣ самостоятельные ему принадлежащіе сюжеты, послѣдовательный законченный разсказъ, цѣльныя реальныя описанія, рельефно обрисованные типы и характеры. Если его можно упрекнуть въ недостаткѣ художественнаго вкуса, въ избыткѣ дѣйствующихъ лицъ, запутанной завязкѣ, неизмѣнномъ торжествѣ добродѣтели надъ порокомъ и пр., то это была неизбѣжная дань времени и вліянію предшествовавшей подражательной литературы. Вездѣ, гдѣ Нарѣжный касается современной дѣйствительности въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, онъ является вполнѣ самобытнымъ, изображаетъ реальный русскій бытъ, русскіе нравы и русскихъ людей съ ихъ характерными особенностями, привычками, типичными чертами.

Если съ одной стороны реализмъ въ его романахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ предшествовавшей литературы, доходитъ до грубости, почти цинизма, то съ другой—вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности приводитъ его къ изображенію глубоко прочувствованныхъ положеній, гдѣ «слышится смѣхъ сквозь слезы». Здѣсь юморъ его по своей безпощадности доходитъ до высокаго драматизма, какъ напримѣръ, въ описаніи крайней нищеты князя Чистякова въ первой части «Россійскаго Жилблаза», а также въ отдѣльныхъ сценахъ другихъ его произведеній.

Такимъ образомъ, въ виду невыгодныхъ условій литературной дѣятельности Нарѣжнаго, и общей оцѣнки его произведеній, въ связи съ предшествующей романической литературой, онъ можетъ быть по справедливости признанъ родоначальникомъ не только русскаго самобытнаго «историческаго», но и реальнаго романа. Заслуга эта всецѣло принадлежитъ ему тѣмъ болѣе, что при жизни онъ не имѣлъ соперниковъ. Первые романы Булгарина, пользовавшіеся въ свое время значительной, хотя далеко не заслуженной извѣстностью, а также произведенія выдающихся русскихъ романистовъ: Загоскина, Лажечникова, Вельтмана, стали появляться четыре года спустя послѣ его смерти, а именно съ 1829 года, не говоря о Пушкинѣ, Гоголѣ

и др. Равнымъ образомъ, талантливыя повѣсти Квитки вышли отдѣльнымъ изданіемъ только въ 1834 году.

XX.

Въ настоящее время при отсутствіи положительныхъ данныхъ трудно опредѣлить степень распространенія нашего подражательнаго романа. Но судя по отрывочнымъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, русскія книги вообще мало пользовались сочувствіемъ русской интеллигенціи второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Во всякомъ случаѣ, наши подражательныя произведенія и переводы были хуже своихъ образцовъ и не могли представлять интереса для образованной русской публики, которая также какъ и въ болѣе раннюю пору, при знаніи языковъ могла читать иностранныхъ писателей въ подлинникѣ. Понятно и презрительное отношеніе представителей родоваго дворянства второй половины XVIII вѣка къ русской печатной литературѣ. Ф. Ф. Вигель въ своихъ «Запискахъ» пишетъ о М. А. Салтыковѣ, что онъ «какъ настоящій баринъ получилъ совершенно французское воспитаніе. Классиковъ вѣка Людовика XIV уважалъ онъ только за чистоту ихъ слога, болѣе же плѣнялся роскошью мыслей французскихъ философовъ XVIII вѣка... О нѣмецкой, объ англійской литературѣ не имѣлъ онъ понятія; въ русской литературѣ видѣлъ невиннаго младенца коего лепетъ можетъ иногда забавлять» (44). Не менѣе характерна слѣдующая замѣтка Н. Новикова въ «Живописцѣ» 1773 года (45). Наше просвѣщеніе, говоритъ онъ, или такъ сказать пристрастіе къ французскимъ книгамъ не позволяетъ покупать россійскихъ... Въ россійской типографіи напечатанное рѣдко нашими господчиками пріемлется за посредственное, а за хорошее почти никогда» [1]).

---

[1]) Чрезмѣрное увлеченіе иностранной литературой большинства русскаго болѣе или менѣе образованнаго общества должно было вызвать реакцію со стороны русскихъ патріотовъ, которые, по свидѣтельству современниковъ, впали въ другую крайность и читали только однѣ русскія книги. Впрочемъ, такое раздвоеніе не составляло исключительной особенности прошлаго вѣка, но продолжалось и въ началѣ нынѣшняго, какъ видно изъ статьи напечатанной въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ 1812 года (№ 1 стр. 1—2) „Нѣчто о журналахъ“, гдѣ авторъ (Дашковъ), говоря о причинахъ прекращенія многихъ лите-

Что касается остальной русской публики, воспитанной на рукописяхъ и въ ея традиціяхъ, то едва ли она могла находить большое удовольствіе въ чтеніи нашихъ подражательныхъ романическихъ произведеній. Исключеніе составляли «восточныя повѣсти» сказочнаго характера и «романы съ приключеніями» (romans d'aventures), которые по своей запутанной неправдоподобной завязкѣ имѣли много общаго съ такими-же рукописными исторіями, представляя при этомъ фикцію, принаровленную къ русскимъ нравамъ. Типичнымъ произведеніемъ этого рода былъ подражательный романъ: «Несчастный Никаноръ и приключенія жизни россійскаго дворянина» соч. Н. 1787 г. три части, (второе изданіе по Росписи Смирдина), о которомъ распространяется Карамзинъ въ упомянутой статьѣ «О книжной торговлѣ и любви ко чтенію въ Россіи» 1802 года:—»Кто плѣняется Никаноромъ злощастнымъ дворяниномъ, тотъ хорошо дѣлаетъ, что читаетъ сей романъ: ибо безъ всякаго сомнѣнія чему нибудь научается въ мысляхъ или въ ихъ выраженіи... Надобно всякому что нибудь поближе: одному Жанъ-Жака, другому Никанора; кто начинаетъ злощастнымъ Никаноромъ нерѣдко доходитъ до «Новой Элоизы».

Но такихъ произведеній, какъ Никаноръ, было немного въ русской подражательной литературѣ, а съ другой стороны печатный «романъ съ приключеніями» скоро прекратился въ своемъ первоначальномъ видѣ и значительно измѣненный входитъ, какъ составной элементъ, въ подражательные романы и повѣсти другихъ категорій. «Восточная повѣсть» въ свою очередь все болѣе и болѣе теряетъ свой сказочный характеръ, становится тенденціозной и также какъ на западѣ почти исключительно изображаетъ патріархальныя добродѣтели далекихъ народовъ въ назиданіе «испорченнымъ» европейцамъ. Затѣмъ на сцену выступаетъ бытовой нравоучительный романъ, цѣликомъ заимствованный изъ иностранной литературы, гдѣ жизнь, нравы, изліянія чувствъ были совсѣмъ чужды русскому читателю, а дѣйствующія лица, хотя и съ русскими именами и фамиліями являлись неестественными и изуродованными. Инстинк-

ратурныхъ журналовъ, замѣчаетъ между прочимъ: „Одни съ необузданнымъ упорствомъ пренебрегаютъ чтеніемъ хорошихъ иностранныхъ книгъ... другіе прилѣпясь единственно къ иностранцамъ не читаютъ ничего русскаго и потому не умѣютъ писать на своемъ языкѣ. Обѣ сіи крайности опасны часто и для опытныхъ людей“ и т. д.

тивно сознавали это и сами «русскіе сочинители» и въ большинствѣ случаевъ обозначали точками или заглавными буквами названія предполагаемыхъ русскихъ городовъ и губерній, или вовсе избѣгали какихъ либо указаній мѣстности.

Не менѣе далеки отъ русской дѣйствительности сентиментальные романы и повѣсти подражательнаго періода. Сентиментализмъ, исторически возникшій на западѣ, на почвѣ новыхъ гуманныхъ и философскихъ воззрѣній XVIII вѣка, былъ у насъ явленіемъ наноснымъ, своего рода модой; и поэтому не могъ сродниться съ русскимъ національнымъ характеромъ и кончилъ свое существованіе съ Карамзинымъ и его послѣдователями. На ряду съ этимъ русскій читатель, воспитанный по старинѣ, мало или вовсе незнакомый съ европейской пасторальной литературой и совершенно чуждый ей, не могъ сочувствовать «сельскимъ» и «пастушескимъ» подражательнымъ повѣстямъ, гдѣ русская деревня изображалась въ видѣ Аркадіи, а крестьяне, пастухи и пастушки пребывали въ праздности и отличались патріархальными добродѣтелями.

Такимъ образомъ, нашъ подражательный романъ, отражая на себѣ разныя вѣянія западной литературы, все болѣе и болѣе удалялся отъ русской почвы и не могъ пользоваться большой популярностью. Вліяніе его на русское общество, по всѣмъ даннымъ, было то-же что и переводнаго романа, такъ какъ онъ не создалъ ничего новаго, а представлялъ только повтореніе формъ и содержанія иностранныхъ романическихъ произведеній. Небывалый успѣхъ «Бѣдной Лизы» Карамзина представляетъ едва ли не единственный примѣръ увлеченія русской публики подражательной повѣстью, и это увлеченіе было вызвано не ея содержаніемъ, а красивой внѣшностью и главное талантомъ автора, такъ какъ талантъ всегда обаятельно дѣйствуетъ на толпу.

XXI.

Вліяніе запада на наше общество, особенно замѣтное въ прошломъ вѣкѣ, тѣсно связано съ общимъ ходомъ нашего просвѣщенія, которое въ это время сдѣлало необыкновенно быстрые успѣхи. Если сравнить умственный уровень русскаго наиболѣе образованнаго и обезпеченнаго класса 40-хъ и 50-хъ годовъ, съ уровнемъ второй половины XVIII вѣка, а тѣмъ болѣе конца его, то мы увидимъ

огромную разницу. Въ этомъ отношеніи, весьма поучительны правдивые «Записки» простодушнаго маіора М. В. Данилова, который рисуетъ наглядную картину домашняго воспитанія и школы второй четверти прошлаго вѣка. Тогда русская азбука подъ руководствомъ дьячка, пономаря или грамотнаго крѣпостнаго человѣка съ трудомъ вбивалась въ дворянскія головы и «многія дворянскія дѣти грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, а писать только рѣдкіе умѣли...» Въ связи съ этимъ также не развито было сознаніе гражданскаго долга и чувство собственнаго достоинства тогдашнихъ русскихъ дворянъ, такъ что по словамъ Данилова «въ военную службу охотою никто не хотѣлъ и записывали дворянскихъ дѣтей съ принужденіемъ... а до Петра Великаго за счастье почитали быть у знатныхъ бояръ по услугамъ, толькобъ не быть въ государственной службѣ» (46).

Но едва проходитъ четверть вѣка и русское дворянство, въ особенности, высшее въ обѣихъ столицахъ все болѣе и болѣе поддается вліянію западно-европейскаго образованія и культуры. Изъ среды его выдѣляются люди вполнѣ усвоившіе европейскую цивилизацію; но образованіе пока было достояніемъ немногихъ, а тѣмъ болѣе въ провинціи, гдѣ «общество образовалось во второй половинѣ XVIII вѣка и стало жить тамъ (47), долго сохраняя черты стараго до-петровскаго быта. Такъ Винскій говоритъ о временахъ Екатерины II: Скажу смѣло, что у насъ людей со свѣденіями весьма немного тогда было, потому что одни лучшіе и достаточнѣйшіе домы черезъ воспитаніе доставали знаніе, что изъ сихъ домовъ наполнялися дворъ, гвардія и важнѣйшія мѣста въ столицахъ и, что въ губерніяхъ таковыхъ особъ было весьма мало; жившее же въ деревнѣ дворянство по грубости своей и бѣдности, рѣдко даже бывавшее въ своихъ уѣздныхъ городахъ съ нуждою наученное читать и писать» (48). На ряду съ этимъ имѣются свѣденія, что не только во время составленія «Наказа» въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины II, но и въ началѣ нынѣшняго столѣтія встрѣчались совсѣмъ безграмотные дворяне, не умѣвшіе подписать своего имени.

Медленно двигалось образованіе въ провинціи, но и тамъ все болѣе и болѣе усиливалось стремленіе къ просвѣщенію, чему не мало способствовалъ примѣръ высшаго дворянства и выгоды представляемыя образованіемъ. У помѣщиковъ конца XVIII вѣка входитъ въ моду домашнее воспитаніе подъ руководствомъ иностранныхъ гувернеровъ и воспитательницъ; не мало дворянскихъ дѣтей ежегодно

поступаетъ въ столичныя учебныя заведенія, казенныя и частныя; въ деревняхъ заводятся библіотеки русскихъ и иностранныхъ книгъ. Губернскіе города, отражая на себѣ до извѣстной степени общій ходъ русскаго просвѣщенія тянутся за обѣими столицами, гдѣ не только съ внѣшней, ложно понятой стороны, но дѣйствительно прививаются плоды западной цивилизаціи. Въ то-же время, помимо низшихъ школъ, ростетъ число среднихъ учебныхъ заведеній, возникаетъ Московскій университетъ; и съ развитіемъ печатной литературы начинается рядъ русскихъ повременныхъ изданій, хотя и въ нихъ пока преобладаетъ переводъ и подражаніе иностраннымъ образцамъ.

При этомъ, въ обѣихъ столицахъ, равно и въ провинціи опять-таки наиболѣе воспріимчивымъ къ принятію европейской культуры оказывается дворянство, въ связи съ заботами правительства объ его образованіи и бо́льшимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ. За нимъ все болѣе остается перевѣсъ образованія; а во второй половинѣ XVIII вѣка дворянство окончательно выдѣляется, какъ особое привиллигированное сословіе. При Петрѣ Великомъ дворянскія дѣти воспитывались вмѣстѣ съ разночинцами, но уже при Аннѣ Іоанновнѣ положено начало особымъ учебнымъ заведеніямъ для дворянскихъ дѣтей, гдѣ доступъ былъ закрытъ для другихъ сословій. Число такихъ заведеній увеличивается съ каждымъ царствованіемъ. При Московскомъ университетѣ, какъ извѣстно, основаны были одновременно двѣ гимназіи: дворянская и разночинская, а впослѣдствіи, когда учреждены общіе классы, казеннокошные воспитанники дворянскаго происхожденія и разночинцы жили на двухъ разныхъ половинахъ, что продолжалось до конца XVIII вѣка.

Военная служба также предоставляла значительныя привиллегіи, дворянамъ въ отличіе отъ другихъ сословій. При Елизаветѣ малолѣтнихъ дворянъ записывали въ полки, гдѣ они получали чины, помимо выполненія какихъ либо обязанностей и даже съ поступленіемъ на службу пользовалнсь разными льготами. Манифестъ «о вольности дворянству» 1762 года коснулся и военной службы, которая утратила свой принудительный характеръ, а для болѣе честолюбивыхъ открывался по прежнему легкій доступъ къ пріобрѣтенію чиновъ и славы, «Дворяне, пишетъ Р о м а н о в и ч ъ - С л а в а т и н с к і й служили преимущественно въ полкахъ и избѣгали граждан-

ской службы, которая переходила въ руки приказнаго люда[1]). Хотя правительство много заботилось, чтобы дворяне служили въ гражданской службѣ, но было мало результатовъ; только при Павлѣ I строгости военной службы побѣдили отвращеніе дворянства отъ гражданской службы; и оно начало поступать въ нее въ такомъ количествѣ, что начались ограниченія» (49).

Но и помимо преимуществъ исключительнаго положенія, военная служба имѣла во многихъ отношеніяхъ для нашихъ дворянъ общеобразовательное значеніе. Такъ семилѣтняя война и пребываніе русскихъ въ Кёнигсбергѣ, тогдашней прусской столицѣ, познакомили ихъ съ новой жизнью и германской литературой; и это настолько увеличило интересъ къ чтенію среди молодыхъ офицеровъ, что Болотовъ во время похода не только перечиталъ много книгъ, но занимался переводами и перепиской романовъ. «По возвращеніи въ Рогервикъ къ полку нашему, пишетъ Болотовъ, привезенныя мною (изъ Кёнигсберга) книги помогли мнѣ пріобрѣсть отъ нѣкоторыхъ охотниковъ до чтенія особливое благопріятіе. Онѣ все лѣто принуждены были переходить изъ рукъ въ руки; и читавшіе ихъ не могли довольно ихъ восхвалить и меня возблагодарить за пріятное упражненіе» (50). Понятно, что въ болѣе позднюю пору, при быстромъ развитіи образованія въ Россіи, еще плодотворнѣе должны были отразиться на русскомъ юношествѣ Суворовскія и Наполеоновскія войны, а равно и посѣщеніе Парижа въ 1814 и 1815 гг. Но и въ мирное время «тогдашняя гвардейская служба, пишетъ Винскій,

[1]) Издавна образовавшееся у насъ сословіе приказныхъ, или такъ называемыхъ «подъячихъ», грамотное и невѣжественное, въ то-же время заслужило общее прѣзрѣніе по своему низкому нравственному уровню, особенно со стороны дворянства, хото ни одно гражданское дѣло не обходилось безъ помощи подъячихъ. Нѣкоторые изъ нихъ наживали иногда большія состоянія и продолжая раболѣбствовать передъ богатыми, въ свою очередь, высокомѣрно и съ пренебреженіемъ относились къ бѣднымъ дворянамъ, какъ видно изъ мемуаровъ прошлаго вѣка. «И нынѣ, пишетъ Толубѣевъ, какой нибудь подъячій съ наглостью и безстыдствомъ насбиравшій движимое себѣ имѣніе цѣннѣе нежели мое недвижимое, перешептывается съ подобнымъ, что я помѣщикъ хуже ихъ одѣтъ, что у меня хуже ихъ лошади и сани и, что у нихъ въ городѣ свои дома, а я нанимаю квартиру, въ которой все уступаетъ тому, что у нихъ въ домахъ, и судя такимъ образомъ почитаютъ, какъ будто за долгъ, насмѣхаться тѣмъ, основывая то и подкрѣпляя лаконическимъ словомъ «помѣщикъ». (См. Записки Н. И. Толубѣева» 1780—1809 изд. «Русской Старины» Спб. 1889, стр. 73—74).

доставляла любопытнымъ много способовъ научаться. Сословіе офицеровъ составлялось по бо́льшей части изъ сыновей знатнѣйшихъ вельможескихъ домо́въ. Сіи молодые люди воспитанные отлично по связямъ своихъ семействъ и по близкому допущенію ко двору, получая познанія почти изъ источниковъ, передавали оныя подчиненнымъ, которыхъ, какъ свою братью дворянъ, особенно хорошо воспитанныхъ, они принимали въ свое сообщество... Ученые и знающіе языки офицеры находились при Иностранной Коллегіи для курьерскихъ посылокъ. Сіи, часто бывая въ чужихъ земляхъ, проживая тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ при министрахъ (послахъ) и возвратясь въ отечество доставляли своей братіи свѣденія иногда самыя интересныя. Баталіонъ гвардіи, сопровождавшій графа Орлова въ Архипелагъ и довольно времени проживщій въ Италіи, сколько привезъ съ собою прекрасныхъ новостей...» (51).

Равнымъ образомъ, изученіе иностранныхъ языковъ послѣ Петра Великаго сдѣлалось почти исключительной прерогативой дворянъ; и хотя оказало большія услуги русскому просвѣщенію, но привело ко многимъ уродливымъ явленіямъ. Пристрастіе къ иностраннымъ языкамъ, особенно французско́му, доходило до такой степени, что по свидѣтельству А. М. Грибовскаго «бывшіе при Екатеринѣ II вельможи, кромѣ кн. Потемкина не знали русскаго правописанія» (52). Тоже презрительное отношеніе къ родной рѣчи продолжалось и послѣ, и долго господствовало въ нашемъ высшемъ обществѣ, у котораго незнаніе русскаго языка до послѣдняго времени было своего рода щегольствомъ. Съ другой стороны, мода на иностранныхъ учителей въ XVIII вѣкѣ, вызванная отчасти необходимостью, имѣла нерѣдко пагубное развращающее вліяніе для нашего юношества. Въ то время, какъ богатыя и знатныя фамиліи, располагая большими средствами могли выписывать изъ-за границы вполнѣ достойныхъ и свѣдущихъ воспитателей, болѣе бѣдные родители заботились только о томъ, чтобы не отстать отъ другихъ и найти для своихъ дѣтей гувернера подешевле [1]). При этомъ условіи, воспитателями русскаго юношества, нерѣдко являлись люди совершенно несоотвѣтствующіе своему назначенію: полуграмотные ремесленники, парикмахеры, кучера,

[1]) Женское образованіе шло въ томъ-же направленіи. Обычай поручать образованіе дочерей иностраннымъ воспитательницамъ начался очень рано въ высшемъ обществѣ, гдѣ главное вниманіе обращалось на лоскъ и наружныя формы. Вообще, «иностранные гувернеры, гувернантки, дядьки, бонны появ-

бѣглые преступники и пр., особенно въ провинціи, при невѣжествѣ родителей. Такихъ воспитателей можно было встрѣтить въ прошломъ вѣкѣ среди содержателей модныхъ пансіоновъ, а также преподавателей иностранныхъ языковъ не только въ частныхъ, но и казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Зло было настолько велико и очевидно, что начиная съ 1850 года выходятъ правительственные указы, чтобы остановить приливъ съ запада разныхъ искателей приключеній, для которыхъ воспитаніе русскихъ дѣтей служило средствомъ наживы.

Протестъ противъ такого рода воспитателей явился и среди общества. Но многіе видѣли только зло, не отдавая себѣ отчета въ его причинахъ; и приписывая вліянію запада, порчу русскихъ нравовъ, доходили нерѣдко до полнаго отрицанія западно-европейскаго просвѣщенія и науки. Въ этомъ отношеніи весьма характерна статья В. Попугаева «Достоинство стараго воспитанія въ Россіи», напечатанная въ 1804 году, въ «Періодическомъ изданіи Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ» (ч. I, стр. 37). Авторъ, поднимая вопросъ о воспитаніи русскаго юношества, говоритъ что «у насъ въ Россіи, вкрался другой родъ воспитанія болѣе блестящій, въ коемъ стараются давать познанія болѣе поверхностныя... безъ системы и гдѣ знанія языковъ, въ отношеніи къ разговору, составляютъ главную часть. Сей послѣдній родъ новаго воспитанія, нынѣ весьма укоренился, и вмѣсто достойныхъ гражданъ доставляетъ намъ пустыхъ говоруновъ, танцоровъ, театральныхъ героевъ и куколъ. Такому воспитанію я всегда предпочиталъ наше древнее воспитаніе... Оное, подобно спартанскому, доставляло всегда твердыхъ и надежныхъ сыновъ отечества, хотя безъ знаній, но съ неиспорченнымъ добрымъ сердцемъ».

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ злоупотребленія и дурныя стороны, знаніе иностранныхъ языковъ, иностранные воспитатели въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, а также ученые иностранцы издавна проживавшіе въ Россіи, много способствовали нашему образованію, вообще и распространенію западно-европейскихъ гуманныхъ идей XVIII вѣка въ нашемъ обществѣ.

ляются довольно рано. За Натальей Борисовной Долгорукой (род. въ 1714 году) дочерью любимаго народомъ вельможи, ходила мадамъ иноземка». См. А. Романовичъ-Славатинскій, «Дворянство въ Россіи» и пр. Спб., 1870, т. I, стр. 80.

XXII.

Здѣсь само собою является вопросъ: какимъ путемъ проникали къ намъ западныя философскія и нравственныя идеи XVIII вѣка и которая изъ основныхъ европейскихъ литературъ въ этомъ отношеніи оказала наибольшее вліяніе. Винскій, современникъ Екатерины II высказываетъ убѣжденіе, что „французы гораздо болѣе способствовали нашему наученію, нежели совокупно вся Европа... Ежели когда нибудь настанутъ времена правды, говоритъ онъ, тогда великіе умы XVIII столѣтія, истинные благодѣтели рода человѣческаго, получатъ всю принадлежащую имъ честь и признательность". (53) Слова эти имѣютъ тѣмъ больше значенія, что Винскій, хотя и восторженный поклонникъ французскихъ философовъ, но не видитъ спасенія въ исключительномъ вліяніи иностранцевъ и находитъ, что они не могутъ воспитывать русскихъ дѣтей. Кромѣ того, отзывъ Винскаго вполнѣ согласенъ съ показаніемъ другихъ современниковъ и подтверждается рядомъ фактовъ, такъ что очевидный перевѣсъ остается на сторонѣ французскаго вліянія, въ связи съ галломаніей охватившей наше общество со временъ императрицы Елизаветы, вслѣдствіе чего французскій языкъ получилъ у насъ особенное распространеніе. Такимъ образомъ, переводовъ съ французскаго языка оказывалось всего больше; нерѣдко англійскія, нѣмецкія и другія книги, а равно и древне-классическія сочиненія переводились на русскій языкъ съ французскихъ переводовъ. Къ тому же произведенія французскихъ писателей многими читались у насъ въ подлинникѣ; они же нерѣдко наполняли русскія частныя библіотеки прошлаго столѣтія. Винскій пишетъ о 1770-хъ годахъ, что въ Петербургѣ во время своего пребыванія въ полку, познакомился съ двумя прокурорами: Андріанопольскимъ и Острожскимъ, у которыхъ была значительная библіотека „россійскихъ" книгъ. Тутъже, добавляетъ онъ, познакомился я съ Ролленами, Лесажами, Вольтерами и получилъ такое пристрастіе къ чтенію, что никогда никакое занятіе не брало по сей день у меня поверхности надъ онымъ. (54) То-же сообщаетъ Ф. Ф. Вигель, который находясь на службѣ при Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, часто бывалъ въ домѣ Галициныхъ, „гдѣ говоритъ онъ, положено было основаніе моей галломаніи... Голицыны снабжали меня французскими книгами,

по большей части романами и я воображалъ, что занимаюсь полезнымъ дѣломъ, когда пожиралъ ихъ по ночамъ". (55) Кромѣ того Вигель упоминаетъ о петербурской частной библіотекѣ молодыхъ офицеровъ Семеновскаго полка Пещуровыхъ, гдѣ, по его словамъ, „было полное собраніе сочиненій Флоріана, всѣ творенія Дората и другихъ французскихъ авторовъ, все розовое, амурное, ни одной военной, ни одной русской книги".

Дѣйствительно „мыслящему русскому человѣку восемнадцатаго вѣка, замѣчаетъ М. И. Сухомлиновъ мудрено было оставаться въ невѣденіи о томъ, что дѣлалось въ странѣ, откуда заимствовались у насъ новые обычаи и новыя идеи, а именно Франціи, вліяніе которой все болѣе и болѣе усиливалось въ нашемъ обществѣ... Умы серіозные старались ближе и глубже узнать то, чему иные поклонялись безсознательно: свѣтское большинство увлекалось блестящей внѣшностью... (56) По свидѣтельству „Живописца" (1772 г.), хотя у насъ одно время стали подражать англичанамъ, но французская мода одержала верхъ и властвовала надъ петиметрами и свѣтскими дамами". Подтвержденіе этихъ словъ мы находимъ на каждомъ шагу въ тогдашнихъ русскихъ журналахъ, а тѣмъ болѣе сатирическихъ, которые переполнены нападками на галломанію современнаго общества. Увлеченіе внѣшностью французской жизни, французскими свѣтскими условіями и приличіями, переходило у насъ и на французскую литературу: „ Вмѣстѣ съ Версальскими предразсудками, говоритъ Вигель, вошла у насъ въ моду и французская литература; въ высшемъ обществѣ знали наизусть классическихъ авторовъ и вѣкъ Людовика XIV ставили выше вѣковъ Августа и Перикла. Знатныя дамы съ восхищеніемъ читали Массильона и Бурдалу и нѣкоторыя изъ нихъ аббатами приготовлялись уже къ воспріятію католицизма; полупросвѣщенные повѣсы проповѣдывали безбожіе и клялись Вольтеромъ и Дидеротомъ. Чувствительные юноши, женщины принадлежащія ко второстепеннымъ обществамъ и молодые литераторы, также чуждые высшему кругу плѣнялись мадригалами, гримасными улыбками мелкихъ французскихъ мыслителей". (57)

По этому поводу считаемъ необходимымъ привести слова А. Н. Пыпина, что у насъ въ XVIII вѣкѣ „въ самомъ разгарѣ такъ наз. галломаніи оказываются очень сильныя вліянія нѣмецкой и англійской литературы. Вообще вліяніе основныхъ западныхъ литературъ такъ переплетаются, что довольно трудно или даже невоз-

можно указать какіе нибудь опредѣленные періоды или точный кругъ дѣйствія, тѣмъ болѣе, что къ концу столѣтія въ самой европейской литературѣ происходило уже сильное взаимодѣйствіе"... (58) Не подлежитъ сомнѣнію, что детальная разработка по отдѣльнымъ періодамъ едва ли мыслима по своей сложности и рѣшеніе явилось бы весьма гадательнымъ при настоящемъ положеніи вопроса. Здѣсь пока мѣриломъ можетъ быть цѣлая, болѣе или менѣе законченная эпоха съ опредѣленнымъ характеромъ, какою является у насъ вторая половина прошлаго вѣка; и только общіе результаты могутъ дать средніе, хотя и приблизительные выводы.

Такъ напримѣръ, отвѣтомъ на частный вопросъ о вліяніи на русское общество данной эпохи того или другаго иностраннаго писателя можетъ отчасти служить степень распространенія его сочиненій т. е. число русскихъ переводовъ, вышедшихъ отдѣльными изданіями и напечатанныхъ въ журналахъ. При этомъ неизбѣжно переводились въ наибольшемъ количествѣ и охотнѣе читались въ подлинникѣ особенно популярные авторы; и ихъ вліяніе имѣло перевѣсъ надъ менѣе любимыми писателями. Извѣстно, что иностранные романы издавна и не только во второй половинѣ но и въ началѣ нынѣшняго столѣтія несравненно больше читались и переводились у насъ, нежели спеціальныя философскія и научныя сочиненія, и по всѣмъ даннымъ болѣе ихъ способствовали умственному и нравственному развитію общества. Равнымъ образомъ, общее число переводныхъ романовъ, вышедшихъ отдѣльными изданіями, во второй половинѣ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ, какіе собственно иностранные романы были особенно распространены въ это время, и, слѣдозательно, имѣли наибольшее вліяніе на русскую читающую публику. Такъ при Екатеринѣ II переведено (по Росписи Смирнова) 350 романовъ съ французскаго языка, 107 съ нѣмецкаго, 6 съ англійскаго, 7 съ итальянскаго и т. д.; въ первые годы царствованія Александра I съ 1801—1804 замѣтно увеличивается число нѣмецкихъ и англійскихъ романовъ, хотя и здѣсь оказывается всего больше переводовъ съ французскаго языка [1]).

---

[1]) Въ русской періодической литературѣ, второй половины прошлаго вѣка мы видимъ обратное явленіе, хотя въ виду ограниченнаго числа подписчиковъ на русскіе журналы. (обыкновенно менѣе 100 человѣкъ и рѣдко до 300), от-

Но и помимо количественныхъ выводовъ немалую услугу въ рѣшеніи вопроса могутъ оказать записки и мемуары современниковъ, главный историческій матеріалъ, важный и для исторіи литературы, гдѣ черты прошлаго выступаютъ помимо воли авторовъ. Хотя записки и мемуары не всегда отличаются точностью съ фактической стороны, но на нихъ неизбѣжно лежитъ печать времени; и ихъ составители, говоря о современныхъ событіяхъ и людяхъ, могутъ описывать только окружающую обстановку, изображать знакомую имъ современную жизнь и общество. Наконецъ, и самые факты перестаютъ быть сомнительными, когда показанія однихъ очевидцевъ подтверждаются другими. Такимъ образомъ, на основаніи дошедшихъ до насъ записокъ и мемуаровъ второй половины прошлаго столѣтія, мы получаемъ прямой выводъ, что въ эту эпоху непосредственное вліяніе французской литературы и французскихъ философскихъ и нравственныхъ идей XVIII вѣка является преобладающимъ въ русскомъ обществѣ.

XXIII.

Идеи энциклопедистовъ, преимущественно Вольтера, а равно ихъ предшественника Бэйля (Pierre Bayle 1647+1706) и другихъ французскихъ мыслителей всего болѣе отразились на сужденіяхъ и взглядахъ русскихъ передовыхъ людей и писателей второй половины прошлаго вѣка, какъ напр. Болтинѣ, Новиковѣ, Радищевѣ, И. П.

дѣльныя изданія, во всякомъ случаѣ, имѣютъ больше значенія при рѣшеніи даннаго вопроса. Такъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» Г. Ф. Миллера, первомъ учено-литературномъ журналѣ въ Россіи, преобладаетъ вліяніе повременныхъ нѣмецкихъ изданій, тогда весьма многочисленныхъ въ Германіи, что замѣтно на общемъ выборѣ статей и большемъ количествѣ нѣмецкихъ переводовъ, сравнительно съ англійскими и французскими. Между тѣмъ, наши сатирическіе журналы, начиная со «Всякой Всячины», особенно изобилуютъ переводами и передѣлками изъ извѣстныхъ англійскихъ журналовъ Стиля и Аддисона: «The Tattler», «The Spectator», «The Guardian», которые издавались одинъ за другимъ съ 1709—1714 гг. и въ прошломъ вѣкѣ считались образцовыми въ западной Европѣ. На ряду съ этимъ, въ русской періодической печати встрѣчаются отголоски французской литературы: издатель журнала «Смѣсь», по свидѣтельству одного изслѣдователя, пользовался «не только французскими журналами, но и отдѣльными книжками и брошюрами на французскомъ языкѣ, наводнявшими въ XVIII вѣкѣ Францію и Голландію». (См. ст. В. О. Солнцева «Смѣсь» сатирическій журналъ» въ «Библіографѣ» 1893 г. Спб. Вып. I.

Тургеневъ [1]). Въ тѣхъ же идеяхъ воспиталась Екатерина II; Дашкова пишетъ о себѣ въ своихъ «запискахъ», что до 15-ти-лѣтняго возраста прочла въ домѣ дяди своего гр. Воронцова: сочиненія Бэйля, Вольтера, Монтескье, Гельвеція, добавляя, что «кромѣ Екатерины, тогда великой княгини никто изъ женщинъ въ Петербургѣ не занимался подобнымъ чтеніемъ» (59). Вліяніе французскихъ философовъ дало направленіе усиленной преобразовательной дѣятельности Екатерины II, а именно перваго десятилѣтія ея царствованія; и какъ извѣстно знаменитое сочиненіе Монтескье «L'Esprit des Lois» послужило основаніемъ «Наказа». По свидѣтельству И. Дмитріева, Екатерина II и ея вельможи на пути по Волгѣ изъ Твери до Казани занимались переводомъ «Велизарія», политико-нравственнаго романа, сочиненнаго Мармонтелемъ. При этомъ «императрица перевела IX главу, которая вся дышетъ либерализмомъ, ненавистью къ ласкателямъ и самовластію» (60).

Примѣръ императрицы могъ только усилить симпатіи къ современнымъ французскимъ мыслителямъ наиболѣе образованной части русскаго общества, какимъ являлось дворянство, и способствовать распространенію въ его средѣ французскихъ нравственно-философскихъ идей XVIII вѣка. Въ то время, какъ остальныя сословія упорно придерживались старыхъ предразсудковъ и преданій—защитники старины въ русскомъ дворянствѣ составляли меньшинство и реформа Петра I-го всего болѣе отразилась на его внѣшности, общественномъ и семейномъ строѣ. Такимъ образомъ, наше дворянство, пересаженное со старой почвы на новую, было особенно воспріимчиво и легко подвергалось внѣшнимъ вліяніямъ, а тѣмъ болѣе французскому, при той блестящей, увлекательной формѣ, въ какой являлись сочиненія французскихъ мыслителей прошлаго вѣка.

Сверхъ того «философія матеріализма тѣмъ скорѣе усвоивается обществомъ, чѣмъ ниже его умственное развитіе; простая по своей

---

[1]) «Иванъ Петровичъ Тургеневъ» извѣстный масонъ.—Л. Н. Майковъ высказываетъ предположеніе, что ему принадлежитъ статья о крестьянахъ, напечатанная въ «Живописцѣ» съ подписью И. Т. (Очерки изъ исторіи литературы XVII и XVIII столѣтій, Спб. 1889, т. I, стр. V). Въ этой статьѣ «Отрывокъ изъ путешествія» изображена яркими красками, крестьянская нищета и представлена картина печальнаго положенія дѣтей, брошенныхъ въ лѣтнее время на произволъ судьбы въ опустѣвшихъ деревняхъ. («Живописецъ», ч. I, л. 14).

односторонности, она легче переваривается только что возбужденной мыслью; она не требуетъ усилій, не возбуждаетъ борьбы и заманчиво ласкаетъ грубые инстинкты животной природы человѣка...» (61).

Не подлежитъ сомнѣнію, что нравственные и политическіе принципы, а равно и гуманныя идеи французской философіи могли быть достояніемъ немногихъ дѣйствительно просвѣщенныхъ русскихъ людей и этимъ путемъ оставили свой слѣдъ въ русской жизни и русской литературѣ. Но для большинства тогдашняго, поверхностно образованнаго общества, при его низкомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ, онѣ остались мертвой буквой и породили у насъ не мало такъ называемыхъ «вольтеріанцевъ», жизнь которыхъ нерѣдко представляла полный разладъ съ идеями, нахватанными изъ книгъ. Хотя злоупотребленія власти помѣщиковъ были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ сущности крѣпостнаго права, но съ его развитіемъ въ эту пору, они были особенно велики (62). Пытки крѣпостныхъ начинаютъ у насъ входить въ употребленіе въ началѣ XVIII вѣка; и мало по малу настолько получаютъ права гражданства, что по словамъ Романовичъ-Славатинскаго «трудно перечислить и уловить роды наказаній, изобрѣтаемыхъ фантазіей помѣщиковъ» (63). Нерѣдко случалось, что горячіе поклонники Руссо и Вольтера и проповѣдники ихъ идей позволяли себѣ самыя ужасныя насилія надъ крѣпостными и доводили своихъ крестьянъ до полнаго разоренія и нищеты.

Не менѣе своеобразно было у насъ и пониманіе западно-европейскаго скептицизма, такъ какъ большинство усвоило только верхи его и отдѣльныя фразы, не вникая въ ихъ смыслъ. Въ то время, какъ Вольтеръ, высоко цѣнившій нравственное начало въ христіанствѣ, нападалъ на злоупотребленія его представителей, скептицизмъ нашихъ вольтеріанцевъ не шелъ далѣе самаго дешеваго и неглубокаго отрицанія всѣхъ религіозныхъ и нравственныхъ традицій. «Вольнодумство въ дѣлахъ религіи, замѣчаетъ П. Вяземскій должно было имѣть у насъ своихъ послѣдователей скорѣе нежели политическое, ибо оно отвлеченнѣе другаго и не требуетъ никакихъ размышленій, ни приговительныхъ событій, ни предварительныхъ свѣденій» (64). Современники не даромъ жаловались на упадокъ религіи въ нашемъ обществѣ: «Вѣра начинала слабѣть говоритъ одинъ изъ нихъ, (65) несодержаніе постовъ, невыполненіе нѣкоторыхъ обря-

довъ съ вольными отзывами насчетъ духовенства и самыхъ догматовъ, чему виною можно поставить тѣснѣйшее сообщеніе съ иностранцами и начавшія входить въ свѣтъ сочиненія Вольтера, Ж. Ж. Руссо и др., которыя читались съ жадностью [1]).

Либерализмъ и невѣріе проникли даже въ среду приказныхъ, такъ что по словамъ **Вигеля**, «цитаты изъ Св. Писанія, коими прежніе подъячіе любили приправлять свои разговоры, замѣнились въ устахъ ихъ изреченіями философовъ восемнадцатаго вѣка и рѣчами революціонныхъ ораторовъ». Настроеніе умовъ въ обѣихъ столицахъ отозвалось и въ провинціи; тотъ-же **Вигель** съ удивленіемъ разсказываетъ, что въ такомъ захолустьи, какъ тогдашняя Пенза, онъ слышалъ «насмѣшки надъ религіей отъ такихъ людей, которые были совершенные неучи; впрочемъ добавляетъ онъ, здѣсь толковали уже о Нонотѣ и Фреронѣ и топтали ихъ въ грязь, превозноси похвалами Кандида и Бѣлаго Быка»... (66).

XXIV.

Изъ французскихъ философовъ XVIII вѣка едва ли не самымъ популярнымъ былъ Вольтеръ, судя по множеству переводовъ, которые печатались у насъ почти непрерывно втеченіе тридцати трехъ лѣтъ до 1789 года. (67) Помимо отдѣльныхъ изданій [2]), первые переводы появляются въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ Г. Ф. **Миллера** (журналъ изд. Академіи Наукъ), начиная съ 1856 года; затѣмъ и въ послѣдующихъ русскихъ журналахъ второй половины прошлаго столѣтія непрерывно встрѣчаются сочиненія Вольтера и нерѣдко въ безсвязныхъ отрывкахъ. Тотъ-же случайный характеръ носятъ отдѣльные переводы печатные и рукописные, которые выходили въ видѣ брошюръ и цѣлыхъ томовъ, гдѣ не замѣтно ни малѣйшей послѣдовательности даже хронологической.

---

[1]) Извѣстный масонъ И. В. Лопухинъ говоритъ, что еще до до 1780 года, т. е. до своего сближенія съ мартинистами, хотя онъ не былъ постояннымъ вольнодумцемъ, но больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ и **охотно читывалъ** Вольтеровы насмѣшки надъ религіей, Руссовы, опроверженія и прочія подобныя сочиненія». См. Чтенія въ Им. Об. И. и Др. Рос. 1860, апрѣль «Записки И. В. Лопухина», стр. 14.

[2]) Кандидъ (Candide) Вольтера былъ въ числѣ первыхъ книгъ, выбранныхъ въ 1769 году для перевода при Академіи Наукъ на собственныя средства Екатерины II) см. Сухомлинова «Исторія Россійской Академіи» 1874 т. I стр. 7.

Первое „Полное собраніе сочиненій Вольтера“ въ переводѣ Рахманинова вышло въ неблагопріятную для него пору, такъ какъ въ это время политическія событія Франціи не замедлили вызвать реакцію со стороны правительствъ остальной Европы и ослабили симпатіи Екатерины II къ французскимъ либеральнымъ идеямъ. Вслѣдствіе этого, послано предписаніе конфисковать вышедшее „Собраніе сочиненій Вольтера“, какъ „вредныхъ и исполненныхъ развращенія“ и приняты стѣснительныя мѣры относительно новаго изданія Вольтера, какъ видно изъ рескрипта къ московскому главнокомандующему Еропкину, отъ 23 сентября 1789 года: „По дошедшимъ до насъ свѣденіямъ, пишетъ императрица, что въ Москвѣ хотятъ переводить новое изданіе Бомарше всѣхъ сочиненій Вольтера въ 69 томахъ состоящее—прикажите Управѣ Благочинія и Оберъ-Полицмейстру наблюдать чтобы таковое изданіе отнюдь не было печатаемо ни въ одной типографіи безъ цензуры и аппробаціи митрополита Московскаго“. (68)

Но уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а именно въ 1802—1805 гг. подъ либеральнымъ вѣяніемъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра I, появляется вновь „Собраніе сочиненій Вольтера“, перепечатываются прежнія изданія и выходятъ новые переводы. Съ приближеніемъ войны 1812, года изданія становятся рѣже и увлеченіе Вольтеромъ переходитъ въ другую крайность, принимаетъ характеръ враждебнаго отношенія къ знаменитому фернейскому философу, (69) на ряду съ общимъ, хотя весьма кратковременнымъ охлажденіемъ ко всему французскому: „Въ это время, пишетъ Вигель, воспрянувшее въ разныхъ состояніяхъ чувство патріотизма подѣйствовало даже на высшее общество, наиболѣе зараженное галломаніей; знатныя барыни на французскомъ языкѣ начали восхвалять русскій, изъявлять желаніе выучиться ему или притворно показывать будто его знаютъ“... (70)

Что касается сочиненій Руссо, то во второй половинѣ прошлаго вѣка у насъ всего болѣе распространенъ былъ „Эмиль“; и даже въ 1789 году подвергся запрещенію, наравнѣ съ „Полнымъ собраніемъ сочиненій Вольтера“. [1]) Но вообще, хотя имена обоихъ фран-

[1]) См. «Осемнадцатый вѣкъ» 1859 кн. III, стр. 392. «Письмо Екатерины II къ неизвѣстному лицу» (безъ числа). «Слышно, что въ Академіи Наукъ продають такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ, противъ націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ напр., Эмилій Рус-

цузскихъ философовъ почти постоянно упоминаются вмѣстѣ въ мемуарахъ того времени, но Руссо еще менѣе Вольтера былъ доступенъ пониманію большинства русской читающей публики. Ученіе его, которое представляло протестъ противъ злоупотребленій и темныхъ сторонъ западно-европейской цивилизаціи, сложившейся вѣками и доходившей до отрицанія наукъ и искусствъ,—всего менѣе было примѣнимо къ жизни нашего едва созданнаго общества усвоившаго только внѣшнюю сторону этой цивилизаціи; и гдѣ наука и искусство находились въ зачаточномъ состояніи.

Мишурный блескъ городской жизни, роскошь доведенная до мотовства, городскія зрѣлища и увеселенія, развратъ прикрываемый лоскомъ свѣтскихъ условныхъ приличій,—все что возбуждало негодованіе Руссо и его послѣдователей, особенно увлекало русское общество второй половины прошлаго вѣка, представляя для него интересъ новизны. Наслажденіе городскими удовольствіями являлось исключительною цѣлью посѣщенія европейскихъ столицъ для многихъ русскихъ путешественниковъ того времени. „Юные русскіе недоросли избалованные дома и окружающей ихъ лѣнью, выросшіе подъ руководствомъ невѣжественныхъ учителей предавались за границей праздной жизни и проживали цѣлыя состоянія“. (71) По словамъ „Трутня“ 1770 года (стр. 63—64), они вывозили изъ чужихъ краевъ только свѣдѣнія какъ одѣваться и какія тамъ бываютъ зрѣлища и увеселенія“. Подобные отзывы встрѣчаются и въ другихъ сатирическихъ журналахъ прошлаго вѣка, которые при этомъ переполнены нападками на безсмысленный образъ жизни русскихъ петиметровъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Не только столичная знать и вельможи Екатерининскихъ временъ, но и дворяне средней руки щеголяли другъ передъ другомъ роскошью обѣдовъ и баловъ, богатствомъ экипажей, нарядовъ, многочисленной прислугой и пр. Такъ жили и помѣщики въ своихъ усадьбахъ, проматывая деньги наживаемыя безъ труда и менѣе всего наслаждались природой и желали деревенской простоты. Если нѣкоторые изъ нихъ хвалились патріар-

---

сова, Меморіи Петра III; приказано наблюденіе академіи за ея книжной лавкой; изъ другихъ лавокъ посылать реестры книгъ, которыя хотятъ выписывать и вычеркивать такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава и насъ, а есть ли послѣ того сыщется преступникъ, сему въ продажѣ такихъ книгъ, то конфисковать всѣ лавки и продать на щотъ Сиропитательнаго дома».

хальной простотой своихъ нравовъ, то это не имѣло ничего общаго съ патріархальностью, о которой говоритъ Руссо.

При этихъ условіяхъ, русскіе образованные люди того времени, за малыми исключеніями, едва ли могли искренно сочувствовать утопіямъ Руссо о возвращеніи къ естественному состоянію для достиженія утраченнаго блаженства, стремиться къ безмятежной жизни среди природы, мечтать о лѣсахъ первобытнаго міра и первобытной дикости. Извѣстный русскій писатель Болтинъ (1735+1792) говоритъ о Руссо что онъ „пускаясь въ крайность, коренемъ всего зла просвѣщеніе признаетъ, но держась средины можно за неопровергаемое правило поставить, что ни добродѣтели отъ просвѣщенія, ни пороки отъ простоты нравовъ не зависятъ“ (72). Увлеченіе идеями Руссо явилось позже съ Карамзинымъ, который былъ восторженнымъ поклонникомъ Руссо и называлъ его „величайшимъ изъ писателей XVIII вѣка“. Послѣдователи Руссо и въ этомъ подражали ему.

Наибольшее вліяніе Руссо сказалось въ русскихъ подражательныхъ романахъ и повѣстяхъ, написанныхъ по образцу „Эмиля“ и „Новой Элоизы“. Но тамъ, гдѣ русскіе сочинители позволяли себѣ болѣе вольную передѣлку и отступленіе отъ подлинника, видно полное непониманіе идей французскаго философа. Хотя выводимые ими романическіе герои также бѣгутъ изъ городовъ и живутъ отшельниками вдали отъ людей, но здѣсь причиной разочарованія оказываются узкіе личные мотивы. Въ иныхъ случаяхъ, деревня является средствомъ исправленія промотавшагося юноши; въ другихъ—герой становится ненавистникомъ городской жизни, подъ впечатлѣніемъ измѣны ловкой городской красавицы; а при этомъ условіи идеи Руссо въ его устахъ теряютъ всякій смыслъ.

Несравненно ближе къ пониманію большинства русской читающей публики были произведенія второстепенныхъ писателей и писательницъ конца XVIII вѣка съ ихъ узкою моралью и разсудочнымъ взглядомъ на жизнь, подходившимъ подъ общій нравственный и умственный уровень нашего общества. Такъ напр., сочиненія г-жи Жанлисъ, вошедшія у насъ въ моду въ началѣ нынѣшняго столѣтія, втеченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ считались лучшимъ чтеніемъ для русскаго юношества, наравнѣ съ идиллической повѣстью Бернардена де С. Пьера „Павелъ и Виргинія“. Выдержками изъ сочиненій Жанлисъ и ея сентенціями наполнены русскіе журналы,

которые ставили себѣ задачей педагогику и воспитаніе юношества. Элементъ разсудочной обыденной морали преобладаетъ въ сочиненіяхъ бытописательныхъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ писателей, которые преимущественно нравились русской публикѣ и встрѣчали сочувствіе въ русской литературѣ.

Хотя, нерѣдко, въ этихъ романахъ сентенціи не имѣли никакой органической связи съ общимъ содержаніемъ разсказа, равно какъ и неизмѣнное торжество добродѣтели и наказаніе порока напоминали дѣйствительность только у болѣе талантливыхъ писателей, но сентенціи считались необходимой принадлежностью всякаго порядочнаго романа. Поэтому, во второй половинѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія особенно распространены были у насъ нравоучительныя сочиненія аббата Прево, Фильдинга, Дюкре-Дюмениля, Жанлисъ, Коттенъ, Августа Лафонтена, Коцебу и пр. Карамзинъ пишетъ въ 1802 году, что въ это время въ страшной модѣ былъ Коцебу.... Русскіе книгопродавцы требовали отъ переводчиковъ и самихъ авторовъ Коцебу, одного Коцебу! Романъ, сказка, хорошее или дурное—все одно есть ли на титулѣ имя славнаго Коцебу". (73)

XXV.

Что касается нравственно-политическихъ теорій запада, то русская читающая публика опять-таки преимущественно знакомилась съ ними благодаря сочиненіямъ французскихъ писателей, а именно: Фенелона, Террасона, Мармонтеля, Флоріана, Мерсье и ихъ послѣдователей. Изъ нихъ наибольшей славой пользовался у насъ „Телемакъ" Фенелона, впервые переведенный на русскій языкъ въ 1747 году, и которымъ зачитывалось русское юношество, не только въ прошломъ, но и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Затѣмъ долѣе другихъ продержались у насъ сочиненія Мерсье (Louis Sebastien Mercier 1740—1814), писателя мастерски изображавшаго темныя стороны политической и общественной жизни Франціи. Имя Мерсье въ продолженіи многихъ лѣтъ часто встрѣчается въ старыхъ русскихъ журналахъ, гдѣ его сочиненія большею частью печатались въ отрывкахъ.

Современная журнальная критика, вообще довольно снисходительная къ „русскимъ сочинителямъ" и рѣдко упоминавшая о нихъ,

была гораздо строже къ переводнымъ иностраннымъ романамъ; и при оцѣнкѣ ихъ достоинства ставила на первомъ планѣ нравоучительный элементъ, придавая ему особенное значеніе. Въ этомъ отношеніи она отличалась замѣчательнымъ постоянствомъ, какъ видно изъ отзывовъ двухъ журналовъ половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Такъ Рейхель, издатель „Собранія лучшихъ сочиненій“ 1762 года (ч. III стр. 97—112), высказывая свой взглядъ на романы вообще, говоритъ, что „вымыслы не должны быть чрезвычайными и кромѣ увеселенія они должны заключать наставленія въ нравоученіяхъ и правилахъ человѣческой жизни“. Во главѣ этого рода романовъ онъ ставитъ сочиненія аббата Прево, такъ какъ по его словамъ, „въ нихъ соблюдена связь приключеній съ полезными наставленіями“;—и на этомъ основаніи относится съ порицаніемъ къ романическимъ произведеніямъ Мариво и Кребильона сына. Равнымъ образомъ „Жизнь Сиѳа царя Египетскаго“, романъ Террасона (1670+1750), кажется Рейхелю выше прославленнаго сочиненія Фенелона: „Сиѳъ, замѣчаетъ онъ, имѣетъ болѣе достоинства, чѣмъ Телемакъ; въ немъ находятся такія нравоученія, такія тонкія разсужденія и высокія мысли, какихъ въ Телемакѣ искать безполезно. Онъ менѣе пріятенъ; но превосходитъ его въ учености, философіи и нравоученіи.

Не менѣе характеренъ отзывъ П. И. Макарова въ журналѣ „Московскій Меркурій“ 1793 года, критика котораго, преимущественно, обращена на иностранную литературу и русскіе переводы иностранныхъ произведеній. Здѣсь рецензентъ съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ нравоучительнымъ сочиненіямъ Жанлисъ и весьма строго къ Редклифъ и, за исключеніемъ романа „Монахъ или пагубныя слѣдствія страстей“ [1]), перев. 1802 г., онъ видитъ „отсутствіе какой либо нравственной цѣли“ въ произведеніяхъ знаменитой англійской писательницы, отвергаетъ ихъ пользу и считаетъ вредными, тѣмъ болѣе, что „долговременныя впечатлѣнія ужаса дѣйствуютъ на нервы“... (№ XI, стр. 139).

---

[1]) Сочиненіе это «Monk» (монахъ) принадлежитъ не Редклифъ, а Люису котораго Байронъ называетъ Monk-Lewis. Правда, въ русскомъ переводѣ, романъ Люиса приписанъ англійской писательницѣ Аннѣ Редклифъ; но это спекуляція книгопродавца, который для большаго сбыта книги, произвольно выставилъ имя иностраннаго автора, въ то время особенно популярнаго среди, русской публики.

XXVI.

Въ заключеніе мы коснемся еще одного вопроса: какого рода произведенія западно-европейской литературы имѣли наибольшее воспитательное значеніе для русскаго общества прошлаго вѣка? Здѣсь по всѣмъ даннымъ, на основаніи дошедшихъ до насъ извѣстій, а равно и показаній современниковъ, получается одинъ отвѣтъ, что эту услугу русскому просвѣщенію оказали переводные иностранные романы.

Этимъ путемъ проникали къ намъ философскія идеи и нравственно-философскія и общественныя теоріи запада. Популярности Вольтера всего болѣе способствовала беллетристическая форма его произведеній; и мы видимъ, что въ теченіи тридцати трехъ лѣтъ, на ряду съ философскими и другими сочиненіями, почти непрерывно переводятся его повѣсти и романы, выходятъ отдѣльными изданіями и печатаются въ русскихъ журналахъ. Но въ первомъ „Полномъ собраніи сочиненій Вольтера" изд. Рахманинова 1785—1789 годовъ, статьи серьознаго содержанія преобладаютъ надъ беллетристикой. Что касается Руссо, то его „Эмиль" и „Новая Элоиза" были несравненно болѣе распространены и извѣстны, нежели его философскія „Разсужденія объ исправленіи нравовъ и неравенствѣ между людьми", изд. въ 1768 и 1770 гг. (въ переводѣ Пав. Потемкина). Изъ сочиненій Фенелона, Мармонтеля, Мерсье и др. у насъ пользовались популярностью только романы; и вообще всякія романическія произведенія иностранныхъ литературъ читались охотнѣе какихъ бы то ни было книгъ. Романы имѣли для русской публики и общеобразовательное значеніе; изъ нихъ заимствовала она правила житейской мудрости и общежитія, историческія, географическія и иныя научныя свѣдѣнія.

Значительное распространеніе иностранныхъ романовъ среди русской публики прошлаго вѣка, сравнительно съ другими книгами, объясняется отчасти тѣмъ, что они легче читались и были доступнѣе пониманію большинства. М. Херасковъ въ своей статьѣ «О чтеніи книгъ», помѣщенной въ журналѣ «Полезное увеселеніе» 1760 года (кн. I, стр. 5) пишетъ по этому поводу: «Романы для того читаются чтобы искуснѣе любиться и часто отмѣчаютъ красными знаками нѣжныя самыя рѣчи... а книги до наукъ касающіяся читаютъ

не для любовныхъ изреченій; для сего должно вникнувъ въ содержаніе книги разобрать автора, содержаніе его книги, достоинства оной... нужно читать умѣючи». Того-же вопроса сорокъ два года спустя касается Карамзинъ въ извѣстной статьѣ 1802 года «О книжной торговлѣ и любви ко чтенію въ Россіи» (В. Ев. № 9).— «Я спрашивалъ, говоритъ онъ, у многихъ книгопродавцевъ какого рода книги у насъ расходятся больше всего и всѣ отвѣчали: романы! Не мудрено... не всякій можетъ философствовать или ставить себя на мѣсто героевъ исторіи; но всякій любитъ, любилъ или хотѣлъ любить и находитъ въ романическомъ героѣ самаго себя; читающему кажется, что авторъ говоритъ ему языкомъ его собственнаго сердца» и пр.

Такимъ образомъ, романы являлись главнымъ и любимымъ чтеніемъ русской публики не только въ прошломъ, но и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. В. Жуковскій, принявъ на себя изданіе «Вѣстника Европы въ 1808 году, въ первой-же книгѣ журнала (стр. 5), характеризуетъ слѣдующими словами господствовавшій въ это время вкусъ къ чтенію: «О чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныхъ своихъ прокламаціяхъ—о романахъ ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ, моральныхъ и пр. и пр. Что покупаютъ посѣтители Никольской улицы въ Москвѣ?—романы»... Въ чемъ состоитъ достоинство въ этихъ прославленныхъ романахъ?— всегда почти въ однихъ великолѣпныхъ названіяхъ, которыя обманываютъ любопытство»...

Но въ то время, какъ одни зачитывались романическими произведеніями иностранныхъ литературъ, другіе безусловно возставали противъ чтенія романовъ, считая ихъ «пустыми сказками». Н. И. Толубѣевъ, сообщая подробности о поступленіи въ военную службу въ концѣ прошлаго вѣка, разсказываетъ о своемъ менторѣ, кирасирѣ Клименко, который отобралъ у него взятый для чтенія романъ съ заявленіемъ, что «еслибы книга принадлежала бы» ему, то онъ бы ее изодравъ и запалилъ люльку а остатки спаливъ на ваксу» и что онъ Толубѣевъ «романы успѣетъ услышать или увидѣть на дѣлѣ». (74). Взглядъ Клименки раздѣляли и тогдашніе защитники до-петровской старины, которые относились враждебно ко всякой беллетристикѣ и признавали полезнымъ и душеспасительнымъ чтеніемъ церковныя книги, лѣтописи, хронографы, историческія сказанія и пр., а также житія святыхъ, нерѣдко смѣшивая ихъ съ апокрифами.

Тѣмъ не менѣе, приверженцы романовъ составляли большинство и чтеніе ихъ достигало такихъ размѣровъ, что въ русской литературѣ не только второй половины прошлаго, но и въ началѣ нынѣшняго вѣка не разъ поднимался вопросъ о пользѣ и вредѣ романовъ. И здѣсь было два лагеря — защитниковъ и противниковъ какихъ бы то ни было романовъ. При этомъ, послѣдніе исходили изъ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія; въ то время какъ одни, подобно Сумарокову, считали чтеніе романовъ «не препровожденіемъ, а погубленіемъ времени», другіе приписывали имъ многія печальныя явленія нашей тогдашней общественной и семейной жизни. Если въ ихъ нападкахъ была доля правды и романы, какъ отраженіе западно-европейской жизни, вредно отзывались на русскомъ обществѣ, то вина была не столько въ романахъ, сколько въ нашемъ неразборчивомъ увлеченіи внѣшними сторонами западной цивилизаціи. Спасеніе, во всякомъ случаѣ, заключалось не въ возвращеніи къ старинѣ и не въ подражаніи «нравамъ и добродѣтелямъ праотцевъ нашихъ».

«Многіе жалуются, пишетъ неизвѣстный авторъ статьи «О романахъ» въ «Московскомъ Собесѣдникѣ» 1806 года, (декабрь, стр. 467—470), что романы вскружаютъ голову, я сему вѣрю... Романовъ читаютъ больше въ провинціяхъ, нежели въ городахъ и тамъ они болѣе дѣлаютъ впечатлѣніе. Но книги сіи сдѣланы только для того чтобы укореняя предразсудки, сдѣлать ему отвратительнымъ его собственное состояніе и внушить модныя правила политики... Модный поступокъ занимаетъ тамъ мѣсто дѣйствительныхъ должностей; витіеватыя рѣчи ихъ заставляютъ презирать дѣйствія обыкновенныя и простота благихъ нравовъ почитается грубостью».

Еще рельефнѣе выражается С. Глинка въ своей вступительной статьѣ къ «Русскому Вѣстнику» 1808 года № 1 стр. 2), гдѣ объясняя цѣль изданія, онъ заявляетъ намѣреніе предлагать «все то, что можетъ услаждать сердца русскіе».

«Философы XVII столѣтія, пишетъ Глинка, никогда не заботились о доказательствахъ; они писали политическіе, историческіе, нравоучительные, метафизическіе, физическіе романы, порицали все, все опровергали, обѣщали безпредѣльное просвѣщеніе, неограниченную свободу... словомъ они желали все преобразить по своему. Мы видѣли къ чему привели сіи романы, сіи мечты воспаленнаго и тще-

славнаго воображенія и будемъ противополагать имъ не вымыслы романическіе, но нравы и добродѣтели праотцевъ нашихъ»...

На ряду съ такими ожесточенными нападками на иностранные романы и въ обществѣ и въ литературѣ прошлаго и начала нынѣшняго вѣка встрѣчались не менѣе восторженные поклонники романовъ, которые приписывали имъ высокое нравственное и воспитательное значеніе. Къ числу ихъ принадлежалъ А. Т. Болотовъ, по словамъ котораго романы «не только не сдѣлали ему ничего дурнаго, а напротивъ того произвели безчисленныя выгоды и пользы: умъ его исполнился множествомъ новыхъ знаній, а сердце нѣжными и благородными чувствами»... «Романы, пишетъ онъ, замѣнили мнѣ чтеніе особливыхъ географическихъ книгъ, я получилъ понятіе о родѣ жизни разнаго рода людей, начиная отъ владыкъ земныхъ даже до людей самого низкаго состоянія; самая житейская жизнь во всѣхъ ея разныхъ видахъ и состояніяхъ и вообще весь свѣтъ сдѣлался мнѣ гораздо знакомѣе предъ прежнимъ. Однимъ словомъ, я никакъ не могу обвинять съ своей стороны романы вредными послѣдствіями, но паче за многое хорошее имъ весьма обязанъ» (75).

И. П. Дмитріевъ другъ и современникъ Карамзина съ своей стороны свидѣтельствуетъ въ пользу романовъ: «Чтеніе иностранныхъ романовъ, говоритъ онъ, не имѣло вреднаго вліянія на мою нравственность; смѣю даже сказать, что они были для меня антидотомъ противу всего низкаго и порочнаго... они возвышали душу мою. Я всегда плѣнялся добрыми примѣрами и охотно желалъ имъ слѣдовать» (76).

Н. Карамзинъ былъ не только защитникомъ иностранной беллетристики вообще, но считалъ полезными не только хорошіе, но даже плохіе романы. «Въ самыхъ дурныхъ романахъ, пишетъ онъ въ 1802 году, (Вѣстн. Евр. № 9), есть уже нѣкоторая логика и реторика; кто ихъ читаетъ будетъ говорить лучше и связнѣе совершеннаго невѣжды, который въ жизнь свою не раскрывалъ книги. Къ тому-же нынѣшніе романы богаты всякаго рода познаніями; авторъ, вздумавъ написать три или четыре тома, прибѣгаетъ ко всѣмъ способамъ занять ихъ и даже ко всѣмъ наукамъ... Такимъ образомъ читатель узнаетъ и Географію и Натуральную исторію; и я увѣренъ, что скоро въ какомъ нибудь нѣмецкомъ романѣ новая планета будетъ описана еще обстоятельнѣе, нежели въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Поэтому напрасно думаютъ, что романы

могутъ быть вредны для нравственности; всѣ они имѣютъ обыкновенно моральную связь или представляютъ моральное слѣдствіе. Правда, что нѣкоторые характеры въ нихъ бываютъ вмѣстѣ и приманчивы и порочны, но чѣмъ же они приманчивы? нѣкоторыми добрыми свойствами, которыми авторъ украсилъ ихъ черноту: слѣдственно добро и въ самомъ злѣ торжествуетъ» и пр.

XXVII.

Что касается частнаго вопроса: какіе иностранные романы въ отдѣльности имѣли у насъ сравнительно наибольшее вліяніе, то здѣсь опять самыми достовѣрными являются отзывы и показанія лицъ выросшихъ и воспитавшихся на переводной романической литературѣ. На ряду съ этимъ, не менѣе важны свѣдѣнія въ данномъ направленіи, сообщаемыя въ біографіяхъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, такъ какъ эти свѣденія также заимствованы изъ современныхъ источниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что такого рода отзывы и свѣдѣнія, собранные въ достаточномъ количествѣ, доставятъ въ будущемъ необходимый матеріалъ для рѣшенія вопроса о вліяніи многихъ переводныхъ романовъ.

Такъ, изъ записокъ словоохотливаго Болотова, мы узнаемъ какіе именно романы одинъ за другимъ увлекали его въ молодости и какое собственно вліяніе оказалъ на него каждый изъ нихъ: «Въ 1750 году, пишетъ онъ, я прочиталъ переводъ французскаго романа «Эпаменондъ и Целеріана», первая книга, благодаря которой получилъ понятіе о любовной страсти, со стороны нѣжной и прямо романической, что послѣ послужило мнѣ въ немалую пользу». Въ томъже году Болотовъ познакомился съ книгой Фенелона «Похожденія Телемака», и по этому поводу распространяется объ ея достоинствахъ: «Не могу довольно изобразить сколь великую произвела она мнѣ пользу. Я получилъ черезъ нее понятіе о митологіи, о древнихъ войнахъ и обыкновеніяхъ, о троянской войнѣ.. Книга сія послужила первымъ камнемъ въ фундаментѣ всей моей будущей учености»... Пятью годами позже авторъ «Записокъ» извѣщаетъ, что купилъ двѣ книги въ тетрадяхъ (въ рукописи?) — «Аргенида» и «Жильблазъ» и не разставался съ ними; при этомъ онъ переводилъ нѣмецкій романъ «Бѣдственная жизнь и похожденія

Якова Пакартуса, бывшаго потомъ милордомъ въ Англіи», который понравился ему тѣмъ, что «походилъ нѣсколько на Жильблаза или Робинзона». Такой же сочувственный отзывъ встрѣчаемъ мы о «Клевеландѣ» романѣ аббата Прево (77): «Клевеландъ мой, пишетъ Болотовъ и нѣкоторые другіе читанные мною до того романы вперили уже давно въ меня вкусъ къ онымъ и я всегда съ особливымъ удовольствіемъ читывалъ книги, содержащія въ себѣ что нибудь историческое» (78).

Въ статьѣ Я. Грота «Жизнь Державина» (79) сообщены подробныя свѣдѣнія,—которыя мы приводимъ въ извлеченіи,—относительно книгъ, прочитанныхъ будущимъ поэтомъ въ Казанской гимназіи (1759—1762). Изъ нихъ Я. Гротъ упоминаетъ о трехъ сочиненіяхъ, которые обошли тогда всю Европу, были переведены на разные языки, въ томъ числѣ на русскій; и находились въ нѣкоторыхъ домахъ въ Казани, а именно: «Похожденія Телемака», «Аргенида» и «Приключенія маркиза Г.».

Державинъ, по замѣчанію его біографа, могъ читать прозаическій переводъ Телемака неизвѣстно кѣмъ сдѣланный, по повелѣнію императрицы Елизаветы въ 1747 году, или же переводъ Тредьяковскаго, напечатанный въ 1751 г. Что касается Аргениды, то здѣсь подъ покровомъ аллегоріи, изображено состояніе Франціи и другихъ западныхъ государствъ въ эпоху лиги. Русскіе читатели познакомились съ Аргенидой, благодаря переводамъ Тредьяковскаго. Первый переводъ сдѣлалъ онъ еще будучи студентомъ, но самъ находилъ его негоднымъ; и по приказанію гр. К. Г. Разумовскаго перевелъ всю книгу снова. Перемѣшивая прозу со стихами, Тредьяковскій въ концѣ каждой главы помѣстилъ подробныя историческія и миѳологическія примѣчанія. Подлинникъ третьей книги Приключенія маркиза Г*, соч. аббата Прево (Antoine François Prevost d'Exiles 1697+1763) вышелъ въ 1729 году, подъ заглавіемъ «Mémoires du marquis ou aventures d'un homme de qualité, qui s'est retiré du monde». Содержаніе романа составляетъ исторія жизни, разсказанная самимъ героемъ. Маркизъ Г* странствуетъ, испытываетъ разнаго рода несчастія, попадаетъ въ неволю и пр., но и при «горестныхъ обстоятельствахъ остается добродѣтельнымъ». Русское юношество второй половины прошлаго вѣка, по словамъ Я. Грота, «наслаждалось чтеніемъ этого романа Прево, гдѣ нравоучительный элементъ соединялся съ пестрыми разнообразными приключеніями».

И. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ также называетъ «Приключенія маркиза Г* въ числѣ книгъ, прочитанныхъ имъ въ дѣтствѣ и, повидимому, познакомился съ романомъ Прево въ подлинникѣ: «Въ пансіонѣ, говоритъ онъ, прочиталъ я «Тысячу и одну ночь», повѣсти Скаррона, «Похожденія Робинзона Крузе, Жильблаза де Сентилана, Приключенія маркиза Г*»... По этой книгѣ аббата Прево я получилъ первое понятіе о французской литературѣ, услышалъ имена Мольера, Буало, Лопецъ де Вега, Расина и Кальдерона, критическое о нихъ сужденіе; этому же роману обязанъ я тѣмъ, что началъ понимать французскія книги» (80).

О значеніи и вліяніи нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ романовъ говоритъ А. Галаховъ. Между прочимъ мы находимъ у него любопытный отзывъ о сочиненіяхъ нѣмецкаго писателя Августа Лафонтена (1756—1831), принадлежащихъ къ такъ называемымъ «семейнымъ» романамъ, которые возникли вслѣдъ за развитіемъ средняго сословія въ Европѣ и служили выраженіемъ его быта. «Трудно представить себѣ, пишетъ онъ, съ какою жадностью и удовольствіемъ читались у насъ романы Лафонтена; ихъ дѣйствіе понятно лишь тому, кто самъ испыталъ его читая... Въ сущности дѣйствіе ихъ было вредно, возбуждая въ юной душѣ сладенькія чувства, пріучая къ праздной фантазіи и все завершая или несостоятельной или пошлой моралью» (81).

Къ такому же выводу о вліяніи сочиненій нѣмецкаго романиста приходитъ Ап. Григорьевъ въ своей статьѣ «Мои литературныя и нравственныя скитанія», гдѣ онъ сообщаетъ не мало характерныхъ особенностей относительно занимающаго насъ вопроса. Въ числѣ другихъ иностранныхъ писателей, онъ приводитъ Августа Лафонтена и называетъ его «безнравственнѣйшимъ изъ писателей, болѣе вреднымъ, чѣмъ циничный Пиго Лебренъ, такъ какъ молодое сердце не такъ легко поддается открытому, не таящему себя подъ покровами разврату»... (82).

Подобное совпаденіе въ мнѣніяхъ двухъ различныхъ писателей о вредномъ вліяніи романовъ А. Лафонтена едва ли можетъ быть объяснено простой случайностью и, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія при изслѣдованіи переводной романической литературы. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что такая критическая оцѣнка вліянія сочиненій иностраннаго писателя могла

явиться только впослѣдствіи, въ пору бóльшей умственной и нравственной зрѣлости нашего общества. Если въ прежней литературѣ толковали у насъ о пользѣ и вредѣ романовъ, то съ другой, менѣе опредѣленной точки зрѣнія. Что касается большинства тогдашней русской публики, то она читала безъ разбору всѣ романы, какіе попадались подъ руку, не задаваясь никакими вопросами; и одинаково увлекалась «Клариссой» Ричардсона, Пиго Лебреномъ, «Жильблазомъ» Лесажа, какъ и романами Августа Лафонтена, Анны Редклифъ, Коцебу, Бернарденомъ де С. Пьеръ и др.

Такимъ образомъ, на основаніи собранныхъ нами свѣдѣній, отзывовъ и показаній современниковъ, едва ли будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что значительная часть русской публики прошлаго и даже первой половины настоящаго столѣтія, если не исключительно, то всего болѣе читала романы, и воспитывалась на нихъ. Одновременно съ этимъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ романической иностранной литературы вырабатывался нашъ подражательный романъ; и изъ заключенныхъ въ немъ задатковъ творчества постепенно возникала русская романическая литература и явился первый русскій самобытный романистъ въ лицѣ В. Т. Нарѣжнаго.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ I-й ЧАСТИ.

1) Сочиненія В. Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова и Щепкина 1859—1862.—Собственно о Нарѣжномъ: т. III стр. 446; т. IV стр. 418; т. VI стр. 68—69, 134, 228—289; т. VII стр. 372; т. VIII стр. 18; т. XI стр. 334—436; т. XII стр. 508—509.

2) См. рецензіи о произведеніяхъ Нарѣжнаго: „Сѣверный Вѣстн." 1804, ч. IV, 129—149.—„Цвѣтникъ" іюль 1809, стр. 263—274.—„Благонамѣренный" 1822, ч. 19, № 39, стр. 503—506.—„Ibid." 1824, ч. 27, стр. 215—216, 274—282, ч. 28, стр. 25—45.—„Сынъ Отечества", 1823, ч. 87, стр. 166—172.—„Дамскій журналъ" 1824, ч 9, № 3.—„Литературные листки" 1824, ч. IV.—„Сынъ Отечества" 1824, ч. 97, стр. 37—38.—„Ibid". 1825, ч. 99, стр. 56.—„Москв. Телеграфъ" 1825, ч. IV стр. 346, ч. VI, стр. 182—184.—„П. Соб. Соч. кн. П. А. Вяземскаго изд. гр. Шереметева, 1878, т. I стр. 203—204 „Письмо въ Парижъ" 1825.—„Сѣверная Пчела" 1825, № 94.—„Атеней" 1829, ч. IV, стр. 318.—„Галатея" ч. XVII М. 1830, стр. 191—196.—„Сынъ Отечества" 1832, № II стр. 102—103.—„Чтенія о русскомъ языкѣ" Н. Греча СПб. 1840, стр. 338.—Соч. В. А. Вонлярлярскаго ч. I СПб. 1853, стр. XVII—XVIII (въ Предисл.) Пол. Собр. Соч. И. В. Кирѣевскаго, М. т. I 1861, стр. 42.

3) См. „Современникъ" изд. А. Пушкинымъ СПб. 1836, т. I „О движеніи журнальной литературы" ст. Н. В. Гоголя, стр. 221.

4) См. „Истор. рус. Словесности" А. Д. Галахова т. II, стр. 177—184.

5) В. С. Сопиковъ „Опытъ русской библіографіи" СПб. 1813—21.

6) Повѣсть „Евгеній и Юлія" напеч. въ журн. „Дѣтское чтеніе для сердца и разума", ч. XVII М. 1789, стр. 177—192.

7) Въ „Московскомъ Журналѣ" 1792, ч. 5—8, напечатаны повѣсти Н. Карамзина: 1) Ліодоръ (неок.); 2) Бѣдная Лиза, въ іюн. книгѣ; 3) Валерія; 4) Наталья боярская дочь. Слѣдующая затѣмъ повѣсть Юлія появилась въ 1796 году; она была переведена на франц. языкъ. (Въ „Росписи" Смирдина № 9596 ошибочно сказано, что Юлія переводъ съ французскаго). См. „Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Им. Акад. Наукъ" т XXXII, № 8, СПб., 1883 „Матеріалы для библіографіи о Н. М. Карамзинѣ" собралъ С. Пономаревъ.

8) Стихотворенія А. Ѳ. Мерзлякова изд. „Общ. любителей русской словесности" при Москов. унив. напеч. подъ редак. М. П. Полу-

денскаго, 2 ч. М. 1867 (676 стр.). Въ „Трудахъ" Общества помѣщены также 23 произведенія Мерзлякова въ стихахъ и 16 въ прозѣ.

9) „Пріятное и полезное препровожденіе времени" М. 1798, ч. XVIII, стр. 104—110, 281—288, 319; 333—335.—ч. XIX, стр. 33—45, ч. XX, стр 353—364, 369—375, 378—388.

10) „Иппокрена или Утѣхи Любословія" на 1799 г. М. ч. I стр. 401—415, 417—426, 427.—ч. II, стр. 17—27, 33—43, 49—56, 58.—Ibid. 1800, ч. VII стр. 161—272.

11) „Цвѣтникъ", іюнь, 1810, ч. VI, стр. 351, см. прим. В. Ефимова къ статьѣ «Мнѣнія и замѣчанія Пустынника".

12) Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи втеченіе пятилѣтія съ 1801—1806, соч. А. Шторха и Аделунга СПб., 1810—1811

13) „Новости русской литературы" 1802, т. I, см. Предисловіе, стр 129—149.

14) «Взглядъ на мою жизнь" И. И. Дмитріева съ прим. М. Н. Лонгинова, 3 ч., 1866 года, см. кн. вторая стр. 40 и 46.

15) «Сѣверный Вѣстникъ" изд. И. И. Мартыновымъ, 1804 г, ч IV, „Письмо отъ Неизвѣстнаго".

16) „Московскій Меркурій", 1803, № 12.

17) Учебная книга россійской словесности или избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ изд. Н. И. Гречемъ въ 1819 г. СПб. ч. I, стр. 178.

18) «Амфіонъ», ежемѣс. изд. на 1815 г., изд. А. Мерзляковымъ и Смирновымъ см. книги журн. съ января по октябрь.

19) Тамъ же, январь, стр. 45.

20) „Утренняя заря" Труды воспитанниковъ Благороднаго Университетскаго пансіона. М.1800—1808. Первая книга была процензирована Прокоповичемъ-Антонскимъ.

21) О состояніи литературы и общества въ первый періодъ царствованія Александра I и послѣ, см. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, А. Н. Пыпина, СПб. 1885.—„Сочиненія К. Н. Батюшкова со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова", нап. Л. Н. Майковымъ, и прим. сост. имъ же и В. И. Саитовымъ, т. I, СПб. 1887.—„Сочиненія и переписка П. А. Плетнева" изд. Я. К. Гротъ, 3 части. СПб. 1885.—Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго изд. гр. Шереметевымъ, СПб. 1878 г., XI томовъ.

22) „Письма русскаго путешественника", напеч. въ 1791—1792 гг. въ „Московскомъ журналѣ", изд. Н. Карамзина.

23) „Россійскій Жилблазъ" II стр. 101—124.

24) „Цвѣтникъ" на 1809 изд. А. Е. Измайловъ и А. Беницкій а на 1810 г. изд. А. Измайловъ и П. Никольскій. СПб.

25) „Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ и пр. СПб. 1812 г. изд. Н. Гречемъ, стр. 447.

26) См. библ. сочиненій въ прозѣ и стихахъ съ 1800 по 1809, вызван. изданіемъ „Слова" въ изслѣдованіи Е. В. Барсова „Слово о полку

Игоровѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси" т. I М. 1887 г. стр. 1—2.

27) Уставъ С.-Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, ч. I напеч. въ 1819 г. Къ Росписи Смирдина: Первое Прибавл. № 10055.

28) „Атеней", 4 ч. М. 1829 стр. 318—320.

29) Марлинскій. Полное собраніе сочиненій. т. XI, стр. 176 „Взглядъ на русскую словесность въ теченіи 1824 и началѣ 1825 годовъ".

30) „Благонамѣренный" журн. А. Е. Измайлова, ч. XXVII. СПб. 1824 г.

31) „Сѣверная Пчела" 1825 года, № 94, августъ 6.

32) „Вступительная лекція" Н. С. Тихонравова, „Москов. Вѣд." 1859, № 232.

33) См. статья Н. Карамзина „О книжной торговлѣ и любви ко чтенію въ Россіи" „Вѣст. Евр." 1802, № 9, стр. 57.

34) „Ист. Академіи Наукъ" Пекарскаго т. II стр. 147—149.

35) См. П. Собр. Зак., т. VII, № 5175, а также „Регламентъ" данный имп. Елисаветой Академіи Наукъ, помѣщ. въ первомъ томѣ „Наукъ комментаріевъ" и впервые напечатанный 25 сентября 1747, при Акад. Наукъ.

36) „Ист. русск. Слов." Галахова изд. 1880 г. т. I отд. II, стр. 269.—Ист. Рос. Акад. Сухомлинова, вып. III 1876, стр. 85.—„Сынъ Отеч." 1839, т. XI, отд. VI, 77—81.

37) „Русск. Вѣстн. 1860, кн. I" Современ. Лѣт. стр. 112 и слѣд.

38) См. „Талія или Собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ" 1807 г.

39) „Сынъ Отечества" 1856, № 28 „Историческій очеркъ русскаго прозаическаго романа", ст. Благосвѣтова.

40) Ст. М. Л. Михайлова, „Похожденія Ивана Гостиннаго сына" Библ. для Чтенія 1854, 127, стр. 16.

41) „Полное собраніе сочиненій А. Е. Измайлова", Изд. Рус. книжнаго магазина, М. 1891, т. III.

42) См. Ученыя Зап. II Отд. Им. А. Наукъ, кн. IV, 1858 г. стр. 282—283 „Очеркъ ист. старин. пов. и сказокъ русскихъ" А. Н. Пыпина.

43) „Рус. Старина" 1883 г. Изслѣд. проф. В. С. Иконникова „Афанасій Лаврентьевичъ Ординъ Нащокинъ", октябрь, стр. 293—294, а также „Родословная книга" изд. Рус. Стар. I, 265.

44) „Записки Ф. Ф. Вигеля", т. III, М. 1892, стр. 59.

45) См. „Живописецъ" ч. II стр. 172, Примѣчанія Н. Новикова къ „Письму Любомудрова изъ Ярославля 1773 года ч. I стр. 43.

46) „Записки артиллеріи маіора М. В. Данилова, написанныя въ 1771 г." М. 1842 стр. 15.

47) „Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка", Историческій очеркъ Н. Чечулина, СПб. 1889 стр. 1.

48) „Рус. Архивъ 1877, № 1 Записки Винскаго" стр. 102.

49) „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права" А. Романовичъ-Славатинскій, СПб. 1870 стр. 141, 162,

50) „Записки А. Т. Болотова“ 1755—1757 г.г. т. I стр. 330. См. также „Старинные помѣщики на службѣ и дома“. Изъ семейной хроники Е. Щепкиной, СПб. 1890, стр. 182—191.

51) „Записки Винскаго“, Р. Арх. № 1, стр. 93—99.

52) „Записки объ имп. Екатеринѣ Великой“ А. М. Грибовскаго изд. второе, М. 1864, стр. 10.

53) „Записки Винскаго“, Р. Архивъ, № 1 стр. 88.

54) Ibid, стр. 98.

55) „Записки Ф. Ф. Вигеля“ М. 1892 ч. I, стр. 167.

56) „Исторія Рос. Академіи“ М. И. Сухомлинова, 1880, стр. 152, выпускъ къ Приложенію № 2. Ibid. „Сборн. Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Н.“ т. XXII 1881.

57) „Записки Ф. Ф. Вигеля“, ч, I, стр. 148 М. 1892.

58) А. Н. Пыпинъ, „Русская наука и національный вопросъ въ XVIII вѣкѣ, см. Вѣст. Европы“ 1884, май, стр. 233.

59) „Собраніе сочиненій кн. П. Вяземскаго“ СПб. 1878, т. V, гл. I стр. 9. См. также Арх. кн. Воронцова, т. XXI. М. 1881; Бумаги кн. Е. Р. Дашковой: „Mon histoire“ I pp. 8—12, гдѣ она пишетъ: Bayle, Montesquieu, Voltaire étaient mes livres favoris, Je pourrais peut être avancer qu'il n'y avait pas deux femmes outre moi et la grande duchesse, qui s'occupassent d'une lecture serieuse“...

60) „Взглядъ на мою жизнь“ И. Дмитріева М. 1866, ч. I стр. 96.

61) „Біографія А. И. Кошелева“ М. 1889 т. I стр. 12. См. въ Ж. М Н. Пр. 1890, № 3, рецензію К. Бестужва-Рюмина, Отд. „Критика и Библ.“.

62) „Крестьяне въ царствованіе им. Екатерины II“ В. И. Семевскаго, т. I СПб. 1881, гл. VII, стр. 159—207.

63) „Дворянство въ Россіи“ и пр. Романовичъ-Славатинскаго, СПб. 1870, стр. 313.

64) „Собраніе сочиненій П. Вяземскаго“, т. V гл. III стр. 28.

65) „Записки Винскаго“ Р. Арх., 1877, № 1, стр. 103.

66) „Записки Ф. Ф. Вигеля“, 1892, ч. II стр. 28, ч. I, стр. 215—216.

67) Ст. Д. Языкова „Вольтеръ въ русской литературѣ“ въ „Древней и Новой Россіи“ 1878, кн. III стр. 279.

68) „Москвитянинъ“ 1844, ч. VI № 11 стр. 213.

69) См. „Русскій Архивъ 1882, № 6 Графъ Растопчинъ о Вольтерѣ“ стр. 207—209.

70) „Записки Ф. Ф. Вигеля“, ч. III стр. 151.

71) „Русскій Вѣстникъ“ 1857, августъ кн. 2. „Черты русскихъ нравовъ XVIII столѣтія, ст. вторая, А. Аѳанасьева, стр. 259.

72) См. „Критическія примѣчанія Болтина на второй томъ исторіи кн. Щербатова“ 1794 г. стр. 82—83.

73) „Вѣстникъ Европы“ 1802, № 9, стр. 61.

74) „Записки Н. И. Толубѣева“, стр. 38—40.

75) „Жизнь и приключенія А. Т. Болотова“, 1757—1758 г.г. изд. 1870, т. I стр. 825.

76) „Взглядъ на мою жизнь“ И. И. Дмитріева, стр. 15—16.

77) „Старинные помѣщики на службѣ и дома“, Е. Щепкиной, стр. 184—188.

78) „Жизнь и прикл.“ А. Т. Болотова стр. 182, 108, 321—322, 369, 391, 610, 824—828.

79) „Жизнь Державина“ ст. Я. Грота въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1860, апрѣль, стр. 363—368.

80) И. И. Дмитріевъ „Взглядъ на мою жизнь“ ч. I, стр. 14.

81) „Исторія рус. Словесности“ А. Галахова, изд. 1866, стр. 172.

82) См. „Эпоха“ 1864, май, стр. 155—156.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Въ царствованіе Екатерины II-й, начиная съ 1762 года, переведены съ французскаго языка романы слѣдующихъ иностранныхъ авторовъ, имена которыхъ мы приводимъ въ порядкѣ годовъ изданія русскихъ переводовъ, помѣченныхъ въ Смирдинской «Росписи», и будемъ обозначать «точками» не найденныя нами имена. Помимо иностранныхъ писателей, переведенныхъ въ прошлыя царствованія, напримѣръ: Фенелона=Fénélon 1651 † 1715; Іоанна Барклаія=J. Barclay 1582 † 1621; Лесажа=Alain Lesage 1668 † 1747; Г-жи Кошуа = ...? [1]); Аббата Прево = L'Abbé A. F. Prevost d'Exiles 1697 † 1763; (въ «Росписи» Смирдина одинъ романъ Прево ошибочно приписанъ д'Аржансу, смотри статью Я. Грота: «Жизнь Державина», въ «Р. Вѣстн.», томъ XXVI, стр. 366—377); переведены впервые произведенія слѣдующихъ авторовъ: г-жи Барбіера=Anne Barbier † 1745; Аббата Террасона = L'Abbé Terrasson 1670 † 1750; Мариво = P. Carlet de Chamblain de Marivaux 1688 † 1763; д'Арка = Ph. Aug. de S. Foix chevalier d'Arcq † 1779, д'Аржанса=I. B. Boyer Marquis d'Argens 1704 † 1771; Г-жи Гомецъ=Madelaine Angélique Poisson Gomez 1684 † 1770; Дезегре = Regnauld de Segrais 1624 † 1701; де-ла-Фонтена = J. de la Fontaine 1621 † 1695; Маменя=Mamin de Bordeaux—XVIII siècle; Мармонтеля = Marmontel 1728 † 1799; Фильдинга=Fielding 1707 † 1754 (англ. писат.); д'Арно, д'Арнау, Арнода, Арнауда, Дарнода, Арнольда = Arnaud de Baculard 1718 † 1805; «Жизнь и приключенія Лазариля Тормскаго»=извѣстное сочиненіе испанскаго писателя Diego Hurtado de Mendoza 1503 † 1575; Ламота= Ant. Houdard de La motte 1672 † 1731; Дората=Dorat 1734 † 1780;

---

[1]) Русское заглавіе переведеннаго романа слѣдующее: »Изабела Мендоза, испанская повѣсть», соч. г-жи Кошуа, Спб., 1760 года. Въ объявленіяхъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» 1761 года не разъ упоминается объ этомъ романѣ, но безъ имени автора.

Кастилона = Castilhon 1718 † 1793; де-Саси = Louis de Sacy 1654 † 1727; Дю-Френи = Charles Rivière Dufresny 1648 † 1724; Дѣвицы Луссаны = Marguérite de Lussan 1682 † 1758; Лоазель де-Треогатъ = Loasel de Tréogate 1752 † 1812; д'Юсье, Юссiе, д'Юссiе = d'Ussieux 1747 † 1798; Юнга = Jung 1740 † 1817; Риккобони = Hélène Virg. Riccoboni 1686 † 1771; Гольдсмитъ = Oliver Goldsmith 1728 † 1774 (ирланд.); Сореля = Sorel Sieur de Souvigny 1597 † 1674; Маркиза де-Варжемонда = Vicomte de Vargemont XVIII siècle; Ретифъ де-ла-Бретонъ = Restif de la Brétonne 1731 † 1806; Мерсiера = Louis Sebastien Mercier 1740 † 1814; Рихардсона, Ричадсона = Richardson 1689 † 1761 (англ. писат.); Монтескье, Монтескюи = C. de Secondat baron de Montesquieu 1689 † 1755; Кубiера = Michel dit Palmezeaux de Cubières 1752 † 1820; барона Галлера = Albert de Haller 1708 † 1777 (швейц.); Кребильона = Crébillon fils 1707 † 1777; г-жи Малармъ = M-me Charlotte Malarme née 1753; Скаррона = Scarron 1610 † 1660; Катто = J. P. Catteau Caleville XVIII siècle; Флорiана = Florian 1755 † 1794; Геснера = Salomon Gesner 1730 † 1788 (швейц.): Стерна = Sterne 1713 † 1768 (англ. писатель); графа Кайлуса = Phil. comte de Caylus 1692 1765; Пиголта = Pigault Lebrun 1753 † 1835; Леонарда = Léonard vice sénéchal de la Guadeloupe 1741 † 1793; Фридериха II = Frédêric II roi de Prusse 1713 † 1786; Меера = Meyer 1491 † 1552; г-жи Милли = M-elle de Milly XVIII siècle; «Записки Клевеландши, ею самою писанныя» = Cleland 1707 † 1789 (англiйск. писат. «Mémoires d'une courtisane»); Жанлисъ = Stephanie Felicite Ducrest de St. Aubin comtesse de Genlis 1746 † 1830; Гилльяра д'Овертеля = Guillard de Borieu 1728 † 1795? Графиньи = Graffigny Françoise d'Issemburg d'Apponcourt 1694 † 1758; Лувета де-Кувре = Louvet de Couvray 1760 † 1797; Ксенофонта = Xénophon le Jeune ecrivain d'Ephese III et IV siècles; Миссъ Софiи Лее = Sophie Lee 1750 † 1824 (англiйская писательница); Дофина = Augustin Anne Dauphin 1759 † 1822; Жерарда = Louis Philippe Abbé Gerard 1737 † 1813; де-Сент. Пiерра = Bernardin de St. Pierre 1737 † 1814; Инхбальдъ = Elisabeth Simpson ou mistress Inhbald 1753 † 1821; Мере = Brossan chevalier de-Méré † 1685; Дюкре Дюминиля = Ducray Dumenil 1761 † 1819; Нугарета = Nougaret 1742 † 1823; г-жи де-Бомонтъ = Madame Jeanne le Prince de Beaumont 1711 † 1780; де-ла-Бретонъ = Max Breton de la Martinière XVIII siècle.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Въ царствованіе Екатерины II переведены съ разныхъ языковъ романы слѣдующихъ иностранныхъ авторовъ:

Съ нѣмецкаго языка, начиная съ 1763 года: Скаррона, Вольтера, Гомеца, Геснера, Фильдинга (см. приложеніе I), а съ 1770 года встрѣчаются впервые романы: Свифта=Jonathan Swift 1667 † 1745 (англ. пис.); Фергіера ....? [1]); Виланда=Christ. Martin Wieland 1733 † 1813; Ивана Гавковорда = J. Hawkesworth (англ. писат.) 1713 † 1773; г-жи Ормой=Charlotte Chaumet d'Ormoy 1732 † 1791; Якоба Душъ= Jacob le Duchat (éditeur) 1658 † 1735; Августа Мейснера = A. T. Meissner 1753 † 1807; Бенделя ....? [2]); Геллерта=Chr. F. Gellert 1715 † 1769.

Съ англійскаго языка: Свифтъ (см. выше); Томаса Мориса = Thomus Morus 1480 † 1535; Ричардсона (см. прил. I); Джонсона= Johnson 1709 † 1784.

Съ польскаго языка: Мармонтеля (см. прил. I); Шеридана = Françoise Sheridan 1724 † 1766, англійская писательница, мать извѣстнаго оратора и писателя Шеридана.

Съ грузинскаго языка: Диларгета ....? [3]).

Съ испанскаго языка: Сервантеса = Cervantes Saavedra 1547 † 1616.

Съ латинскаго языка: Николая Клима—сатирико-юмористическій романъ подъ заглавіемъ: «Nicolaii Klimii iter subterraneum» Leipzig 1741, написанный датчаниномъ Гольбергомъ=Holberg Ludwig Freiherr 1684 † 1754; Августа Фуана=Jacques Auguste Thou (по латыни J. A. Thuani) 1553 † 1617; Иліодора Емесейскаго = Héliodore Emése, греческій писатель IV вѣка; Іоанна Барклая (см. прил. I).

Съ греческаго языка: Еліана «Греческія повѣсти» = Claudius Aelianus, Elien le sophiste (греческій писатель III вѣка).

---

[1]) Русское заглавіе переводнаго романа слѣдующее: «Донъ-Жуанъ и Изабелла, португальская повѣсть», соч. Фергіера, пер. съ нѣмецкаго Ивана Кудрявцева. Спб., 1771 года.

[2]) «Достопамятныя приключенія Ильи Бенделя, сына стокгольмскаго рыбака, имъ самимъ сочиненныя»; пер. съ нѣм. 2 части. М. 1789 года.

[3]) «Похожденіе новомодной красавицы Гуланданы и храбраго принца Барама»; соч. Диларгета; перевелъ съ грузинскаго Семенъ Игнатьевъ. Спб. 1773 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Въ царствованіе Павла I, начиная съ 1796 года, переведены съ французскаго и нѣмецкаго романы слѣдующихъ иностранныхъ авторовъ:

Съ французскаго языка переведены романы: д'Арно, Леонарда, Дюкре-Дюмениля, Ричардсона, Фильдинга, Мармонтеля, Аббата Прево, Флоріана (см. прил. I). При этомъ встрѣчаются впервые произведенія слѣдующихъ иностранныхъ авторовъ: Дѣвицы Бюрней = Miss Francis Burney Madame d'Arblay (англ. писательница) 1752 † 1840; Дидеротъ = Diderot 1713 † 1784; Горжи = Gorgy Jean Claude 1753 † 1795; Бильдерберкъ=Bilderbeck 1764 † 1833; Бомстонъ ....? [1]); Руссо=Rousseau 1712 † 1778.

Съ нѣмецкаго языка переведены романы слѣдующихъ авторовъ: Мейснера (см. прил. II); встрѣчаются впервые романы: Гётте = Wolfang Goethe 1749 † 1832; Коцебу = Kotzebue 1761 † 1819; Рацеберга ....? [2]).

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Въ царствованіе Александра I съ 1801 по 1814 годъ переведены съ французскаго языка романы и повѣсти слѣдующихъ иностранныхъ авторовъ: Скаррона, Флоріана, Арно, Жерарда, Вольтера, Дюкре-Дюминиля, Руссо, Мерсіе, Мармонтеля, Луазель де-Треогата, Жанлисъ, Миссъ Бюрней, Виланда, Горжи, Стерна, Лесажа, Лафонтена, Луветъ де-Кувре, Сервантеса, Сентъ-Піерра, Фенелона, Пиго ле Брюна, Монтескье, Бильдерберка (см. прилож. I—III).

Съ французскаго языка переведены впервые произведенія слѣдующихъ авторовъ: Радклифъ = Anne Radcliffe 1764 † 1823 (англ. пис.); Вирнея = Vernes 1728 † 1790 (швейцар. пис.); «Приданное Сюзеты

---

[1]) Русское заглавіе переводнаго романа слѣдующее: «Приключенія Эдуарда Бомстона, описанныя имъ самимъ черезъ переписку съ Пріо, Юліею, Клерою, Вольмаромъ и другими, служащія дополненіемъ къ Новой Элоизѣ», пер. съ франц. Андрей Версиловъ. Спб. 1798 года.

[2]) Лиценціата Рацеберга: «Новый спутникъ и собесѣдникъ веселыхъ людей или собраніе пріятныхъ и благопристойныхъ шутокъ, остротъ и замысловатыхъ рѣчей и забавныхъ повѣстей», перевелъ съ нѣмецк. Яковъ Благодаровъ, М. 1796 года.

или записки г-жи Сеннетеръ, ею самой писанныя»=«La dot de Zuzette» par Fievée litter. 1770 † 1839; Сенъ-Сиръ ....? [1]); Іосифа Росни=A. Jos. de Rosny 1771 † 1814; Мимольта=J. F. Mimaut 1774 † 1814; Левиса=Math. Gr. Lewis 1773 † 1818 (англ. пис.); Анны Макензи XVIII siècle (англійской писательницы); Маріи Рошъ=Miss Maria Regina Roche † 1820 (англ. пис.); Лантье=E. F. de Lantier 1736 † 1826; Ла-Саль=Lasalle 1765 † 1833; Августа де-ла-Фонтена 1756 † 1833 (нѣм. пис.); д'Антрагъ=m-me d'Antraigues XVIII siècle; Стаель, Сталь Голштейнъ=A. L. G. Necker, baronne de Stael-Holstein 1766 † 1817; Ринвиса Фейта=Rhynvis Feith 1753 † 1824 (голланд. пис.); Списа, Шписса=Spies 1755 † 1799 (нѣм. пис.); Де-Сильвеня=Marechal Pierre Sylvain 1750 † 1803; Георга Ваклера=Wachler 1767 † 1838; г-жи Соммервиль=Elisabeth Sommerville XVIII siècle; Котень=S. R. m-me Cottin 1723 † 1809; г-жи Опи=Mistress Opie, née 1771 (англ. писат.); Де-Лаво=C. Thibault Lavaux 1749 † 1827; де-Трессана=L. E. de la Vergne, comte de Tressan 1705 † 1743; Лежюня=Aug. Lejeune XVIII siècle; Дюпителя=Duputel, né au XVIII siècle; Армандъ Роланъ=M-me Armand Roland, née à la fin du XVIII siècle; Лавернъ=Comte de la Verne 1769 † 1815; г-жи Беннетъ=Elisa Benett (англ. роман.) † 1808; Демутьера=Demouthier 1760 † 1803; Севелинга=Charles Louis Sewelinges 1767 † 1831.

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

Въ царствованіе Александра I съ 1801 по 1814 годъ переведены съ разныхъ языковъ романы и повѣсти слѣдующихъ иностранныхъ авторовъ:

Съ нѣмецкаго языка переведены романы и повѣсти: Списа, Коцебу, Мейснера, Виланда, Августа Лафонтена, Бильдерберка (см. прилож. I — IV); затѣмъ впервые переведены произведенія слѣдующихъ авторовъ: Крамера=Karl Gottlieb Cramer 1758 † 1817; Сборникъ Вейссе и др. = Weisse 1726 † 1804; Эккартсгаузена=Ecartshausen 1752 † 1803; Младшаго Шлейснера=G. J. Schleusner

---

[1]) Русское заглавіе переводнаго романа слѣдующее: «Сабина Герфельдъ или опасности воображенія, прусскія письма собралъ Сенъ-Сиръ», пер. съ франц. М. 1802 года.

† 1798; Богацкаго=Bogatzky 1690 † 1774; Лангбейна=A. F. Langbein 1737 † 1835; г-жи Криднеръ = m-me Krüdener 1766 † 1824; Шиллера = Schiller 1759 † 1805; Энгеля = Engel 1741 † 1802; Вильпіуса = Vulpius 1762 † 1827; Пихлера = Caroline Pichler 1760 † 1843.

Съ англійскаго языка переведены съ 1802 года романы: Радклифъ (см. прилож. IV); Стерна (см. прилож. II); впервые переведены произведенія слѣдующихъ авторовъ: Анны-Маріи Портеръ = Miss Anna-Maria Porter † 1832; Робинзонъ Крузе=Daniel Foé 1663 † 1731.

Съ грузинскаго языка переведены: 1) «Новый Шихъ или переписка на персидскій вкусъ любовника съ любовницей, жившихъ при подошвѣ кавказскихъ горъ», соч. грузинскаго царевича Давыда, пер. съ грузинскаго «Сергѣй Митропольскій». Спб. 1804 г., и 2) «Аллегорическая повѣсть о розѣ и соловьѣ», соч. Геламскаго пер. «Іосифъ Іоаннесовъ», напеч. на россійскомъ и грузинскомъ языкахъ. Спб., т. Іоаннесова, 1812 г.

ВАСИЛІЙ ТРОФИМОВИЧЪ НАРѢЖНЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ настоящее время, когда тщательно собираются свѣдѣнія о всѣхъ сколько-нибудь выдающихся писателяхъ, едва-ли мыслимо, чтобы смерть котораго-либо изъ нихъ прошла незамѣченною, какъ это случилось съ Нарѣжнымъ. И здѣсь, сказалась его печальная литературная судьба: не смотря на всѣ поиски, мы не встрѣтили въ современныхъ журналахъ и газетахъ ни одного, хотя-бы самого краткаго некролога Нарѣжнаго, съ обычными, принятыми въ этомъ случаѣ оффиціальными данными о жизни и заслугахъ умершаго. Только въ 75 № «Сѣверной Пчелы» 1825 г., іюня 23 (вторникъ), напечатано краткое извѣстіе:

«На сихъ дняхъ скончались здѣсь, въ Петербургѣ, два литератора—членъ имп. россійск. академіи Павелъ Юрьевичъ Львовъ и надворный совѣтникъ Василій Трофимовичъ Нарѣжный [1]).

Естественно, что при такомъ равнодушіи современниковъ къ умершему романисту и забвеніи, которому вскорѣ подверглись его произведенія, со стороны большинства читающей публики, мало по малу, въ теченіи 65 лѣтъ, исчезъ весь матеріалъ для характеристики его личности и жизнеописанія.

Единственныя біографическія свѣдѣнія о В. Т. Нарѣжномъ, сообщенныя его сыномъ, помѣщены въ «Исторической Христоматіи» А. Д. Галахова (1). Къ сожалѣнію и они слишкомъ кратки и отрывочны. Такимъ образомъ, вслѣдствіе невниманія современниковъ и потомства къ первому, по времени, русскому романисту,

---

[1]) Въ томъ-же 1825 году, въ «Отечественныхъ Запискахъ», помѣщенъ подробный некрологъ П. Ю. Львова; но почему-то тогдашній редакторъ П. П. Свиньинъ не счелъ нужнымъ упомянуть въ своемъ журналѣ о Нарѣжномъ.

намъ пришлось не только шагъ за шагомъ собирать фактическія данныя о жизни Нарѣжнаго, но отыскивать и забытыя произведенія, не вошедшія въ собраніе его «Романовъ и Повѣстей», изд. въ 1835—1836 гг.; при этихъ условіяхъ труда неизбѣжно должны оказаться извѣстные пробѣлы.

I.

Василій Трофимовичъ Нарѣжный, сынъ польскаго шляхтича [1]), родился въ 1780 году, въ мѣстечкѣ Устивицы, тогдашней Миргородской сотни Гадячскаго повѣта [2]), гдѣ его отецъ, Трофимъ Ивановичъ Нарѣжный (см. прилож. I), владѣлъ пахатною и сѣнокосною землею, отчасти имъ самимъ пріобрѣтенною, а частью унаслѣдованною отъ предковъ. Послѣдніе, повидимому, принадлежали къ той шляхтѣ, «въ маломъ весьма количествѣ» оставшейся въ Гадячѣ послѣ изгнанія поляковъ, которая, по свидѣтельству А. Шафонскаго, «будучи сама принуждена казацкое на себя принять званіе, не смѣла тогда о своемъ правѣ отзываться, а должна была подвергнуть себя подъ судъ и расправу военныхъ казацкихъ начальниковъ, т. е. гетмана, полковниковъ и сотниковъ, тѣмъ болѣе, что въ это время, военное на полки и сотни раздѣленіе распространено на все гражданское и земское правленіе»... (2).

Неизвѣстно, распространялось-ли на шляхтичей съ принятіемъ казацкаго званія обязательство служить въ войскѣ, и Т. И. Нарѣжный несъ военную службу въ силу-ли необходимости, или къ этому побудили его какія-нибудь личныя соображенія. Но, во всякомъ слу-

---

[1]) Копіи бумагъ отца В. Т. Нарѣжнаго, хранящихся въ архивѣ полтавскаго дворянскаго депутатскаго собранія подъ № 124, получены нами отъ товарища предсѣдателя полтавскаго окружнаго суда П. П. Филипченко, за что приносимъ ему глубочайшую благодарность. Въ бумагахъ этихъ, которыя будутъ приложены въ концѣ статьи, фамилія означена Нарежный, но мы оставимъ правописаніе фамиліи, принятое самимъ романистомъ, черезъ ѣ, а именно Нарѣжный.

[2]) Повѣтъ заключалъ извѣстное число селеній и сотенъ. Повѣты были уничтожены въ 1760 году, вмѣстѣ съ другими учрежденіями, бывшими при польскомъ владѣніи, а затѣмъ вновь возстановлены въ 1763 г. гетманомъ К. Г. Разумовскимъ. Гадячъ, какъ и нѣкоторые другіе города, созданные изъ мѣстечекъ и селеній, не разъ переходилъ, до окончательнаго образованія малороссійскихъ губерній, то къ кіевскому, то къ черниговскому намѣстничествамъ.

чаѣ, въ 1786 году, Т. И. Нарѣжный, согласно поданной имъ челобитной, былъ уволенъ изъ черниговскаго карабинернаго полка [1]), гдѣ онъ числился вахмистромъ, съ обязательствомъ «остаться вѣчно въ россійскомъ подданствѣ», и награжденъ чиномъ корнета (см. прил. II). Въ томъ-же году онъ подалъ «доношеніе» въ дворянское собраніе кіевскаго намѣстничества о выдачѣ ему дворянскаго патента, на основаніи грамоты Петра Великаго 1721 года, предоставлявшей дворянство «всѣмъ оберъ-офицерамъ, ихъ дѣтямъ и потомкамъ». Доношеніе Т. И. Нарѣжнаго было читано въ упомянутомъ дворянскомъ собраніи 24 октября, и рѣшено выдать ему свидѣтельство о дворянствѣ впредь до изготовленія грамоты (см. прилож. III); но это рѣшеніе было впослѣдствіи отмѣнено (см. прилож. IV).

Полученіе дворянства и чинъ корнета не могли внести никакихъ существенныхъ измѣненій въ бытъ семьи Т. И. Нарѣжнаго, который по выходѣ въ отставку, не имѣя крѣпостныхъ людей, или въ маломъ числѣ, долженъ былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, какъ и другіе малоземельные шляхтичи, проживающіе въ Гадячскомъ повѣтѣ, опять приняться за полевыя работы. Шляхетскія претензіи и чванство, при скудныхъ средствахъ, суровомъ крестьянскомъ трудѣ и отсутствіи образованія, прекрасно очерчены В. Т. Нарѣжнымъ въ первой напечатанной части «Россійскаго Жилблаза», при описаніи нравовъ мелкопомѣстныхъ князей села Фалалѣевки. Тѣми-же типичными чертами изображаетъ онъ шляхтича, мимоходомъ выступающаго въ «Бурсакѣ» (ч. I, стр. 143—145, изд. 1835—1836 гг.). Завидя издали проѣзжихъ путниковъ, онъ бросаетъ свой плугъ и воловъ, смущенный тѣмъ, что его застали за полевою работою.

«Минуту спустя, пишетъ авторъ, — послѣдовало превращеніе. Изъ за телѣги показался... мужчина въ синемъ поношенномъ жупанѣ; длинная сабля волоклась за нимъ. Довольно издали онъ снялъ шапку, поклонился съ ласковою улыбкою и вскричалъ: «Добро по-

---

[1]) Въ 1782 году, съ учрежденіемъ трехъ губерній или намѣстничествъ: Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородско-Сѣверскаго, казацкіе полки были раздѣлены на двѣ части; изъ нихъ одни подчинены кіевскому намѣстничеству, другіе—черниговскому, а въ 1785 г. обращены въ 18 карабинерныхъ регулярныхъ полковъ и причислены къ дивизіи гр. Румянцева-Задунайскаго, который за годъ передъ тѣмъ былъ назначенъ главнокомандующимъ украинской арміи.

жаловать, господа кавалеры! Сердечно жалѣю, что замокъ мой не близко отсюда, а время настаетъ полдничать. Во время полуденнаго зноя я немного уснулъ, а бездѣльники мои подданные воспользовались симъ случаемъ и разбрелись до одного. Впрочемъ, господа, если вы чувствуете позывъ на ѣду, то милости прошу пожаловать къ моей бричкѣ. Тамъ найдете вы свиное сало, мягче и вкуснѣе всякаго масла, довольное число преизящныхъ луковицъ, величиною съ рослую рѣпу, и хлѣбъ, какого лучше не ѣстъ и самъ гетманъ»... Но путники отказались отъ угощенія; и когда одинъ изъ нихъ отпусилъ нѣсколько злотыхъ въ шапку шляхтича, то этотъ не уронилъ своего достоинства и, поклонясь учтиво, сказалъ: «Инъ прощайте, господа кавалеры! Деньги-же сіи я отдамъ первому прохожему, который пособитъ мнѣ сѣсть на иноходца То-то добрый конь! Ни у кого изъ сосѣднихъ дворянъ нѣтъ подобнаго». Онъ положилъ деньги въ карманъ и съ великою важностью пошелъ къ своей бричкѣ»...

Здѣсь-то, среди бѣдныхъ шляхтичей, жившихъ «мирно и братски съ крестьянами своими и чужими» («Рос. Жилбл.», ч. I, стр. 21), будущій романистъ еще ребенкомъ освоился съ понятіями, бытомъ и нуждами простаго некультурнаго человѣка; узналъ его съ темныхъ и свѣтлыхъ сторонъ. Только такимъ знакомствомъ, которое никогда не достигается искусственно, хотя-бы путемъ самаго внимательнаго изученія, можно объяснить то вѣрное, вполнѣ реальное изображеніе народной жизни, которымъ отличаются произведенія В. Т. Нарѣжнаго.

Съ другой стороны, обстановка, окружавшая его съ дѣтства, дала ему наглядное и непосредственное знакомство съ Малороссіею гетманскихъ временъ. Въ концѣ XVIII вѣка, Украйна носила еще слѣды борьбы поляковъ съ казаками; водвореніе русскаго господства, съ частыми перемѣнами, нерѣдко касавшимися коренныхъ учрежденій, еще болѣе усиливало общее броженіе. Старое продолжало существовать рука объ руку съ новымъ. Въ то время, какъ съ учрежденіемъ въ 1782 г. трехъ малороссійскихъ намѣстничествъ съ ихъ уѣздами, помимо наплыва великорусскаго элемента, болѣе достаточные или ловкіе представители бывшаго казацкаго правленія получили казенныя мѣста, нарядились въ сюртуки, камзолы и мундиры, завели шляпы и шпаги, запустили косы,—ихъ товарищи по прежнему расхаживали въ черкескахъ и шапкахъ, съ подбритымъ

чубомъ и турецкою саблею, привѣшенною къ персидскому поясу. Простые казаки, ихъ жены и дочери оставались вѣрны одеждѣ своихъ предковъ. Нарѣжному не приходилось, какъ впослѣдствіи Гоголю, собирать свѣдѣнія о старыхъ обычаяхъ или выписывать образцы народныхъ одеждъ. Онъ видѣлъ и зналъ ихъ съ дѣтства, видѣлъ старинныя казацкія хаты съ ихъ тогдашнимъ убранствомъ, широкіе рѣшетчатые дворы сотниковъ и дома ихъ, раздѣленные надвое, съ сквозными сѣнями и просторнымъ покоемъ, гдѣ въ старину производился судъ и устраивались пиры (3). Еще живы были представители Запорожской Сѣчи, уничтоженной въ 1775 году, а также внуки и правнуки участниковъ войнъ Хмельницкаго. Разсказы ихъ о казацкихъ подвигахъ и послѣднихъ гетманахъ, слышанные въ дѣтствѣ, должны были глубоко врѣзаться въ памяти Нарѣжнаго и не могли быть забыты имъ подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, ни даже продолжительной чиновничьей службы на далекомъ сѣверѣ. Онъ самъ видѣлъ мѣста повѣствуемыхъ событій и въ его воображеніи создались готовыя картины; ему оставалось только группировать ихъ [1]).

Этому обстоятельству В. Т. Нарѣжный обязанъ основательнымъ знакомствомъ съ историческою и бытовою Малороссіею, о которомъ свидѣтельствуютъ его произведенія.

II.

Обращаясь къ первоначальному обученію В. Нарѣжнаго, необходимо замѣтить, что онъ несомнѣнно долженъ былъ получить нѣкоторую научную подготовку до своего поступленія въ московскую дворянскую гимназію, судя по тому, что могъ въ шесть лѣтъ пройти довольно значительный гимназическій курсъ и «былъ произведенъ въ студенты». Но здѣсь является вопросъ: гдѣ собственно обучался

[1]) Въ краткой біографіи, помѣщенной въ «Исторической Христоматіи» А. Д. Галахова, сказано, что В. Т. Нарѣжный до 11-лѣтняго возраста воспитывался подъ руководствомъ своего дяди Андріевскаго-Нарѣжнаго, между тѣмъ въ архивѣ полтавскаго дворянскаго депутатскаго собранія хранятся дѣла о дворянствѣ Андріевскихъ, а фамиліи Андріевскихъ-Нарѣжныхъ не оказалось вовсе; — но изъ этого нельзя выводить какихъ-либо заключеній относительно малороссійскаго происхожденія Анастасіи Нарѣжной.

онъ до 12-лѣтняго возраста? Въ тѣ времена, въ Малороссіи только богатые держали дома учителей; остальные воспитывали своихъ дѣтей въ первоначальныхъ школахъ, учрежденныхъ при монастыряхъ и церквахъ, а затѣмъ въ семинаріяхъ. При послѣднихъ, «на вклады щедрыхъ обывателей», устроены были для бѣдныхъ иногородныхъ учениковъ просторныя хаты, называвшіяся «бурсами», съ печью и широкими скамьями по стѣнамъ. Жизнь и нравы тогдашнихъ малороссійскихъ бурсаковъ такъ живо и наглядно изображены въ извѣстномъ романѣ Нарѣжнаго «Бурсакъ», что этому разсказу необходимо придать автобіографическое значеніе. Встрѣченное нами, въ упомянутой книгѣ Шафонскаго (стр. 280—284), описаніе черниговской бурсы и семинаріи 1786 года подтверждаетъ эту догадку. Вообще, это описаніе настолько близко подходитъ къ описанію бурсы въ романѣ Нарѣжнаго, что даетъ намъ право предположить, что самъ романистъ находился нѣкоторое время въ черниговской бурсѣ, и, наравнѣ съ другими учениками, посѣщалъ школы или классы черниговской семинаріи (бывшаго латинскаго коллегіума [1]). Подтвержденіемъ этой догадки служитъ то, что и отецъ Нарѣжнаго, до 1786 года, служилъ въ черниговскомъ карабинерскомъ полку.

«За тридцать и двадцать лѣтъ, пишетъ Шафонскій въ 1786 году, — всѣ дворянскія дѣти обучались въ сихъ школахъ, а нынѣ однихъ только недостаточныхъ дворянъ дѣти и то самымъ малымъ числомъ въ сіе училище входятъ. Теперь всѣхъ учениковъ 269..... Что принадлежитъ до самаго ученія, образа порядка или метода его, то оный самый затруднительный, для учащихся отяготительный, время теряющій и безполезный. Онъ занятъ отъ польскихъ духовныхъ, но еще хуже того юношество, провождая цѣлый день въ латинскомъ языкѣ, и потерявъ столько времени, болѣе ничего не на-

---

[1]) Черниговская семинарія или коллегіумъ устроена въ 1700 г., раньше всѣхъ другихъ малороссійскихъ семинарій, черниговскимъ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ, изъ стараго училища, переведеннаго въ Черниговъ, въ XVII в., изъ Новгорода-Сѣверскаго, гдѣ оно существовало сначала въ видѣ іезуитской коллегіи, потомъ православной школы. Курсъ черниговскаго коллегіума устроенъ былъ по образцу кіевской академіи, съ полнымъ господствомъ латинскаго языка; при этомъ коллегіумъ, какъ всѣ малороссійскія духовныя школы, былъ заведеніемъ открытымъ для всѣхъ и не имѣлъ церковнаго назначенія (4). Въ XVII в., коллегіумъ находился при черниговскомъ каѳедральномъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, а въ 1870-хъ годахъ окончательно переименованъ въ семинарію.

учаюсь.... Касательно до настоящихъ наукъ, то о нихъ не только ученики, но и сами учители и понятія не имѣютъ....

«Сколь само ученіе слабое и ограниченное, столь содержаніе учителей и учениковъ бѣдно и скудно.... Бѣдные студенты живутъ въ особомъ, къ школамъ принадлежащемъ домѣ, который бурса называется, гдѣ отъ архіерея давались дрова, въ недѣлю нѣсколько разъ печеный ржаной хлѣбъ и на кашу крупа; однакожъ сія дача столь мала, что если-бы не было народнаго подаянія, то бы они съ голода и холода помирать должны. Когда послѣ полудня изъ классовъ учащихся по своимъ квартирамъ распустятъ, то обыкновенно студенты, жившіе въ бурсѣ или бурсаки, къ сожалѣнію и общему стыду, ходятъ по всему городу подъ окошками духовныя пѣсни поютъ и за то отъ жителей денежное и съѣстное подаяніе получаютъ. Собравъ сію милостыню, спѣшатъ въ бурсу, чтобы выучить заданные въ классахъ уроки и къ другому дню себя приготовить. Нѣкоторые жители сверхъ сего дневнаго подаянія снабдѣваютъ ихъ одѣяніемъ...

«Есть еще особливый способъ испрашивать подаяніе, нѣсколько ученостію покрытый. Обыкновенно пріостанавливается ученіе на іюль и августъ мѣсяцы и на оные ученики распускаются въ свои домы. Сіе время называется вакаціи. Бѣдные студенты ходятъ въ оное время по всей малой Россіи, говорятъ въ домахъ латинскія, польскія и русскія рѣчи, а за то получаютъ нѣкоторое награжденіе»...

Не подлежитъ сомнѣнію, что эта характеристика можетъ быть примѣнена въ общихъ чертахъ къ любой малороссійской бурсѣ того времени, хотя бы переяславской, описанной И. Тимковскимъ (въ упомянутой статьѣ стр. 21); но въ подробностяхъ каждая изъ нихъ должна была представлять извѣстныя мѣстныя особенности, и только въ этомъ отношеніи мы придаемъ значеніе полному тождеству характеристики Шафонскаго съ описаніемъ Нарѣжнаго. Едва-ли также можно считать простою случайностью или ошибкою въ «Бурсакѣ» помѣщеніе Переяславля на Деснѣ, тѣмъ болѣе, что географія этой мѣстности была хорошо знакома Нарѣжному; и вообще въ его сочиненіяхъ нѣтъ подобныхъ погрѣшностей. Затѣмъ, въ «Бурсакѣ» описанъ древній женскій монастырь XVII в., вѣроятно черниговскій Пятницкій, при готической церкви Параскевы, еще существовавшій въ 1780-хъ годахъ, между тѣмъ, какъ въ самомъ Переяславлѣ ни въ это время, ни прежде не было ни одного женскаго монастыря.

Мы привели здѣсь тѣ доводы, на основаніи которыхъ рѣшились высказать наши предположенія о первоначальномъ воспитаніи В. Т. Нарѣжнаго; вполнѣ подтвердить или опровергнуть сказанное могли бы только подлинные документы, которые до сихъ поръ не найдены [1]).

Но здѣсь мы оставляемъ почву предположеній и переходимъ къ положительнымъ даннымъ. Въ краткой біографіи, помѣщенной въ «Исторической Христоматіи» А. Д. Галахова, сказано, что «въ 1792 году В. Т. Нарѣжный былъ отданъ въ дворянскую гимназію при московскомъ университетѣ», что подтверждается и оффиціальными документами, которые напечатаны въ концѣ нашего очерка [2]).

Дворянская гимназія на ряду съ другою, разночинскою, были основаны одновременно при московскомъ университетѣ: въ первой учились дѣти потомственныхъ и личныхъ дворянъ, во второй—дѣти разночинцевъ, кромѣ крѣпостныхъ, которые не иначе могли быть допущены въ гимназію и университетъ, какъ получивъ увольнительное свидѣтельство отъ своихъ помѣщиковъ (5). Сначала обѣ гимназіи были совершенно отдѣлены одна отъ другой; даже учителя и классы были разные. (6) такъ какъ, по статьѣ 39, «Проэкта объ учрежденіи московскаго университета», различіе это уничтожалось только по окончаніи гимназическаго курса. «...Какъ выдутъ изъ гим-

[1]) Нахожденіе документовъ, въ настоящемъ случаѣ, будетъ счастливою случайностью, потому что, при перекройкѣ малороссійскихъ губерній, оффиціальныя бумаги подверглись сортировкѣ и были пересылаемы изъ однихъ городовъ въ другіе; а нѣкоторыя изъ нихъ и помимо этого, погибли безвозвратно. Такъ, по свѣдѣніямъ, обязательно собраннымъ для насъ въ Кіевѣ многоуважаемымъ Д. Г. Лебединцемъ, старый архивъ кіевской академіи сгорѣлъ въ 1811 году при общемъ подольскомъ пожарѣ. Затѣмъ, по словамъ очевидцевъ, весною 1854 года, во время переяславскаго пожара, «горѣли библіотека и архивъ переяславской семинаріи» и погибло много документовъ. Что же касается архива черниговской семинаріи, то по наведеннымъ для насъ справкамъ, списки учениковъ черниговской семинаріи, въ которой обучались бурсаки, сохранились только, начиная отъ 1794 года и при этомъ, одного «піитическаго» класса; болѣе полные списки существуютъ отъ 1796, 1797 и дальше. Но такъ какъ В. Т. Нарѣжный уже въ 1792 году поступилъ въ московскую дворянскую гимназію, то имени его не оказалось въ имѣющихся спискахъ.

[2]) Документы эти, доставленные въ редакцію «Русской Старины» вдовою сына В. Т. Нарѣжнаго, Анною Тихоновною, а въ особенности формулярный списокъ о службѣ романиста въ разныхъ учрежденіяхъ,—служили для насъ въ хронологическомъ отношеніи руководною нитью при составленіи настоящаго очерка.

назіи, сказано въ статьѣ проэкта,—и будутъ студентами у вышнихъ наукъ, такимъ быть вмѣстѣ, какъ дворянамъ, такъ и разночинцамъ, чтобъ тѣмъ болѣе дать поощреніе къ прилежному ученію».

Но при увеличеніи числа гимназистовъ (7), раздѣленіе дворянъ и разночинцевъ относительно ученія оказалось неудобнымъ; поэтому ученики обоихъ гимназій стали учиться одновременно въ однихъ и тѣхъ-же классахъ, а вскорѣ и за одними столами, такъ что составилась какъ-бы одна гимназія съ двумя отдѣленіями.

Между тѣмъ, внѣшнія различія удерживались долѣе, и существовали во всей силѣ во время поступленія В. Нарѣжнаго въ гимназію; но уже при немъ, а именно въ концѣ 1796 года, были уничтожены Павломъ I (кромѣ нѣкоторыхъ частностей). Такъ, напримѣръ, казеннокоштные, которыхъ полагалось до пятидесяти въ той и другой гимназіи, жили въ разныхъ покояхъ: воспитанники дворянскаго происхожденія на особой дворянской половинѣ, а разночинцы на другой, хотя обѣдали въ общей столовой залѣ. При этомъ столы накрывались на разныхъ сторонахъ залы; столовая посуда на дворянскихъ столахъ подавалась англійскаго фаянса и ложки серебряныя, а на разночинскихъ столахъ посуда и ложки употреблялись оловянныя; была даже разница въ кушаньяхъ. Кромѣ того, на такъ называемомъ прилежномъ столѣ, подавалось кушанье дворянское, съ прибавленіемъ сладкаго, пирожнаго [1]; между тѣмъ какъ лѣнивый столъ не покрывался ничѣмъ, посуда была деревянная, кушанье самое простое (хлѣбъ черный, квасъ и соль); попадавшіе за этотъ столъ, какъ дворяне, такъ и разночинцы, должны были ѣсть стоя.

Самое рѣзкое различіе «штатныхъ» воспитанниковъ отъ разночинцевъ заключались въ одеждѣ, которая была хотя и одинаковаго покроя, но разнаго цвѣта; при этомъ тѣ и другіе, равнымъ образомъ, заплетали себѣ косички, подвивали букли и, смотря по времени года, носили сапоги или башмаки съ пряжками.

Что касается гимназическаго ученія, то главною цѣлью его было приготовленіе будущихъ студентовъ университета; поэтому и здѣсь,

---

[1] За прилежнымъ столомъ сидѣли по одному человѣку изъ каждой камеры неизмѣнно въ теченіи мѣсяца, (въ главномъ университетскомъ зданіи на дворянской половинѣ было семь камеръ или длинныхъ залъ, и восемь на разночинской половинѣ). Въ первое число каждаго мѣсяца, передъ началомъ обѣда, дежурный студентъ въ столовой громко прочитывалъ списокъ новыхъ прилежныхъ учениковъ, и прежніе должны были уступать имъ свои мѣста.

и тамъ «изучались почти одни и тѣ-же предметы, только въ университетѣ пространно, въ гимназіяхъ—сокращено». Въ высшихъ гимназическихъ классахъ, по предметамъ русской и древней словесности, занимались профессора и адъюнкты; въ среднихъ и низшихъ—учили баккалавры и студенты университета. Гимназіи помѣщались въ одномъ зданіи съ университетомъ, состояли подъ начальствомъ одного и того-же директора; инспекторомъ гимназіи былъ который-либо изъ ординарныхъ профессоровъ; изъ лучшихъ студентовъ избирались «цензоры» для наблюденія за поведеніемъ учениковъ гимназіи; они-же помогали послѣднимъ въ приготовленіи уроковъ.

Въ каждой гимназіи было по четыре школы; въ каждой школѣ по три класса. «Первая школа была р о с с і й с к а я; въ ней три класса соотвѣтствовали тремъ ступенямъ: грамматикѣ и чистотѣ слога, стихотворству и краснорѣчію; здѣсь-же былъ введенъ и славянскій языкъ. Вторая школа была л а т и н с к а я; въ ней соблюдалась постепенность отъ первыхъ основаній латинскаго языка до чтенія самыхъ трудныхъ писателей [1]). Третья школа—п е р в ы х ъ о с н о в а н і й н а у к ъ: въ низшемъ классѣ обучали ариѳметикѣ, въ среднемъ—геометріи и географіи, въ высшемъ—сокращенной философіи. Четвертая школа—з н а т н ѣ й ш и х ъ е в р о п е й с к и х ъ я з ы к о в ъ; въ ней ученіе предлагалось съ тою-же постепенностью; при этомъ введено было и признано за нужное изученіе греческаго языка»...

Вообще, на ряду съ классическими языками, въ гимназіяхъ было обращено особенное вниманіе на изученіе новѣйшихъ европейскихъ языковъ, «по мысли» извѣстнаго учредителя московскаго университета И. И. Ш у в а л о в а, который хотѣлъ дать будущимъ студентамъ необходимое средство «для изученія наукъ въ ихъ современномъ состояніи». Благодаря этому, языки, по свидѣтельству проф. Ш е в ы р е в а шли настолько успѣшно между казеннокоштными студентами, что они могли помогать иностранцамъ въ гимназическомъ обученіи: съ другой стороны, это-же знаніе давало имъ заработокъ, состоявшій въ переводѣ книгъ «на вольную продажу» и для журналовъ, чѣмъ, повидимому, поддерживалъ себя В. Т. Н а р ѣ ж н ы й во времена студенчества.

---

[1]) Въ гимназической библіотекѣ, обильно снабженной книгами, находились всѣ латинскіе классики въ изданіи Целларія; авторы, объясняемые въ классахъ, имѣлись въ количествѣ 20 экземпляровъ.

Срокъ ученія въ гимназіяхъ не былъ опредѣленъ; каждый могъ учиться столько времени, сколько дозволяли ему средства, обстоятельства и дарованія. «Талантливый, говоритъ одинъ изъ тогдашнихъ преподавателей московскаго университета, проф. Страховъ —могъ въ четыре года или въ пять лѣтъ достигнуть степени студента, между тѣмъ, какъ не весьма даровитый въ это время едва могъ выбраться изъ среднихъ гимназическихъ классовъ въ высшіе»... В. Нарѣжный, какъ видно изъ выданнаго ему университетскаго аттестата (см. прил. V), оказалъ средніе успѣхи и, пробывъ шесть лѣтъ въ гимназіи, былъ «произведенъ въ студенты» въ 1798 году.

Въ настоящее время, въ виду тѣсной связи, какая существовала между тогдашнею гимназіею и университетомъ, довольно трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ В. Т. Нарѣжный обязанъ былъ своимъ образованіемъ гимназіи, и что собственно далъ ему въ этомъ отношеніи университетъ, тѣмъ болѣе, что онъ пробылъ въ послѣднемъ всего два года. Насколько была плодотворна эта связь и цѣльность плана преподаванія, видно по тому значительному количеству выдающихся общественныхъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, какихъ дала первая по времени московская гимназія во время своего 57-лѣтняго существованія, совмѣстно съ университетомъ. Блестящіе результаты этого воспитанія сказались и на В. Нарѣжномъ. Произведенія его показываютъ въ немъ безусловно образованнаго человѣка, знакомаго не только съ классическою, но и западно-европейскою литературою, а равно значительную по тому времени степень умственнаго развитія, благодаря которому, не смотря на полную отчужденность отъ тогдашней русской интеллигенціи, онъ сохранилъ до конца своей литературной дѣятельности уваженіе къ наукѣ и потребность высшей духовной жизни. Едва-ли будетъ правильно приписать это исключительно способностямъ и прирожденному таланту В. Т. Нарѣжнаго; для развитія того и другаго необходимы извѣстныя благопріятныя условія, а обстоятельства благопріятствовали ему только со стороны воспитанія.

III.

Московскій университетъ въ тѣ времена, сравнительно съ нынѣшними порядками, представлялъ, какъ и тогдашняя гимназія, нѣ-

которыя особенности, относительно учебнаго плана и даже всей обстановки и обычаевъ. Такъ, напримѣръ, всѣ сколько-нибудь важные моменты въ жизни университета, сопровождались особенною торжественностью, составлявшею отличительную черту общественныхъ нравовъ XVIII вѣка. На университетскихъ актахъ постоянно присутствовало высшее духовенство, знать, извѣстные литераторы и все тогдашнее образованное московское общество; при этомъ читались хвалебныя оды и стихи, произносились рѣчи не только профессорами и студентами, но даже учениками гимназій.

Съ такою-же торжественностью совершалось «производство въ студенты» учениковъ, окончившихъ гимназическій курсъ, особенно со времени кураторства Мелиссино (1771 † 1795), который «любилъ всякіе обряды». Въ этихъ случаяхъ одинъ изъ будущихъ студентовъ обращался «съ латинскою просительную рѣчью» къ директору университета; директоръ обращался съ такою-же рѣчью къ куратору. Этотъ произносилъ на латинскомъ языкѣ похвалу ректору, профессорамъ и учащимся, самъ изъ рукъ своихъ раздавалъ шпаги ученикамъ, получавшимъ званіе студентовъ, которые, въ свою очередь, читали благодарственныя рѣчи и стихи.... Актъ всегда заключался привѣтствіемъ посѣтителямъ отъ инспектора обѣихъ гимназій (8).

Но съ званіемъ студента не было тогда связано право на слушаніе лекцій. Не смотря на контроль университета надъ гимназическимъ преподаваніемъ и на то, что въ высшихъ классахъ читали профессора и адъюнкты, общій уровень знаній учениковъ обѣихъ гимназій считался недостаточнымъ, и только лучшіе изъ нихъ могли по экзамену поступать прямо въ университетъ. Остальнымъ давали извѣстный срокъ на подготовку, послѣ чего, по выполненіи условій, изложенныхъ въ тогдашнемъ «Студенческомъ уставѣ», они получали доступъ къ слушанію лекцій. Условія эти заключались въ слѣдующемъ: 1) знаніе свободныхъ наукъ и возможность по латынѣ свободно и вразумительно изъясняться словомъ и письмомъ; 2) достовѣрное свидѣтельство въ правѣ на законную свободу и исключеніе изъ подушнаго оклада; 3) свидѣтельство о благонравіи. «Все это слѣдовало доказать въ открытомъ засѣданіи конференціи, въ присутствіи директора университета», и все это было, несомнѣнно, выполнено В. Нарѣжнымъ, который не принадлежалъ къ числу лучшихъ учениковъ гимназіи. Изъ его аттестата видно, что онъ только

черезъ годъ послѣ «производства въ студенты», поступилъ въ университетъ, а именно въ 1799 году.

Тогдашній университетскій курсъ былъ также четырехъ-годичный; но распредѣленіе предметовъ опять-таки представляло извѣстныя отличія. Согласно «Студенческому уставу», каждый поступившій въ университетъ обязанъ былъ на первомъ году пройти общій подготовительный курсъ, такъ называемый «словесныхъ наукъ», который состоялъ въ знаніи латинскаго, греческаго и россійскаго языковъ (присовокупляя къ онымъ нѣмецкій или французскій), исторіи, географіи, древностей, митологіи (миѳологіи), чистой математики, физики и логики. Затѣмъ уже студенту предоставлялось выбрать одинъ изъ трехъ факультетовъ (философскій, юридическій и медицинскій), съ обязательствомъ пробыть въ немъ не менѣе трехъ лѣтъ.

В. Нарѣжный, по окончаніи курса «словесныхъ наукъ», поступилъ на философскій факультетъ, представлявшій тогда соединеніе наукъ философскихъ, историческихъ съ математическими и частью естественными. Въ прилагаемомъ аттестатѣ Нарѣжнаго не означены нѣкоторые предметы философскаго факультета и сказано только, что онъ обучался: 1) логикѣ и метафизикѣ, 2) энциклопедіи всѣхъ наукъ, 3) всемірной исторіи и географіи, 4) чистой и 5) смѣшанной математикѣ, и 6) опытной физикѣ. Это объясняется тѣмъ, что онъ пробылъ въ университетѣ не болѣе двухъ лѣтъ, а именно съ осени 1799 г. по 1801, и слѣдовательно, по окончаніи курса «словесныхъ наукъ» всего годъ слушалъ лекціи на философскомъ факультетѣ.

Изъ преподавателей философскаго факультета въ это время самое видное мѣсто занимаютъ А. А. Антонскій-Прокоповичъ и П. П. Страховъ (9). Антонскій-Прокоповичъ, извѣстный своей плодотворною педагогическо-литературною и общественною дѣятельностью, имя котораго тѣсно связано съ существованіемъ московскаго «благороднаго пансіона», занималъ каѳедру энциклопедіи и натуральной исторіи, и впервые началъ читать эти предметы на русскомъ языкѣ. Разбирая историческое развитіе естественной исторіи отъ глубокой древности до XVIII вѣка и указывая на ея историческое значеніе, онъ умѣлъ заинтересовать слушателей и пріохотить ихъ къ занятіямъ. На ряду съ нимъ стоитъ, менѣе извѣстный въ настоящее время, но еще болѣе даровитый и блестящій профессоръ опытной физики П. П. Страховъ, который, при широкомъ образованіи и знаніяхъ, съ первой-же лекціи поразилъ своихъ

слушателей новымъ талантливымъ изложеніемъ предмета и искусствомъ въ произведеніи опытовъ; и до конца пользовался такою популярностью, что по свидѣтельству очевидца И. Тимковскаго (10), его обширная аудиторія постоянно наполнялась студентами всѣхъ факультетовъ и многочисленными посѣтителями. Благодаря своей прекрасной дикціи, громкому голосу и представительной наружности, Страховъ былъ первымъ ораторомъ университета, и въ торжественныхъ случаяхъ говорилъ рѣчи даже за другихъ профессоровъ философскаго факультета, какъ напр. Чеботарева (проф. русской словесности и русской исторіи), Панкевича («смѣшанной» математики) и Брянцева (логики и физики). При этомъ П. П. Страховъ пользовался общимъ уваженіемъ профессоровъ и студентовъ за свою неподкупную честность.

Что касается вліянія Прокоповича-Антонскаго, Страхова и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ на тогдашнихъ студентовъ, то оно только до извѣстной степени могло коснуться Нарѣжнаго въ виду кратковременнаго пребыванія его въ университетѣ. Единственный изъ профессоровъ, съ которымъ онъ могъ имѣть болѣе близкія и продолжительныя сношенія, былъ П. А. Сохацкій, инспекторъ греческихъ и латинскихъ классовъ обѣихъ гимназій, а съ 1791 года (по смерти профессора Барсова), преподаватель греческой и латинской словесности въ университетѣ и редакторъ двухъ журналовъ, гдѣ Нарѣжный помѣщалъ свои юношескіе литературные опыты. Проф. Сохацкій, поклонникъ классицизма, не сочувствовалъ возникавшей романтической модѣ, и горячо возставалъ противъ мрачнаго колорита и туманности, которые тогда начали проникать въ нашу литературу,—и могъ въ этомъ отношеніи повліять на начинающаго писателя. Но съ другой стороны, если Нарѣжный въ своихъ первыхъ произведеніяхъ заплатилъ извѣстную дань классицизму и, вообще, оставался чуждъ романтизма (кромѣ одной повѣсти, о которой будетъ сказано ниже), то это можетъ быть настолько-же объяснено его личными литературными симпатіями и вкусомъ.

Причины преждевременнаго выхода Нарѣжнаго изъ университета неизвѣстны, и, вѣроятно, зависѣли отъ какихъ-либо семейныхъ обстоятельствъ, такъ какъ, по всѣмъ даннымъ, увольненіе Нарѣжнаго изъ университета, согласно поданному прошенію, въ октябрѣ 1801 г., едва-ли соотвѣтствовало его собственнымъ желаніямъ. За-

нятія его шли вполнѣ успѣшно, судя по выданному ему аттестату; равнымъ образомъ трудно предположить, чтобы причина заключалась съ его стороны, въ недовольствѣ условіями университетской жизни, такъ какъ по свидѣтельству тогдашнихъ студентовъ, окончившихъ курсъ нѣсколькими годами раньше Нарѣжнаго, а именно И. Тимковскаго и П. Полуденскаго, (11)—условія эти были самыя благопріятныя.

Кураторами и директорами университета постоянно избирались лучшіе и образованнѣйшіе люди того времени, которые своимъ вліяніемъ поддерживали гуманныя отношенія преподавателей къ ихъ слушателямъ, способствовали возникновенію литературныхъ студенческихъ обществъ, а также журналовъ и изданій, гдѣ студенты могли помѣщать свои литературные труды. Начало такихъ періодическихъ изданій относится къ 1760-мъ годамъ; съ этихъ поръ они слѣдовали почти непрерывно одни за другими и много способствовали умственному развитію студентовъ, которые при этомъ могли пользоваться библіотекою, обильно снабженною книгами на разныхъ языкахъ. Послѣдняя помѣщалась въ камерахъ разночинской гимназіи; въ нее поступало по экземпляру всѣхъ книгъ, какія печатала университетская типографія; кромѣ того, получались вѣдомости и журналы, выходившіе при университетѣ. Студенты, сходились сюда для чтенія и бесѣды о прочитанномъ.

Частная жизнь студентовъ не была стѣснена никакими особенными, даже внѣшними формальностями. Не смотря на неоднократное пожалованіе форменнаго университетскаго мундира, еще въ 1797 и 1800 гг., студенты въ одеждѣ не придерживались опредѣленной формы; и даже не всѣ имѣли свой университетскій мундиръ: «каждый одѣтъ былъ какъ могъ и какъ хотѣлъ», и поэтому многіе, по свидѣтельству современниковъ, являлись на улицахъ въ довольно фантастическихъ костюмахъ. Казеннокоштные студенты жили въ университетѣ или внѣ его на жалованьѣ, получаемомъ отъ казны въ размѣрѣ 100 р., на которые должны были содержать себя; недостатокъ денегъ на одежду, книги и проч. пополнялся посылками изъ дому и собственнымъ трудомъ, въ видѣ уроковъ и, главное, переводовъ, о которыхъ упомянуто выше. Въ то-же время университетскія празднества, акты, публичныя лекціи, а также театральныя представленія, маскарады, танцовальные и музыкальные вечера, которые устраивались въ стѣнахъ университета, непосредственно

сближали студентовъ съ остальнымъ образованнымъ обществомъ; и служили для нихъ отдыхомъ отъ умственныхъ занятій.

Таковы были условія жизни московскихъ студентовъ конца прошлаго вѣка, и едва-ли кто-нибудь изъ нихъ могъ вообще тяготиться ими, а тѣмъ болѣе Нарѣжный, неизбалованный съ дѣтства и не знавшій другаго, лучшаго существованія.

IV.

Къ временамъ студенчества В. Нарѣжнаго относятся его первыя литературныя произведенія, напечатанныя въ журналахъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1798 г. (изд. при университетѣ подъ редакціею Сохацкаго и Подшивалова), а затѣмъ въ «Иппокренѣ или Утѣхахъ Любословія», 1798 и 1800 гг., которая составляла продолженіе перваго изданія, при тѣхъ-же сотрудникахъ, но подъ редакціею одного Сохацкаго [1]).

Сравнительно значительное количество статей В. Т. Нарѣжнаго, помѣщенныхъ въ обоихъ названныхъ журналахъ, кажется намъ вполнѣ объяснимымъ, потому что и въ этихъ первыхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ авторъ какъ-бы пробуетъ свои силы, видны проблески несомнѣннаго таланта. Подобно многимъ начинающимъ и впослѣдствіи извѣстнымъ писателямъ, онъ еще не можетъ остановиться на одномъ опредѣленномъ родѣ поэзіи или прозы, и упорно выбираетъ литературную форму, наименѣе сродную его таланту. Но такія неудачныя попытки едва-ли можно назвать напрасною тратою силъ, а скорѣе извѣстною и необходимою стадіею развитія таланта, гдѣ безсознательное недовольство написаннымъ побуждаетъ автора къ дальнѣйшему усовершенствованію и постепенно выводитъ на настоящій путь. Не прошелъ безслѣдно для развитія таланта Нарѣжнаго первый трехъ-лѣтній періодъ его юношеской литературной дѣятельности, хотя въ это время онъ почти исключительно придерживается стихотворной и драматической формы или пишетъ фантасти-

[1]) При разборѣ произведеній В. Т. Нарѣжнаго, мы ограничимся указаніемъ журналовъ и годовъ напечатанія, потому что подробный хронологическій перечень сочиненій романиста, какъ напечатанныхъ въ журналахъ, такъ и вышедшихъ отдѣльными изданіями, помѣщенъ нами въ приложеніи къ настоящему очерку.

ческіе разсказы, не имѣющіе ничего общаго съ тѣмъ вѣрнымъ, реальнымъ изображеніемъ дѣйствительности, которое мы встрѣчаемъ въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ.

Первый литературный трудъ В. Т. Нарѣжнаго, напечатанный въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени», 1798 года, состоитъ въ прозаическомъ переводѣ съ нѣмецкаго поэтическаго сказанія «Сотвореніе розы». Къ сожалѣнію, по обычаю многихъ тогдашнихъ переводчиковъ, имя иностраннаго автора не указано имъ; поэтому мы не можемъ судить о степени вѣрности съ подлинникомъ, но, вообще, не смотря на устарѣлыя выраженія, переводъ читается легко, и процесъ передачи мыслей и фразъ совершенно незамѣтенъ, а это возможно только при основательномъ знаніи языка, на которомъ написанъ подлинникъ. Такое знаніе не составляло рѣдкости при вниманіи, какое было обращено въ тогдашнемъ воспитаніи на иностранные языки, и Нарѣжный имѣлъ полную возможность изучить нѣмецкій языкъ, которымъ занимался въ гимназіи и въ университетѣ.

То-же можно сказать и о другомъ переводѣ В. Т. Нарѣжнаго, который сдѣланъ стихами съ латинскаго, а именно «Къ Аристію», изъ Горація (ода 22, кн. I). Что-же касается самостоятельныхъ стихотвореній Нарѣжнаго, помѣщенныхъ въ томъ-же изданіи, то въ нихъ преобладаетъ торжественный тонъ «пѣснопѣвцевъ» того времени, которые, за немногими исключеніями, нерѣдко приносили въ жертву искуственному паѳосу поэтическіе, создаваемые ими образы и художественныя картины.

Въ этомъ-же тонѣ написана вся поэма В. Нарѣжнаго «Брега Алты», которая начинается слѣдующими вступительными стихами:

«Взошедъ пресвѣтлый Царь небесъ
И ризою своей багряной
Покрылъ поля и дальній лѣсъ,
И Алты брегъ злато-песчаный.
Взошелъ и, робко путь свершая,
Багряный пурпуръ разливая,
Открылъ полки россійскихъ силъ—
Недавно здѣсь Владиміръ грозно
Враговъ кичлиъвыхъ полкъ разилъ»....

Далѣе, авторъ отъ воспоминанія подвиговъ Владиміра святаго

переходитъ къ описанію убійствъ Святополка, печально поразившихъ Россію, а также характера свирѣпаго князя, и при этомъ все болѣе и болѣе впадаетъ въ рабское подраженіе Державину.

. . . . «Россія мракомъ облаченна,
Отъ взоровъ сѣя скорбь и страхъ,
Печально грустью откровенна,
Съ блестящею слезой въ очахъ,
На верхъ днѣпровскихъ горъ склонилась
Со стономъ, воплемъ такъ рекла:
«Увы, вѣнецъ мой меркнетъ свѣтлый,
«Падетъ мой твердый нынѣ тронъ!
«Ужель, ужель мнѣ пасть, Предвѣчный
«Теперь Ты положилъ законъ?»
Вѣщала—слезъ рѣка текла
Изъ глазъ безсмертьемъ одаренныхъ,
И пала на волнахъ смущенныхъ
Владыки росскихъ южныхъ водъ.
Смутился Днѣпръ, возсталъ, завылъ,
И вой его вездѣ промчался . . .
. . . .
Такъ Святополкъ, исполненъ злобы,
Какъ вихрь летаетъ по полямъ;
Предъ нимъ находятъ Россы гробы,
Воззритъ—и молньи блещутъ тамъ;
Онъ ступитъ—поле, брегъ стенаетъ,
Мечомъ махнетъ— и всѣхъ сражаетъ,
Речетъ—и грозный громъ гремитъ,
Подвигнется—вкругъ кровь кипитъ...» и проч.

Вторая поэма Нарѣжнаго, а именно «Освобожденная Москва», напечатанная въ томъ-же 1798 г., написана подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ трагедіи Хераскова «Освобожденная Москва», которая была поставлена на сценѣ 18-го января 1798 года. Вся разница въ сюжетѣ обоихъ произведеній заключается въ томъ, что трагедія Хераскова взята изъ смутнаго времени, а поэма Нарѣжнаго относится къ нашествію Тамерлана при Василіи I, о чемъ заявляетъ самъ авторъ въ примѣчаніи къ своей поэмѣ, съ обычною добросовѣстностью писателей XVIII вѣка (13): «Много разъ, пишетъ

онъ, бывала Москва подъ игомъ иноплеменныхъ, много пострадала отъ Литвы и Польши, но правосудіе Божіе спасало державный градъ русскаго царства,—спасало рукою Пожарскаго и другихъ героевъ, которыхъ священныя тѣни недавно воззваны изъ жилищъ райскихъ гласомъ нашего пѣснопѣвца. Но здѣсь была Москва подъ властію злѣйшаго врага, неукротимаго вождя войскъ татарскихъ, и благость Божія спасла ее чудеснымъ образомъ».

Поэма «Освобожденная Москва» во многомъ напоминаетъ «Брега Алты», и также богата гиперболами. Авторъ начинаетъ съ описанія ночи и стана татаръ, которыхъ онъ называетъ агарянами:

. . . Повсюду огнь въ кострахъ горящій,
Среди разставленныхъ шатровъ
Ругался (?) тьмѣ ночной. Послѣдній
Насталъ день рока,—Тамерланъ,
Россійской кровью окропленный,
Взошелъ въ татарскій черный станъ,
Вѣщалъ: «Агаряне внемлите,
Насталъ геройскій часъ, Москва
Не хощетъ быть вольна, спѣшите,
Да въ прахъ падетъ градовъ глава!
Мы стѣны разоримъ, чертоги
Наполнимъ кровью; огнь и дымъ
Пошлемъ, гдѣ обитаютъ боги,
И кто мы—всюду возвѣстимъ.
Толпѣ волковъ, за мной идущей,
Я трупы росски предаю;
Россійской кровью, здѣсь текущей,
Я хищныхъ врановъ упою;
И слава наша надъ звѣздами
Заутра воспаритъ крылами . . .

Далѣе слѣдуетъ плачъ опечаленной Москвы, очень схожій съ плачемъ Россіи въ предыдущей поэмѣ, и такимъ образомъ, авторъ безсознательно копируетъ самого себя, что, какъ извѣстно, случается иногда и съ болѣе опытными писателями. Поэтому мы приводимъ только,—какъ нѣчто своеобразное, — появленіе въ облакахъ тѣни Даніила, сына Александра Невскаго, для утѣшенія горестной Москвы, которая:

. . . Зритъ—средь холмовъ небесныхъ дальнихъ
Сіянье нѣкое скользитъ . . .
На раменахъ порфира блещетъ,
Вѣнецъ монаршій на главѣ;
Лучи златые скипетръ мещетъ,
Хоругвь багряная въ рукѣ.
Течетъ—и воздухъ разсѣкая,
Онъ сталъ предъ горестной Москвой;
Со благостью къ ней взоръ склоняя,
Вѣщалъ: «Москва, утѣшься мной!
Я внялъ твои мученья, стоны,
И въ ликѣ праведныхъ скорбѣлъ,
Утѣшься! се врагу препоны,
Что смерти твоея хотѣлъ!...
Хоругвь сія тебѣ вручаетъ
Побѣду вѣрну надъ врагомъ,
Падетъ кичливый, возстенаетъ,
Въ рукѣ его погаснетъ громъ,
Померкнетъ слава знаменита!
Я Даніилъ—твоя защита!»...
Вѣщалъ, на облакахъ багряныхъ
Возсѣвъ, направилъ быстръ полетъ,
Улыбка на устахъ румяныхъ
Одушевила россійскій свѣтъ . . .

«Обагряная» луна приводитъ въ трепетъ сердца татаръ, которые, по выраженію автора поэмы, «предчувствуютъ небесъ войну»; слѣдуетъ описаніе битвы и бѣгства самого Тамерлана за разсѣянными татарскими полками. Поэма кончается обращеніемъ къ Москвѣ и восхваленіемъ Всевышняго въ духѣ одъ того времени.

Характеръ оды, преобладающій въ обѣихъ приведенныхъ поэмахъ, проглядываетъ и въ единственномъ лирическомъ стихотвореніи В. Нарѣжнаго, «Къ другу моему», что нарушаетъ цѣльность общаго впечатлѣнія, какъ видно изъ слѣдующаго:

Когда небесныхъ вождь планетъ
Лучемъ пурпурнымъ кроетъ горы,
Орелъ простеръ на твердь полетъ,
Разсѣкая тучъ соборы,

Паритъ,—стенаетъ зыбь подъ нимъ,
Колеблетъ твердь крыломъ своимъ.

*
* *

Малиновка на вѣтви нѣжной
Хранитъ въ груди своей покой,
Своею пѣснію прелестной
Ликъ солнцевъ славитъ золотой,
Спокойно зритъ орлинъ полетъ
И утра красоту поетъ и проч.

*
* *

Оставь полеты ты орлины,
И арфу перестрой свою,
Воспой поля, луга, долины,
И арфу нѣжную твою
Склони пѣть юности красоты,
Любови цѣпи и цвѣты....

Что касается четвертаго и послѣдняго стихотворенія В. Нарѣжнаго «Пѣснь Владиміру кіевскихъ бояновъ», то оно настолько искуственно и лишено всякой поэзіи, что мы считаемъ лишнимъ приводить его, хотя-бы въ видѣ небольшихъ выдержекъ, и коснемся только выбора сюжета, который относится къ древней русской исторіи, какъ и сюжетъ двухъ поэмъ Нарѣжнаго, о которыхъ сказано выше. Интересъ къ отечественной исторіи могъ быть тогда возбужденъ въ Нарѣжномъ, помимо профессорскихъ лекцій, знакомствомъ съ нѣкоторыми печатными источниками, которые должны были находиться въ университетской библіотекѣ [1]). Подтвержденіемъ этой догадки служитъ и первое самобытное произведеніе В. Т. Нарѣжнаго, написанное прозою, а именно, историческій разсказъ «Рогволдъ» (помѣщенный, какъ и его стихотворенія, въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1798 г.), который, оче-

[1]) Такъ напр., уже были изданы восемь томовъ русской лѣтописи при Имп. Акад. наукъ (1767—1792 гг.,); шесть томовъ «Записокъ касательно Россійской исторіи» (1787—1794), гдѣ матеріаломъ послужили отчасти выписки изъ лѣтописей, сдѣланныя московскими профессорами Чеботаревымъ и Барсовымъ, и наконецъ, «Сводъ бытій россійскихъ» проф. Барсова, напечатанный послѣ его смерти Карамзинымъ въ VII ч. «Московскаго Журнала» 1792 г., не говоря о хронографахъ, еще довольно распространенныхъ въ XVIII вѣкѣ.

видно, взять изъ лѣтописи, хотя видоизмѣненный и сильно украшенный фантазіею 18-лѣтняго автора.

Разсказъ «Рогвольдъ», написанный частью въ повѣствовательной, частью въ разговорной формѣ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, представляетъ въ частностяхъ такіе несомнѣнные признаки таланта, что мы рѣшаемся привести его, хотя въ значительно сокращенномъ видѣ:

«Ночь была свѣтлая. Майская луна величественно освѣщала лазоревое небо; Полоцкъ находился въ глубокомъ покоѣ; войско Владимірово въ безмолвіи возлежало на обширныхъ поляхъ его.

«Одинъ князь Владиміръ, обладавшій тогда пространнымъ сѣверомъ, исполненъ мрачныхъ мыслей, простеръ по полю косвенныя стопы свои..... Тогда представилась въ мысли его вся несправедливость его поступковъ, представилась горесть, стенаніе и самая смерть Рогвольдовой фамиліи и паденіе цѣлаго царства Полоцкаго. Мечталось ему, что тѣни пораженныхъ готовы были излить на него всю свою ярость, что кровь ихъ, превращаясь въ пламенную рѣку, готова окружить Владиміра. Таковыя мечтанія смущали душу сѣвернаго героя.... Синіе ночные туманы сокрывали Полоцкъ отъ глазъ его, и онъ непримѣтно очутился на берегу рѣки.

«Онъ простеръ вдаль свои взоры, и черная огромная гробница представилась глазамъ его..... Но сколь велико было его удивленіе, когда при ней увидѣлъ онъ сѣдаго старца, блѣднаго, какъ осенняя луна, тощаго, какъ изсохшій тростникъ.....

«Владиміръ (въ смятеніи останавливаясь): «Кто ты, ночное видѣніе? Старецъ-ли подлинно, или враждебный духъ, ноющій при гробницахъ въ часъ полуночи и въ семъ образѣ возмнившій устрашить меня?...»

Старецъ оказывается полоцкимъ княземъ Рогвольдомъ, котораго считали погибшимъ на полѣ битвы; онъ разсказываетъ Владиміру исторію постигшихъ его бѣдствій: потерю княженія, гибель сыновей и нареченнаго зятя, насильственный бракъ Рогнѣды, и объясняетъ, что поселился у гробницы, воздвигнутой ему и его сыновьямъ, чтобы найти случай для мести. «Воинъ благородный, добавляетъ онъ, —доставь, если ты можешь, доставь случай побывать въ станѣ моего убійцы и его видѣть. Тамъ я поражу его, вырву изъ груди невѣрной его сердце, и кровію его окроплю гробницы сыновъ моихъ.

Пусть умру я—я умру поражая; пусть окаменѣетъ языкъ мой—онъ окаменѣетъ, произнося проклятія.....»

Владиміръ задаетъ ему вопросъ: узнаетъ-ли онъ своего врага при встрѣчѣ?

«Рогвольдъ. Я помню, какъ на полѣ роковомъ онъ убѣгалъ отъ копья моего, какъ убѣгаетъ змѣя когтей орлиныхъ. Помню,—и никогда не забуду!— смуглое, продолговатое лицо, черные, и въ часъ битвы сверкающіе сластолюбіемъ глаза его, орлиный носъ, широкая израненная грудь, орлиная шея....»

Владиміръ скидаетъ шлемъ, становится противъ луны и спрашиваетъ: узналъ-ли его Рогвольдъ, и почему не поражаетъ Владиміра, супруга Рогнѣды и своего сына?

Тронутый Рогвольдъ молитъ боговъ, чтобы они разрѣшили его отъ клятвы и не требовали отъ него мщенія; Владиміръ, съ своей стороны, даетъ обѣщаніе возвратить ему дочь и возстановить царство полоцкое.

Въ журналѣ «Иппокрена или Утѣхи Любословія» слѣдующаго 1799 г. помѣщено пять произведеній В. Нарѣжнаго, и въ числѣ ихъ три басни, довольно своеобразныя по мысли и самому изложенію. Мы приводимъ для примѣра одну изъ нихъ:

Снѣжинка.

Насталъ пасмурный октябрь, и снѣжныя тучи вздумали оковать льдомъ маленькія лужи. Когда они занимались этимъ дѣломъ, то одна снѣжинка, покрупнѣе обыкновенной, сказала сама въ себѣ: «Куда, право, какъ глупа я, что выдумала заниматься такими пустяками! Я одна полечу на глубочайшее мѣсто Москвы рѣки и силою моего мороза покрою его льдами». Сказано и сдѣлано. Она полетѣла, опустилась на волны—и вдругъ съ ужасомъ вскричала: «Ахъ, чтò со мною дѣлается? Я теряюсь, части мои таютъ, я умираю!» Черезъ секунду она прибавила рѣкѣ одну только каплю воды.

Снѣжинки въ мыслящемъ мірѣ, бойтесь участи безразсудной сестры вашей.

Что касается двухъ остальныхъ статей В. Нарѣжнаго, помѣщенныхъ въ «Иппокренѣ» 1799 года, то онѣ принадлежатъ къ наименѣе удачнымъ произведеніямъ этого періода его литературной дѣятельности.

Въ разсказѣ «Мстящіе евреи», авторъ задался мыслью изо-

бразить фанатизмъ евреевъ и ихъ слѣпую ненависть къ христіанамъ; и чтобы придать нѣкоторое правдоподобіе своему повѣствованію. дѣлаетъ оговорку въ примѣчаніи, что слышалъ «этотъ анекдотъ» отъ какого-то старика и, вдобавокъ, очевидца. Но разсказъ всетаки остается «невѣроятнымъ», и невольно является вопросъ: почему Нарѣжный, имѣвшій возможность узнать съ дѣтства бытъ и характеръ евреевъ въ Малороссіи, вздумалъ представить ихъ въ такомъ мрачномъ свѣтѣ и приписать имъ, по его собственному выраженію, «жестокость и звѣрство нравовъ»? Но въ этомъ онъ, повидимому, платилъ дань тогдашней теоріи словесности, принятой и въ университетскомъ преподаваніи, по которой только «возвышенное» и «необычайное» считалось достойнымъ пера писателя.

Героемъ разсказа «Мстящіе евреи» является старый Іосія, фанатически преданный вѣрѣ отцовъ своихъ; онъ топчетъ ногами крестъ, надѣтый на него въ насмѣшку бѣднымъ ремесленникомъ, и за это избитъ народомъ, выходившимъ изъ церкви. Нанесенная ему обида глубоко запала въ его душу; онъ заставляетъ своего сына Іезекіиля умертвить оскорбившаго его ремесленника; молодой еврей исполняетъ волю отца и приноситъ окровавленный кинжалъ. Іосія не довольствуется этимъ и требуетъ отъ сына, чтобы онъ убилъ дочь ремесленника, но юноша, тронутый красотой дѣвушки, влюбляется въ нее, а она убѣждаетъ его принять христіанство. Но объ этомъ узнаетъ старый еврей Гамалеилъ, другъ Іосіи, и приводитъ послѣдняго въ церковь въ моментъ крещенія Іезекіиля; отецъ убиваетъ своего сына, Гамалеилъ — молодую дѣвушку. Является народъ, созванный убѣжавшимъ священникомъ; евреи безъ сопротивленія идутъ въ тюрьму, а потомъ на казнь.

....«Христіане, говоритъ въ заключеніе авторъ, видѣли кровь ихъ, но не слыхали ни одного вздоха; видѣли смерть ихъ, и—ахъ! немногіе пролили слезу соболѣзнованія».

Другое еще болѣе слабое произведеніе В. Т. Нарѣжнаго въ драматической формѣ носитъ названіе «Римская ревность» и написано въ псевдо-классическомъ духѣ; здѣсь въ двухъ сценахъ, крайне натянутыхъ и исполненныхъ ходульнаго геройства, изображенъ подвигъ Муція Сцеволы, совершенный имъ изъ соревнованія къ славѣ Горація Коклеса.

Затѣмъ, въ журналѣ «Иппокрена или Утѣхи Любословія» 1800 года (ч. VII, стр. 161—272) помѣщена трагедія В. Т. Нарѣж-

наго, подъ названіемъ «Кровавая ночь или конечное паденіе дома Кадмова», сюжетомъ которой служитъ роковая судьба Эдипа и его дѣтей. Пьеса эта написана пятистопнымъ ямбомъ, во вкусѣ древнихъ греческихъ трагедій, съ хорами, но при этомъ раздѣлена на четыре сцены. Изъ нихъ первыя три представляютъ отчасти самобытную обработку греческаго преданія, на ряду съ мотивами, заимствованными изъ Эсхиловой трагедіи «Семеро передъ Ѳивами», и двухъ трагедій Софокла: «Царь Эдипъ» и «Эдипъ въ Колонѣ», между тѣмъ, какъ конецъ третьей и вся четвертая сцена, по содержанію, могутъ быть названы подражаніемъ извѣстной трагедіи Софокла «Антигона» (14). Такимъ образомъ, сюжетъ «Кровавой ночи» Нарѣжнаго является болѣе сложнымъ, нежели которой-либо изъ названныхъ трагедій, и въ ней вообще больше паѳоса и эффектовъ; тѣмъ не менѣе, она носитъ въ цѣломъ одинъ и тотъ-же характеръ и весь тонъ замѣчательно выдержанъ, что прямо говоритъ въ пользу таланта юнаго автора, если онъ только не воспользовался какою-либо иностранною или даже греческою передѣлкою трагедій Эсхила и Софокла. Героическій характеръ великодушной Антигоны, жертвующей жизнью, чтобы отдать послѣдній долгъ умершему брату Полинику, настолько напоминаетъ Антигону въ трагедіи Софокла, названной ея именемъ, что послѣдняя несомнѣнно служила образцомъ для Нарѣжнаго. То-же можно сказать и относительно Креона, который за свое упорство также, какъ и у Софокла, платится потерею единственнаго сына и супруги. Но ничтожный Этеоклъ «Кровавой ночи» имѣетъ мало общаго съ Этеокломъ Эсхиловой трагедіи «Семеро передъ Ѳивами», который по своимъ душевнымъ свойствамъ представляетъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ и сильныхъ характеровъ античной сцены. Между тѣмъ, съ другой стороны, блѣдный образъ Полиника, который проходитъ какъ-бы мимоходомъ въ Софокловой трагедіи «Эдипъ въ Колонѣ», рельефно выступаетъ въ трагедіи Нарѣжнаго, какъ-бы заново созданный имъ и написанный живыми красками его фантазіи. Затѣмъ, въ «Кровавой ночи», въ числѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, выведенъ старый рабъ Поливъ, который нѣкогда спасъ Эдипа, брошеннаго въ лѣсу послѣ рожденія, тогда какъ въ трагедіи Софокла «Царь Эдипъ» не разъ упомянутъ коринѳскій царь Поливъ, пріемный отецъ Эдипа.

V.

10 октября 1801 года, В. Т. Нарѣжный, какъ сказано въ его аттестатѣ, «по прошенію отъ университета уволенъ съ обязаніемъ дабы онъ въ праздности не былъ, а явился къ опредѣленію въ службу, куда слѣдуетъ» (см. прил. V). Эта оговорка объясняется тѣмъ, что Нарѣжный уже съ 3 октября значился на службѣ «у письменныхъ дѣлъ» при будущемъ правителѣ Грузіи Коваленскомъ, который по случаю своего назначенія, вербовалъ для себя многочисленный штатъ чиновниковъ. Весьма возможно, что самъ Коваленскій обратился въ московскій университетъ съ приглашеніемъ желающихъ послѣдовать за нимъ на Кавказъ, тѣмъ болѣе, что такія приглашенія были тогда въ обычаѣ, и студенты вообще охотно принимались на службу въ разныя правительственныя учрежденія.

По всѣмъ даннымъ, Нарѣжный прибылъ въ Тифлисъ за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія «верховнаго грузинскаго правительства», вмѣстѣ съ другими чиновниками, его будущими сослуживцами, которые были набраны случайно, «безъ всякаго разбора», и на первыхъ-же порахъ должны были произвести на него такое-же неблагопріятное впечатлѣніе, какое произвели многіе изъ нихъ на мѣстныхъ жителей своимъ неприличнымъ поведеніемъ. Также нерадостны были для Нарѣжнаго слышанные имъ отзывы объ его будущемъ начальникѣ Коваленскомъ, который, еще недавно исполняя должность уполномоченнаго министра при дворѣ послѣдняго грузинскаго царя Георгія XII, возбудилъ противъ себя общее недовольство въ Тифлисѣ своею безтактностью, пренебреженіемъ къ мѣстнымъ обычаямъ, алчностью, властолюбіемъ и пронырствомъ, вслѣдствіе чего и былъ отставленъ отъ мѣста императоромъ Павломъ I, въ августѣ 1800 г.

Между тѣмъ, генералъ Лазаревъ, предсѣдатель «временнаго правленія» въ Тифлисѣ, желая дать занятіе вновь прибывшимъ чиновникамъ, рѣшился впредь до объявленія манифеста «о присоединеніи Грузіи къ Россіи» открыть гражданскіе суды въ Гори, Кизихѣ (Сигнахѣ) и Телавѣ. Неизвѣстно былъ-ли тогда причисленъ Нарѣжный къ канцеляріи «временнаго правленія» или къ одному изъ упомянутыхъ судовъ, но, во всякомъ случаѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ до прибытія Коваленскаго въ Тифлисъ онъ имѣлъ полную возможность ознакомиться съ состояніемъ разорен-

ной страны, крайнимъ невѣжествомъ господствующаго класса и общею безурядицею, оставлявшею широкое поле для всевозможныхъ злоупотребленій. Если въ это время Нарѣжный тяготился условіями своей новой жизни, всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, то съ открытіемъ «верховнаго грузинскаго правительства» и полученіемъ опредѣленной должности въ Тифлисѣ, (занимаемой имъ въ теченіе одного года съ 18 мая 1802 по 14 мая 1803), для него наступила пора еще бóльшихъ испытаній, которыя онъ изобразилъ въ своемъ романѣ «Черный годъ или горскіе князья».

Не смотря на грубую первобытную форму и всѣ недостатки, это своеобразное произведеніе Нарѣжнаго представляетъ для насъ интересъ, какъ нашъ первый самобытный сатирическій романъ, въ нынѣшнемъ значеніи слова. Хотя авторъ, повидимому, употребилъ всѣ усилія, чтобы замаскировать сатиру, но, тѣмъ не менѣе, его романъ, при вѣрномъ изображеніи быта и нравовъ мелкихъ горскихъ князей, даетъ наглядное понятіе о положеніи края, общемъ невѣжествѣ, издавна существовавшихъ злоупотребленіяхъ, безправіи и еще худшихъ порядкахъ, наступившихъ въ первые мѣсяцы русскаго владычества на Кавказѣ, вслѣдствіе обратнаго выполненія гуманныхъ предначертаній императора Александра I.

Но здѣсь, мы необходимо должны сдѣлать отступленіе, потому что смыслъ романа Нарѣжнаго «Черный годъ или горскіе князья» только тогда будетъ понятенъ для насъ, если мы, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ и трудовъ, написанныхъ по достовѣрнымъ источникамъ и подлиннымъ документамъ (15), представимъ себѣ въ общихъ чертахъ положеніе Грузіи наканунѣ ея присоединенія къ Россіи и при открытіи «верховнаго грузинскаго правительства».

Удѣльно-феодальная Грузія, вслѣдствіе долгаго господства крѣпостнаго права и всякаго безправія, дошла при своихъ послѣднихъ царяхъ до полнаго внутренняго разложенія и анархіи. Каждый изъ многочисленныхъ царевичей распоряжался также безконтрольно въ своемъ удѣлѣ, какъ князья и дворяне въ своихъ владѣніяхъ, и безнаказанно разорялъ крестьянъ для своей наживы. Помѣстья и земли переходили изъ рукъ въ руки, потому что право поземельной собственности не существовало даже у высшаго класса. Правосудіе было словесное; всѣ должности наслѣдственныя и безъ жалованья; поэтому, каждый кормился отъ получаемыхъ доходовъ, т. е. самовольно назначаемыхъ поборовъ, и грабилъ сколько могъ. Власть

царя была безсильна противъ злоупотребленій, хотя и считалась неограниченною, потому что его повелѣнія, въ большинствѣ случаевъ, плохо или вовсе не исполнялись. Малочисленное грузинское войско не могло служить поддержкою царской власти: пѣхота, набираемая изъ поселянъ, подобно войску князя Кайтука, въ сатирическомъ романѣ Нарѣжнаго, за немногими исключеніями, была вооружена палками и дубинами; только въ конницѣ, куда поступали лица привиллегированнаго сословія, встрѣчались хорошіе и храбрые наѣздники. Также ненадежно было наемное войско, составленное изъ лезгинъ, которые своими безчинствами еще болѣе увеличивали общую безурядицу.

Къ довершенію бѣдствій, Грузія подвергалась частымъ нападеніямъ окружавшихъ ее горскихъ народовъ, которые производили опустошенія своими набѣгами и ежегодно уводили значительное число плѣнныхъ. Затѣмъ постоянно предстояла опасность нашествія со стороны сильныхъ сосѣдей,—Персіи и Турціи, противъ которыхъ не могло бороться ослабѣвшее государство, сохранившее только тѣнь прежняго величія.

Хотя въ Грузіи издавна существовалъ обычай, что престолъ переходитъ къ старшему сыну, но такъ какъ относительно этого не было никакого законоположенія, то каждая перемѣна правленія служила поводомъ для всевозможныхъ происковъ со стороны другихъ царевичей, царицъ и ихъ приверженцевъ. То-же повторилось въ началѣ 1798 года, при вступленіи на престолъ царя Георгія XII, правленіе котораго началось при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Страна еще не успѣла оправиться послѣ послѣдняго персидскаго вторженія 1795 года. Тифлисъ представлялъ груды развалинъ; только двѣ улицы оставались свободны для проѣзда, и то по обѣимъ сторонамъ были разрушенные дома; жители, бѣжавшіе отъ непріятеля, разсѣялись въ разные стороны, такъ что, по выраженію самого Георгія, «подданные и царь другъ друга сыскать не могли». Участь тѣхъ, которые возвратились въ свои разоренныя селенія, была незавиднѣе уведенныхъ въ плѣнъ: хотя они вновь занялись земледѣліемъ, но слѣды опустошенія были всюду; ограбленные жилища, уничтоженныя поля были причиною, что хлѣба едва хватало для мѣстнаго населенія.

Обѣдненіе было всеобщее и настолько-же коснулось господствующаго сословія, какъ и низшихъ классовъ народа; Грузіи, болѣе

чѣмъ когда-нибудь, грозила опасность пасть жертвою внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Слабый и болѣзненный Георгій XII видѣлъ единственный исходъ въ посторонней помощи. Послѣ многихъ колебаній, онъ обратился къ императору Павлу I съ просьбою: a) о принятіи Грузіи подъ покровительство Россіи; b) объ утвержденіи грузинскаго престола за нимъ и его сыномъ и наслѣдникомъ Давидомъ, и c) о присылкѣ въ Тифлисъ россійскихъ солдатъ съ оружіемъ и со всею принадлежностью.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ въ напрасномъ ожиданіи какихъ-либо извѣстій изъ Петербурга, и только 23 февраля 1799 г., въ отвѣтъ на просьбы царя и его уполномоченныхъ, повелѣно было приготовить егерскій полкъ Лазарева къ выступленію въ Грузію; въ то-же время, для удобства сношеній, статскій совѣтникъ Коваленскій назначенъ былъ уполномоченнымъ министромъ при дворѣ грузинскаго царя. При этомъ, помимо разныхъ частныхъ инструкцій, Коваленскому сдѣлано было внушеніе, что его «собственное поведеніе и всей его миссіи должно было клониться къ пріобрѣтенію довѣренности и любви грузинскаго народа и къ доказательству расположенія къ нему русскаго правительства». Но никакія внушенія и инструкціи не могли быть обязательными для человѣка, который, при врожденной безтактности, руководился только своими личными корыстными и властолюбивыми цѣлями. Еще на пути изъ Россіи въ Грузію, весною 1799 г., какъ видно изъ актовъ, собранныхъ покойнымъ Ад. П. Берже и изданныхъ кавказскою археографическою комиссіею (т. II), Коваленскій, «переѣзжая горы Кавказскія, встрѣтившись съ послами отъ грузинскаго царя, въ Россію отправленными, не сохранилъ пристойности, и повелительнымъ образомъ имъ приказалъ возвратиться, а къ царю Георгію написалъ, что если пословъ своихъ его величество у себя не удержитъ до его прибытія, то онъ самъ вернется въ Россію и войскамъ то-же учинить повелитъ. Царь оробѣлъ и огорченіе въ сердцѣ его запечатлѣлось»... Не менѣе этого министръ удивилъ всѣхъ своимъ поведеніемъ по прибытіи въ Тифлисъ: царь ежедневно посылалъ къ нему навѣдываться о здоровьѣ, изъявляя этимъ, что желаетъ принять его; но Коваленскій давалъ одинъ отвѣтъ, что «здоровъ». Наконецъ, разсудилъ онъ явиться къ царю, но предварительно послалъ сказать, чтобы для него изготовлены были кресла, затѣмъ вошелъ въ аудіенцъ-залу въ шубѣ, теплыхъ сапогахъ и въ дорожней шапкѣ.

развращать его и набивать карманы, онъ-же немного невоздержанъ въ питьѣ, то они и находятъ удобный случай его заводить»...

При такомъ положеніи дѣлъ можно было ожидать новыхъ и еще бóльшихъ безпорядковъ, и Лазаревъ, нѣсколькими днями позже (отъ 12 марта), писалъ Кноррингу: «Весьма нужно, чтобы рѣшительное воспослѣдовало положеніе, дабы уже всѣ знали, чему держаться, а безъ сего все еще между страхомъ и надеждой. Кто поумнѣе, тѣ понимаютъ, но притворяются непонимающими; кто-же простѣе, тѣ совсѣмъ не понимаютъ, сколько я имъ не толкую»...

Послѣдовавшая въ это время кончина императора Павла I и воцареніе Александра I еще болѣе замедлили рѣшеніе вопроса объ окончательномъ присоединеніи Грузіи; только въ маѣ сдѣлано было распоряженіе объ удаленіи царевича Давида и назначеніи временнаго правительства, подъ предсѣдательствомъ Лазарева.

Наконецъ, 12 сентября 1801 года, подписанъ былъ манифестъ, по которому уничтожалось грузинское царство и повелѣно учредить такъ называемое «Верховное грузинское правительство». Главнокомандующимъ въ Грузіи и на кавказской линіи назначенъ уже извѣстный въ Тифлисѣ генералъ-лейтенантъ Кноррингъ, которому поручено было «устроить на прочномъ основаніи благоденствіе Грузіи и во всемъ сообразоваться съ нравами, обычаями и умоначертаніями грузинскаго народа»; а гражданскимъ правителемъ назначенъ дѣйств. ст. сов. Коваленскій, бывшій министръ при дворѣ послѣдняго грузинскаго царя Георгія XII. Но тотъ и другой медлили своимъ пріѣздомъ, такъ что многочисленный штатъ чиновниковъ новаго правителя Грузіи, къ которому принадлежалъ В. Нарѣжный, прибылъ въ Тифлисъ, какъ упомянуто выше, нѣсколькими мѣсяцами раньше его.

Такимъ образомъ, Нарѣжному пришлось увидѣть Грузію въ послѣдніе моменты ея самобытнаго существованія, съ ея полуазіатскими порядками и безправіемъ. Онъ познакомился съ мѣстными обычаями, узналъ бытъ и нравы мелкихъ владѣтельныхъ князей, которые послужили основою его романа «Черный годъ или горскіе князья» и прикрытіемъ сатиры, настолько-же направленной противъ старыхъ$_2$ какъ и новыхъ, еще большихъ злоупотребленій, введенныхъ съ открытіемъ «Верховнаго грузинскаго правительства». Въ это время въ Тифлисѣ уже были извѣстны въ общихъ чертахъ условія на какихъ Грузія присоединялась къ Россіи; и такъ какъ они

не соотвѣтствовали общимъ ожиданіямъ, то возбудили много толковъ среди мѣстнаго населенія, которые несомнѣнно были извѣстны Нарѣжному и заставили его глубже вдуматься во все видѣнное и слышанное. Передъ нимъ открылся широкій реальный міръ, съ новыми для него сложными задачами, и заставилъ его отрѣшиться отъ отвлеченныхъ фантастическихъ образовъ и блужданія отъ одной формы къ другой, которымъ отличаются его первые литературные опыты.

Наступилъ 1802 годъ. Все оставалось въ томъ-же неопредѣленномъ положеніи; и только 9 апрѣля, на Страстной недѣлѣ, Кноррингъ, въ сопровожденіи Коваленскаго и многочисленной свиты, торжественно вступилъ въ Тифлисъ, а черезъ три дня въ церквахъ былъ прочитанъ манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи. Но при этомъ всѣхъ поразилъ способъ приведенія покорнаго народа къ присягѣ: Кноррингъ велѣлъ окружить Сіонскій соборъ войсками, аки штурмомъ, по выраженію одного изъ очевидцевъ, и арестовалъ нѣкоторыхъ князей, которые спѣшили выйти изъ церкви, чтобы избѣжать насильственной присяги (16).

Поведеніе главнокомандующаго привело въ уныніе грузинъ, не ожидавшихъ ничего подобнаго; и въ народѣ начался ропотъ. Но рѣшительныя мѣры слѣдовали однѣ за другими: у царицы Марьи, вдовы Георгія XII, отобраны были царскія регаліи присланныя императоромъ Павломъ I; затѣмъ при раздачѣ орденовъ особамъ царскаго дома, одному изъ царевичей слѣдовало получить орденъ св. Анны, но грамота, по ошибкѣ, была написана на орденъ св. Александра Невскаго, и Кноррингъ безцеремонно вытребовалъ назадъ эту грамоту, чѣмъ глубоко оскорбилъ царевича, и проч.

Тѣмъ не менѣе, въ теченіи апрѣля и въ первыхъ числахъ мая, вся Грузія присягнула русскому императору, а 7 мая комендантъ Тифлиса, съ барабаннымъ боемъ и музыкою объявлялъ на открытыхъ мѣстахъ и площадяхъ города о предстоящемъ открытіи «Верховнаго грузинскаго правительства», которое послѣдовало на слѣдующій день съ особенною торжественностью. По окончаніи церемоніи, Кноррингъ уѣхалъ въ Георгіевскъ, а въ Тифлисѣ остались Коваленскій и Лазаревъ, которому теперь предстояла второстепенная роль, между тѣмъ какъ лица грузинскаго царскаго дома навсегда устранялись отъ правленія.

Вновь учрежденное «Верховное грузинское правительство» было

теперь главнымъ судебнымъ и законодательнымъ мѣстомъ въ странѣ; оно состояло изъ совѣтниковъ экспедицій, подъ предсѣдательствомъ правителя Грузіи, Коваленскаго. Вторую инстанцію составляли четыре экспедиціи, дѣйствовавшія на основаніи общихъ губернскихъ учрежденій: a) дѣлъ исполнительныхъ, b) казенныхъ и экономическихъ, c) уголовныхъ и d) гражданскихъ дѣлъ.

Одновременно съ учрежденіемъ верховнаго грузинскаго правительства въ Тифлисѣ, остальная Грузія была раздѣлена на пять уѣздовъ, изъ которыхъ три въ Карталиніи: Горійскій, Лорійскій и Душетскій, и два въ Кахетіи: Телавскій и Сигнахскій. Въ каждомъ уѣздѣ, помимо коменданта, казначея, полиціймейстера и проч., учреждены уѣздный судъ и управа земской полиціи, съ капитанъ-исправникомъ во главѣ и двумя засѣдателями (съ правомъ тогдашнихъ уѣздныхъ и нижнихъ судовъ въ Россіи). Всѣ эти присутственныя мѣста были открыты въ городахъ означенныхъ уѣздовъ, исключая Лори, которое въ тѣ времена еще не было заселено, и поэтому рѣшено назначенныя туда присутственныя мѣста учредить въ Тифлисѣ [1]).

Такимъ образомъ, Нарѣжный, получивъ мѣсто секретаря лорійской управы земской полиціи, остался въ Тифлисѣ и могъ шагъ за шагомъ слѣдить за водвореніемъ новыхъ порядковъ и дѣятельностью правителя Грузіи.

На первыхъ-же порахъ сказалось неудобство примѣненія въ Грузіи совершенно чуждыхъ для нея русскихъ учрежденій. Всѣ были въ полномъ невѣдѣніи относительно предѣловъ власти и обязанностей земскихъ чиновниковъ, комендантовъ и другихъ должностныхъ лицъ; а правитель Грузіи своими инструкціями и объясненіями еще болѣе увеличивалъ происходившія недоразумѣнія. Въ тоже время недостатокъ лицъ, знающихъ одновременно русскій и грузинскій языкъ, не замедлилъ отразиться на ходѣ дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ: проситель и чиновникъ не понимали другъ

---

[1]) Свѣдѣніе это получено нами изъ Тифлиса, гдѣ въ городской публичной библіотекѣ, въ числѣ другихъ документовъ, находится письмо генерала Кнорринга къ Коваленскому, отъ 11 мая 1802 года, за № 9, съ предписаніемъ объ открытіи уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Такъ какъ Лори мѣсто не заселенное и должно состоять подъ управленіемъ моураловъ; и потому открыть присутственныя мѣста, назначенныя въ Лори, въ Тифлисѣ».

друга; оффиціальныя бумаги, переведенныя съ одного языка на другой, состояли бо́льшею частью изъ безсмысленнаго набора словъ, и грузины, выходя изъ судовъ, не знали подчасъ, въ чью пользу рѣшено то или другое дѣло.

Къ этому неизбѣжному и неумышленному злу и безпорядкамъ вскорѣ присоединились и другаго рода злоупотребленія. Корень ихъ, главнымъ образомъ, заключался въ правѣ, предоставленномъ Кноррингу и Коваленскому «измѣнять по своему усмотрѣнію правила и инструкціи, на основаніи которыхъ должны были дѣйствовать мѣстныя управленія», хотя это было сдѣлано правительствомъ съ благою цѣлью не стѣснять означенныхъ лицъ буквальнымъ исполненіемъ данныхъ предписаній.

Съ отъѣздомъ главнокомандующаго, Коваленскій остался полновластнымъ правителемъ Грузіи и поспѣшилъ раздать всѣ видныя и выгодныя должности своимъ родственникамъ или людямъ, которые могли быть послушными орудіями его цѣлей. На томъ-же основаніи происходило обязательное, въ силу манифеста, назначеніе грузинскихъ князей и дворянъ въ составъ управленія. При этихъ условіяхъ злоупотребленія и безпорядки были неизбѣжны, и они начались со дня открытія «Верховнаго грузинскаго правительства».

Самъ Каваленскій почти никогда не бывалъ въ присутствіи; его примѣру слѣдовали и совѣтники экспедицій; всѣ дѣла поступали въ домашнюю канцелярію правителя, что́ давало ему полную возможность эксплуатировать вновь присоединенную страну въ свою пользу и по собственному усмотрѣнію. Домъ правителя былъ центромъ, откуда разсылались повелѣнія по всей Грузіи, распоряженія объ арестахъ, конфискаціи имущества, «обвѣщенія» жителямъ Карталиніи и Кахетіи о сборѣ податей. Хотя по манифесту 12 сентября 1801 года, «всѣ вносимыя подати, за покрытіемъ издержекъ на содержаніе правленія, слѣдовало употреблять въ пользу жителей, на возстановленіе разоренныхъ городовъ и селеній», но въ дѣйствительности собираемыя подати шли только на содержаніе правленія или, точнѣе, самого правителя, его родственниковъ и другихъ сообщниковъ.

Между тѣмъ, остальные гражданскіе чиновники по нѣсколько мѣсяцевъ не получали жалованья, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, не имѣя приличной одежды и обуви, перестали являться на службу. Въ томъ-же положеніи были и канцелярскіе служители, хотя на ихъ содержаніе назначена была особая сумма; между ними были, пови-

димому, и такіе, которые значились только на бумагѣ, судя по тому, что въ уголовной экспедиціи, во все правленіе Коваленскаго, не было вахмистра и сторожа, вслѣдствіе чего не мелись и не топились комнаты.

Никто не заботился о приведеніи въ извѣстность доходовъ страны; въ казенной экспедиціи, со дня ея открытія, ни разу не производилась повѣрка денежныхъ суммъ. Казна хранилась безъ караула, на квартирѣ Бегтабекова, богатаго тифлисскаго купца, выбраннаго въ казначеи самимъ Каваленскимъ, что̀ значительно упрощало для послѣдняго пользованіе казенными деньгами. Не довольствуясь этимъ, правитель Грузіи вошелъ въ сдѣлку съ тѣмъ-же Бегтабековымъ для искусственнаго пониженія цѣнности червонцевъ, которыми производилось жалованье войскамъ, затруднивъ размѣнъ ихъ на серебро, вслѣдствіе чего необходимые товары и жизненные припасы сразу поднялись въ цѣнѣ, что особенно тяжело отразилось на русскихъ солдатахъ.

Коваленскій въ данномъ случаѣ, подобно визирю Шамагулу въ первой части сатирическаго романа Нарѣжнаго, выказалъ себя не менѣе ловкимъ финансистомъ, какъ нѣкогда политикомъ при дворѣ грузинскаго царя Георгія XII. Другая крупная его спекуляція заключалась въ томъ, что онъ вознамѣрился скупить по дешевой цѣнѣ всю шерсть въ Грузіи, чтобы сбыть ее съ выгодою на суконную фабрику, которая въ это время строилась въ Тифлисѣ, и пріобрѣлъ такимъ образомъ до 15,000 пудовъ и т. д.

Естественно, что произволъ и злоупотребленія, которыя позволялъ себѣ Коваленскій, служили примѣромъ и поводомъ для такого же произвола и злоупотребленій со стороны остальныхъ высшихъ и низшихъ чиновниковъ. Они, въ свою очередь, позволяли себѣ всякіе, хотя и болѣе мелкіе поборы и всевозможныя притѣсненія жителямъ: при случаѣ, увозили женщинъ и дѣвушекъ изъ селеній; по своимъ прихотямъ брали подводы и лошадей, не платя прогоновъ, и пр. Правила, изложенныя въ инструкціи управѣ земской полиціи, бо̀льшею частью оставались безъ выполненія. Такъ, напримѣръ, не смотря на постановленіе о производствѣ слѣдствія на мѣстѣ происшествія, бывали примѣры, что жителей хватали по одному подозрѣнію и отправляли въ Тифлисъ съ связанными руками и веревками на шеѣ. Между прочимъ, два брата изъ грузинскихъ дворянъ по-

дали жалобы, что секретарь Душетскаго нижняго суда обидѣлъ ихъ «не токмо ругательствами, но и побоями».

Грузинамъ приходилось молча переносить все; жалобы ихъ оставались безъ послѣдствій, «ибо куда ни обращались они—вездѣ находили или родственниковъ Коваленскаго, или его приверженцевъ, коими онъ наполнилъ Верховное правительство».

Хотя надъ Коваленскимъ былъ учрежденъ высшій контроль, въ лицѣ начальника кавказской линіи и главнокомандующаго Кнорринга, но этотъ, проживая въ Кизлярѣ и Моздокѣ, относился безразлично къ тому, что дѣлалось въ Тифлисѣ, и ограничиваясь письменными сношеніями, не заботился о томъ, насколько выполнялись его резолюціи. При этомъ послѣднія не всегда были примѣнимы на практикѣ, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго случая.

Лазаревъ, пользуясь пріѣздомъ Кнорринга въ Тифлисъ, обратился къ нему съ вопросомъ: «Какъ многіе чиновники имѣютъ мѣста, единственно для собственнаго пропитанія имъ служащія, и берутъ со ввѣренныхъ имъ частей деньги и вещи безъ всякаго человѣчества, отчего всѣ жители Грузіи весьма претерпѣваютъ, то, дабы жители, а равно чиновники, никакихъ нуждъ не претерпѣвали, то какъ поступить въ семъ случаѣ?» Кноррингъ далъ на это такой отвѣтъ: «Чиновникамъ пользоваться содержаніемъ по прежнему, но не допускать злоупотребленій»... (17).

Такимъ образомъ, Кноррингъ, по равнодушію или непониманію возложенной на него задачи, если не является прямымъ участникомъ происходившихъ злоупотребленій, то, во всякомъ случаѣ, онъ въ значительной мѣрѣ способствовалъ имъ, вслѣдствіе своего бездѣйствія и безграничнаго довѣрія къ Коваленскому и его соумышленникамъ.

При этихъ условіяхъ, ни одно изъ повелѣній императора Александра I не было выполнено, и естественно, что грузины, не понимая настоящей причины своихъ новыхъ бѣдствій, стали относиться съ явнымъ недоброжелательствомъ къ русскому правительству. Въ разныхъ мѣстахъ начались волненія, которыми царевичи не замедлили воспользоваться для своихъ цѣлей; въ то-же время сосѣдніе горскіе народы возобновили свои набѣги на беззащитныя селенія. Особенно сильные безпорядки происходили въ Кахетіи и приняли характеръ открытаго неповиновенія властямъ.

Лазаревъ, узнавъ объ этомъ, пріѣхалъ къ Коваленскому, чтобы

посовѣтоваться съ нимъ относительно мѣръ къ умиротворенію края, но Коваленскій и въ данномъ случаѣ остался вѣренъ себѣ:

— «Опасаться нечего, возразилъ правитель Грузіи;—если-бы и въ самомъ дѣлѣ мятежъ возникъ, то, по моему мнѣнію, нельзя имѣть удобнѣйшаго случая къ полученію наградъ, за усмиреніе быть могущихъ. Потому желательно, чтобы что-нибудь случилось»... (18).

Между тѣмъ, вѣсти о происходившемъ въ Грузіи достигли Петербурга. Императоръ Александръ I призналъ необходимымъ немедленно отозвать отъ управленія краемъ генерала Кнорринга, смѣнить Коваленскаго и назначить главнокомандующимъ на Кавказѣ кн. Циціанова, человѣка съ сильнымъ характеромъ и испытанной честности, съ правомъ поступить съ бывшимъ правителемъ Грузіи по своему усмотрѣнію. Но кн. Циціановъ встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе со стороны Коваленскаго, который намѣренно тянулъ дѣло, и всѣ требованія кн. Циціанова оставлялъ безъ отвѣта, «предоставляя ему самому разобраться въ хаосѣ бездѣйствія и злоупотребленій «Верховнаго грузинскаго правительства». (19).

Нарѣжный не дождался конца этой борьбы и послѣдовавшаго затѣмъ суда надъ Коваленскимъ и, получивъ увольненіе отъ службы 14 мая 1803 года, выѣхалъ изъ Тифлиса. Такъ кончился тяжелый для него годъ службы на Кавказѣ...

VI.

Романъ Нарѣжнаго «Черный годъ или горскіе князья», по общему характеру и сложной любовной завязкѣ, принадлежитъ къ упомянутому нами (въ первой части) разряду романовъ съ приключеніями, по множеству всякихъ невѣроятныхъ похожденій, съ вставными случайными нравоученіями и съ благополучною неправдоподобною развязкою. Но, въ то-же время, романъ Нарѣжнаго рѣзко отличался отъ этого рода русскихъ романическихъ произведеній XVIII вѣка тенденціозностью, неизбѣжною въ сатирѣ, а также вѣрнымъ изображеніемъ мѣстности, нравовъ и обычаевъ описываемой страны. Хотя авторъ, въ этомъ отношеніи, позволяетъ себѣ подъ-часъ разныя фантазіи въ духѣ времени, но, во всякомъ случаѣ, этнографическій элементъ романа тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что всѣ слова, названія и обычаи, непонятныя для русской публики объяснены въ примѣчаніяхъ. Мы коснемся, преимущественно, сати-

рической части «Чернаго года», которая тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что это была первая попытка самобытнаго сатирическаго романа въ нашей литературѣ.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ романѣ «Черный годъ или горскіе князья» является молодой осетинскій князь Кайтукъ, отъ лица котораго ведется весь разсказъ. Авторъ изобразилъ въ немъ типъ кавказскаго владѣтельнаго князя, простодушнаго и невѣжественнаго, но гордаго своимъ высокимъ происхожденіемъ, „обширнымъ владѣніемъ, имѣвшимъ около двадцати стадій въ окружности, подданными, которыхъ было не менѣе ста домовъ, имуществомъ, состоящимъ изъ горскихъ лошадей, рогатаго скота и двухъ верблюдовъ".

Верховный жрецъ мѣстныхъ боговъ, Маркубъ, предсказалъ при рожденіи князя Кайтука, что двадцать пятый годъ его жизни будетъ для него черным ъ годомъ, во время котораго его постигнутъ разныя бѣдствія. Дѣйствительно, на второй-же день своего двадцатипятилѣтія князь Кайтукъ лишился отца и вступилъ на престолъ; но онъ не считалъ второе событіе особенно бѣдственнымъ для себя, и поэтому отнесся презрительно къ предостереженіямъ верховнаго жреца, который, напомнивъ ему о «черномъ годѣ», предлагалъ средства искупленія.

Также высокомѣрно принялъ князь Кайтукъ посла великаго тибетскаго Далай-ламы, уважаемаго во всей Азіи, который явился къ нему съ требованіемъ ежегодной дани для своего владыки, обѣщая, что въ этомъ случаѣ безсмертный Далай-лама дозволитъ ему «дѣлать что угодно, не опасаясь мщенія ни отъ боговъ, ни отъ человѣковъ: смѣло отнимать у подданныхъ дочерей, грабить свѣтлѣйшихъ князей, присвоивать себѣ ихъ владѣнія» и пр., и грозилъ, въ случаѣ непослушанія, вѣчнымъ проклятіемъ. Но вмѣсто установленнаго обычаями почетнаго пріема посла и подарковъ, князь Каутукъ, не помня себя отъ гнѣва, соскочилъ съ высокихъ козелъ, покрытыхъ пестрымъ ковромъ, которыя служили ему престоломъ и, «отвѣсивъ дюжину ударовъ въ спину посла, велѣлъ стражѣ проводить его плетьми до границы осетинскихъ владѣній». Верховный жрецъ, сурово смотрѣвшій на эту сцену, сталъ было доказывать беззаконіе подобнаго поступка съ посломъ «перваго жреца въ подсолнечной», но князь Кайтукъ приказалъ вытолкать его въ шею...

Здѣсь авторъ, повидимому, рисуетъ первые моменты водворенія

русскаго господства въ Грузіи, которые были ознаменованы, какъ мы видѣли выше, такимъ-же полнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ мѣстнымъ обычаямъ и понятіямъ народа, въ видѣ насильственной присяги, арестовъ и безцеремоннаго обращенія съ лицами царскаго грузинскаго дома.

Послѣ упомянутыхъ подвиговъ, князь Кайтукъ, подобно правителю Грузіи, Коваленскому, тотчасъ-же приступилъ къ назначенію сановниковъ и устройству «великокняжескаго двора своего».

Онъ началъ съ того, что, въ подражаніе великолѣпному астраханскому хану Болванъ-дулу, «одного изъ вельможъ двора своего нарекъ визиремъ или верховнымъ министромъ, другаго сардаромъ—военачальникомъ, третьяго назиромъ—казнохранителемъ. Первый отправлялъ дѣла внутреннія и заграничныя, второй предводительствовалъ войскомъ, третій завѣдывалъ государственными доходами и расходами».

Каждое утро князь Кайтукъ посѣщалъ чертогъ совѣта, гдѣ его ожидали означенные совѣтники съ знатнѣйшими подданными. Съ его появленіемъ начиналось приготовленіе шашлыка и вкушеніе просяной водки, что, очевидно, служитъ опять-таки пародіею на домашній способъ веденія дѣлъ Коваленскимъ, который, вѣроятно, никогда не измѣнялъ адмиральскому часу, судя по тому, что на первой-же аудіенціи у грузинской царицы, въ опредѣленное время потребовалъ себѣ водки. Во всякомъ случаѣ, въ романѣ Нарѣжнаго, всѣ засѣданія совѣта князя Кайтука начинаются завтракомъ и сопровождаются обильными изліяніями водки, которая оказываетъ самое благотворное дѣйствіе при рѣшеніи дѣлъ.

Визирь Шамагулъ занимаетъ первое мѣсто въ совѣтѣ и, въ качествѣ ловкаго политика, является наставникомъ своего повелителя, «въ высокомъ искусствѣ управлять мудро подвластными народами». Хотя авторъ нигдѣ не придерживается фотографической точности и, рисуя общій характеръ тогдашняго управленія Грузіи попеременно выводитъ на сцену князя Кайтука и визиря Шамагула, но въ лицѣ послѣдняго преимущественно изображенъ самъ Коваленскій. Визирь Шамагулъ живо напоминаетъ правителя Грузіи своимъ пренебреженіемъ къ мѣстнымъ обычаямъ, нововведеніями, имѣвшими цѣлью умноженіе казны княжеской, и особенною изобрѣтательностью въ данномъ направленіи, между тѣмъ какъ князь Кайтукъ только послушное орудіе въ рукахъ визиря.

Во всѣхъ затрудненіяхъ, молодой князь обращается къ визирю Шамагулу, который, находя, что «въ важныхъ случаяхъ медленность пагубна», неизмѣнно произноситъ быстрое рѣшеніе. Такъ, напримѣръ, верховный жрецъ, вслѣдствіе нанесенной ему обиды, велѣлъ запереть храмъ, въ которомъ должно было совершаться поклоненіе богамъ; знакомъ наложеннаго запрещенія служила нагайка, положенная у порога. Въ первую минуту князь Кайтукъ, видя уныніе собравшейся толпы, пришелъ въ замѣшательство; но тутъ-же, по совѣту визиря, приказалъ выломать двери храма, самъ облачился въ одежду верховнаго жреца и вмѣсто него отправилъ служеніе въ честь боговъ Макука и Кукама.

По окончаніи церемоніи, князь Кайтукъ, въ оправданіе принятой имъ мѣры, поручилъ своему визирю объявить народу въ тонѣ упомянутыхъ «обвѣщеній» Коваленскаго, что «мѣра, имъ принимаемая, клонится ни къ чему иному, какъ только къ возвеличенію во всей подсолнечной славнаго имени осетинцевъ, подъ правленіемъ его благоденствующихъ; къ вразумленію народовъ сосѣднихъ, къ увѣренію народовъ отдаленныхъ, что съ симъ поступкомъ нераздѣльно соединены честь, слава и счастіе его народовъ», и пр. (ч. I, стр. 28—29, изд. 1829 г.).

Въ тотъ-же вечеръ, во время пиршества, когда всѣ гораздо были веселы, князь спросилъ своихъ совѣтниковъ: какимъ-бы образомъ предъ взоромъ потомства увѣковѣчить память незабвеннаго дня сего? Всѣ принялись усердно думать, но, по обыкновенію, отвѣтилъ одинъ визирь Шамагулъ, и заявилъ, что такъ какъ нагайка, лежавшая у дверей храма, была главною причиною случившагося, то не благоугодно-ли будетъ князю «учредить, по примѣру нѣкоторыхъ владѣтелей, особенный орденъ и наименовать оный орденомъ нагайки... Симъ, добавилъ онъ,—пріобрѣтешь ты почтеніе отъ потомства, яко первый изобрѣтатель такого общеполезнаго заведенія и передашь въ сохраненіе ему свое имя».

Это предложеніе привело въ такой восторгъ князя Кайтука, что онъ, назвавъ визиря «величайшимъ изъ политиковъ во всѣхъ ущельяхъ Кавказа», объявилъ, что на цѣлыхъ три дня увольняетъ его отъ присутствія на совѣтахъ. Здѣсь, повидимому, заключается намекъ на Верховное грузинское правительство, гдѣ члены совѣта, слѣдуя примѣру Коваленскаго, подъ разными предло-

гали, избавляли себя отъ необходимости присутствовать въ засѣданіяхъ.

Затѣмъ, авторъ изображаетъ въ каррикатурномъ видѣ княжескій судъ надъ молодымъ горцемъ Науромъ, гдѣ половина пени вносится въ казну князя, «въ вознагражденіе той скуки, какую ему довелось терпѣть при разборѣ дѣла». Тѣмъ не менѣе, князь Кайтукъ убѣжденъ, что все идетъ прекрасно, и заявляетъ, что «весь народъ доволенъ его судами, а вельможи не могутъ нахвалиться его угощеніями».

Но вскорѣ его душевный покой нарушенъ: онъ влюбляется въ прекрасную Сафиру, дочь сосѣдняго князя Мирзабека, и узнаетъ, къ своему величайшему огорченію, что она помолвлена за молодаго князя Кубаша; но визирь Шамагулъ, считая, что «для истиннаго политика нѣтъ ничего невозможнаго», совѣтуетъ своему повелителю захватить обманомъ нареченнаго жениха Сафиры и засадить въ землянку. Планъ этотъ выполненъ настолько успѣшно, что таинственное исчезновеніе князя Кубаша не возбудило ничьихъ подозрѣній [1]). Князь Кайтукъ хотѣлъ воспользоваться удаленіемъ соперника, чтобы возобновить сватовство; но визирь убѣдилъ его повременить съ этимъ дѣломъ, пока не поспѣютъ орденскія нагайки, говоря, что онъ тогда самъ отправится къ князю, вручитъ ему знаки ордена и подниметъ вопросъ о бракѣ.

Наконецъ, изъ Моздока, (мѣстопребываніе главнокомандующаго Кнорринга), явился посланный «съ прекраснѣйшими въ свѣтѣ нагайками». По этому случаю собрался Верховный совѣтъ и были прочтены статьи вновь учреждаемаго ордена, сочиненныя визиремъ. Князю Кайтуку особенно понравилась 11-я статья устава, по которой всякій кавалеръ, получившій знаки ордена, долженъ былъ внести въ княжескую казну десять юзлуковъ [2]), и тутъ же велѣлъ прибавить 12-ю статью, что «князь властенъ жаловать одного и того же

---

[1]) Случай этотъ, вѣроятно, приведенъ Нарѣжнымъ въ виду безцеремонныхъ поступковъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ чиновниковъ, которые открыто увозили изъ селеній женщинъ и дѣвушекъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ акты кавказской археологической комиссіи (т. II). При этихъ условіяхъ, могли быть примѣры насильственнаго удаленія безпокойнаго соперника, о которыхъ могъ слышать Нарѣжный.

[2]) Юзлукъ, по объясненію автора, «персидская монета, равная нашему рублю мѣдью».

человѣка кавалеромъ столько разъ, сколько государственная польза того потребуетъ»...

На слѣдующее утро «звуки трубъ и бубновъ» возвѣстили начало великаго торжества открытія ордена нагайки, которое должно было произойти на косогорѣ передъ дворцомъ, въ присутствіи всего народа. Торжество это въ романѣ, по общему характеру, служитъ, повидимому, пародіею на церемонію открытія верховнаго грузинскаго правительства, насколько можно судить по современнымъ описаніямъ.

По прибытіи князя и его совѣтниковъ, визирь прочелъ во всеуслышаніе уставъ ордена, съ прибавленіемъ 13-й статьи, придуманной имъ ночью, «во время безсонницы», гдѣ изложены были преимущества кавалеровъ ордена передъ не-кавалерами, которыя несомнѣнно представляютъ пародію на незаконныя привиллегіи, которыми пользовались родственники и приверженцы Коваленскаго, къ ущербу остальныхъ жителей. При этомъ, въ романѣ «не-кавалерамъ вмѣнялось въ обязанность переносить безропотно всякія несправедливости и притѣсненія отъ кавалеровъ ордена, подъ страхомъ пени; но по уплатѣ «двойнаго противъ устава количества юзлуковъ, они могли исходатайствовать и себѣ отъ князя орденъ, и тогда свободно пользоваться общими правами».....

Князь приступилъ къ собственноручной раздачѣ орденскихъ нагаекъ. Одинъ визирь съ веселымъ лицомъ выгнулъ спину и, принявъ дюжину ударовъ, которые по уставу были обязательны для каждаго дѣйствительнаго члена ордена, внесъ положенныя деньги. Остальные молча послѣдовали его примѣру, хотя съ видимымъ неудовольствіемъ. Но страженачальникъ Баширъ оказалъ открытое сопротивленіе, говоря, что не имѣетъ охоты «платить десять юзлуковъ за бездѣлицу, которая съ доставкой обошлась не болѣе одного.» Князь Кайтукъ, разгнѣванный подобной дерзостью со стороны подданнаго, объявилъ, что если страженачальникъ «не хочетъ добровольно имѣть честь быть кавалеромъ и дать въ казну десять юзлуковъ, то онъ считаетъ обязанностью насильно почтить его симъ отличіемъ»,—и тутъ-же отдалъ приказъ пригнать изъ его сараевъ пять самыхъ жирныхъ барановъ. Затѣмъ началось пиршество, которое продолжалось до глубокой ночи.

Прошло довольно много времени послѣ этого событія, «неслыханнаго на горахъ кавказскихъ», и князь Кайтукъ отправилъ пос-

ловъ съ орденскими нагайками къ двумъ сосѣднимъ князьямъ Мирзабеку (отцу Сафиры) и Кунаку (отцу пропавшаго князя Кубаша). Но вмѣсто благодарности за оказанную имъ честь, «непросвѣщенные» князья, принявъ за личное оскорбленіе посылку орденской нагайки, не только употребили ее какъ орудіе для наказанія, но еще приказали выпроводить обоихъ пословъ за границу своихъ владѣній.

Князь Кайтукъ пришелъ въ бѣшенство отъ такого неожиданнаго исхода своего посольства и поклялся, что «это не пройдетъ даромъ бездѣльникамъ и что онъ подумаетъ на досугѣ о способѣ отомщенія». Но такъ какъ онъ самъ не могъ придумать ничего путнаго, то на слѣдующее утро, явившись въ совѣтъ, предложилъ своимъ вельможамъ рѣшеніе вопроса. Мнѣнія ихъ раздѣлились: одинъ визирь Шамагулъ доказывалъ необходимость кровопролитной войны, разсчитывая, что его дѣло визирское и онъ долженъ воевать политически, т. е. языкомъ; остальные совѣтники были противъ войны, «смекнувъ, вѣроятно, что пріятнѣе ѣсть шашлыкъ и запивать водкою, чѣмъ напрасно проливать кровь свою и чужую». На ихъ сторонѣ былъ храбрый военачальникъ Бектемиръ, который, при своемъ мирномъ характерѣ ненавидѣлъ войну, и заявилъ, что, по его мнѣнію, нужно послѣдовать примѣру просвѣщенныхъ народовъ, у которыхъ, «если выйдетъ распря, то прежде объявленія войны, половина, почитающая себя обиженною, сносится съ другою и требуетъ возможнаго удовлетворенія»...

Предложеніе это было съ радостью принято княземъ; но оказалось безполезнымъ, потому что вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе, что князь Кунакъ «началъ имѣть подозрѣніе на князя Кайтука въ погубленіи сына его Кубаша», а потому приготовился отомстить за сію обиду и «уже собралъ до пятидесяти человѣкъ вооруженныхъ ратниковъ».

Совѣтники оторопѣли при такой неожиданной новости и смиренно ожидали рѣшенія князя, который «по довольномъ размышленіи, надувалъ для важности щеки и, представя себя охриплымъ, сказалъ: Для меня столь-же опасенъ Кунакъ, «какъ моя цѣпная собака... Но вотъ обстоятельство, заставившее меня позадуматься: воинъ, объявилъ, что у Кунака всѣ ратники вооружены исправно, а наши почти всѣ, кромѣ орденскихъ нагаекъ, ничего не имѣютъ... А гдѣ возьмемъ оружіе? У меня въ казнѣ крайнее оскуденіе, ибо я

поновилъ храмъ боговъ, княжескій дворецъ и жреческое облаченіе. Посудите, чего все это стоило, не говоря уже о вседневномъ домашнемъ расходѣ»...

Положеніе было довольно затруднительное, но обычная изобрѣтательность не измѣнила визирю и въ данномъ случаѣ. Онъ поспѣшилъ успокоить князя обѣщаніемъ «умножить казну его седмерицею», и, оставшись наединѣ съ нимъ, изложилъ свой планъ... «Изволь выслушать, сказалъ визирь,—съ каждаго кавалера получаешь ты по уставу десять юзлуковъ, а у тебя остается еще въ запасѣ тридцать нагаекъ. Завтра произведемъ столько-же новыхъ рыцарей, а старыхъ лишимъ ордена, дабы черезъ два часа опять раздавать оные и получать подать.. Такъ судитъ визирь Шамагулъ, такъ должна судить здравая политика и такъ она всегда судила» (ч. I, стр. 118).

На слѣдующій день, мудрый визирь приступилъ къ осуществленію своего плана. При этомъ нѣкоторыхъ насильно посвящали въ рыцари, и за неплатежъ брали козловъ и барановъ; а стражена-чальникъ за свое упорство, сверхъ того, получилъ дюжинъ пять ударовъ въ спину. «Въ народѣ родился ропотъ; но князь Кайтукъ мало о томъ заботился, особливо видя, что княжеская его казна гораздо растолстѣла».

Затѣмъ слѣдовали неудачи: князь Кунакъ согласился дать перемиріе только на три дня; а воины, посланные для закупки и кражи оружія, вернулись съ пустыми руками.

Князь Кайтукъ былъ сильно опечаленъ этимъ, но, по совѣту визиря, велѣлъ немедленно собраться всѣмъ, которые способны носить оружіе, объявилъ имъ о предстоящей войнѣ и, отдавъ приказъ взамѣнъ оружія вооружиться дубинами, обѣщалъ послѣ побѣды дать имъ дозволеніе «три часа грабить княжество Кунака, дѣлать кому заблагоразсудится насилія, а старыхъ и молодыхъ брать къ плѣнъ». Надежда на поживу такъ воодушевила воиновъ, что они бросились домой за топорами, и минутъ черезъ десять явились изъ сосѣдней буковой рощи «съ страшными дубинами, храбро ими помахивали и пріятный свистъ въ воздухѣ раздавался. Князь Кайтукъ улыбался, взирая на ихъ мужество [1])»...

[1]) Здѣсь авторъ, очевидно, изображаетъ бывшее грузинское войско, составленное изъ поселянъ, о которомъ ген. Лазаревъ даетъ слѣдующій отзывъ въ своемъ письмѣ къ Кноррингу отъ 4 августа 1800 года: «На грузинъ надѣ-

Далѣе слѣдуетъ въ романѣ описаніе приготовленій къ битвѣ и полнаго пораженія осетинскаго войска, которое разсѣялось въ разныя стороны; храбрый военачальникъ Бектемиръ и мудрый визирь Шамагулъ едва-ли не первые обратились въ бѣгство. Князь Кайтукъ «тщетно пытался воротить ихъ воплемъ своимъ, и остался одинъ съ своимъ отчаяніемъ». Ему ничего не оставалось, какъ послѣдовать примѣру своихъ «ретивыхъ воителей»: онъ бросился бѣжать безъ оглядки и наконецъ, упавъ на землю отъ изнеможенія, пробылъ въ этомъ положеніи всю ночь и часть утра...

Этимъ, собственно, кончается первая, наиболѣе рельефная и законченная часть романа «Черный годъ или горскіе князья», гдѣ аналогія между правленіемъ князя Кайтука и такимъ-же кратковременнымъ правленіемъ Коваленскаго кажется намъ достаточно очевидною.

VII.

Остальныя три части романа «Черный годъ или горскіе князья» имѣютъ болѣе общій характеръ и посвящены описанію дальнѣйшихъ похожденій князя Кайтука и его бывшихъ совѣтниковъ: Шамагула и Бектемира, въ несуществующемъ астраханскомъ ханствѣ, гдѣ весь внутренній строй и правленіе представляютъ порядки той-же Грузіи и сосѣднихъ съ нею государствъ. Но и здѣсь, не смотря на грубую, подчасъ утрированную каррикатуру и разныя приключенія, утомительныя для нынѣшняго читателя, отвыкшаго отъ этого рода романическихъ произведеній, встрѣчаются прекрасныя описанія, мѣтко очерченные характеры, гдѣ выступаетъ сатирическій талантъ автора и своеобразный, свойственный ему юморъ.

Князь Кайтукъ, какъ герой романа, является вездѣ дѣйствующимъ лицомъ; но ему теперь отведена второстепенная роль и на сцену выступаетъ «великолѣпный» астраханскій ханъ Самсутдинъ, который, по своей неподвижности, бездѣйствію и равнодушію къ дѣламъ управляемаго государства, въ общихъ чертахъ настолько напоминаетъ главнокомандующаго Кнорринга, что едва-ли можно

яться нечего, у нихъ на 10 человѣкъ два ружья, а прочіе вооружены кизилевыми обожженными палками, да и къ тому-же присовокупить должно, что здѣсь внутренній безпорядокъ» .. «Ист войны и вл. рус.» Н. Ѳ. Дубровина, III, стр. 306.

сомнѣваться въ ихъ тождествѣ. Отношенія хана къ окружавшимъ его вельможамъ тѣ-же, что и главнокомандующаго къ Коваленскому и другимъ членамъ «Верховнаго грузинскаго правительства»; онъ также всецѣло предоставляетъ своимъ приближеннымъ эксплуатировать раззоренную страну для ихъ своекорыстныхъ цѣлей, и, подобно Кнorрингу, пассивно изъявлять свое согласіе, въ большинствѣ случаяхъ не вникнувъ въ сущность дѣла и не замѣчая противорѣчій въ заявленныхъ мнѣніяхъ. Ханъ Самсутдинъ облеченъ такою-же неограниченною властью, какъ и Кноррингъ, но по своему апатичному характеру, равнымъ образомъ, не пользуется ею и только представляетъ собою послушное оружіе въ рукахъ любимцевъ, которымъ оказываетъ безусловное довѣріе.

Тѣмъ не менѣе, наивный осетинскій князь Кайтукъ, послѣ бѣгства изъ собственнаго княжества и разныхъ похожденій въ Кабардѣ, предпринимаетъ далекое путешествіе въ Астрахань, въ надеждѣ, что «кроткій и могущественный» ханъ Самсутдинъ дастъ ему денегъ и войска, чтобы завоевать обратно утраченныя имъ владѣнія. Но эта надежда, какъ видно изъ дальнѣйшаго хода романа, оказывается такою-же обманчивою, какъ надежды грузинскихъ царевичей и другихъ лицъ, притѣсняемыхъ Коваленскимъ, которые не разъ обращались къ заступничеству главнокомандующаго Кнорринга.

Князь Кайтукъ, во время пути, останавливается для отдыха въ Моздокѣ, областномъ городѣ астраханскаго ханства, и впервые получаетъ понятіе о ханскихъ намѣстникахъ, величаемыхъ «мурзами». Татаринъ, къ которому онъ обратился за объясненіями, даетъ такой отвѣтъ: «Мурза есть начальникъ какого-нибудь улуса, и за вѣрную службу астраханскому хану получаетъ въ непосредственное управленіе какой-нибудь городъ, съ принадлежащею ему округою. Доходы правда, должны принадлежать хану: но мурзы обыкновенно такъ благоразумны, что умѣютъ съ нимъ дѣлиться, и увѣривъ его въ безпримѣрномъ своемъ безкорыстіи, получаютъ въ награду, время отъ времени, дорогія сабли, вооруженія, золотыя и серебряныя цѣпи. Власть каждаго такого мурзы почти неограниченна, а особливо моздокскаго, ибо онъ отдаленнѣе кизлярскаго и наурскаго отъ Астрахани...» (ч. II, стр. 12—13).

Далѣе авторъ приводитъ наглядный примѣръ злоупотребленій въ судахъ, которыя онъ могъ достаточно видѣть въ Грузіи. Князь Кайтукъ и въ этомъ случаѣ является дѣйствующимъ лицомъ: онъ узнаетъ

случайно, что его бывшіе совѣтники, Шамагулъ и Бектемиръ, заключены въ моздокской городской тюрьмѣ, вслѣдствіе жалобы, поданной на нихъ евреемъ Еліасомъ, и что мѣстный мурза Габидулъ уже приговорилъ ихъ къ тѣлесному наказанію. Князь Кайтукъ спѣшитъ на выручку своихъ друзей, врывается безъ доклада въ жилище мурзы и, не обращая вниманія на его гнѣвъ, начинаетъ излагать свою просьбу:

«Великодушный судья! сказалъ онъ,—по высокому повелѣнію твоему, содержатся здѣсь въ тюрьмѣ два осетинца крайніе мои пріятели... Извѣстно мнѣ, что твое великолѣпіе осудилъ ихъ кое за что,—ибо настоящая вина мнѣ неизвѣстна,—на палочные удары по подошвамъ, и усугубило число ударовъ за двадцать юзлуковъ жидовскихъ! Внемли, судія безпристрастный, даруй свободу друзьямъ моимъ—и я предлагаю тебѣ столько-жъ. Но чтобы и жидъ Еліасъ помнилъ сіе происшествіе, то я удвояю число юзлуковъ, прося тебя повелѣть отсчитать по пятамъ его добрую сотню ударовъ».

Послѣ этой «разительной» рѣчи, князь Кайтукъ вынулъ сорокъ юзлуковъ и со смиреніемъ смотрѣлъ въ землю. Мурза, принявшій въ началѣ словъ просителя грозный видъ, при концѣ ихъ осклабился и, подобно матери, съ нѣжностью смотрящей на провинившееся дитя свое, взглянулъ на отверстую руку и, обратясь къ стоявшему возлѣ него муллѣ, спросилъ:

«Ты какъ думаешь, угодникъ пророка»?

— «Надобно признаться, отвѣтилъ сей, съ таинственною важностью,—что чужестранецъ говоритъ неглупо... Но изъ сорока сихъ юзлуковъ, половину ты возьмешь себѣ, а другую отдашь на заштопаніе дыряваго занавѣса въ нашей мечети».

«Такъ, сказалъ мурза, протянувъ руку къ просителю, въ которую этотъ съ почтительнымъ поклономъ положилъ юзлуки свои, — такъ! занѣса требуетъ починки, но думаю, что для заштопанья дыры, какова-бы ни была она, довольно въ наше дешевое время и пяти юзлуковъ».

При этихъ словахъ онъ отсчиталъ муллѣ означенную сумму и, подавая своему писцу еще два юзлука, сказалъ:

— «Сейчасъ приготовь повелѣнія: одно объ освобожденіи двухъ осетинцевъ изъ темницы, а другое о преданіи истязанію жида Еліаса; сей и подлинно великій богохульникъ»!

Скоро повелѣнія были готовы; мурза приложилъ къ нимъ перстнемъ своимъ печать и, подавъ одно просителю, сказалъ:

«Покажи эту бумагу тюремному приставу, и друзья твои на волѣ. Алла да управитъ стопы твои...» (ч. II, стр. 25—29).

Далѣе въ романѣ описана сходная съ этою сцена вымогательства со стороны тюремнаго пристава, который только, послѣ полученія достаточнаго количества юзлуковъ, соглашается выполнить порученіе мурзы и освободить заключенныхъ горцевъ. Князь Кайтукъ, во избѣжаніе новыхъ приключеній, спѣшитъ вывести своихъ друзей за стѣны города; и они втроемъ пускаются въ путь, въ надеждѣ, что съ прибытіемъ въ Астрахань «наступитъ конецъ ихъ бѣдствіямъ».

Въ Кизлярѣ предпріимчивый Шамагулъ едва не подвергся ослѣпленію; но при своей обычной находчивости вывернулся изъ бѣды, объявивъ окружавшимъ его магометанамъ о своемъ намѣреніи перейти въ ихъ вѣру. Это заявленіе съ радостью принято благочестивымъ кизлярскимъ мурзою, который отдаетъ приказъ отвести приличное помѣщеніе будущему мусульманину и его спутникамъ, и доставлять безплатно изъ лавокъ все, что они потребуютъ. Но съ прибытіемъ имама, который долженъ былъ наставить язычника въ правилахъ новой вѣры, все измѣнилось. Шамагулъ оставилъ своихъ друзей и, «набравшись съ избыткомъ просвѣщенія», провозглашенъ муфтіемъ въ главной мечети, а затѣмъ отправился ко двору астраханскаго хана, въ сопровожденіи мурзы и многолюдной свиты.

Князь Кайтукъ глубоко возмущенъ измѣною своего бывшаго визиря, но, уступая убѣжденіямъ Бектемира, соглашается продолжать путь.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Астрахани они встрѣчаютъ Сафиру, которую вели, въ качествѣ невольницы, въ столицу ханства, гдѣ она должна была украсить собою гаремъ «велелѣпнаго» хана Самсутдина. Князь Кайтукъ, какъ герой романа, храбро выступаетъ на защиту своей возлюбленной, не смотря на численное превосходство непріятеля, отсѣкаетъ ухо у ханскаго посланнаго Гассана; но тутъ-же падаетъ раненый и лишается чувствъ. Наконецъ, онъ приходитъ въ себя и видитъ при свѣтѣ тусклой лампады, что его заключили въ узкую темницу, съ низкими каменными сводами.

Недѣли двѣ спустя, когда раны его настолько зажили, что онъ могъ держаться на ногахъ, къ нему въ темницу вошли шесть вои-

новъ, съ длинными бердышами, и предводитель ихъ объявилъ, что поведетъ преступника въ палату совѣта, такъ какъ дѣло его показалось настолько «замысловатымъ», что будетъ разбираться въ присутствіи хана и его совѣтниковъ.

Затѣмъ, въ романѣ слѣдуетъ подробное описаніе верховнаго астраханскаго судилища, гдѣ князь Кайтукъ въ числѣ судей увидѣлъ своего бывшаго визиря Шамагула, облеченнаго въ священное званіе великаго муфтія, который на совѣтѣ ханскомъ является такимъ-же мудрымъ политикомъ, какъ въ былыя времена, и находитъ еще болѣе широкое примѣненіе для своихъ природныхъ дарованій. Что касается хана Самсутдина, то онъ остается вѣренъ тому характеру, какой повидимому, хотѣлъ придать ему авторъ: ханъ, присутствуя въ совѣтѣ, выказываетъ полное безучастіе къ тому, что происходитъ вокругъ него, торопится окончить засѣданіе и велитъ исполнить приговоръ, который еще не былъ произнесенъ въ виду разногласія въ заявленныхъ мнѣніяхъ. Съ такимъ-же безучастіемъ, какъ мы указывали выше, относился Кноррингъ къ дѣламъ управляемой имъ Грузіи, такъ что, по всѣмъ даннымъ, въ большинствѣ случаевъ, онъ велъ себя также пассивно, какъ и ханъ Самсутдинъ, потому что при другихъ условіяхъ трудно допустить, чтобы Коваленскій могъ въ такой степени пользоваться его именемъ для разныхъ злоупотребленій.

Но авторъ, быть можетъ, съ цѣлью бо̀льшаго прикрытія сатиры, изобразилъ хана Самсутдина, въ видѣ неограниченнаго азіятскаго властелина, изнѣженнаго, неподвижнаго и неумѣреннаго въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Въ этомъ отношеніи для хана не существуетъ никакихъ преградъ; онъ позволяетъ себѣ всякія сумасбродства, «коими, по замѣчанію автора, питаются души праздныя, изможденныя, не находящія себѣ пищи, и, такъ сказать, умирающія съ голоду, бывъ закупорены въ жирныхъ тулукахъ тѣлесныхъ...» Наружность хана Самсутдина соотвѣтствовала его внутреннимъ качествамъ: князь Кайтукъ, войдя въ палатку совѣта, увидѣлъ противъ дверей на диванѣ «огромное, толстое, темнолицее чудовище, съ мутными, опухшими глазами». Это былъ велелѣпный астраханскій ханъ. Онъ курилъ кальянъ, холодными глазами смотрѣлъ во всѣ стороны и, казалось, ничего не видѣлъ.

Когда ввели преступника, ханъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой объяснилъ, что «обязался великому пророку священною

клятвою не принимать каждый день пищи и питья, пока не окажетъ кому-либо изъ своихъ подданныхъ правосудія»; а такъ какъ онъ уже чувствуетъ порядочный позывъ на ѣду и желаетъ съ чистою совѣстью приступить къ трапезѣ, то предлагаетъ изложить дѣло «вкратцѣ».

Дѣло объ отсѣченіи Гассанова уха было тотчасъ-же доложено, и ханъ, закативъ подъ вѣки глаза свои, со вздохомъ произнесъ:

— «Разберите дѣло до пряма, объявите мнѣ назначеніе ваше, и я, вдохновенный пророкомъ, произнесу приговоръ правосудія, столько мнѣ любезнаго!»

Но въ совѣтѣ произошло разногласіе: сардаръ Ишмуратъ заявилъ, что «тутъ много думать нечего!», что слѣдуетъ «задорнаго язычника наверху главной мечети повѣсить вверхъ ногами и колотить по подошвамъ до тѣхъ поръ, пока не околѣетъ!» Визирь Батырша возсталъ противъ этого рѣшенія и сказалъ, что по его мнѣнію, слѣдовало-бы «нечестивца сего на большомъ астраханскомъ майданѣ (площади) посадить живого на колъ, или, закупоря въ мѣшокъ, пустить въ море»...

«Ханъ, въ свою очередь также задумался, устремя къ потолку мутныя очи свои; потомъ, обратясь величественно къ собранію, протяжно прошипѣлъ: сіе выполнить!»

Тутъ поднялся онъ съ дивана и, опираясь на визиря и сардара, вышелъ изъ палаты совѣта.

Послѣ удаленія хана, старый назиръ Туймакъ, пасмурно взглянувъ на собраніе, поднялъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ исполнить въ точности повелѣніе ханское и въ чемъ заключается сіе?

— «Повѣсить узника на мечети и забить до смерти палками; далѣе, посадить живаго на колъ, наконецъ, также живаго, закупорить въ мѣшокъ и кинуть въ море!.. Вопрошаю весь высокопросвѣщенный совѣтъ, добавилъ онъ,—какъ все это привести въ дѣйствіе съ однимъ человѣкомъ?..»

Совѣтъ долго хранилъ глубокое молчаніе, вслѣдствіе чего Гассанъ, изъ ненависти къ врагу своему, рѣшилъ заявить собранію о придуманномъ имъ рѣшеніи, по которому къ преступнику можно было-бы примѣнить всѣ три казни: бить палками до полусмерти, легонько посадить на колъ, а затѣмъ уже бросить въ море, и что для этого нужно только найти искусныхъ исполнителей»...

«Высокопочтенные мужи въ знакъ согласія мотали головами» и

одинъ изъ нихъ произнесъ, что «въ такомъ затруднительномъ дѣлѣ поступить догадливѣе едва-ли можно, и остается мнѣніе Гассана привести въ исполненіе». Но тутъ вмѣшался великій муфтій Шамагулъ и посовѣтовалъ повременить съ выполненіемъ казни, говоря, что «легко станется и теперь, какъ случалось прежде, что ханъ и вельможи къ завтрашнему дню совсѣмъ забудутъ о сегодняшнемъ рѣшеніи и дадутъ новое, исполненіе коего не будетъ столько затруднительнымъ». (ч. Ш, стр. 88—102).

Все собраніе опять-таки единогласно подтвердило рѣшеніе мудраго Шамагула, послѣ чего князя Кайтука повели обратно въ темницу. Здѣсь ежедневно навѣщаетъ его великій муфтій Шамагулъ, который, не забывая собственныхъ выгодъ, пускаетъ въ ходъ всю изворотливость своего ума, чтобы возвратить свободу своему бывшему повелителю и успокоить его относительно участи Сафиры.

Случай къ этому скоро представился: ханъ Самсутдинъ, во время вечерняго пиршества, оставшись наединѣ со своими приближенными, обратился ко ихъ помощи и совѣту, по поводу прекрасной горской невольницы, съ которою «онъ видѣлся каждый свободный часъ и не могъ склонить на соотвѣтствіе страстной любви своей».

Визирь и сардаръ совѣтовали употребить насиліе, но муфтій Шамагулъ былъ того мнѣнія, что можно достигнуть цѣли инымъ способомъ. Онъ заявилъ, что, если ему и его товарищамъ, визирю и сардару, дозволено будетъ во всякое время видѣть прекрасную язычницу и бесѣдовать съ нею, то въ три мѣсяца они съумѣютъ обратить ее въ правовѣріе и расположить ея сердце въ пользу хана.

Мутныя очи ханскія прояснились, и на поблеклыхъ ланитахъ его показались багровыя пятна...

— «Теперь ясно вижу, сказалъ онъ, — что политика есть преполезная наука, и знаніе оной считаю необходимымъ для всякаго властелина и великихъ двора его... Если я къ объявленному муфтіемъ времени достигну желаемаго, то обильныя щедроты мои разольются передъ вами! Сквозь пальцы буду смотрѣть, если домъ муфтія походить будетъ на европейскую гостинницу; если воины мои, за неимѣніемъ враговъ отечества, будутъ грабить своихъ соотчичей и часть добычи поднесутъ сардару, если ограбленные предстанутъ къ визирю съ просьбою о правосудіи и поступятся ему послѣдками имущества, оставшагося имъ послѣ нашествія моихъ

воиновъ. Клянусь устоять въ ханскомъ словѣ моемъ, ибо—вы болѣе другихъ о семъ свѣдомы—люблю порядокъ и правосудіе...» (ч. III, стр. 146).

Совѣтники ханскіе широко воспользовались оказанною имъ милостью; и муфтій Шамагулъ, въ бесѣдѣ съ княземъ Кайтукомъ, не замедлилъ похвастаться своимъ спасительнымъ для народа союзомъ съ визиремъ и сардаремъ.

«Живемъ мы весьма дружески, объяснилъ Шамагулъ,—и одинъ другому прямо ни въ чемъ не мѣшаемъ. Я господствую въ мечети и за каждый выходъ получаю добрые гостинцы, въ коихъ муллы и имамы имѣютъ весьма мало участія, и если я подолѣе пробуду у нихъ муфтіемъ, то они и подлинно отъ сухоядѣнія просвятятся и сподобятся видѣть пророка лицомъ къ лицу. Сардаръ спокойно пригребаетъ къ себѣ жалованье военно-служащихъ, платя имъ вмѣсто юзлуковъ апросами, а если кто-либо возропщетъ, тотъ вправленный въ фалаку, возопіетъ голосистѣе, чѣмъ вопіяли подданные твои при пожалованіи ихъ кавалерами ордена нагайки. Визирь, уподобляя себя пастырю овецъ, властною рукою обстригаетъ весь народъ, а съ упорствующихъ сдираетъ и кожи. Покушались было нѣкоторые, не знавшіе нисколько политики, предстать къ хану съ жалобами на горькую участь свою, но таковая дерзость обыкновенно бывала въ примѣръ другимъ строго наказываема; и сіи безумцы объявляемы были въ народѣ возмутителями»... (ч. III, стр. 158—159).

Между тѣмъ, произошло неожиданное событіе, которое нарушило общее спокойствіе: Юмангула, законная жена Самсутдина, подстрекаемая второю женою ханскою, Гальбустаною, тайно выѣхала изъ дворца и оставила супругу бранное письмо, въ которомъ извѣщала его, что отправляется къ своему отцу, казанскому хану, и что этотъ не замедлитъ потребовать у Самсутдина отчета въ его поведеніи [1]).

По прочтеніи письма Юмангулы въ полномъ собраніи совѣта, ханъ обратился къ своимъ вельможамъ съ вопросомъ, что предпринять «въ семъ бѣдственномъ положеніи?»

Въ совѣтѣ произошло разногласіе, потому что каждый хотѣлъ соблюсти свои личныя выгоды. Визирь Батырша былъ того мнѣнія,

[1]) Въ послѣдніе годы существованія Грузіи и при водвореніи русскаго владычества, матери и жены царевичей также являются главными зачинщицами происходившихъ смутъ и междоусобныхъ войнъ.

что ханъ, согласно законамъ страны, долженъ раздать своихъ невольницъ избраннымъ друзьямъ, снабдивъ каждую приданымъ, и что тогда онъ можетъ по прежнему «владычествовать надъ подданными въ мирѣ и благоденствіи». Сардаръ Ишмуратъ отвѣтилъ, что только «для виду» можно отправить посла къ казанскому хану, съ требованіемъ немедленнаго возвращенія дочери; а затѣмъ сталъ доказывать необходимость кровопролитной войны, такъ какъ, подобно Коваленскому, разсчитывалъ, что походъ дастъ ему возможность выказать свои воинскія дарованія и получить награду.

Когда дошла очередь до муфтія Шамагула, то онъ заявилъ, что находитъ оба мнѣнія одинаково согласными «съ пользою повелителя и подданныхъ», а что касается посла, то онъ совѣтуетъ отправить въ Казань храбраго горца, заключеннаго въ тюрьмѣ, какъ человѣка совершенно къ тому пригоднаго.

Слова муфтія были признаны «самыми разумными», и ханъ тотчасъ-же сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе.

Князь Кайтукъ пришелъ въ ужасъ, когда услыхалъ о предстоящемъ ему путешествіи, зная, что въ подобныхъ случаяхъ посолъ подвергается неминуемой опасности. Но муфтій успокоилъ его, говоря, что главная цѣль будетъ достигнута и его выпустятъ изъ тюрьмы, а, что никто не мѣшаетъ ему доѣхать до границы, пробыть тамъ сколько вздумается и вернуться съ объявленіемъ войны... «Вельможи хотятъ войны, добавилъ въ назиданіе муфтій,—и пусть будетъ по ихнему».

Князь Кайтукъ въ точности исполнилъ совѣтъ своего мудраго друга, и война была немедленно объявлена.

Далѣе, въ той-же четвертой части романа, слѣдуетъ подробное описаніе безпорядочной орды, представлявшей собою астраханское войско, и самого похода, который сопровождается насиліемъ и грабежемъ и служитъ вѣрнымъ изображеніемъ тогдашняго способа войны у кавказскихъ народовъ. Ханъ Самсутдинъ неохотно выступилъ въ походъ и даже заявилъ о своемъ желаніи вернуться въ Астрахань, но долженъ былъ уступить настойчивымъ требованіямъ своихъ приближенныхъ, которые считали его присутствіе въ войскѣ необходимымъ.

Князь Кайтукъ, предводительствуя толпою оборванцевъ, надѣялся совершить чудеса храбрости, но при встрѣчѣ съ непріятелемъ, какъ только посыпались казанскія стрѣлы и покрыли небо, воины его

«бросились направо и налѣво, подобно огромной кучѣ ниспавшихъ древесныхъ листьевъ, поднятыхъ вихремъ, или стаѣ испуганныхъ воронъ, и скрылись за холмами»... (ч. III, стр. 99). Князь Кайтукъ, оставшись одинъ, повернулъ коня и пустился во всю прыть, чтобы присоединиться къ остальному астраханскому войску, стоявшему пока въ бездѣйствіи.

Здѣсь его приняли съ почетомъ и поздравляли «съ непомовѣрною храбростью, оказанною имъ въ виду обоихъ воинствъ;» но въ то время, какъ онъ «съ улыбкою раскланивался на обѣ стороны», къ нему подъѣхалъ муфтій Шамагулъ и велѣлъ слѣдовать за собой. Когда они достигли ближайшаго лѣска, гдѣ никто не могъ подслушать ихъ разговора, муфтій вручилъ ему свой перстень съ порученіемъ спѣшить въ Астрахань, забрать собранныя имъ сокровища и отвезти ихъ въ Моздокъ. Князь Кайтукъ немедленно пустился въ путь. До самаго солнечнаго заката, онъ не встрѣтилъ ни одного живаго существа и видѣлъ только опустошенныя поля и улусы: все пространство, по которому шло храброе астраханское воинство, представляло унылую, безлюдную пустыню. Съ наступленіемъ ночи, на него напала ватага голодныхъ татаръ, ограбленныхъ ханскими полками, которые, видя въ лицѣ его одного изъ воиновъ Самсутдина, раздѣли его до нага и съ хохотомъ убѣждали идти любою дорогою.

Но это происшествіе не имѣло дурныхъ послѣдствій: князь Кайтукъ добылъ себѣ платье въ долгъ и съ помощью врученнаго ему перстня благополучно вывезъ изъ Астрахани сокровища Шамагула, что пришлось совершить ему въ день своего рожденія, и онъ вспомнилъ, къ величайшей своей радости, что для него прошелъ «черный годъ», въ который онъ испыталъ столько бѣдствій.

Дѣйствительно, съ этихъ поръ все удается ему, вслѣдствіе чего конецъ романа принимаетъ сказочный характеръ. Въ Моздокѣ князь Кайтукъ встрѣчаетъ Бектемира и Сафиру, которые были заранѣе отправлены туда догадливымъ Шамагуломъ; вскорѣ присоединяется къ нимъ и самъ Шамагулъ съ толпою астраханскихъ выходцевъ, которые добровольно послѣдовали за нимъ. Всѣ сокровища Шамагула къ услугамъ князя Кайтука; онъ покупаетъ оружіе и одежду для прибывшихъ астраханцевъ, и съ этимъ готовымъ войскомъ возвращается на родину; сосѣдніе горскіе князья Мирзабекъ и Кунакъ уступаютъ ему безъ бою осетинское княжество, которымъ они

владѣли послѣ его бѣгства. Бывшіе подданные съ радостью встрѣчають своего прежняго князя; онъ строитъ себѣ новый блистательный дворецъ, становится добрымъ и мудрымъ государемъ, и женится на Сафирѣ.

Этимъ кончается романъ «Черный годъ или горскія князья». Въ цѣломъ или въ набросках, онъ былъ, вѣроятно, написанъ Нарѣжнымъ во время его пребыванія на Кавказѣ или вскорѣ послѣ этого, судя по живости отдѣльныхъ сценъ и характеристикъ, множеству мѣстныхъ выраженій и этнографическихъ подробностей, которыя не могли цѣлыми годами удержаться въ его памяти, при непрерывной литературной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, Нарѣжный, изъ боязни-ли превратныхъ толкованій его сатиры, или преслѣдованій со стороны Коваленскаго и его покровителей, не рѣшился печатать своего романа, который вышелъ лишь послѣ смерти автора, а именно въ 1829 году.

Подобное замедленіе, невыгодное для всякаго литературнаго произведенія, особенно дурно отразилось на судьбѣ сатирическаго романа Нарѣжнаго. Прошло болѣе четверти столѣтія со времени его пребыванія на Кавказѣ; все измѣнилось въ Грузіи:—жалобы мѣстнаго населенія прекратились; и далекая, малоизвѣстная страна потеряла значеніе для русской публики, занятой другими интересами и пережившей цѣлую политическую эпоху съ нашествіемъ Наполеона. Подвиги Коваленскаго и его сообщниковъ въ Тифлисѣ были окончательно забыты въ остальной Россіи; о нихъ помнили только мѣстные жители, между тѣмъ, какъ оффиціальные документы,—эти нѣмые и краснорѣчивые свидѣтели всякой государственной дѣятельности,—лежали нетронутые въ архивахъ. Естественно, что при этихъ условіяхъ сатирическій романъ Нарѣжнаго, по выходѣ его въ свѣтъ въ 1829 году, остался непонятымъ. И. В. Кирѣевскій въ своемъ «Обозрѣніи русской словесности» за 1829 годъ, говоритъ о немъ: «Черный годъ или Горскіе князья» имѣетъ всѣ тѣ же качества, какія публика находила въ прежнихъ романахъ покойнаго Нарѣжнаго,—возможность таланта, которому для перехода въ дѣйствительность недоставало большей образованности и вкуса». Еще менѣе благопріятный отзывъ о «Черномъ годѣ» помѣщенъ въ Атенеѣ (1829), гдѣ неизвѣстный рецензентъ произнесъ надъ нимъ безапеляціонный приговоръ, назвавъ его «худшимъ изъ романовъ» Нарѣжнаго, хотя и призналъ въ немъ «чисто сатирическую основу».

Самый герой романа князь Кайтукъ произвелъ на него впечатлѣніе **арлекина**, который «посмѣшивъ публику со своего расписаннаго балкона, отправляется во свояси, а за нимъ вся труппа (20).

Со времени появленія этого отзыва въ «Атенеѣ» 1829 года прошло болѣе шестидесяти лѣтъ, и устарѣвшій сатирическій романъ «Черный годъ или горскіе князья», оставаясь такимъ-же непонятнымъ, еще менѣе могъ удовлетворить литературнымъ требованіямъ русской публики. Но все это, какъ намъ кажется, не исключаетъ возможности хотя-бы поздней оцѣнки этого замѣчательнаго по своему времени произведенія **Нарѣжнаго**.

VIII.

Мая 14-го 1803 года В. **Нарѣжный** былъ уволенъ изъ Лорійской управы и уѣхалъ изъ Тифлиса въ Петербуръ, гдѣ очутился въ условіяхъ далеко неблагопріятныхъ для развитія его таланта, въ виду полнаго отчужденія отъ тогдашней Петербургской интеллигенціи и литературы. Юношескіе опыты будущаго романиста, напечатанные въ московскихъ журналахъ 1798—1800 гг., не были настолько блестящи, чтобы доставить ему извѣстность и литературныя связи. Равнымъ образомъ, дальнѣйшая судьба **Нарѣжнаго** и его скромное общественное положеніе бѣднаго незначительнаго чиновника менѣе всего могли способствовать его сближенію съ литературнымъ міромъ. Имя его не встрѣчается среди участниковъ шишковской «Бесѣды любителей русскаго слова», возникшей лѣтъ за пять до оффиціальнаго открытія общества въ 1811 г. «Нѣкоторые любители отечественной словесности, какъ сказано въ краткой исторіи Общества, большей частью члены россійской академіи положили между собою въ осеннее и зимнее время одинъ вечеръ въ недѣлю собираться вмѣстѣ, провождать время въ чтеніи, разговорахъ и бесѣдахъ о русскомъ языкѣ. Всякій изъ молодыхъ людей изъявившихъ охоту быть въ сихъ собраніяхъ, имѣлъ доступъ»... (21) и такъ какъ кругъ участвующихъ въ обществѣ былъ «ограниченный», то можно предположить, что допускались лица знакомыя учредителямъ, и весьма сомнительно, чтобы между ними находился Нарѣжный, мало извѣстный въ то время писатель и сотрудникъ двухъ московскихъ журналовъ.

Не могъ онъ также участвовать въ обществѣ послѣ утвержденія

его устава 11 февраля 1811 года и оффиціальнаго открытія засѣданій въ домѣ Державина у Измайловскаго моста, гдѣ, мало по малу, сгруппировались представители литературы извѣстнаго направленія, петербургская знать и высшіе государственные сановники. Во всякомъ случаѣ, имени Нарѣжнаго нѣтъ ни въ одномъ изъ списковъ членовъ «Бесѣды».

Не подлежитъ сомнѣнію, что шишковское направленіе, господствовавшее въ тогдашней петербургской литературѣ придавало ей колоритъ застоя и слѣпаго пристрастія къ старымъ традиціямъ. Но и здѣсь, еще до упомянутаго раздвоенія, вызваннаго спорами о слогѣ, мы видимъ несомнѣнные признаки умственнаго движенія среди интеллигентной петербургской молодежи. Такъ въ 1801 году, 15 іюля, нѣсколько молодыхъ людей положили основаніе «Дружескому обществу любителей изящнаго», прогрессивному по самой идеѣ, такъ какъ «оно имѣло цѣлью своею взаимное усовершенствованіе и споспѣшествованіе участвующихъ въ ономъ». Въ 1803 году, съ утвержденіемъ устава «по волѣ Его Имп. В-ва общество получило дозволеніе открыть свои засѣданія», подъ новымъ названіемъ: «Вольнаго Общества Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ».

Согласно широкой задачѣ Общества, доступъ въ него былъ открытъ не только литераторамъ и ученымъ, живущимъ въ Петербургѣ и иногороднымъ, но также людямъ разныхъ профессій и художникамъ. Въ числѣ первыхъ членовъ мы встрѣчаемъ: И. И. Дмитріева, Остолопова, Брусилова, А. Е. Измайлова, художника-археолога А. Н. Оленина, «дорпатскаго» профессора Г. А. Глинку, скульптора Теребенева, доктора медицины Тимковскаго, архитектора Гальберга и нѣсколькихъ художниковъ. Но съ теченіемъ времени Общество приняло болѣе исключительный литературно-научный характеръ и значительно расширилось по количеству членовъ, какъ видно изъ отчетовъ 1807—1810 гг. и отчета за 1823 г. Послѣдній помѣщенъ въ журналѣ «Благонамѣренный», издаваемымъ А. Е. Измайловымъ, который былъ тогда предсѣдателемъ Общества.

Однако, несмотря на общедоступность и разнообразный составъ членовъ, мы не встрѣтили въ числѣ ихъ имени Нарѣжнаго, ни въ числѣ сотрудниковъ двухъ изданій: «Вольнаго Общества Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ», а именно: въ Періодическомъ из-

данiи 1804 г. и С.-Петербугскомъ Вѣстникѣ 1812 г. Равнымъ образомъ, онъ не принималъ участiя въ журналахъ, издаваемыхъ членами Общества, кромѣ «Цвѣтника» 1810 года.

Въ настоящее время, при отсутствiи какихъ либо точныхъ свѣдѣнiй, мы можемъ только приблизительно объяснить причины неучастiя Нарѣжнаго въ «Вольномъ Обществѣ любителей Наукъ, Словесности и Художествъ», а также въ упомянутыхъ изданiяхъ. Причины эти, какъ намъ кажется, повидимому, зависѣли отъ болѣе или менѣе случайныхъ условiй: слишкомъ ограниченнаго числа знакомыхъ, быть можетъ, даже неумѣнiя заводить ихъ, какихъ нибудь личныхъ соображенiй Нарѣжнаго и пр., а не отъ характера его произведенiй, которыя въ то время еще вполнѣ удовлетворяли тогдашнимъ литературнымъ требованiямъ.

IX.

Осенью 1803 года, В. Нарѣжный поступилъ на службу въ Петербургъ, при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, какъ означено въ его формулярномъ спискѣ.

Въ настоящее время, при отсутствiи данныхъ, трудно рѣшить, какими путями В. Нарѣжный получилъ мѣсто въ Петербургѣ, чуждомъ для него городѣ, такъ какъ, повидимому, не обладалъ искусствомъ заводить полезныя знакомства и находить сильныхъ покровителей. Во всякомъ случаѣ, былъ-ли онъ обязанъ этимъ своему университетскому диплому или рекомендательнымъ письмамъ, но его служба при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ началась при иныхъ и болѣе благопрiятныхъ условiяхъ, чѣмъ на Кавказѣ. Онъ увидѣлъ другихъ представителей чиновничьяго мiра, у которыхъ государственные интересы стояли на первомъ планѣ и не смѣшивались съ личными своекорыстными цѣлями.

Экспедицiя государственнаго хозяйства, при М. В. Д., была тогда раздѣлена на три отдѣленiя (22). Въ одно изъ нихъ, именно въ 3-е отдѣленiе, такъ наз. «Соляныхъ дѣлъ», поступилъ Нарѣжный, 1-го сентября 1803 г., и занялъ здѣсь скромную должность писца, хотя почему-то получалъ болѣе значительное жалованье, нежели его товарищи, служившiе при томъ-же столѣ. Такъ изъ четырехъ штатныхъ писцовъ, опредѣленныхъ въ одно время съ нимъ въ 1803 году, и также, состоявшихъ въ чинѣ коллежскихъ реги-

страторовъ, — двоимъ назначено годоваго жалованья 300 р., одному 375, а Нарѣжному 400 р. ас.

3-му отдѣленію «Соляныхъ дѣлъ», учрежденному взамѣнъ упраздненной «Главной соляной конторы», предстояло сдѣлаться средоточіемъ сношеній по соляной части всей имперіи, и такъ какъ гр. Кочубей обратилъ особенное вниманіе на эту отрасль государственнаго хозяйства, то преобразованія слѣдовали за преобразованіями, и на долю служившихъ здѣсь чиновниковъ выпало не мало труда. Тѣмъ не менѣе, не смотря на усиленную и чисто механическую работу, едва-ли представлявшую какой-либо интересъ для Нарѣжнаго, онъ неотлучно исполнялъ должность писца при М. В. Д. въ теченіе четырехъ лѣтъ. Но въ 1807 году, согласно поданному прошенію, онъ былъ уволенъ изъ министерства 22 мая «для опредѣленія къ должности въ другомъ мѣстѣ», какъ видно изъ выданнаго ему тогда аттестата. (См. Прил. V).

Что касается литературной дѣятельности В. Нарѣжнаго въ продолженіе его четырехъ-лѣтней службы при М. В. Д., то въ этотъ промежутокъ времени, быть можетъ, вслѣдствіе усиленныхъ служебныхъ занятій, только въ 1804 году, былъ напечатанъ его «Дмитрій Самозванецъ», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Но и та была написана въ 1800, (какъ означено на заглавномъ листѣ), слѣдовательно—въ пору его студенчества (23).

Это драматическое произведеніе Нарѣжнаго, даже со стороны менѣе самобытной обработки сюжета, несравненно слабѣе его вышеприведенной трагедіи «Кровавая ночь или конечное паденіе дому Кадмова», напечатанной въ «Иппокренѣ», 1800 г. Насколько мы могли прослѣдить «Дмитрій Самозванецъ», по общему характеру, а равно и въ отдѣльныхъ сценахъ, представляетъ сколокъ съ извѣстной трагедіи Шиллера «Разбойники», которую Нарѣжный, при знаніи нѣмецкаго языка, могъ читать въ подлинникѣ, даже, помимо русскаго перевода Сандунова, изданнаго въ Москвѣ въ 1793 г.

Дмитрій Самозванецъ, главное лицо трагедіи, списанъ съ Карла Мора, хотя характеръ его является далеко не такимъ типичнымъ и выдержаннымъ, какъ у героя Шиллеровской трагедіи. Въ ранней молодости, Димитрій обкрадываетъ своего отца, галицкаго дворянина, и, бросивъ его въ нищетѣ, обращается въ бѣгство, что совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ душевнымъ качествамъ, какія хотѣлъ ему придать Нарѣжный, судя по слѣдующимъ словамъ Басманова въ

3-мъ дѣйствіи: «Великій предпріимчивый духъ Димитрія усыпленъ мною; строгая его дѣятельность ослѣплена; его мужество, душевная твердость растлѣнны»...

Съ другой стороны, Басмановъ, вопреки историческимъ даннымъ, подобно Францу Мору въ «Разбойникахъ», представляетъ собою олицетвореніе зла и всякихъ пороковъ: онъ не разбираетъ средствъ и не останавливается ни передъ какими злодѣяніями, для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Марина или Маріана, какъ она названа у Нарѣжнаго, напоминаетъ во многихъ чертахъ Амалію Шиллеровской трагедіи, особенно въ первомъ дѣйствіи. Роль нищаго въ трагедіи «Диимтрій Самозванецъ» та-же, что и стараго графа въ «Разбойникахъ»: Димитрій также пораженъ появленіемъ нищаго, въ которомъ узнаетъ своего отца, какъ и Францъ Моръ, при такомъ-же неожиданномъ появленіи стараго графа, котораго онъ заключилъ въ подземелье замка и считалъ умершимъ.

Остальныя дѣйствующія лица трагедіи, самостоятельно созданныя Нарѣжнымъ, очерчены блѣдными, плохо подобранными красками. Василій Шуйскій и молодой галицкій князь производятъ впечатлѣніе ходульныхъ мелодраматическихъ героевъ; Ксенія, дочь Бориса Годунова и невѣста князя Георгія, изображена въ видѣ любящаго и слабонервнаго существа: она падаетъ въ обморокъ при всякомъ сильномъ волненіи, хотя въ то-же время оказываетъ упорное сопротивленіе самозванцу, который преслѣдуетъ ее своею любовью.

Но и помимо близкаго подражанія «Разбойникамъ» Шиллера и неудачно очерченныхъ типовъ, трагедія «Димитрій Самозванецъ» неудовлетворительна и въ историческомъ отношеніи, что объясняется тогдашней недостаточной разработкой эпохи Смутнаго времени. Не говоря уже о крупныхъ погрѣшностяхъ въ обрисовкѣ бытовой стороны, характеры и отношенія выведенныхъ историческихъ лицъ изображены невѣрно; высокопарныя рѣчи Василія Шуйскаго и галицкаго князя Георгія поражаютъ своею искусственностью и неумѣстными ссылками изъ древней исторіи и на классическихъ героевъ Брута и Катона, хотя такія-же ссылки являются вполнѣ умѣстными у Шиллера, въ устахъ Карла Мора.

Неизвѣстно, былъ-ли «Димитрій Самозванецъ» когда-либо поставленъ на сцену; по крайней мѣрѣ, мы нигдѣ не встрѣтили подтвержденія извѣстія, сообщеннаго въ Сборникѣ Н. Греча 1812 г. (24),

будто-бы эта трагедія В. Нарѣжнаго была играна въ Москвѣ [1]). Между тѣмъ, почти одновременное появленіе въ 1805 г. трагедій Озерова, имѣвшихъ громкій успѣхъ, не было благопріятно для трагедіи Нарѣжнаго, которая, вслѣдствіи такой опасной конкурренціи, даже помимо ея недостатковъ, могла пройти незамѣченною.

Въ только что указанномъ нами Сборникѣ Н. Греча 1812 г. (стр. 447), кромѣ «Димитрія Самозванца, упомянуты еще три ненапечатанныя трагедіи Нарѣжнаго: а) «Елена», трагедія въ шестистопныхъ стихахъ, b) «Свѣтлосанъ»—въ такихъ-же стихахъ и с) «Святополкъ», писанный, въ подраженіе Шиллеру, пятистопными бѣлыми стихами. Не знаемъ, сохранились-ли гдѣ рукописи этихъ трехъ трагедій.

X.

30-го мая 1807 г., какъ видно изъ формулярнаго списка, Нарѣжный поступилъ въ настоящее время уже не существующую «Горную экспедицію Кабинета его величества». Подъ вѣдомствомъ «Горной экспедиціи Кабинета» находились Нерчинскіе и Колывано-Воскресенскіе заводы, не разъ переходившіе отъ Кабинета въ завѣдываніе Бергъ-коллегіи и обратно; но въ началѣ царствованія Александра 1 заводы эти были окончательно оставлены за Кабинетомъ.

Время поступленія В. Нарѣжнаго на новую должность совпало съ важными преобразованіями горнаго дѣла въ Россіи. Вводилось Горное Положеніе, высочайше утвержденное 13-го іюля 1806 г. (25), по которому уничтожалась Бергъ-Коллегія и учреждался Горный департаментъ. При этомъ однимъ изъ главныхъ нововведеній, связанныхъ съ общей реформой, была замѣна мѣстныхъ горныхъ начальствъ горными правленіями и уничтоженіе класса приписныхъ крестьянъ посредствомъ постоянныхъ мастеровыхъ (26).

---

[1]) Въ „Biographie Universelle“ Michaud изд. 1822 года сказано, что «Лжедмитрій» Нарѣжнаго все еще дается на сценѣ; но это извѣстіе лишено повидимому, всякаго основанія, хотя въ то-же время другія свѣдѣнія, сообщенныя въ „Biographie Universelle“ о сочиненіяхъ и жизни Нарѣжнаго, оказываются не только вѣрными, но еще болѣе подробными, нежели тѣ свѣдѣнія, какія намъ приходилось встрѣчать въ русскихъ энциклопедическихъ [illegible] графическихъ словаряхъ.

Но пока Горное Положеніе распространялось только на заводы Уральскаго хребта, замосковскіе и частные; всѣ-же прочіе заводы, а также находившіеся подъ вѣдомствомъ Кабинета, оставлены были на прежнихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, въ общемъ ходѣ дѣлъ «Горной экспедиціи Кабинета» и, завѣдуемыхъ ею Нерчинскихъ и Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, почти не произошло никакихъ перемѣнъ: и работа на этихъ заводахъ по старому производилась приписными крестьянами [1]).

О характерѣ управленія Горной экспедиціи Кабинета, относительно Нерчинскихъ и Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, въ тѣ времена, можно составить себѣ наглядное понятіе изъ «Историческаго описанія» 1807 года, авторъ котораго относится съ видимымъ сочувствіемъ къ старымъ, издавна заведеннымъ порядкамъ, такъ что его нельзя заподозрить въ преувеличеніи:

«Кабинетъ, говоритъ онъ, управляя Колывано-Воскресенскими и Нерчинскими заводами, какъ прежде, такъ и нынѣ, даетъ полную хозяйственную власть начальникамъ заводовъ, не стѣсняя ни мало ихъ дѣйствія въ пользу заводовъ... Увидѣвъ какое-нибудь недоразумѣніе, въ самыхъ важныхъ случаяхъ требуетъ онъ объясненія; но никогда не затруднитъ мѣстнаго начальства въ вещахъ обыкновенныхъ и такихъ, въ которыхъ онъ никакой помощи и пользы сдѣлать не можетъ, какъ, напримѣръ, предписывать о закупкѣ провіанта многими указами и наставленіями изъявляющими разныя сомнѣнія, требованіемъ вѣдомостей различныхъ, по сему и симъ подобнымъ предметамъ.

«Таковое управленіе Кабинета, соединенное съ полною довѣренностью къ мѣстнымъ начальникамъ, содержало заводы въ самомъ лучшемъ положеніи... Было и другое время, когда началъ Кабинетъ считать главнаго заводовъ начальника въ разныхъ мелочахъ, отступая отъ своего прежняго образа правленія; но какъ сіе продолжалось весьма недолго, то и не имѣло по себѣ никакихъ чувствительно-худыхъ послѣдствій...» (27).

Что касается общаго хода дѣлъ «Горной экспедиціи Кабинета» до 1822 года и состава служащихъ при ней чиновниковъ, то, въ

---

[1]) Существенная перемѣна въ управленіи Нерчинскихъ и Колывано-Воскресенскихъ заводовъ и въ заведенныхъ здѣсь порядкахъ произошла въ 1822 году, вслѣдствіи именнаго указа отъ 22-го іюля (П. С. З. XXXVIII, 29, 124).

связи съ общимъ характеромъ этого учрежденія, есть основаніе предполагать, что здѣсь были такіе-же патріархальные порядки. Такъ, напримѣръ, въ 1811 году въ отдѣленіи «Горной экспедиціи Кабинета», при которомъ находился Нарѣжный, было два помощника экспедитора; въ 1812-мъ, быть можетъ въ виду общаго застоя въ дѣлахъ во время нашествія французовъ, одинъ Нарѣжный исполнялъ эту должность; въ слѣдующемъ 1813 году число помощниковъ экспедитора доходитъ до трехъ (28).

Но какая-бы ни была причина увеличенія или уменьшенія числа служащихъ въ «Горной экспедиціи Кабинета», едва-ли они были особенно обременены работой при вышеупомянутыхъ порядкахъ. Такимъ образомъ, Нарѣжный, помимо повышенія въ должности, могъ выиграть отъ перемѣны мѣста — со стороны большаго досуга для своихъ литературныхъ занятій, особенно, въ сравненіи со службой въ министерствѣ Внутр. Дѣлъ, при той усиленной дѣятельности, какой отличалось управленіе графа Кочубея. Въ матеріальномъ отношеніи положеніе Нарѣжнаго также должно было измѣниться къ лучшему, вслѣдствіи увеличеннаго жалованья, которое при тогдашней дашевизнѣ могло удовлетворять требованіямъ человѣка, неизбалованнаго жизнью.

Однако, по всѣмъ даннымъ, и въ это время, и послѣ, Нарѣжный не имѣлъ возможности печатать свои сочиненія на собственный счетъ, вслѣдствіе чего нѣкоторыя изъ нихъ могли лежать годами безъ напечатанія. Вообще, только трудностью найти издателей кажется намъ возможнымъ объяснить, крайне неравномѣрное появленіе въ свѣтъ сочиненій Нарѣжнаго и значительное количество повѣстей и романовъ, вышедшихъ въ послѣдніе годы его жизни. Въ настоящее время, при бѣдности біографическихъ свѣдѣній, нельзя рѣшить, когда собственно было написано то или другое сочиненіе Нарѣжнаго; и едва-ли, болѣе ранній или поздній выходъ въ свѣтъ тѣхъ или другихъ произведеній его можетъ служить, въ этомъ отношеніи, безошибочнымъ указателемъ. Мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что выборъ и время печатанія зависѣли отъ усмотрѣнія издателей; а Нарѣжный, не имѣя никакой поддержки въ литературномъ мірѣ, долженъ былъ неизбѣжно подчиняться ихъ требованіямъ.

Немногія посвященія, приложенныя къ нѣкоторымъ изданіямъ сочиненій В. Нарѣжнаго, оставляютъ насъ въ полномъ недоумѣніи

относительно того, какую роль въ его жизни и литературной дѣятельности играли лица, которымъ онъ посвящаетъ свои труды, такъ какъ мы встрѣчаемъ здѣсь одни неясные намеки. Посвященія эти представляютъ единственныя данныя о личной жизни Нарѣжнаго и могутъ навести на слѣдъ его писемъ и ненапечатанныхъ сочиненій; поэтому мы считаемъ нелишнимъ привести ихъ, тѣмъ болѣе, что такихъ посвященіій всего четыре и они состоятъ изъ нѣсколькихъ строкъ. Такъ, въ 1809 году вышла первая книга «Славенскихъ вечеровъ» съ слѣдующимъ посвященіемъ Петру Александровичу Буцкому [1]):

„Любезный другъ. Тебѣ приношу Славенскіе вечера мои Дружба твоя доставила мнѣ возможность досуги свои проводить съ единственнымъ для меня удовольствіемъ; и поэтому первые плоды пріятныхъ часовъ сихъ посвящаю твоему доброму чувствительному сердцу. Пріими ихъ съ тѣмъ расположеніемъ, съ какимъ предлагаю. Тебѣ навсегда преданный В. Нарѣжный".

Въ первой книгѣ „Славенскихъ вечеровъ", изданной въ 1809 г., помѣщены только восемь повѣстей или, точнѣе, эпическихъ поэмъ, написанныхъ прозой. Что касается трехъ остальныхъ, напечатанныхъ впослѣдствіи, то двѣ изъ нихъ, а именно „Любославъ" и „Александръ", были напечатаны въ журналѣ „Соревнователь" (1818 и 1819 г.г.), а „Игорь" появился впервые въ 1819 году въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" (№ IV стр. 85—88), въ видѣ отрывка, написаннаго въ стихотворной формѣ, подъ заглавіемъ „Пѣснь на могилѣ Игоря",—который былъ напечатанъ въ журналѣ, подъ оригинальнымъ псевдонимомъ „Уланъ поселянинъ". Отрывокъ этотъ представляетъ заимствованіе изъ повѣсти Нарѣжнаго („Пятый Славенскій вечеръ"), какъ означено авторомъ на стр. 88. Повѣсть „Игорь" была напечатана вполнѣ только въ 1826 году.

Сравненіе этихъ трехъ повѣстей съ остальными, помѣщенными въ первой книгѣ „Славенскихъ вечеровъ", привело насъ къ выводу, что только повѣсть „Александръ", вѣроятно, написана нѣ-

[1]) Петръ Александровичъ Буцкой долго служилъ въ Департаментѣ Удѣловъ, гдѣ въ 1824 году занималъ мѣсто начальника отдѣленія. В. И. Панаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» говоритъ о немъ: «Буцкой умный, пріятный, но нѣсколько флегматичный человѣкъ, побочный братъ графа Гурьева; онъ и другъ его, статскій-же совѣтникъ, даровитый Взметневъ были тогда одинъ правою, другой лѣвою рукою министра Л. А. Перовскаго» (29).

сколькими годами позже, какъ видно по слогу и нѣсколько иному способу изложенія, а равно и по времени, къ которому относится разсказъ. Между тѣмъ „Игорь" и „Любославъ" настолько тождественны съ повѣстями „Славенскихъ вечеровъ", изданныхъ въ 1809 году, что они, повидимому, написаны около того-же времени, потому что сумма впечатлѣній, пережитыхъ авторомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, должна неизбѣжно наложить извѣстный отпечатокъ на его позднѣйшія произведенія.

XI.

Обращеніе къ отечественной старинѣ, въ связи съ возвеличеніемъ національныхъ героевъ, вмѣсто общепринятыхъ историческихъ лицъ классической древности, началось у насъ, какъ и у западноевропейскихъ народовъ, въ извѣстную пору развитія литературы. Направленіе это, которое выразилось всего рельефнѣе въ Германіи въ концѣ XVII вѣка, хотя и плодотворное само по себѣ, но при ложномъ пониманіи поставленной задачи со стороны авторовъ, должно было неизбѣжно повести къ искаженію историческихъ фактовъ, невѣрному изображенію историческихъ лицъ, а также напускному, ничѣмъ не мотивированному паѳосу. Недостатки этого литературнаго направленія, возникшаго у насъ во второй половинѣ прошлаго вѣка, должны были особенно рѣзко проявиться на русской почвѣ, при тогдашнемъ неудовлетворительномъ состояніи нашей исторической науки. Мы видимъ это въ большей или меньшей степени на произведеніяхъ русской драматической литературы и на попыткахъ историческихъ повѣстей, указанныхъ нами въ началѣ нашей статьи.

Изданіе нашихъ старыхъ историческихъ помятниковъ въ концѣ прошлаго вѣка, появленіе „Слова о полку Игоревѣ" въ 1800 г., а равно изданіе былинъ Киршей Даниловымъ въ 1804 г. несомнѣнно способствовали расширенію историческихъ знаній и усилили интересъ къ русской старинѣ. Но, съ другой стороны, накопленіе историко-этнографическаго матеріала, при недостаточной научной разработкѣ, оставляло слишкомъ большой просторъ для фантазіи авторовъ.

Вслѣдъ за изданіемъ „Слова о полку Игоревѣ" появились стихотворныя переложенія этого замѣчательнаго памятника XII вѣка, какъ, напримѣръ: И. Сѣрякова въ 1803 и А. Палицына въ

1807 году (30). Около этого-же времени, а именно въ 1809 г., напечатана была первая книга „Славенскихъ вечеровъ", въ которыхъ Нарѣжный, подъ видимымъ вліяніемъ „Слова о полку Игоревѣ", дѣлаетъ попытку возстановить кіевскую старину княжескихъ временъ, въ формѣ повѣствовательныхъ поэмъ, написанныхъ прозой. Но только въ „Игорѣ", какъ мы увидимъ ниже, замѣтно прямое подражаніе „Слова о полку Игоревѣ", содержаніе котораго, во всякомъ случаѣ, не могло служить достаточнымъ матеріаломъ для всей серіи „Славенскихъ вечеровъ". Это, вѣроятно и побудило автора также воспользоваться для нихъ преданіями, занесенными въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ, и прибѣгнуть къ инымъ образцамъ для подражанія, на ряду съ стремленіемъ внести въ разсказъ народный элементъ, хотя понятый внѣшнимъ образомъ.

Нарѣжный, въ пору своей юношеской литературной дѣятельности, а именно въ упомянутомъ выше „Рогвольдѣ", уже сдѣлалъ попытку подобной псевдо-исторической повѣсти; но „Рогвольдъ" при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣетъ значеніе со стороны болѣе самобытной обработки сюжета, чего не представляютъ „Славенскіе вечера". Здѣсь авторъ заранѣе начерталъ себѣ готовыя и, вдобавокъ, чужія рамки, хотя вообще подраженіе и поддѣлка подъ чужой тонъ плохо даются ему; и подражательныя мѣста неизмѣнно оказываются самыми слабыми во всѣхъ его произведеніяхъ.

Элементъ подражанія значительно уменьшаетъ впечатлѣніе, получаемое отъ „Славенскихъ вечеровъ", написанныхъ подъ разными вліяніями, какъ по формѣ и содержанію, такъ и языку, напоминающему мѣстами Карамзинскій слогъ. Вслѣдствіе этого, общій характеръ повѣстей не выдержанъ, и они являются настолько искусственными и, такъ сказать, придуманными, что должны неизбѣжно утомлять нынѣшняго читателя. Не подлежитъ сомнѣнію, что и на „Славенскихъ вечерахъ" отразился талантъ Нарѣжнаго, какъ это доказываютъ прекрасныя изображенныя имъ картины, художественныя и поэтическія выраженія; но они проходятъ незамѣтно, среди множества славянскихъ и устарѣлыхъ, случайно вставленныхъ словъ, а также искусственно созданныхъ архаизмовъ. Авторъ, какъ-бы намѣренно, испестрилъ ими текстъ повѣстей, съ цѣлью придать старинный колоритъ своему слогу, согласно изображаемой эпохѣ. При этомъ количество такихъ словъ распредѣлено весьма неравномѣрно

и, насколько мы могли замѣтить, „Любославъ“ (Вечера X—XII) всего обильнѣе надѣленъ ими; а также на нѣкоторыхъ страницахъ они почему-то встрѣчаются рѣже, нежели на другихъ.

Въ какой степени, подобныя вставки нарушаютъ общее впечатлѣніе художественныхъ образовъ, создаваемыхъ авторомъ, можетъ служить слѣдующая выписка изъ „Любослава“:

„Любославъ восклонился на руку, подъялъ очи свои и воззвалъ къ небу, звѣздами цвѣтущему: почто мѣсяцъ такъ кротко помаваешь ты жемчужными власами... Покрой, о мѣсяцъ, кристальное чело свое тучею непроницаемой; отклоните, звѣзды, яркіе взоры свои отъ князя несчастнаго! Для духа моего способнѣе, вожделѣннѣе блуждать въ дубравахъ мрачныхъ подъ наметомъ пасмурнаго неба... Возсталъ и пошелъ... Нощь прошла въ пѣшешествіи“ и пр.

Далѣе читатель на каждомъ шагу встрѣчаетъ не менѣе вычурныя слова и обороты рѣчи: безвѣстно, хощу, тамо, воскрай, осклаблялся или-же: совлеки багряницу съ раменъ твоихъ, копіе повергни долу, такобывъ человѣкъ, вопроси... (стр. 149—151).

Между тѣмъ, такія-же вставки случайно подобранныхъ словъ и выраженій почти незамѣтны въ двухъ другихъ „Славенскихъ вечерахъ“, а именно „Кій и Дулебъ“ и „Славенъ“, вслѣдствіе болѣе выдержаннаго тона и старательной отдѣлки слога. Поэтому Н. Гречъ въ своемъ Сборникѣ 1812 года, „Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ“, не безъ основанія приводитъ, въ числѣ лучшихъ образцовъ тогдашней русской прозы, выдержки изъ повѣсти „Кій и Дулебъ“.

Однако, и на этихъ двухъ повѣстяхъ „Славенскихъ вечеровъ“, какъ и на всѣхъ остальныхъ, отразилось, до извѣстной степени, вліяніе пѣсенъ Оссіана, которыя въ переводѣ вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 1792 году (31), помимо выдержекъ, помѣщенныхъ въ журналахъ конца прошлаго вѣка (32). Пѣсни Оссіана пришлись по вкусу тогдашней русской публики; и Нарѣжный въ молодости, вѣроятно, увлекался ими, наравнѣ съ другими, а впослѣдствіи изучалъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ. Онъ сумѣлъ поддѣлаться въ такой степени подъ своеобразный торжественный тонъ Оссіановыхъ пѣсенъ и настолько освоиться съ нимъ, что не всегда легко отличить подражательныя мѣста отъ самобытныхъ.

Между прочимъ, форма обращеній къ солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, источникамъ, вѣтру и проч. прямо заимствована изъ Оссіана, хотя текстъ въ этихъ случаяхъ является болѣе или менѣе самобытнымъ. То-же можно сказать и объ Оссіановыхъ бардахъ, которые являются у Нарѣжнаго съ одинаковыми аттрибутами и при той-же обстановкѣ, въ видѣ вдохновленныхъ старцевъ. Но и помимо подражанія внѣшней формѣ и пріемамъ въ «Славенскихъ вечерахъ» встрѣчаются отдѣльныя картины, непосредственно заимствованныя изъ пѣсенъ Оссіана съ нѣкоторыми видоизмѣненіями [1]).

---

[1]) Подтвержденіемъ этого могутъ служить слѣдующія выписки изъ пѣсенъ Оссіана и повѣстей Нарѣжнаго.

Оссіанъ, ч. I, стр. 251.

«Поэма: Комлатъ и Кютона.

«Ночь была бурная; стенящіе дубы исторгаясь падали съ горъ... частыя молніи разсѣкали воздухъ... я зрѣлъ нѣкій призракъ: онъ стоялъ на брегѣ безмолвенъ. Одежда его, составленная изъ паровъ, развѣвалась по волѣ вѣтровъ и пр. (См. переводъ Е. И. Кострова 1792 г.).

«Славен. вечера», стр. 14—15.

Вечеръ I. Кій и Дулебъ.

«Часто въ бурную ночь, когда вѣтры потрясали въ корнѣ древа сіи вѣчнозеленыя,—когда молнія разсѣкая воздухъ и громы рыкая на вершинахъ горъ приводили въ трепетъ неустрашимыхъ странниковъ... часто ловцы звѣрей и странные витязи видѣли, какъ духъ Дулебовъ, въ видѣ столба огненнаго, носился надъ вмѣстилищемъ праха своего»...

Оссіанъ, ч. I, стр. 93.

Пѣсня первая.

»Герои простираются. Сколь ужасно среди мрачныя осени, съ высоты двухъ противостоящихъ горъ устремляются другъ противъ друга двѣ грозныя бури или два источника, свергаясь съ утесистыхъ камней, соединяются, сражаются и шумятъ, слившись между собою въ долинѣ, тако сомкнулися, тако смѣсилися ополченія... Сталь ударяетъ и ударяется отражаясь; щиты летятъ раздробляясь на части; кровь течетъ и дымится на поляхъ» и пр. (См. перев. Е. И. Кострова, 1792 г.).

«Славен. вечера», стр. 71.

Вечеръ V. Громобой.

«Какъ два вихря противные, текущіе сразить одинъ другого, — роютъ землю и исторгаютъ древа великія на пути своемъ, наконецъ, встрѣтясь, борются и уничтожа другъ друга, равною силою исчезаютъ; пыль подъемлется къ облакамъ и тишина наступаетъ: такъ сразились мы съ Буривоемъ... Я схватилъ мечъ и поразилъ въ грудь врага жестокаго; полилась черная кровь его по брони; но подобно удару грома булава его обрушилась надъ главой моей... разсыпалась сталь блестящая и шлемъ мой сокрушенный на части палъ на землю»...

XII.

Что касается содержанія восьми повѣстей, напечатанныхъ въ первой книгѣ «Славенскихъ вечеровъ» 1809 года, то онѣ представляютъ пеструю смѣсь лѣтописныхъ и былинныхъ разсказовъ, мотивовъ «западно-европейскихъ» рыцарскихъ и другихъ романовъ и самобытнаго творчества автора.

Двѣ первыя повѣсти, сходныя по содержанію: «Кій и Дулебъ» и «Славенъ» («Славен. вечера» I и II), относятся къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда народы, нѣкогда населявшіе Россію, впервые «познали благо общежитія» и усвоили зачатки культуры. При этомъ Нарѣжный дѣлаетъ попытку дополнить недостатокъ преданій объ этой эпохѣ вымыслами своей богатой фантазіи.

Кій и Славенъ одинаково являются просвѣтителями дикихъ племенъ, нѣкогда населявшихъ берега Днѣпра и Ильменя, научаютъ ихъ чтить велѣнія боговъ, даютъ имъ миръ и судъ, открываютъ таинства земледѣлія и судоходства, и дикія племена одни за другими подчиняются ихъ кроткому скипетру. Въ первой изъ названныхъ повѣстей Дулебъ, князь дикихъ племенъ, носившихъ его имя, сватается къ прекрасной Лебѣдѣ, сестрѣ Кія, но получаетъ отказъ, такъ какъ не хочетъ подчиниться «законамъ Кія», и кончаетъ самоубійствомъ. Во второй повѣсти варяжскій князь Радиміръ, при тѣхъ же условіяхъ, оказывается болѣе уступчивымъ; по требованію Славена, онъ оставляетъ прежній образъ жизни, становится «также великъ въ добродѣтеляхъ мирныхъ, какъ былъ грозенъ въ браняхъ кровавыхъ», и вслѣдствіе этого женится на Славеновой дочери—Всемилѣ.

Въ четырехъ слѣдующихъ повѣстяхъ: «Рогдай», «Велесилъ», «Громобой» и «Ирена», авторъ «Славенскихъ вечеровъ» изображаетъ кіевскихъ богатырей временъ Владиміра; но выведенные имъ герои и романическіе рыцари, кромѣ нѣкоторыхъ чертъ и внѣшней обстановки, имѣютъ мало общаго съ простодушными витязями русскихъ былинъ.

«Рогдай» («Славен. вечеръ» III) не уступаетъ въ храбрости Ильѣ Муромцу и другимъ былиннымъ богатырямъ; но рѣзко отличается отъ нихъ резонерствомъ и высокопарными рѣчами въ патріотическомъ духѣ. Онъ выступаетъ одинъ, въ сопровожденіи оруженосца, противъ трехъ сотъ печенѣговъ и убиваетъ ихъ князя

Буйслава; а затѣмъ, когда печенѣги предлагаютъ ему выкупить дорогой цѣной трупъ своего повелителя, онъ даетъ такой отвѣтъ: «Никогда не отважу жизни своей для сребра и злата и послѣднюю каплю ея цѣню дороже богатствъ всего свѣта. Единственно отечеству посвящена жизнь витязя земли русскія,—для него только проливается кровь его. Возвращаю вамъ Буйслава, вашего повелителя» и пр. (стр. 36).

«Велесилъ» («Славен. вечеръ» IV), одинъ изъ древнихъ витязей двора Владиміра, представляетъ собою примѣръ рѣдкаго постоянства въ любви, достойнаго средневѣковыхъ рыцарей. Въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ напрасно добивается любви похищенной имъ гречанки Софьи, принимаетъ крещеніе во время похода Владиміра на грековъ, въ надеждѣ тронуть сердце неприступной красавицы, которая оставлена имъ подъ охраной вѣрнаго оруженосца. По прибытіи на родину, Велесилъ спѣшитъ къ знакомой пещерѣ, застаетъ Софью на смертномъ одрѣ и, предавъ землѣ тѣло своей возлюбленной, возвращается ко двору Владиміра. Проходятъ годы, но ничто не можетъ утѣшить несчастнаго витязя, ни разсѣять его горести; подконецъ онъ поселяется у могилы гречанки, чтобы провести здѣсь остатокъ дней своихъ.

Повѣсть «Громобой» («Славен. вечеръ» V — VI), по общему характеру и романической завязкѣ, напоминаетъ старые рыцарскіе романы, писанные по извѣстному шаблону. Громобой служитъ оруженосцемъ у косожскаго князя и влюбляется въ его дочь Миловзору; она платитъ ему взаимностью и убѣждаетъ выступить въ назначенное утро въ числѣ другихъ соискателей ея руки, которые «должны были утвердить право свое силою оружія». Далѣе слѣдуетъ описаніе турнира, хотя авторъ не употребляетъ этого слова: Громобой является неожиданно, въ видѣ таинственнаго рыцаря, и побѣждаетъ своихъ соперниковъ; но когда разбитый шлемъ падаетъ съ его головы, то косожскій князь, съ негодованіемъ, объявляетъ ему, что не отдастъ единственной дочери оруженосцу. Громобой съ отчаяніемъ оставляетъ косожскую землю и поступаетъ на службу къ Добрынѣ, при содѣйствіи котораго получаетъ званіе витязя; послѣ чего онъ разбиваетъ враговъ косожскаго князя и женится на Миловзорѣ.

Въ повѣсти «Ирена» авторъ рисуетъ картину благоденствія кіевлянъ подъ кроткимъ правленіемъ Владиміра. Но чужое счастье

«наполняетъ завистью черныя души вѣроломныхъ грековъ»,—которые съ цѣлью лишить Владиміра храбрыхъ витязей, его главной опоры,—отправляютъ ко двору кіевскому коварную Ирену, первую любовницу Кесаря.

Ирена является въ Кіевъ и настолько очаровываетъ русскихъ витязей своей ослѣпительной красотой, что они сразу влюбляются въ нее, а черезъ мѣсяцъ, когда она изъявляетъ желаніе посѣтить другія княжества, слѣдуютъ за ней цѣлой толпой. Изъ витязей только мудрый Велесилъ остается при дворѣ кіевскомъ. Вскорѣ приходитъ вѣсть, что многочисленное греческое ополченіе вторглось въ предѣлы русской земли. Владиміръ готовится къ бою, а Велесилъ отправляется за витязями и застаетъ ихъ на берегахъ Десны, съ обнаженными мечами, готовыхъ въ единоборствѣ истребить другъ друга, такъ какъ Ирена обѣщала отдать свое сердце побѣдителю. Велесилъ своей грозной рѣчью приводитъ въ смущеніе русскихъ витязей, которые съ раскаяніемъ бросаются въ его объятія, послѣ чего онъ отсѣкаетъ голову коварной гречанкѣ. Съ прибытіемъ витязей въ станъ Владиміра, устрашенные греки обращаются въ бѣгство.

Въ повѣсти «Мирославъ» («Слав. вечеръ» VIII) основой разсказа служатъ, до извѣстной степени, историческія данныя, хотя сильно прикрашенныя фантазіей автора. Такъ, напримѣръ, лѣтописныя извѣстія служатъ ему для описанія распрей дѣтей Владиміра и обрисовки характера Святополка, прозваннаго «окаяннымъ»; но при этомъ онъ выводитъ лицо, только мимоходомъ упомянутое въ лѣтописи, а именно Святослава, который здѣсь оказывается соперникомъ Святополка въ любви къ Исменіи. Святославъ и Исменія спасаются бѣгствомъ и находятъ убѣжище у стараго отшельника Мирослава; но вслѣдъ за ними является Святополкъ съ малой дружиной и убиваетъ своего брата, а Исменія умираетъ отъ горя.

Повѣсть «Михаилъ» («Слав. вечеръ» IX) по содержанію напоминаетъ приведенную нами выше (въ первой части) историческую повѣсть «Ксенія княжна Галицкая» и также относится къ временамъ Батыя. Но сухой бездарный разсказъ неизвѣстнаго автора повѣсти «Ксенія княжна Галицкая» рѣзко отличается отъ разсказа Нарѣжнаго, котораго, ни въ какомъ случаѣ, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ красокъ, а скорѣе въ избыткѣ ихъ.

Въ повѣсти «Михаилъ», дочь Батыя, Зюлима, влюбляется въ

плѣннаго черниговскаго князя Михаила и испрашиваетъ у отца согласія на бракъ; но Батый при этомъ ставитъ условіемъ, чтобы плѣнный черниговскій князь «преклонилъ колѣна передъ его трономъ и призналъ Магомета». Это предложеніе съ негодованіемъ отвергнуто Михаиломъ, который принимаетъ мученическую смерть; Зюлима, въ отчаяніи, закалываетъ себя кинжаломъ на мѣстѣ казни.

Тогдашняя критика встрѣтила съ большимъ сочувствіемъ «Славенскіе вечера», по выходѣ ихъ въ свѣтъ, въ 1809 году; и они удостоились самаго лестнаго отзыва въ журналѣ «Цвѣтникъ» того же года. Неизвѣстный рецензентъ, назвавъ «Славенскіе вечера» «весьма удачнымъ подраженіемъ Оссіану», расточаетъ щедрыя похвалы ихъ автору, находитъ, что «картины у него разительны, мысли высоки, выраженія благородны и сильны, слогъ величественъ, чистъ и плавенъ». Далѣе, въ подтвержденіе этихъ словъ, въ томъ-же отзывѣ приведены пространныя выдержки изъ двухъ первыхъ «Славенскихъ вечеровъ» («Кій и Дулебъ» и «Славенъ»), которые служатъ для рецензента «Цвѣтника» поводомъ для новыхъ похвалъ: «Кому не нравится такая превосходная проза!» восклицаетъ онъ. «По крайней мѣрѣ, мы, съ своей стороны, считаемъ обязанностью отдать полную справедливость дарованіямъ г. Нарѣжнаго и сказать, что его «Славенскіе вечера» могутъ служить образцомъ чистоты языка и хорошаго слога» (33). Этотъ отзывъ долженъ былъ имѣть особенную цѣну для Нарѣжнаго, которому ни до этого, ни послѣ не приходилось слышать похвалъ своему слогу. Хотя, вообще, рецензенты его остальныхъ сочиненій въ большей или меньшей степени признаютъ въ немъ талантъ, наблюдательность и другія достоинства, но всѣ они безусловно упрекаютъ его въ недостаткѣ легкости и плавности слога; они находятъ его языкъ грубымъ и необработаннымъ, исполненнымъ галлицизмовъ, неправильныхъ обветшалыхъ словъ и выраженій.

XIII.

Въ 1810 году, В. Нарѣжный, быть можетъ, въ виду вышеприведеннаго одобрительнаго отзыва о «Славенскихъ вечерахъ» представилъ издателямъ «Цвѣтника», А. Измайлову и П. Никольскому, двѣ новыя повѣсти: «Георгій и Елена» и «Анастасія», которыя были тогда же напечатаны въ журналѣ (№№ 2 и 7). Хотя

повѣсти эти, по содержанію, составляютъ какъ бы продолженіе «Славенскихъ вечеровъ», но отличаются отъ нихъ болѣе романтическимъ характеромъ и, сравнительно, болѣе легкимъ и удобочитаемымъ языкомъ. При этомъ, вліяніе Оссіана здѣсь менѣе замѣтно и проявляется только въ отдѣльныхъ описаніяхъ и выраженіяхъ.

Въ повѣсти «Георгій и Елена» (34) авторъ выводитъ юнаго витязя Георгія, любимца черниговскаго князя Изяслава, который, со стороны постоянства чувствъ, напоминаетъ героя вышеприведенной повѣсти «Велесилъ» («Слав. вечеръ» IV), и также неутѣшенъ въ потерѣ возлюбленной:

«Разъ Георгій отправился на ловитву вепрей въ поляхъ широкихъ» и увидѣлъ въ долинѣ, осѣненной древними дубами и липами вѣтвистыми, спящую дѣву такой неописанной красоты, что преклонилъ предъ нею колѣна, и «страстный поцѣлуй запечатлѣлся на розовыхъ устахъ»...

Красавица быстро поднялась съ дерна цвѣтущаго, съ ужасомъ взглянула на Георгія и на его вопросъ: кто она? объяснила, что она дочь пастыря его стадъ и что ее зовутъ Еленой.

Долго юный витязь не могъ прійти въ себя отъ изумленія и, наконецъ, кротко сказалъ ей: «Елена... судьба повергла тебя въ бѣдность—богатства мои безчисленны; злато и сребро блистаютъ въ чертогахъ моихъ и солнце освѣщаетъ ихъ сквозь пурпуры драгоцѣнные. Поди въ терема мои и повелѣвай всѣмъ домомъ моимъ»...

Елена отвѣтила: ...«Не прежде выйду я изъ дома родительскаго, пока не изведетъ меня рука священнослужителя».

«Она сказала и удалилась, Георгій стоялъ, какъ пораженный громомъ, и смотрѣлъ вслѣдъ ей. ...«Чего хочетъ красота надмѣнная!» вскричалъ онъ; и медленными стопами отправился къ граду...

«Проходятъ дни, проходятъ ночи—Георгій пасмуренъ, подобно вечеру осеннему. Не веселятъ его игры и пиршества... Онъ пылалъ любовію къ Еленѣ... и ужасался гнѣва Изъяславова и презрѣнія отъ великихъ дома его». Долго боролся онъ съ собой и, наконецъ, однажды, возложилъ на себя одежды блистательныя и потекъ въ чертоги Изъяслава. Князь не противился желанію своего любимца и объявилъ, что самъ съ витязями и вельможами будетъ присутствовать въ храмѣ при совершеніи обряда священнаго и въ чертогахъ на веселомъ пиршествѣ...

На утро слѣдующаго дня, щастливый Георгій въ свѣтлыхъ одеж-

дахъ... повелъ Елену ко храму, «гдѣ тысящи народа издали возгласы удивленія при видѣ красоты невиданной». Наконецъ, является Изъяславъ въ вѣнцѣ и багряницѣ, во всемъ блескѣ своего величества; Георгій изъявляетъ свою радость; но князь не отвѣтствовалъ: пригвождены взоры его къ прелестямъ невѣсты... Глубокое молчаніе царствовало во храмѣ.

Князь подошелъ къ невѣстѣ: «Не тщетно, вѣщалъ онъ, судьба одарила тебя такими прелестями... она родила тебя въ прахѣ ничтожности, дабы послѣ возвести на тронъ, доказать народамъ силу красоты дѣвической!»

Общее недоумѣніе разлилось по храму.

Князь продолжалъ: «желаетъ-ли Елена раздѣлить со мною тронъ и власть великаго княженія?»

«Георгій покрылся смертною блѣдностью... Всѣ устремили взоры на Елену, ожидая отвѣта... она обратилась къ князю и, устремивъ взоръ долу, отрѣчала: Богъ и повелители управляютъ участью рабовъ своихъ! Рекла и съ пламенѣющими ланитами простерла руку къ Изъяславу»... Князь сталъ на мѣсто Георгія. Обрядъ священный начался и кончился съ общимъ восклицаніемъ народа. Изъяславъ и юная супруга его изшли изъ храма, не обративъ на Георгія ни единаго слова. Всѣ ринулись на дворъ княжескій быть участниками пиршества веселаго»...

Одинъ Георгій остался «съ растерзаннымъ сердцемъ; блуждающими стопами извлекся онъ изъ храма, пошелъ къ берегу Десны, не чувствуя самъ себя и всего сущаго окрестъ его»... Въ этомъ состояніи уводитъ его старый инокъ къ себѣ въ пещеру; Георгій долго живетъ тутъ и узнаетъ, что Елена въ свою очередь познала вѣроломство супруга могущаго, который насильно вовлекъ ее въ ограды монастырскія. Не прошло двухъ лѣтъ — Елены не стало; Георгій проситъ инока постричь его въ монахи, идетъ въ монастырь, гдѣ были кости невѣрныя Елены, поселяется «въ вертепѣ, на десять стадій отъ ея могилы»...

Далѣе слѣдуетъ нѣсколько видоизмѣненная выдержка изъ лѣтописи, такъ какъ всякаго рода заимствованія были тогда въ обычаѣ, и въ этомъ отношеніи для авторовъ не существовало никакихъ стѣсненій:

«Георгій, продолжаетъ авторъ повѣсти, самъ обрабатывалъ садъ свой и расширялъ стѣны малой обители»; слухъ объ его святости

распространился; къ нему стекались несчастные, просили успокоенія. Услыхалъ Изъяславъ объ его убѣжищѣ, послалъ къ нему злата и серебра число изобильное;—по довольномъ совѣщаніи воздвиглась обитель великая [1]).

«Прошли годы не малые. Покрыли сѣдины чело Георгіево. Дни его текли въ мирѣ и спокойствіи... Когда ангелъ смерти притекъ смежить очи мужа праведнаго, Изъяславъ и сыны его присутствовали при одрѣ убогомъ, вмѣстѣ съ иноками»...

Вторая повѣсть, «Анастасія», любопытна въ томъ отношеніи, что на ней довольно рельефно отразилось вліяніе рыцарскихъ романовъ, особенно въ концѣ повѣсти, гдѣ авторъ, забывая объ условіяхъ изображаемаго имъ удѣльнаго княжества туровскаго, выводитъ на сцену таинственнаго романическаго рыцаря, который въ виду неудачнаго исхода поединка закалываетъ себя кинжаломъ.

Повѣсть начинается съ цвѣтистаго описанія необычайной красоты Анастасіи, питомицы стараго князя туровскаго, который, пользуясь возвращеніемъ изъ похода обоихъ сыновей, объявляетъ всенародно о своемъ намѣреніи исполнить давнишній обѣтъ, данный умирающему отцу Анастасіи, и выдать ее за своего старшаго сына и наслѣдника Симеона.

Но Анастасія влюблена въ младшаго княжескаго сына Іоанна, который платитъ ей взаимностью и умоляетъ отца «отдать тронъ и сокровища Симеону, а ему оставить одну Анастасію». Старый князь призываетъ Анастасію и въ присутствіи обоихъ сыновей, своихъ вождей и богатырей, предоставляетъ ей рѣшить: кому быть ея супругомъ? Анастасія отвѣчаетъ, что избираетъ Іоанна.

Князь не противится ея выбору, но объявляетъ, что Іоаннъ съ рукой Анастасіи получитъ и туровское княженіе, потому что онъ клялся отцу Анастасіи выдать ее за сына, котораго возведетъ послѣ себя на престолъ. Говоря эти слова, князь тщетно искалъ глазами

[1]) Сюжетъ повѣсти «Георгій и Елена» заимствованъ Нарѣжнымъ изъ преданія объ основаніи тверскаго Отрочаго монастыря въ XIII вѣкѣ, подобно тому, какъ пользовался лѣтописными сказаніями неизвѣстный авторъ повѣсти 1808 г., «Ксенія, княжна Галицкая», приведенной нами въ общемъ обзорѣ журнальной романической литературы второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Но преданіе это, повидимому, лишено историческаго основанія, потому что второй супругой князя Ярослава Ярославича была Ксенія, дочь знатнаго новгородца Юрія. (См. «Исторія тверскаго княжества» Борзаковскаго. Спб. 1876 г., стр. 81—82).

Симеона, который незамѣтно скрылся изъ «пріемной палаты». Посланные за нимъ гонцы вернулись съ извѣстіемъ, что ихъ поиски были напрасны.

Насталъ день брака... «Іоаннъ, облеченный въ богатую одежду, стоялъ на крыльцѣ храма и радостнымъ окомъ взиралъ на площадь, усѣянную народомъ. Ожидали только изшествія невѣсты изъ терема дѣвическаго. Вдругъ является посреди площади вѣстникъ съ трубою брани» и, отъ имени своего повелителя, вызываетъ Іоанна на поединокъ, говоря, что иначе соберется воинство великое, предастъ все мечу и пламени... Въ то время, какъ Іоаннъ облекался въ броню тяжелую, богатырь подъѣзжалъ уже «на бурномъ ворономъ конѣ, въ доспѣхахъ черныхъ, съ опущеннымъ забраломъ». Іоаннъ возсѣлъ на коня. Труба звучитъ; витязи наставляютъ копья, стремятся; во многихъ мѣстахъ обагрены были кровію доспѣхи незнакомца; но и кровь Іоаннова кипѣла на мечѣ его... Незнакомецъ поднимаетъ булаву — и, «увлеченный ея тяжестью растилается по песку подобно дубу, громомъ низверженному; Іоаннъ устремляется къ нему, сжимаетъ руки его въ своихъ рукахъ и колѣномъ грудь свирѣпую.

— «Кто ты, дерзкій незнакомецъ? вопросилъ Іоаннъ...

— «Не желай знать имени моего, ежели не хочешь вѣчно страдать и раскаиваться...

«Ужасное предчувствіе поразило Іоанна. Онъ отпрянулъ быстро, какъ странникъ безпечный, нашедшій на спящаго тигра и, въ неосторожности, наступившій на сомкнутую челюсть его...

«Незнакомецъ извлекаетъ потаенный кинжалъ», поражаетъ себя и умираетъ.

«Іоаннъ снимаетъ шлемъ съ витязя и съ ужасомъ отступаетъ»... подходитъ старый князь Туровскій къ простертому незнакомцу: — Симеонъ! взываетъ онъ, падаетъ на хладную грудь сына и умираетъ. Іоаннъ предаетъ землѣ ихъ бренные останки и женится на Анастасіи.

XIV.

По напечатаніи двухъ выше приведенныхъ нами повѣстей въ «Цвѣтникѣ» 1810 года, имя В. Нарѣжнаго не встрѣчается въ печати до 1814 года, когда появились первыя три части его романа «Россійскій Жилблазъ или похожденія князя Гаврилы Си-

моновича Чистякова». Этотъ романъ Нарѣжнаго представляетъ передѣлку на русскіе нравы извѣстнаго сочиненія Лесажа «Histoire de Gil Blas», впервые переведеннаго на русскій языкъ Тепловымъ въ 1754 году. Подобная передѣлка была новостью въ нашей тогдашней романической литературѣ; и поэтому Нарѣжный въ предисловіи къ «Россійскому Жилблазу» нашелъ необходимымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: «Я вывелъ на показъ, говоритъ онъ, русскимъ людямъ русскаго же человѣка, считая, что гораздо сходнѣе принимать участіе въ дѣлахъ земляка, нежели иноземца. Почему Лесажъ не могъ того сдѣлать, всякій догадается. За нѣсколько десятковъ лѣтъ и у насъ нельзя было отважиться описывать безпристрастно наши нравы» и пр.

Но увѣренность Нарѣжнаго, что свободное или, какъ онъ называетъ «безпристрастное» описаніе русскихъ нравовъ будетъ допущено въ 1814 году, оказалась ошибочною, потому что «Россійскій Жилблазъ» былъ тогда-же запрещенъ «по вызову» министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго; и остальныя три части романа не могли явиться въ печати. При этомъ, министромъ были указаны «предосудительныя и соблазнительныя мѣста на страницахъ: 46, 98, 125, 185 и слѣд. третьей части», почему-то одобренной цензоромъ Яценковымъ раньше первыхъ двухъ, а именно 9 октября 1813 года.

По поводу романа Нарѣжнаго, министръ въ своемъ отзывѣ высказалъ составленный имъ взглядъ на романы вообще: «Между издаваемыми вновь романами, писалъ онъ, выходятъ многіе, которые хотя и не содержатъ въ себѣ мѣстъ, явнымъ образомъ, противныхъ какой-либо статьѣ цензурнаго устава, но, вообще, по цѣли своей, двусмысленнымъ выраженіямъ и ложнымъ правиламъ могутъ быть почитаемы противными нравственности. Часто бываетъ, что авторы романовъ, хотя, повидимому, и вооружаются противъ пороковъ, но изображаютъ ихъ такими красками или описываютъ съ такою подробностью, что тѣмъ самымъ увлекаютъ молодыхъ людей въ пороки, о которыхъ полезнѣе было бы вовсе не упоминать. Каково бы ни было литературное достоинство романовъ, они только тогда могутъ являться въ печати, когда имѣютъ истинно нравственную цѣль» (36).

Хотя графъ Разумовскій, въ своемъ отзывѣ, указываетъ только на нецензурныя мѣста напечатанныхъ частей «Россійскаго Жил-

блаза», но его слова настолько же могли относится къ тремъ задержаннымъ частямъ романа. Между прочимъ, на страницахъ 46 и 98 третьей напечатанной части, и на стр. 125 (ч. III) сверхъ того былъ затронутъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, въ видѣ примѣра вопіющаго злоупотребленія помѣщичьей власти, что и могло показаться предосудительнымъ министру. Начиная со страницы 185 и слѣд. третьей, равно и въ началѣ четвертой ненапечатанной части романа, (остановленной цензурой), представлена весьма непривлекательная картина тайнаго «Общества благотворителей свѣта», величавшихъ себя масонами. Но такъ какъ авторъ не дѣлаетъ никакой оговорки, то его описаніе, въ виду сообщаемыхъ имъ подробностей, могло быть отнесено къ масонству, вообще, и показаться злонамѣреннымъ. Нападки на масонство, которое пользовалось покровительствомъ многихъ вліятельныхъ людей, уже сами по себѣ были достаточны, чтобы навлечь гоненіе на книгу Нарѣжнаго. Покровительство масонству, а равно и участіе въ немъ, не считалось тогда вреднымъ, такъ какъ масоны «ставили себѣ цѣли чисто нравственныя и въ принципѣ заявили свое удаленіе отъ всякой цѣли политической» (37). Къ тому-же масонскія ложи съ 1809—1810 гг. были оффиціально разрѣшены правительствомъ.

По многимъ даннымъ, появленіе первыхъ трехъ частей «Россійскаго Жилблаза» не могло пройти не замѣченнымъ. Помимо того, что это былъ первый болѣе или менѣе самобытный русскій романъ, гдѣ читатель впервые встрѣчалъ на каждомъ шагу знакомую ему обстановку, русскихъ людей и русскіе нравы, даже самые недостатки «Россійскаго Жилблаза» не были настолько ощутительны для него, какъ для насъ. Русская романическая литература. находилась тогда въ зачаточномъ видѣ и, такъ какъ вкусъ не былъ выработанъ въ этомъ направленіи, то и требованія не могли быть особенно строги. Съ другой стороны, въ «Россійскомъ Жилблазѣ» слабыя и неудачныя страницы съ избыткомъ искупались прекрасными, вполнѣ оригинальными сценами и описаніями, которыя должны были неизбѣжно произвести впечатлѣніе на публику, всегда болѣе или менѣе чуткою въ оцѣнкѣ истиннаго таланта.

Цензурное запрещеніе, разумѣется, въ свою очередь, способствовало успѣху неоконченнаго романа и по свидѣтельству очевидца [1])

---

[1]) Н. И. Гречъ, современникъ Нарѣжнаго, пишетъ по этому поводу: «Обстоятельства долгое время препятствовали изданію въ свѣтъ «Россійскаго

значительно усилило интересъ публики, такъ что уже въ 1820 году «Россійскій Жилблазъ» считался библіографическою рѣдкостью (39).

XV.

«Россійскій Жилблазъ», первый русскій нравоописательный романъ, носящій на себѣ слѣды самобытнаго творчества написанъ по образцу извѣстнаго романа Лесажа «Histoire de Gil Blas», изданнаго въ первой половинѣ XVIII вѣка [1]. Талантливый романъ Лесажа, при появленіи въ свѣтъ, обратилъ на себя вниманіе французской критики какъ новизной содержанія, такъ и своимъ оригинальнымъ характеромъ; и послужилъ поводомъ къ оживленному литературному спору объ его происхожденіи. Вопросъ этотъ былъ поднятъ Вольтеромъ, который находилъ близкое сходство между произведеніемъ Лесажа и стариннымъ испанскимъ романомъ, изданнымъ въ Мадридѣ въ 1618 году и переведеннымъ около этого времени на французскій языкъ: «Relation de la vie de l'écuyer Marcos Obregon par Vicente Espinel». Послѣ долгихъ и напрасныхъ пререканій, самобытность романа Лесажа была окончательно признана Франсесономъ въ 1857 году, который доказалъ неопровержимымъ образомъ, что «Histoire de Gil Blas» ни въ какомъ случаѣ «не переводъ, а свободное общее подражаніе, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ страницъ, дѣйствительно заимствованныхъ изъ испанскаго романа, указаннаго Вольтеромъ».

Публика, не дожидаясь окончательнаго рѣшенія вопроса о сте-

Жилбаза» и публика, слыша о томъ, что эта книга не можетъ быть напечатана, вообразила, что въ ней заключается не вѣсть что. Обнародованіе нѣкоторыхъ повѣстей Нарѣжнаго ее разочаровало. Справедливость побуждаетъ меня сказать, что первый русскій романъ написалъ и издалъ у насъ Ѳадей Булгаринъ» и пр. (38).

Хотя въ этомъ отзывѣ Н. Гречъ, въ ущербъ истинѣ, усердствуетъ въ пользу своего друга Ѳ. Булгарина и хочетъ выставить его превосходство надъ Нарѣжнымъ, тѣмъ не менѣе сообщаемое имъ извѣстіе, при всей его неопредѣленности, имѣетъ для насъ значеніе, какъ единственное свидѣтельство о томъ впечатлѣніи, какое произвело на русскую публику запрещеніе «Россійaго Жилблаза».

[1] Первые два тома „Histoire de Gil Blas" Лесажа были изданы въ Парижѣ въ 1715 году, третій томъ въ 1724, четвертый въ 1735.

пени самобытности романа «Histoire de Gil Blas», зачитывалась имъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, какъ это доказываетъ множество изданій, слѣдовавшихъ одно за другимъ. Въ непродолжительномъ времени романъ Лесажа былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки; за переводами слѣдовали подражанія и передѣлки подъ разными названіями, не только въ повѣствовательной, но и въ драматической формѣ. Первый русскій переводъ «Histoire de Gil Blas» сдѣланъ Василіемъ Тепловымъ въ 1754 году; первый опытъ русскаго подражанія роману Лесажа принадлежитъ Нарѣжному, какъ видно изъ его предисловія къ первому тому «Россійскаго Жилблаза», изданному въ 1814 году.

Послѣдовательное сравненіе «Россійскаго Жилблаза» съ «Histoire de Gil Blas» убѣдило насъ, что романъ Нарѣжнаго можетъ быть признанъ въ такой-же степени самобытнымъ, какъ былъ признанъ романъ Лесажа, такъ какъ и здѣсь подражаніе носитъ общій характеръ, и заимствованіе, ограничивается повтореніемъ отдѣльныхъ эпизодовъ и частей. Хотя Нарѣжный видимо придерживается французскаго образца, со стороны внѣшнихъ пріемовъ и формы, тѣмъ не менѣе, «Россійскій Жилблазъ» вполнѣ заслуживаетъ названіе русскаго романа; здѣсь вездѣ главными дѣйствующими лицами являются русскіе люди и изображены русскіе нравы. Авторъ болѣе или менѣе подробно касается явленій общественной русской жизни того времени: чрезмѣрнаго пристрастія къ славянскому языку послѣдователей Шишковской школы, масонства, положенія крестьянъ у хорошихъ и дурныхъ помѣщиковъ, злоупотребленій близко знакомаго ему чиновничества, неразвитія и бѣдности интересовъ уѣзднаго общества и пр.

Нарѣжный, такъ-же какъ и Лесажъ, ставитъ себѣ широкую задачу изобразить людей самаго разнообразнаго типа, всякаго званія и общественнаго положенія; и его «Россійскій Жилблазъ», по богатству содержанія, могъ-бы представить достаточно сюжетовъ для нѣсколькихъ романовъ, хотя, съ другой стороны, это чрезмѣрное богатство содержанія въ значительной степени нарушаетъ цѣльность общаго впечатлѣнія. Если романъ Лесажа требуетъ особеннаго вниманія при чтеніи, въ виду множества дѣйствующихъ лицъ, вставныхъ эпизодовъ, біографій и всякихъ приключеній, то «Россійскій Жилблазъ» въ этомъ отношеніи является еще болѣе сложнымъ.

Здѣсь выступаетъ еще бо̀льшее число лицъ и количество приклю-

ченій и вставокъ, въ видѣ біографій, отдѣльныхъ эпизодовъ и разсказовъ несравненно значительнѣе. Между прочимъ, чрезъ весь романъ проходятъ три отдѣльныя повѣсти или, вѣрнѣе, романа, которые то тѣсно сплетены, то принимаютъ самостоятельный характеръ, а именно: исторія жизни князя Гаврилы Симоновича Чистякова (Россійскаго Жилблаза), его сына Никандра и семейная исторія помѣщика Простакова. Вслѣдствіе того, чтеніе «Россійскаго Жилблаза», не смотря на его несомнѣнныя достоинства, талантливыя описанія и глубоко прочувствованныя сцены, становится утомительнымъ, и нить разсказа тѣмъ неуловимѣе, что Нарѣжный не съумѣлъ создать органической связи между отдѣльными частями. Вдобавокъ, въ угоду тогдашней русской публики, онъ старался, по возможности, запутать завязку и придать таинственность разсказу.

Романъ начинается съ исторіи помѣщичьей семьи Простаковыхъ; эта исторія проходитъ черезъ всѣ шесть частей «Россійскаго Жилблаза» и составляетъ его наиболѣе законченную часть, со стороны вполнѣ очерченныхъ и выдержанныхъ характеровъ и реальнаго описанія помѣщичьяго быта. Описаніе это особенно любопытно въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ объ устойчивости формъ общественной жизни, которыя складываются вѣками въ силу извѣстныхъ условій. Такъ, сравнивая описаніе помѣщичьяго быта у Нарѣжнаго и у другихъ писателей начала нынѣшняго столѣтія и болѣе поздніе разсказы очевидцевъ послѣднихъ десятилѣтій существованія крѣпостнаго права, съ такими-же описаніями и разсказами прошлаго вѣка, мы встрѣчаемъ тѣ-же черты общаго склада жизни русскихъ помѣщиковъ. Отсюда, путемъ аналогіи, мы приходимъ къ заключенію, что таковъ былъ въ общихъ чертахъ помѣщичій бытъ и въ болѣе раннюю пору, въ такъ называемый «Московскій періодъ» русской исторіи, такъ какъ Петровская реформа, видоизмѣнивъ и смягчивъ внѣшность, не коснулась кореннаго строя общественной жизни, который, въ сущности, остался такимъ-же (40).

«Нравы наши, хотя нѣсколько отполированные европейскими формами, слишкомъ часто носили на себѣ черты до-петровскаго азіятскаго быта, которыя мы можемъ одинаково наблюдать и въ пріемахъ правленія и въ частной жизни, даже наиболѣе образованнаго высшаго класса»... (41).

Согласно общему характеру романа «Россійскій Жилблазъ», исто-

рія помѣщичьей семьи Простаковыхъ, хотя вполнѣ законченная, не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія; отчасти потому, что постоянно прерывается другими разсказами и эпизодами, не имѣющими къ ней ни малѣйшаго отношенія. Она служитъ какъ-бы фономъ для автобіографіи главнаго дѣйствующаго лица въ романѣ, князя Гаврилы Симоновича Чистякова, который неожиданно является въ домѣ Простаковыхъ, становится ихъ другомъ и покровителемъ, при всякомъ случаѣ, читаетъ имъ наставленія и съ цѣлью назиданія разсказываетъ многосложную исторію своей жизни.

Князъ Чистяковъ начинаетъ своей разсказъ съ описанія мѣста родины, села Фалалѣевки Курской губерніи. Здѣсь, по всѣмъ даннымъ, подъ видомъ малоземельныхъ князей, авторъ изображаетъ хорошо знакомый ему бытъ мелкихъ шляхтичей, которые, живя среди крестьянъ, такихъ-же первобытныхъ хлѣбопашцевъ, какъ они сами, отличались отъ нихъ только чванствомъ и сознаніемъ своего благороднаго происхожденія. Князь Чистяковъ, оставшись послѣ смерти отца владѣльцемъ небольшаго участка земли, коровы и лошади, могъ жить не хуже своихъ родителей; но этому помѣшала любовь къ прекрасной княжнѣ Феклушѣ, которая послужила источникомъ несчастій его дальнѣйшей жизни.

Несложная исторія любви князя Чистякова, полунасильственнаго брака и первыхъ двухъ лѣтъ его супружеской жизни составляетъ наиболѣе талантливую часть «Россійскаго Жилблаза»; и до сихъ поръ, не смотря на устарѣлый слогъ, принадлежитъ къ лучшимъ описаніямъ этого рода нашей романической литературы:

Молодому Чистякову и въ голову не приходило жениться на дочери Сидора Архиповича Буркалова, самаго бѣднаго изъ фалалѣевскихъ князей, который послѣ смерти жены цѣлые дни пьянствовалъ въ корчмѣ. Но увлеченіе любовью было настолько сильно, что князь Чистяковъ все лѣто не заглядывалъ въ поле, гоняясь за обольщенной красавицей; и настолько разстроилъ свое небольшое хозяйство, что къ осени отъ всего имущества у него остался домъ и корова. По совѣту своей работницы, старухи Марьи, онъ хотѣлъ было поправить свои дѣла женитьбой на богатой Маврушѣ, единственной дочери Фалалѣевскаго старосты, но вмѣшательство буйнаго и вѣчно пьянаго Сидора Архиповича заставило его отказаться отъ этого намѣренія. Онъ изъявилъ согласіе жениться на Феклушѣ, которая растрогала его своими слезами и жалобами. Чтобы скрыть «ея до-

родность» которая могла возбудить толки въ селѣ, онъ упросилъ священника назначить возможно поздній часъ для вѣнчанія; но тутъ представилось новое затрудненіе: всѣ наряды Феклуши оказались заложенными въ корчмѣ его сіятельствомъ Сидоромъ Архиповичемъ. Хотя Феклуша предлагала пойти къ вѣнцу въ набойчатомъ сарафанѣ; но князь Чистяковъ считалъ такой нарядъ неприличнымъ для своей будущей супруги, и чтобы избавить себя отъ униженія, рѣшилъ пожертвовать послѣдней коровой. Къ его удовольствію, добродушный еврей Янька не только возвратилъ заложенныя вещи, но сверхъ того далъ ему денегъ и два штофа водки (т. I 30—91).

Свадьба совершилась благополучно и молодые супруги нѣкоторое время наслаждались полнымъ счастьемъ, пока велись деньги, полученныя отъ еврея; но вскорѣ для нихъ наступили тяжелые дни:

Они «не только не имѣли ничего, чтобы какъ-нибудь встрѣтить новаго въ мірѣ гостя, но еще сами, и то по милости крестьянки своей Марьи, только что не умирали съ голоду. Одинъ князь Сидоръ Архиповичъ менѣе всѣхъ о томъ заботился»... Наконецъ, подъ вечеръ дождливаго осенняго дня, Феклуша начала мучиться родами, а князь Чистяковъ «ударился бѣжать чтобы просить въ долгъ нѣсколько денегъ», вошелъ на удачу въ домъ одного изъ князей и, получивъ отказъ, съ ноющемъ сердцемъ вышелъ на дворъ. «Ночь была не лучше дня; мрачныя тучи носились стаями по небу, дождь лился ведромъ». Онъ вымокъ до костей, «но хотѣлъ еще попытать счастья». Однако, куда онъ ни обращался, вездѣ говорили ему о вытоптанномъ огородѣ, проданномъ полѣ, или давали непрошенные совѣты; тщательно стучался онъ у старосты, у священника, у всего причта церковнаго; «никто даже не взялъ труда спросить, кто тамъ и что надобно?» (т. I 100—104).

«Въ первый разъ чувство, близкое къ отчаянію, поразило его душу»... но такъ какъ дѣлать было нечего, то онъ побрелъ домой. Подходя къ воротамъ, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ довольно хорошее освѣщеніе, отворилъ дверь и обомлѣлъ отъ ужаса: посреди комнаты стоялъ «столъ, покрытый толстою простынею; вокругъ него четыре подсвѣчника, а на немъ тѣло князя Сидора Архиповича Буркалова», умершаго скоропостижно въ корчмѣ. Сердце несчастнаго человѣка облилось кровью. Печальный сидѣлъ онъ у окна «и неподвижными глазами смотрѣлъ на синебагровый трупъ своего тестя»; уже нѣсколько разъ прокричалъ пѣтухъ; «псаломщикъ зѣвалъ за каждымъ

словомъ, изъ сосѣдняго покоя слышались всхлипыванья княгини и вопль молодаго князя»...

Наконецъ, «ему наскучило смотрѣть на тестя»; онъ отправился въ пустой хлѣвъ и, противъ ожиданія, заснулъ. Солнце уже стояло высоко на небѣ, когда онъ вышелъ изъ своей опочивальни и, видя у воротъ множество народа обоего пола и разнаго возраста, толпящихся смотрѣть, невольно задалъ себѣ вопросъ: «стоило-ли труда видѣть обезображенный трупъ бѣдняка, погибшаго отъ невоздержанія, на который онъ самъ не могъ взглянуть безъ трепета...» Не теряя времени, онъ отправился къ священнику съ просьбой похоронить тестя и откровенно заявилъ ему, что ничего не имѣетъ. Священникъ сурово принялъ его, находя смерть князя Буркалова «сомнительной», но потомъ смягчился, велѣлъ принести покойника въ церковь и обѣщалъ прочитать проповѣдь Князь Чистяковъ вышелъ на улицу, не помня себя отъ восхищенія, такъ какъ до сихъ поръ «ни одинъ староста, ни одинъ князь деревни не имѣлъ такой чести», чтобы послѣ его смерти была проповѣдь.

На слѣдующее утро, князь Чистяковъ торжественно понесъ покойника въ церковь, съ помощью пастуховъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца обѣдни; минутами у него являлось опасеніе: не подшутилъ-ли надъ нимъ батюшка? Однако, всѣ его сомнѣнія разсѣялись, когда вынесли налой и священникъ началъ говорить проповѣдь; но тутъ радость его смѣнилась горемъ; онъ задражалъ и упалъ-бы на землю въ судорогахъ, если-бы не было тѣсно и пастухи не поддержали его... Священникъ не пощадилъ покойника въ своей проповѣди и, въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, выставилъ его на позоръ передъ прихожанами; указывая на примѣръ скоропостижно умершаго князя Буркалова, онъ распространился о пагубныхъ послѣдствіяхъ лѣни и невоздержанія.

По окончаніи проповѣди, князь Чистяковъ съ плачемъ опустилъ въ землю гробъ своего тестя и, такъ какъ на позорномъ погребеніи никого не было, кромѣ пастуховъ, то онъ пригласилъ ихъ къ себѣ, чтобы дать по куску хлѣба. Но, противъ ожиданія, онъ засталъ дома сытный ужинъ, присланный его единственнымъ другомъ, корчмаремъ Янькой, который, сверхъ того, возвратилъ ему безплатно принадлежавшую ему корову (т. I стр. 104—118).

Неожиданная помощь наполнила радостью сердца молодыхъ супруговъ; съ обычнымъ легкомысліемъ бѣдняковъ въ подобныхъ

случаяхъ, они считали себя чуть-ли не обезпеченными людьми, толковали о будущемъ устройствѣ хозяйства; и мечты ихъ неожиданно осуществились. Въ ихъ домѣ остановился богатый купецъ и за старыя книги, перешедшія къ нимъ по наслѣдству отъ князя Буркалова, оставилъ имъ полтораста рублей.

Чистяковъ, не задаваясь мыслью о причинѣ такой неслыханной щедрести и наученный печальнымъ опытомъ, на этотъ разъ не замедлилъ употребить съ пользою доставшіяся деньги: онъ выкупилъ свое поле, устроилъ хозяйство и при усердной работѣ скоро достигъ нѣкотораго довольства. Такъ прошло два года. Лѣтомъ князь Чистяковъ трудился, а въ зимніе вечера, на досугѣ, занимался умственнымъ развитіемъ своей молодой супруги, посредствомъ чтенія романовъ и устныхъ разсказовъ о продѣлкахъ «большаго свѣта», слышанныхъ имъ въ дѣтствѣ отъ покойнаго дѣда. Результаты такого своеобразнаго воспитанія не замедлили обнаружиться; въ одинъ прекрасный день княгиня Фекла Сидоровна бѣжала изъ дому для лучшаго знакомства съ «большимъ свѣтомъ», какъ она выразилась въ письмѣ, оставленномъ на имя мужа. Вскорѣ, князя Чистякова постигла новая бѣда: онъ лишился единственнаго сына Никандра, который былъ похищенъ неизвѣстными людьми и пропалъ безъ вѣсти, (Рос. Жилбл., т. I, изд. 1814 г.).

Князь Чистяковъ встрѣтилъ Никандра, много лѣтъ спустя, въ домѣ Простаковыхъ и узналъ, что онъ его сынъ, когда этотъ разсказалъ ему свою біографію. Разсказъ Никандра, одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа (т. II, стр. 28—137), относится къ немногимъ несчастнымъ годамъ его жизни. Въ этой вставной повѣсти заслуживаетъ вниманія типъ художника Ермила Федуловича и трагикомическая исторія Трисмегалоса, усерднаго поклонника славянскаго языка.

XVI.

Дальнѣйшій разсказъ князя Чистякова становится все болѣе и болѣе отрывочнымъ, и по множеству бывшихъ съ нимъ приключеній и постоянныхъ неудачъ, напоминаетъ «Histoire de Gil Blas», хотя и сохраняетъ характеръ русскаго нравоописательнаго романа. Считая лишнимъ вдаваться въ подробности, мы коснемся главныхъ событій жизни князя Чистякова, насколько необходимо для уясненія

разсказа, который, по своей сбивчивости, требуетъ отъ читателя большаго вниманія и усилій памяти.

Послѣ двойной утраты жены и сына, ничто уже не привязывало князя Чистякова къ родинѣ. Поручивъ домъ и хозяйство своему другу, еврею Янькѣ, онъ пустился въ путь, несмотря на позднюю осень (т. I, изд. 1814 г., стр. 230—233. Первымъ его дорожнымъ приключеніемъ была встрѣча на постояломъ дворѣ съ невѣрной женой и виновникомъ ея похищенія, мнимымъ княземъ Святозаровымъ, который, завидя супруга, приказалъ своимъ слугамъ вытолкать его его за ворота. За этимъ слѣдовали новыя приключенія (т. II, стр. 196—234), и, благодаря случайнымъ, а также добровольнымъ остановкамъ, Чистяковъ только нѣсколько мѣсяцевъ спустя, прибылъ въ Москву, гдѣ получилъ мѣсто прикащика у добродушнаго погребщика Саввы Трифоновича, который «полюбилъ его, какъ роднаго, не обременяя работой, старался доставлять развлеченія и всякій разъ бралъ съ собою, когда отправлялся на Воробьевы горы и въ Марьину рощу, съ самоваромъ и пирогами, женою и пріятелями» (т. III, стр. 72). Но такая жизнь пришлась не по вкусу прирожденному князю; онъ охотнѣе читалъ книги, попадавшіяся подъ руку, и настолько пристрастился къ чтенію, что сталъ пренебрегать занятіями въ погребѣ, такъ что Савва Трифоновичъ, потерявъ терпѣніе, пристроилъ его къ ученому метафизику Бибаріусу, который за сходную цѣну взялся обучать его всѣмъ наукамъ.

Трехлѣтнія занятія у Бибаріуса, обогативъ «Россійскаго Жилблаза» знаніями, придали ему большой запасъ самомнѣнія, что, въ связи съ свойственнымъ ему легкомысліемъ, неразборчивостью въ выборѣ средствъ для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей, послужило источникомъ его дальнѣйшихъ несчастій:

Въ короткое время, князь Чистяковъ, по своей оплошности, потерялъ два выгодныя мѣста и, оставшись безъ дѣла, сдѣлался усерднымъ посѣтителемъ театра. Разъ отправился онъ на представленіе пріѣзжей актрисы, красавицы, о которой было много толковъ въ Москвѣ, и съ перваго ея появленія на сценѣ убѣдился, что это его жена, Фекла Сидоровна, не смотря на ея надменный, увѣренный тонъ и манеры знатной дамы. «Любовь, ненависть, сожалѣніе, гнѣвъ, чувственость и мщеніе поперемѣнно овладѣвали его сердцемъ»; по окончаніи представленія онъ бросился къ выходу и видѣлъ какъ разряженная Феклуша, сопровождаемая гайдуками, сѣла въ бога-

тую карету своего любовника, князя Латрона и скрылась изъ его глазъ... Случай отомстить невѣрной женѣ скоро представился. Онъ встрѣтилъ въ трактирѣ бѣглаго купеческаго сына Авксентьева и мнимаго князя Святозарова, который, видя его мелькомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, теперь не узналъ его и за стаканомъ пунша откровеннно разсказалъ ему свою автобіографію и подробности бѣгства съ нимъ Феклуши изъ села Фалалѣевки, а затѣмъ предложилъ ему принять участіе въ ея похищеніи изъ дома князя Латрона, съ цѣлью грабежа, добавивъ, что уже заручился содѣйствіемъ довѣрчивой красавицы.

Озадаченный супругъ изъявилъ свое согласіе и, узнавъ планъ дѣйствій, сообщилъ обо всемъ кн. Латрону, который, дождавшись условленнаго часа, приказалъ слугамъ высѣчь виновныхъ и выгнать на улицу Феклушу, а непрошеннаго доносчика посадить въ тюрьму, (т. III, стр. 150—155). Здѣсь князь Чистяковъ, просидѣвъ около двухъ недѣль, вырвался на свободу и, послѣ новыхъ приключеній, попалъ въ домъ Доброславова, одного изъ главныхъ руководителей масонскаго «Общества благотворителей свѣта», который помѣстилъ его у себя въ качествѣ домашняго секретаря и, послѣ годичнаго испытанія, предложилъ ему вступить въ масоны.

Далѣе, весь конецъ третьяго и главы V и VI четвертаго, неизданнаго тома заняты описаніемъ тогдашняго масонства (едва-ли не единственнымъ въ этомъ родѣ), которое составляетъ самую любопытную часть романа, какъ свидѣтельство современника и очевидца. Авторъ «Россійскаго Жилблаза», хотя и рисуетъ масонство въ крайне непривлекательномъ свѣтѣ и, преимущественно, касается его дурныхъ сторонъ; но въ общихъ чертахъ онъ вѣрно передаетъ дѣйствительные факты и то представленіе, какое существовало о масонствѣ у большинства непричастной къ нему, многочисленной части публики.

Отвлеченная мистическая сторона масонства оставалась ей недоступной, и она неизбѣжно должна была приписать ему болѣе понятныя матеріальныя цѣли. Такимъ образомъ, нравственныя стремленія масоновъ, выраженныя въ дѣлахъ благотворительности, считались многими личиной, за которой скрывались корыстолюбивые или преступные замыслы; другіе издѣвались надъ масонами и обращали въ смѣхъ ихъ обряды, съ которыми были мало знакомы, и представляли ихъ въ превратномъ и преувеличенномъ видѣ(42). Взгляды эти находили поддержку и въ литературѣ конца XVIII вѣка.

Главныя нападенія на масонство заключались въ сочиненіяхъ Екатерины II; поданный ею примѣръ послужилъ поводомъ къ дальнѣйшимъ нападкамъ, напримѣръ, у Державина и въ сатирическихъ журналахъ 1786 года. Еще раньше, а именно въ 1784 году, появилось переводное сочиненіе «Масонъ безъ маски» (43), гдѣ авторъ, указывая на недостатки ордена, называетъ ихъ «печальнымъ злоупотребленіемъ, слѣдствіемъ слабости человѣческой». Болѣе серіозное опроверженіе масонства представило «Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ», изданное въ Тулѣ 1790 года.

Доказательство недружелюбнаго отношенія тогдашней русской публики къ масонству находимъ мы и въ романѣ Нарѣжнаго. Такъ, князь Чистяковъ, получивъ приглашеніе вступить въ «Общество благотворителей свѣта», заранѣе задается мыслью разрушить существующія предубѣжденія противъ масонства: «О, какъ-же непростительно, восклицаетъ онъ, грѣшатъ тѣ, кои издѣваются надъ священною метафизикою, а особливо надъ мудрѣйшею дщеріею ея— пневматологіею. Коль скоро я достигну обѣщанной высокости, тогда докажу буйнымъ невѣждамъ, что они грубо обманываются, разрушу сомнѣнія свѣта, открою завѣсу непроницаемую»... (Россійск. Жилбл. изд. 1814 г., ч. Ш, стр. 186).

Однако масонство, несмотря на недоброжелательное и отчасти презрительное отношеніе къ нему значительной части тогдашней публики, представляло само по себѣ замѣчательное явленіе въ русской жизни. Подобно многимъ заимствованіямъ изъ запада, масонство самостоятельно переработалось на русской почвѣ, имѣло свою исторію и оказало немалую долю вліянія на нравственное развитіе современнаго общества. Такъ, мы видимъ, что, несмотря на неизбѣжные оттѣнки и различія въ мистическихъ воззрѣніяхъ и внѣшнемъ складѣ разныхъ ложъ, масонство неизмѣнно придерживалось правилъ терпимости, гуманнаго отношенія къ людямъ, братской любви и взаимной помощи, и съ этой стороны, въ лицѣ своихъ членовъ оказывало вполнѣ благотворное вліяніе (44). Оно являлось противовѣсомъ противъ формальной религіи и нравственности, хотя, съ другой стороны, по замѣчанію А. Н. Пыпина, «ничего не сдѣлало для настоящаго просвѣщенія, а преувеличенная обрядность и мистицизмъ повредили тому, что въ немъ было полезнаго и благотворнаго». Блестящій періодъ московскаго масонства, связанный съ просвѣтительною дѣятельностью Новиковскаго кружка, представ-

лялъ въ немъ исключительное явленіе и не можетъ служить общей характеристикой русскаго масонства (45).

Русскіе масоны, еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, подвергались тайному надзору со стороны правительства, которое то покровительствовало имъ, то преслѣдовало, какъ это случилось въ концѣ царствованія Екатерины II. Однако, несмотря на закрытіе ложъ съ 1786—1789 г., нѣкоторыя изъ нихъ продолжали существовать до 1810 года, когда онѣ были формально разрѣшены въ царствованіе императора Александра I и «начались ихъ первыя отношенія къ оффиціальной власти» (46).

Между тѣмъ, таинственность, которой окружали себя масоны, и многочисленныя развѣтвленія масонскихъ ложъ давали возможность ловкимъ людямъ и шарлатанамъ преслѣдовать личныя цѣли, обманывать и обирать легковѣрныхъ для своей наживы, тѣмъ болѣе, что въ масонство нерѣдко поступали люди, совершенно неподготовленные. Этимъ объясняется печальное состояніе нѣкоторыхъ ложъ, которыя, по свидѣтельству очевидцевъ, «ничѣмъ серіознымъ не занимались». Такъ, напримѣръ, извѣстный масонъ Елагинъ (род. 1725 г., † 1796 г.), пишетъ въ своей «Запискѣ о масонствѣ», что въ юности, поступивъ въ масоны, онъ «видѣлъ токмо единые предметы неудобопостижимые, обряды странные», и говоритъ о своихъ тогдашнихъ собратьяхъ, что они «иного таинства не знаютъ, какъ развѣ со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить и, при торжественной вечери за трапезою несогласнымъ воплемъ непонятныя ревѣть пѣсни, и на счетъ ближнихъ хорошимъ упиваться виномъ, и начатое Минервѣ служеніе окончится празднествомъ Вакху»... (47). Новиковъ говоритъ, съ своей стороны, что «въ собраніяхъ играли масонствомъ, какъ игрушкою, ужинали и веселились» (48). Не лучшій отзывъ о масонствѣ встрѣчаемъ мы у иностранца, описывающаго свое путешествіе въ Россію, въ первые годы царствованія Александра I (1805 г.): «Русскіе, говоритъ онъ, съ ревностью вступали въ масонство; собственная цѣль Общества мало принималась въ соображеніе, а превратилась въ застольныя бесѣды, дорогія пирушки и, даже, въ денежныя операціи... Здѣсь былъ случай, подъ завлекательнымъ покрываломъ тайны, убивать скучное время... Иной находилъ здѣсь средство пополнить недоимки въ своей кассѣ» и проч. (49).

Эти показанія очевидцевъ, которыхъ мы не можемъ заподозрить

въ пристрастіи или преувеличеніи, убѣждаютъ насъ въ вѣрности описанія Нарѣжнаго, который въ своемъ романѣ, въ тѣхъ же общихъ чертахъ, изображаетъ извѣстныя стороны русскаго масонства. Помимо легкаго доступа въ масонство, формальное разрѣшеніе ложъ съ 1809—1810 гг. должно было, въ значительной степени, разсѣять окружавшій ихъ мракъ, и Нарѣжный, не поступая въ масоны, могъ собрать о нихъ достовѣрныя свѣдѣнія. Къ тому же благотворительная дѣятельность масоновъ никогда не составляла тайны и пользовалась сочувствіемъ даже ихъ недоброжелателей, хотя имена главныхъ дѣйствующихъ лицъ оставались неизвѣстными. Такъ, князь Чистяковъ, въ качествѣ домашняго секретаря г. Доброславова, могъ во время своего годичнаго искуса убѣдиться, какъ широко простираются благодѣянія общества благотворителей свѣта [1]), и до своего поступленія въ масоны, не имѣлъ повода усумниться въ чистотѣ ихъ намѣреній.

Масонскіе обряды, а равно и церемонія принятія вновь поступающаго члена тайнаго общества вѣрно передана въ романѣ и подтверждается существующими данными:

Князя Чистякова повезли въ каретѣ съ завязанными глазами, чтобы скрыть отъ него мѣсто собранія. Когда сняли съ него повязку, то онъ «увидѣлъ обширную комнату, обитую черным сукномъ», и посрединѣ «большой столъ, уставленный свѣчами, за которымъ сидѣли, потупя голову, въ молчаніи, около пятидесяти человѣкъ въ черныхъ мантіяхъ, на которыхъ изображены были таинственные знаки, какъ-то: созвѣздія, планеты, духи парящіе, ползающіе, добрые и злые». Всѣ были въ полумаскахъ; встрѣчаясь внѣ собраній, масоны могли узнавать другъ друга посредствомъ жеста и особаго прикосновенія руки. Первенствующій изъ нихъ всталъ, поклонился собранію три раза и спросилъ: дозволено-ли будетъ говорить ему о принятіи въ общество новаго члена? Онъ на-

[1]) Названіе это едва-ли было дѣломъ простой случайности, въ виду того, что извѣстный Шварцъ, другъ Новикова, дѣятельно хлопоталъ объ основаніи ордена „Благотворительныхъ рыцарей", который былъ учрежденъ, по просьбѣ Шварца, на Вильгельмбадскомъ конвентѣ 1782 года, гдѣ собраны были просвѣщеннѣйшіе каменщики всѣхъ европейскихъ земель (50). Хотя орденъ „Благотворительныхъ рыцарей" былъ вскорѣ отмѣненъ московскими масонами, но Нарѣжный могъ слышать о немъ, во время своего пребыванія въ университетѣ, такъ какъ тогда число учениковъ и послѣдователей Шварца было еще довольно значительно.

чалъ свою рѣчь, размахивая руками, говорилъ «такъ высокопарно, такъ замысловато о небесной гармоніи, о брачномъ сочетаніи звѣздъ, о внутреннемъ планѣ Еговы, начертанномъ для созданія человѣка», что навелъ уныніе на князя Чистякова, который ничего не понялъ изъ всего слышаннаго. Ораторъ кончилъ вопросомъ: согласны-ли братія на принятіе новаго члена?.. вписалъ что-то въ большую книгу, лежавшую на столѣ, и громко возгласилъ: «Козерогъ будетъ имя ищущему просвѣщенія младенцу!» Затѣмъ слѣдовало пѣніе масонской пѣсни [1]; въ это время князя Чистякова накрыли мантіей, надѣли шляпу и начали поздравлять. По окончаніи этой церемоніи всѣ перешли въ залу, которая была окружена диванами изъ пунцоваго атласа; посрединѣ стоялъ столъ, уставленный явствами и напитками. «Когда всѣ усѣлись и довольно насытились тѣмъ и другимъ, начались веселые разговоры, и радость заблистала въ глазахъ каждаго»... (190 стр.).

За веселымъ ужиномъ въ романѣ «Россійскій Жилблазъ» слѣдуетъ описаніе еще болѣе веселой оргіи собравшихся масоновъ, которую мы приведемъ въ сокращеніи (ч. III, стр. 193 и слѣд.).

«Когда всѣ пресытились отъ благъ земныхъ, продолжаетъ авторъ, высокопросвѣщенный три раза ударилъ по столу молоткомъ и глубокое молчаніе настало... раздалась невидимая гармонія; быстро отворяются потаенныя двери залы, вылетаетъ хоръ юныхъ нимфъ, одѣтыхъ въ греческомъ вкусѣ, въ бѣлыхъ легкихъ одеждахъ, съ обнаженными грудями и цвѣточными вѣнками на головахъ»... Плѣнительныя нимфы начали пляску; «что черта, что взоръ, что малѣйшее движеніе, то новая прелесть, новая нѣга, новое наслажденіе»... На стѣнахъ пробило двѣнадцать и все утихло, пляски также, высокопросвѣщенный съ своего дивана, сказалъ громко: «которую изъ сихъ прелестныхъ назначаете вы царицей ночи сея?»—«Прекрасная Ликориса да будетъ царицею ночи и усладитъ тебя своей любовью!» раздались голоса, въ отвѣтъ на его вопросъ... Онъ подошелъ къ одной изъ нимфъ, возвелъ ее на тронъ, блестящій рѣзь-

[1]) Масонскія пѣсни, помѣщенныя въ этой части романа, за исключеніемъ двухъ менѣе удачныхъ, показываютъ знакомство автора съ этого рода литературой, такъ какъ онѣ представляютъ, по общему тону и содержанію, весьма близкую поддѣлку подлинныхъ масонскихъ стиховъ (Срв. сборникъ масонскихъ пѣсенъ временъ Александра I, безъ обозначенія года изданія, въ Русскомъ отдѣленіи Спб. Публичной библіотеки).

бою, и, облобызавъ румяную щеку ея, сѣлъ на свое мѣсто. Ликориса, избранная царица ночи, взяла арфу, наложила бѣлые персты,—все умолкло—и чистый голосъ ея раздался въ сопровожденіи звонкихъ струнъ...

«Пѣніе кончилось. Братья встали и подошли къ трону. Ликориса заставила каждаго изъ присутствующихъ вынимать изъ урны жребіи, на коихъ написаны были женскія имена, греческія и римскія. Дошла очередь до князя Чистякова. Съ трепетомъ и почти нехотѣніемъ онъ опускаетъ руку, вынимаетъ, читаетъ вслухъ: Лавинія! и въ мигъ дѣвушка съ потупленными взорами, съ закраснѣвшимися щеками, съ волнующейся грудью, беретъ его за руку и сажаетъ на диванъ». Но тутъ «стѣны залы поколебались, свѣчи въ люстрахъ постепенно потухли, диваны начали двигаться», и князь Чистяковъ очутился наединѣ съ красавицей, выпавшей ему по жребію, въ небольшой комнатѣ, въ углу которой горѣла лампада». Онъ прислушивается къ голосу Лавиніи и съ негодованіемъ отталкиваетъ отъ себя, потому что узнаетъ въ ней Феклушу...

XVII.

Приведенное здѣсь описаніе масонской оргіи съ перваго взгляда кажется совершенно неправдоподобнымъ; между тѣмъ, основаніемъ разсказа послужили действительные и вполнѣ достовѣрные факты. Существуютъ несомнѣнныя данныя, что масонство, въ извѣстныхъ случаяхъ, служило не только предлогомъ для веселыхъ пирушекъ, преслѣдованія корыстныхъ и другихъ неблаговидныхъ цѣлей, но и для прикрытія разврата. Такъ, П. И. Мелессино, братъ куратора московскаго университета, по закрытіи масонской ложи, носившей его имя... «не смотря на свои преклонныя лѣта, утѣшился тѣмъ, что учредилъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, тайное «Филадельфическое общество», которое составилось изъ молодыхъ столичныхъ развратниковъ и имѣло цѣлью предаваться всевозможнымъ безпутствамъ» (51). Почти въ то же время учредился въ Москвѣ такъ называемый «Еввинъ клубъ», который помѣщался въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ Годеина, и гдѣ «еженедѣльно совершались лицами обоего пола, принадлежавшими къ высшему обществу, неслыханныя сатурналіи разврата и безчинства, что продолжалось около двухъ

лѣтъ» (52). Императрица Екатерина II, узнавъ объ этомъ, послала въ Москву Шешковскаго, который и закрылъ клубъ въ 1793 году. «Еввинъ клубъ» подробно описанъ въ книгѣ «Voyage de deux français» (t. III, p. 358—363), гдѣ это своеобразное учрежденіе названо club physique; по характеру бывшихъ въ немъ собраній, онъ настолько напоминаетъ масонскую оргію въ романѣ «Россійскій Жилблазъ», что едва-ли можно сомнѣваться въ достовѣрности свѣдѣній Нарѣжнаго объ этомъ клубѣ; о немъ открыто говорили въ Москвѣ. Въ club physique мы видимъ то же число членовъ, какъ и въ «Обществѣ благотворителей свѣта», такія же еженедѣльныя собранія, переходившія въ безобразныя ночныя оргіи, съ соотвѣтственными разговорами, пѣніемъ и танцами, и которыя кончались также, какъ и въ романѣ Нарѣжнаго [1]).

Дальнѣйшія подробности, сообщаемыя авторомъ «Россійскаго Жилблаза», представляютъ не меньшій интересъ и близко знакомятъ съ дѣятельностью «Благотворителей свѣта», которая, главнымъ образомъ, заключалась въ ограбленіи богатыхъ членовъ общества въ пользу неимущихъ. Не проходило ни одного собранія безъ сборовъ для благотворительныхъ цѣлей; въ случаѣ упорства со стороны жертвователей, являлись на помощь злые и добрые духи, слышались голоса, приводившіе въ трепетъ непокорныхъ. Кромѣ того, «равновѣсіе, согласное съ правилами верховной премудрости», достигалось и другими способами, при посредствѣ наиболѣе ловкихъ расторопныхъ членовъ общества; между ними не послѣднее мѣсто занималъ князь Чистяковъ, который въ угоду «Благотворителямъ свѣта», въ короткое время довелъ до полнаго разоренія богатаго откупщика Куроумова, и еще похвастался совершеннымъ подвигомъ передъ своей жертвой. Хотя онъ тутъ-же раскаялся въ своемъ легкомысліи, но уже было поздно: Куроумовъ, какъ членъ общества, посвященный въ его тайны, открылъ ихъ полиціи и явился на слѣдующее собраніе въ сопровожденіи цѣлаго отряда драгунъ.

Всѣ бросились въ разныя стороны; князь Чистяковъ счастливо

---

[1]) Полное заглавіе сочиненія: „Voyage de dcux français en Allemagne, Danemark, Suède, Russie et Pologne, fait en 1790—1792“, Paris. 1796. Все описаніе путешествія «двухъ французовъ» отличается замѣчательною правдивостью, что придаетъ особенную цѣну тѣмъ подробностямъ, которыя общаютъ о club physique. Мы пользовались этой рѣдкой кн библіотеки А. Н. Пыпина и по его указанію.

избѣгнулъ опасности и нашелъ убѣжище у добродушнаго потребщика Саввы Трифоновича; здѣсь, нѣсколько дней спустя, онъ получилъ письмо отъ Феклуши, которая, извѣщая его о своемъ примиреніи съ княземъ Латрономъ, получившимъ видное мѣсто въ Варшавѣ, предлагала ему отправиться за ними для устройства судьбы, при ея содѣйствіи. Это предложеніе было настолько оскорбительно для обманутаго мужа, что онъ пришелъ въ благородное негодованіе, но практичный Савва Трифоновичъ сталъ доказывать ему, что не слѣдуетъ упускать такого прекраснаго случая, и убѣдилъ его отправиться въ путь.

Далѣе слѣдуетъ описаніе путешествія князя Чистякова; оно переполнено всякихъ неправдоподобныхъ приключеній, и только типичный разсказъ ямщика Никиты составляетъ счастливое исключеніе. Но еще менѣе удачнымъ является описаніе двухлѣтняго пребыванія Чистякова въ Варшавѣ, въ пятой, неизданной части романа гдѣ Нарѣжный задался нравоучительною цѣлью представить читателямъ самую возмутительную картину злоупотребленій чиновничества и разврата «большаго свѣта», извѣстнаго ему только по наслышкѣ, что придаетъ безпочвенность его разсказу, тѣмъ болѣе, что онъ переноситъ мѣсто дѣйствія въ незнакомую ему Варшаву. Князь Чистяковъ, попавъ въ омутъ пороковъ, все болѣе и болѣе заражается безнравственностью окружающей среды, не разбираетъ средствъ для достиженія своихъ честолюбивыхъ и корыстныхъ цѣлей, хотя въ то-же время остается искреннимъ въ своихъ отношеніяхъ къ Феклушѣ, опять-таки мастерски очерченныхъ авторомъ, гдѣ снова выступаетъ его талантъ среди блѣдныхъ и вялыхъ страницъ. Феклуша наскучивъ, продажною и чувственною любовью, привязывается къ обманутому мужу и предлагаетъ ему вернуться съ нею въ родное село, но отвергнутая имъ и мучимая раскаяніемъ, въ ту же ночь оставляетъ дворецъ своего любовника и, достигнувъ Кіевскаго воеводства, поступаетъ въ одинъ изъ мѣстныхъ монастырей. Князь Чистяковъ, по прежнему, слѣдуетъ своимъ дурнымъ инстинктамъ и, благодаря разнымъ проискамъ, получаетъ выгодную должность секретаря при князѣ Латронѣ, которому не уступаетъ въ жестокости, высокомѣріи и ненасытной алчности; но въ то время, какъ онъ задается новыми честолюбивыми планами, его постигаетъ достойная кара: Онъ посаженъ въ тюрьму; здѣсь онъ предается позднему раскаянію, и послѣ двухмѣсячнаго заключенія выпускается на свободу,

подъ условіемъ навсегда оставить не только Варшаву, но и Царство Польское.

Князь Чистяковъ отправился пѣшкомъ на родину; нерадостно было его возвращеніе въ с. Фалалѣевку, куда онъ вступилъ послѣ заката солнца. Домъ его представлялъ печальную картину разрушенія; и здѣсь въ углу комнаты онъ засталъ стараго своего пріятеля еврея Яньку, который лежалъ больной и изнемогалъ отъ голода и жажды, вслѣдствіе того, что жители деревни, считая его умершимъ, оставили на произволъ судьбы. Несчастный еврей, утоливъ голодъ, разсказалъ своему неожиданному избавителю несложную исторію постигшихъ его бѣдъ: потери семьи и всего имущества, такъ какъ по доносу одного изъ обитателей Фалалѣевки, онъ попалъ въ руки уѣздныхъ судей, которые довели его до полнаго разоренія. Князь Чистяковъ, въ память прежнихъ благодѣяній еврея, заботливо ухаживалъ за нимъ и, по выздоровленіи, отдалъ ему половину случайно сохранившихся у него денегъ, на которыя они завели небольшую лавку сельскихъ товаровъ; къ нимъ присоединился пришлый молодой еврей Іосифъ и внесъ свою долю, что дало имъ возможность расширить торговлю.

Но судьба продолжала преслѣдовать россійскаго Жилблаза; вскорѣ его постигло новое бѣдствіе: Іосифъ сошелся съ фалалѣевской шинкаркой Устиньей, и та потребовала отъ него, чтобы онъ принялъ христіанство и женился на ней; еврей отвѣтилъ отказомъ, за что посаженъ былъ, по распоряженію старосты, въ земскую избу, откуда бѣжалъ съ наступленіемъ ночи. Тогда гнѣвъ защитниковъ Устиньи обрушился на товарищей виновнаго, домъ и имущество которыхъ были сожжены до тла; старый Янька не вынесъ новаго несчастья и умеръ скоропостижно, а для князя Чистякова начался новый рядъ приключеній. Однако, несмотря на всѣ превратности судьбы, которыя постигаютъ героя романа и другихъ дѣйствующихъ лицъ, все должно кончиться общимъ благополучіемъ, какъ показываетъ начало развязки, хотя она неожиданно прерывается, вслѣдствіе нѣсколькихъ недостающихъ страницъ, быть можетъ, недописанныхъ авторомъ въ виду запрещенія «Россійскаго Жилблаза».

Что касается вставныхъ эпизодовъ, разсказовъ и біографій, то они всѣ болѣе или менѣе безцвѣтны, кромѣ упомянутаго разсказа ямщика Никиты (въ VIII главѣ четвертой неизданной части) и описанія встрѣчи князя Чистякова съ доморощеннымъ философомъ, вышедшимъ изъ

среды русскаго достаточнаго дворянства, который выработалъ своеобразную теорію, на основаніи евангельскихъ истинъ, изрѣченій греческихъ философовъ и взглядовъ Руссо (см. гл. XI, XIII, XIV пятой части). Мудрецъ этотъ называетъ себя Иваномъ; онъ не признаетъ сословныхъ и другихъ отличій; при полномъ отрицаніи имущественной и денежной собственности, является врагомъ всякаго насилія и лжи, и настолько чуждъ всѣхъ потребностей цивилизаціи, что считаетъ трудъ излишнимъ и ведетъ нищенскую, созерцательную жизнь среди природы.

Въ заключеніе, помѣщаемъ отзывъ о «Россійскомъ Жилблазѣ» одного изъ нашихъ первоклассныхъ современныхъ романистовъ-писателей Ивана Александровича **Гончарова**, въ письмѣ къ М. И. **Семевскому** отъ 11-го декабря 1874 года.

«Возвращаю при этомъ вамъ, многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, три томика «Россійскаго Жилблаза». Нельзя не отдать полной справедливости и уму, и необыкновенному, по тогдашнему времени, умѣнью Нарѣжнаго отдѣлываться отъ стараго и создавать новое. **Бѣлинскій** глубоко правъ, отличивъ его талантъ и оцѣнивъ его какъ перваго русскаго по времени романиста. Онъ школы Фонъ-Визина, его послѣдователь и предтеча Гоголя. Я не хочу преувеличивать, прочитайте внимательно и вы увидите въ немъ намеки, конечно, слабые, туманные, часто въ изуродованной формѣ, на типы характерные, созданные въ такомъ совершенствѣ Гоголемъ. Онъ часто впадаетъ въ манеру и тонъ Фонъ-Визина и, какъ будто, предсказываетъ Гоголя. Натурально, у него не могли идеи выработаться въ характеры, по отсутствію явившихся у насъ впослѣдствіи новыхъ формъ и пріемовъ искусства;—но эти идеи носятся въ туманныхъ образахъ—и скупаго, и старыхъ помѣщиковъ, и всего того быта, который потомъ ожилъ такъ реально у нашихъ художниковъ,—но онъ всецѣло принадлежитъ къ реальной школѣ, начатой Фонъ-Визинымъ и возведенной на высшую степень Гоголемъ. И тутъ у него въ этомъ «**Жилблазѣ**», а еще болѣе въ «**Бурсакѣ**» и «**Двухъ Иванахъ**», тамъ, гдѣ не хватало образа, характеръ досказывается умомъ, часто съ сатирической и даже юмористической приправой.

«Въ современной литературѣ—это была бы сильная фигура».

«Замѣчательны также его удачныя усилія въ борьбѣ съ старымъ

языкомъ, съ Шишковской школой, съ педантизмомъ и вообще со всѣмъ устарѣвшимъ—въ формахъ суда, напримѣръ, и т. п.

«Эта борьба, въ которой онъ еще не успѣлъ, какъ почти и всѣ тогда (въ 1814 г.), отдѣлаться вполнѣ отъ старой школы—дѣлаетъ его языкъ тяжелымъ, шероховатымъ—смѣшеніемъ Шишковскаго съ Карамзинскимъ; но очень часто онъ успѣваетъ, какъ будто изъ чащи лѣса, выходить на дорогу—и тогда говоритъ легко, свободно, иногда пріятно, а затѣмъ опять впадаетъ въ архаизмы и тяжелые обороты».

P. S. Въ этихъ безпорядочныхъ строкахъ, я конечно не успѣлъ выразить того, что считаю Фонъ-Визина, Нарѣжнаго и Гоголя главными представителями чисто реальной школы, стоящими какъ будто отдѣльно въ литературѣ до нашего времени, когда почти вся литература приняла этотъ характеръ съ немногими исключеніями.»

Временной успѣхъ романа, вышедшаго въ первыхъ трехъ частяхъ, былъ плохимъ утѣшеніемъ для автора, потому что послѣднія три части остались не напечатанными, что должно было тяжело отразиться на немъ, какъ съ матеріальной, такъ и нравственной стороны, особенно въ виду тѣхъ затрудненій, съ какими былъ связанъ тогда самый процесъ писанія романа. Тѣмъ не менѣе, мы позволимъ себѣ выразить нѣкоторыя сомнѣнія, относительно извѣстія, сообщеннаго сыномъ романиста, что цензурное запрещеніе, постигшее «Россійскаго Жилблаза» было причиною, что «Нарѣжный почти оставилъ авторство», тѣмъ болѣе, что въ той же краткой біографіи сказано черезъ нѣсколько строкъ, что «Нарѣжный до 1821 года, «утро посвящалъ службѣ, а вечера исключительно литературѣ».

Но и помимо этого видимаго противорѣчія, многое говоритъ въ пользу втораго извѣстія. Хотя, дѣйствительно, съ 1814 по 1822 г., мы почти не встрѣчаемъ имени Нарѣжнаго въ печати, но это еще не даетъ намъ права заключать о перерывѣ его литературной дѣятельности; и, вообще едва ли мыслимо чтобы такой плодовитый и талантливый писатель, подъ вліяніемъ огорченія, добровольно осудилъ себя на многолѣтнее бездѣйствіе. Тутъ неизбѣжно возникаетъ вопросъ, когда же были написаны его повѣсти: Марія, Богатый бѣднякъ, Невѣста подъ замкомъ, Турецкій судъ, Заморскій принцъ, Запорожецъ и романы: Бурсакъ, Два Ивана или страсть къ тяжбамъ—вышедшіе въ короткій промежутокъ двухъ лѣтъ, 1824—1825 гг.

Во всякомъ случаѣ, трудно предположить, чтобы всѣ эти произведенія были написаны раньше 1814 года, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, являются несравненно болѣе зрѣлыми и законченными, нежели «Россійскій Жилблазъ», а тѣмъ болѣе и всѣ предъидущія сочиненія В. Нарѣжнаго. Равнымъ образомъ, едва-ли можно отнести ихъ къ самымъ послѣднимъ годамъ Нарѣжнаго, когда по свидѣтельству его сына, вполнѣ правдоподобному, «сидячая жизнь, при напряженномъ трудѣ, оказала гибельное вліяніе на здоровье романиста» (53).

Что касается матеріальной стороны, то если Нарѣжный связывалъ какіе либо надежды съ появленіемъ въ свѣтъ «Россійскаго Жилблаза», то упомянутое цензурное запрещеніе было тѣмъ чувствительнѣе для него, что въ предъидущемъ 1813 году онъ вышелъ въ отставку и женился [1]). Хотя первыя три части романа были напечатаны и, вѣроятно, тогда же раскуплены публикою, но едва-ли полученный отъ нихъ доходъ былъ особенно великъ, судя потому, что въ началѣ 1815 года Нарѣжный снова поступилъ на службу и опредѣленъ столоначальникомъ въ инспекторскій департаментъ. Въ слѣдующемъ году, онъ былъ утвержденъ въ этой должности при новомъ образованіи инспекторскаго департамента, поступившаго въ составъ Главнаго штаба.

XVIII.

Послѣ напечатанія первыхъ трехъ частей «Россійскаго Жилблаза» и запрещенія остальныхъ частей въ 1814 году, наступилъ упомянутый перерывъ въ литературной дѣятельности Нарѣжнаго вслѣдствіе-ли его собственнаго нежеланія печатать свои произведенія или невозможности найти издателя. Такимъ образомъ, въ промежутокъ съ 1814 по 1822 г., сочиненія Нарѣжнаго не встрѣчаются ни въ числѣ отдѣльно вышедшихъ книгъ, ни въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ, кромѣ двухъ упомянутыхъ нами «Славенскихъ вечеровъ», напечатанныхъ въ «Соревнователѣ», а

---

[1]) Годъ женитьбы Нарѣжнаго указанъ въ краткой біографіи, сообщенной его сыномъ, который при этомъ не даетъ никакихъ свѣдѣній о своей матери (Ист. христ. А. Галахова т. II, стр. 292—293). Равнымъ образомъ, въ формулярномъ спискѣ Нарѣжнаго сказано только, что онъ былъ «женатъ на Александрѣ Ивановой дочери», безъ обозначенія ея званія.

именно: «Любославъ» (№№ XI и XII, 1818) и «Александръ» (№ VII 1819 г.).

Повѣсть «Игорь», напечатанная послѣ смерти Нарѣжнаго во второмъ дополненномъ изданіи «Славенскихъ вечеровъ» 1826 года, любопытна въ томъ отношеніи, что на ней всего замѣтнѣе отразилось вліяніе «Слова о Полку Игоревѣ», изданнаго въ 1800 году, изъ чего можно вывести заключеніе, что она, вѣроятно, была написана около этого времени. Въ повѣсти «Игорь», какъ и въ «Словѣ о полку Игоревѣ», различныя знаменія предвѣщаютъ грядущую бѣду, равно и грозныя явленія природы соотвѣтствуютъ изображаемымъ событіямъ, что видно изъ слѣдующаго описанія:

«Туманомъ покрыты были власы востекающаго надъ градомъ Кіевомъ Свѣтовида. Сизый Днѣпръ съ глухимъ ревомъ медленно катилъ въ берегахъ волны свои; умолкло пѣніе птицъ сладкогласныхъ. Одинъ вранъ чернокрылый издавалъ вопли по дубравѣ и хищный волкъ вторилъ ему грознымъ завываніемъ...»

Юная княгиня Ольга, подобно Ярославнѣ, тоскуетъ въ отсутствіи супруга своего Игоря:

«Друзья мои и совѣтники, вѣщала она къ избраннымъ старѣйшинамъ двора княжескаго: сердце мое ноетъ въ груди мутящейся и слезы текутъ изъ очей моихъ, дабы подобно перловому ожерелью унизать выю мою. Знаменія утра сего суть отголоски ночи той, въ которую узрѣлъ меня впервые Игорь воинственный. Ахъ, они были тогда предтечами моего счастья; теперь должны быть, по вѣщанію премудрыхъ, вѣстниками горести безутѣшныя...

«Ревѣлъ мутный Волховъ въ берегахъ своихъ; молніи терзали покровъ неба ярящагося; градъ сбивалъ вѣтви съ дубовъ и елей долговѣчныхъ; громъ рыкалъ среди областей небесныхъ ужасно и заглушалъ ревъ безчисленныхъ стай медвѣдей, обитателей лѣсовъ великаго Новагорода. Въ дождѣ безпредѣльномъ горько рыдала природа» и т д. (стр. 201—203, второе изд. 1836 г.).

Далѣе, авторъ впадаетъ въ тонъ историческихъ повѣстей конца XVIII вѣка, и, не стѣсняясь условіями времени и быта, а равно и лѣтописными данными о характерѣ Игоря Святославича и причинѣ его смерти, даетъ полную волю своей фантазіи:

«Вопли, скорби и сѣтованія, пишетъ онъ, разлились на широкихъ стогнахъ Кіева», при вѣсти объ убіеніи древлянами князя Игоря; воины и граждане оплакиваютъ смерть «мудраго» повелителя, крот-

каго и милосерднаго покровителя вдовъ и сиротъ, который ополчился на брань «не по личной злобѣ или пристрастію, но единственно для блага народа ему подвластнаго»...

Повѣсть «Любославъ», по бѣдности содержанія и крайне вычурному языку, слабѣе остальныхъ «Славенскихъ вечеровъ», и отличается отъ нихъ нравоучительнымъ элементомъ, такъ какъ здѣсь авторъ поставилъ себѣ цѣлью объяснить наглядно, что задача государя заключается не въ славѣ военныхъ подвиговъ, а въ мудромъ управленіи и въ заботахъ о благѣ подданныхъ:

Герой повѣсти, молодой туровскій князь Любославъ, жаждетъ военной славы и, несмотря на мирное время, собираетъ войско, вторгается въ сосѣднюю муромскую землю, сжигаетъ пашни и хижины поселянъ. Но вскорѣ угрызенія совѣсти начинаютъ мучить его; онъ отправляется въ пустыню къ отшельнику Іоилу, въ надеждѣ найти у него облегченіе отъ душевныхъ страданій. Іоилъ говоритъ ему длинную наставительную рѣчь о назначеніи правителей, совѣтуетъ изгнать дурныхъ совѣтниковъ и щедро вознаградить раззоренныя имъ семейства муровцевъ.

Любославъ исполняетъ совѣтъ старца и въ непродолжительномъ времени «становится примѣромъ для вождей и повелителей». Вездѣ разносится славѣ объ его мудромъ правленіи; а князь муромскій, который еще недавно отвѣтилъ отказомъ на его сватовство, теперь съ радостью выдаетъ за него свою прекрасную дочь Гликерію.

Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ слѣдующая и послѣдняя повѣсть «Александръ», которая относится къ моменту вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ 31-го марта 1814 года. Главный интересъ ея заключается въ томъ, что она служитъ вѣрнымъ отраженіемъ тогдашняго общественнаго настроенія. Первенствующая роль русскаго императора въ событіяхъ 1813—1815 гг., торжественное слѣдованіе его по Европѣ, представлявшее рядъ тріумфовъ, равно и великодушное отношеніе къ униженной Франціи, должны были тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на воображеніе русскихъ, что льстили ихъ національному чувству.

Извѣстно, какими громкими оваціями и какими воодушевленными привѣтствіями нашихъ первоклассныхъ поэтовъ сопровождалось возвращеніе императора въ Россію: естественно, что и Нарѣжный увлеченный общимъ движеніемъ, заплатилъ свою дань

поклоненія; и не пожалѣлъ поэтическихъ красокъ для изображенія личности Александра I и его гуманныхъ космополитическихъ взглядовъ.

Повѣсть «Александръ» начинается съ печальной картины Парижа, наканунѣ вступленія союзныхъ войскъ, расположенныхъ на ближнихъ холмахъ у безчисленныхъ огней. Глубокая полночь раскинула надъ воинствомъ черныя крылья. Мало по малу огни, сокращаясь, угасли.

Александръ медленно шествуетъ по долинѣ, въ сопровожденіи вождя русскихъ дружинъ. «Устремленный на свѣтлый мѣсяцъ и звѣзды мерцающія взоръ его прояснился; умиленіе разлилось по высокому челу его и кротость въ ангельской улыбкѣ». Онъ обращается къ своему спутнику и, указывая на древнюю Лютецію, выражаетъ сожалѣніе объ ожидавшей ея участи: «Настанетъ утро, говоритъ онъ, и по манію перста моего раздадутся новые громы, падутъ твердыя стѣны и гордыя башни, раздастся плачь и вопль, и сего града не станетъ. Путникъ съ трудомъ отыщетъ мѣсто бытія его, вопроситъ потомство отдаленное: кто произвелъ гибель сію, сіе опустошеніе ужасное? — Александръ! будетъ отвѣтъ исторіи.— О, какъ ужасаюсь я сей мысли, столько для другихъ обольстительной!»

«Рекъ—и свѣтлая слеза заблистала въ небесныхъ очахъ его»....

Вождь дружинъ русскихъ возражаетъ ему, что и солнце «извлекая изъ нѣдръ земли и водъ обильныя испаренія, даетъ имъ время совокупиться воедино, составить тучу черную и низринуться на устремленную землю въ дождѣ, громѣ и молніи».

...«Знаю обязанность сана моего къ моему отечеству и россіянамъ, отвѣтствовалъ самодержецъ.... Но почему-жъ семейство мое осудитъ меня, если я хочу для его же пользы и славы усыновить еще постороннихъ? Любовь моя жаждетъ принять въ объятія свои всѣ племена и народы земные, благословить ихъ родительскимъ благословеніемъ и воззвать къ нимъ: дѣти, никогда не уклоняйтесь отъ закона правды—и вы благополучны».

Настаетъ утро; румяная заря озлатила небосклонъ... поднимается русское войско съ сырой земли, собирается въ ряды «пространные» и на вопросы Александра:—«Какую судьбу изречемъ мы древней столицы всея Галліи? Какъ встрѣтимъ мы жалкихъ ея обитатателей?»—громко требуетъ гибели галловъ и ихъ древней столицы.

Александръ пребылъ въ недоумѣніи. Раны Москвы и Смоленска близко прилегли къ его сердцу. . онъ даетъ слово войску воскресить древнюю столицу и достойно отомстить за нее....

Но «зазвучали врата желѣзныя града гордаго и разверзлись. Медленно извлеклись граждане Лютеціи—съ поникшими главами шествовали они во срѣтеніе царю русскому и его воинству. Удержалъ царь за бразды коня ратнаго; вожди и воинство остановились»...

Далѣе слѣдуетъ длинная рѣчь старѣйшины галловъ, который взываетъ къ милосердію Александра и преклоняетъ передъ нимъ колѣна; прибывшіе съ нимъ граждане пали во прахѣ; «слезы горькія, слезы кровавыя оросили чело земли отеческой». Царь обратился къ своимъ воинамъ и, видя умиленіе на ихъ лицахъ, простеръ десницу къ старѣйшинѣ галловъ и повелѣлъ имъ идти за нимъ «во градъ осиротѣлый и тамъ во храмахъ принести благодарственныя мольбы Богу кротости и милосердія»...

Александръ пошелъ ко граду. Галлы и россіяне ему послѣдовали. Съ воплями радостными приняли граждане гостей своихъ въ стѣны Парижскія—и примиренные народы совокупно простерли къ Небу мольбы благодарности [1]).

XIX.

Повѣсть «Александръ», помѣщенная въ «Соревнователѣ» 1819 г., была послѣднимъ произведеніемъ В. Нарѣжнаго, напечатаннымъ въ журналѣ. Всѣ остальныя появились отдѣльными изданіями, начиная съ повѣсти «Аристіонъ или перевоспитаніе», вышедшей въ 1822 году, съ слѣдующимъ посвященіемъ, которое почему-то выключено изъ втораго изданія, 1835—1836 года:

---

[1]) Въ «Revue Encyclopedique» 1829 года, которая въ это время получала отъ одного изъ своихъ московскихъ корреспондентовъ «значительную часть лучшихъ произведеній русской прессы», помѣщенъ краткій обзоръ сочиненій В. Нарѣжнаго, составленный Шопеномъ (octobre, p. 111—122). Авторъ статьи называетъ Нарѣжнаго «первымъ изъ русскихъ нравоописательныхъ романистовъ» и, между прочимъ, съ похвалой отзывается о «Славенскихъ вечерахъ», кромѣ повѣсти Александръ, гдѣ, по его словамъ, «Нарѣжный слишкомъ увлекся патріотизмомъ и позволилъ себѣ пристрастные нападки, неумѣстные для первокласснаго писателя».

«Петру Алексѣевичу Взметневу [1]).

«Около пятнадцати лѣтъ я пользуюсь твоею безцѣнной дружбой. Нерѣдко въ продолженіе сего времени надъ головой моей сбирались грозныя тучи и твое благоразуміе всегда умѣло отвращать гибельные удары, доставляло укромное пристанище. Ничѣмъ не въ силахъ отблагодарить тебѣ за всѣ одолженія... Но чтобы и дѣти дѣтей твоихъ знали сколько я обязанъ былъ твоей великодушной дружбѣ, посвящаю любезному имени твоему новое сочиненіе.

«Октября 5-го дня, 1821».

Повѣсть «Аристіонъ или перевоспитаніе», по содержанію и общему характеру, принадлежитъ къ нравоучительнымъ произведеніямъ нашей подражательной романической литературы конца XVIII вѣка, съ такими-же длинными утомительными разсужденіями и сентенціями на тему нравственности и торжествомъ добродѣтели.

Въ «Аристіонѣ», какъ во многихъ романахъ и повѣстяхъ этого направленія, основой разсказа служитъ тогдашній избитый мотивъ о вредѣ новомоднаго воспитанія, гдѣ все вниманіе обращено на внѣшнія преимущества, къ ущербу дѣйствительныхъ знаній и развитія душевныхъ качествъ.

Такое именно воспитаніе получаетъ герой повѣсти Аристіонъ, (сынъ отставнаго бригадира, живущаго въ Украйнѣ), который, на шестомъ году жизни, отправленъ въ Петербургъ и помѣщенъ «въ славнѣйшемъ тогда пансіонѣ, содержимомъ знаменитымъ иностранцемъ».

По окончаніи ученія, Аристіонъ, какъ «прилично дворянину», поступаетъ въ Петербургѣ на военную службу, и вскорѣ, подъ вліяніемъ дурнаго воспитанія, предается пагубнымъ и дорого-стоющимъ столичнымъ развлеченіямъ, запутывается въ долгахъ и одновременно получаетъ вѣсть объ измѣнѣ любовницы и о своемъ выключеніи изъ службы. Вѣрный дядька Макаръ, пользуясь отчаяніемъ своего господина, увозитъ его въ Украйну. Здѣсь Аристіонъ узнаетъ, что его родители умерли, разоренные имъ, и что нѣкто Горгоній владѣетъ его наслѣдственнымъ имуществомъ. Горгоній никто иной, какъ род-

---

[1]) Петръ Алексѣевичъ Взметневъ, сотрудникъ журнала «Улей» изд. въ 1811—1812 гг., гдѣ онъ помѣщалъ свои стихи и басни и, кромѣ того, авторъ довольно сухой и бездарной сатиры въ стихахъ «Польза медиковъ». О службѣ Взметнева въ департаментѣ удѣловъ упомянуто въ «Воспоминаніяхъ» В. И. Панаева.

ной отецъ Аристіона, который выдаетъ себя за мертваго, чтобы исправить своего блуднаго сына, принимаетъ его къ себѣ въ домъ и занимается его перевоспитаніемъ, съ помощью своего друга, мнимаго г. Кассіана (графа Радіона).

Въ распоряженіи Аристіона превосходная библіотека; г. Кассіанъ ведетъ съ нимъ длинныя поучительныя бесѣды; изъ города выписаны «ученые мужи», которые обучаютъ его философіи, исторіи и другимъ премудростямъ. Аристіонъ незамѣтно привыкаетъ къ правильному образу жизни и настолько преуспѣваетъ въ наукахъ и добродѣтели, что мудрые воспитатели находятъ возможнымъ познакомить его съ прекрасной Людмилой, заранѣе приготовленной для него невѣстой, на которой онъ женится въ концѣ повѣсти. Людмила, въ довершеніе мистификаціи, является воспитанницей мнимой помѣщицы Зинаиды (матери Аристіона).

Въ настоящее время, повѣсть «Аристіонъ или перевоспитаніе» читается съ трудомъ, тѣмъ болѣе, что завязка разсказа совсѣмъ неправдоподобная. Нельзя предположить, чтобы Аристіонъ, искусившійся въ развлеченіяхъ столицы, пріѣхавъ на родину въ зрѣлыхъ лѣтахъ, такъ легко поддался незамысловатой мистификаціи, придуманной для его исправленія, и не открылъ ее до тѣхъ поръ, пока главныя дѣйствующія лица комедіи не нашли нужнымъ прекратить ее. Между тѣмъ, авторъ изображаетъ своего героя человѣкомъ способнымъ, которому легко даются всякія науки, и вслѣдствіе этой несообразности, весь разсказъ является крайне искусственнымъ и натянутымъ.

Критика 20-хъ годовъ ставила въ упрекъ автору неправдоподобную завязку разсказа, какъ напр., рецензенты журналовъ: «Благонамѣренный» 1822 года, (ч. 19, стр. 503—506) и «Сына Отечества» 1823, (ч. 87, стр. 166—172) которые, при этомъ нападаютъ на тяжелый и необработанный языкъ повѣсти. Но и здѣсь, какъ во многихъ другихъ рецензіяхъ произведеній Нарѣжнаго, на ряду съ дѣйствительно обветшалыми словами и выраженіями, отмѣчены слова и выраженія, употребительныя до сихъ поръ, какъ: заниматься науками, онъ быстро вышелъ, проклятый лакомка, безстыдный обжора и пр. Кромѣ того, рецензентъ «Сына Отечества» находитъ въ повѣсти «Аристіонъ» ложныя мысли, какъ, напримѣръ, во фразѣ, сказанной однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ романа, что «для дворянина можетъ-ли иная служба быть при-

личною, какъ придворная или военная», и возражаетъ автору, что это значитъ унижать гражданскую, столь полезную службу... Съ другой стороны, исправленіе героя повѣсти, кажется рецензенту вполнѣ умѣстнымъ съ нравоучительной точки зрѣнія› хотя, по его мнѣнію, «жестокое притворство родителей Аристіона и, съ добрымъ намѣреніемъ, могутъ видѣть равнодушно только сердца холодныя: передъ душами чувствительными оно кажется невозможнымъ»....

Но, и въ «Аристіонѣ», при всѣхъ недостаткахъ повѣсти встрѣчаются мѣста, заслуживающія особеннаго вниманія, какъ, напримѣръ, тѣ страницы, гдѣ г. Кассіанъ, вмѣстѣ съ Аристіономъ посѣщаютъ сосѣднихъ помѣщиковъ съ цѣлью назиданія. Передъ читателемъ, какъ и въ «Мертвыхъ душахъ» Гоголя, хотя еще въ грубомъ необработанномъ видѣ, выступаютъ самобытные типы или, вѣрнѣе, смѣло очерченные наброски типовъ тогдашнихъ помѣщиковъ, съ ихъ семейной и домашней обстановкой, нравами и привычками: пана Сильвестра, страстнаго охотника, пана Парамона, проводящаго дни въ пьяномъ разгулѣ, и, наконецъ, пана Тараха, который, по замѣчанію А. Галахова представляетъ фамильное сходство съ «Гарпогономъ великорусскимъ», художественно изображеннымъ въ лицѣ Плюшкина (54). Дѣйствительно, украинскій помѣщикъ Тарахъ и его жена во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ безсмертный Гоголевскій типъ скупца. Мы видимъ здѣсь то-же неразборчивое накопленіе имущества, ставшее преобладающею страстью и единственною цѣлью жизни, передъ которой умолкаютъ всѣ нравственныя стремленія и даже животные инстинты. Панъ Тарахъ и его жена, обирая крестьянъ для собственнаго обогащенія, въ то-же время обрекаютъ самихъ себя на жизнь, исполненную лишеній, въ противоположность болѣе распространенному и болѣе мелкому типу скупцовъ, скаредныхъ только по отношенію къ другимъ, а не къ себѣ. Наконецъ, панъ Тарахъ, подобно Плюшкину, былъ нѣкогда только бережливымъ хозяиномъ, «но достоинство это простеръ до того, что сдѣлался гнуснымъ скрягою».

XX.

Два года спустя послѣ «Аристіона», а именно въ 1824 г., появились въ трехъ частяхъ «Новыя повѣсти» Нарѣжнаго, съ слѣдующимъ краткимъ посвященіемъ К. Я. Командеръ:

«Сколько родственная между мною и вами связь, столько или болѣе отличное превосходство вашего нрава и неизмѣняемая никакими превратными случаями доброта сердца, побуждають меня посвятить вашему имени вновь написанныя мною повѣсти» и пр.

«Августа 1-го дня, 1823 года».

Изъ шести такъ называемыхъ «Новыхъ повѣстей» не послѣднее мѣсто занимаетъ повѣсть «Марія», единственное изъ сочиненій Нарѣжнаго, которое можетъ быть отнесено къ сентиментальному роду, съ неизбѣжными титулованными особами, насильственной разлукой влюбленныхъ, сумашествіемъ, смертью отъ любви и пр.

Однако, несмотря на безусловно подражательную форму, повѣсть «Марія» является болѣе законченной и, во многихъ отношеніяхъ, выше всего, что намъ приходилось читать въ этомъ родѣ изъ старыхъ романовъ и повѣстей. Рядомъ съ изображеніемъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, авторъ рисуетъ окружавшую ихъ обстановку богатаго помѣщичьяго дома стараго времени, а также ихъ отношенія къ слугамъ, тогда какъ, въ большинствѣ случаевъ, сочинители сентиментальныхъ повѣстей, говоря объ усадьбахъ, считаютъ лишнимъ упоминать не только о крестьянахъ, но и домашней прислугѣ. Кромѣ того, въ повѣсти «Марія» вмѣсто ходульныхъ мелодраматическихъ героевъ выведены вполнѣ реальные типы, съ опредѣленной физіономіей и характерами. Такимъ являются: старый добродушный графъ, свободомыслящій швейцарецъ аббатъ Бертольдъ, исполнявшій въ домѣ роль воспитателя графскихъ дѣтей и высокомѣрная графиня, гордая своимъ происхожденіемъ и знатностью, которая, ради сословныхъ предразсудковъ, готова пожертвовать счастьемъ дѣтей. Она случайно узнаетъ о любви своего сына къ Маріи, дочери управляющаго, воспитанной вмѣстѣ съ ея собственною дочерью; приказываетъ по этому поводу позвать къ себѣ мужа и воспитателя Бертольда и, съ гнѣвомъ, объявляетъ имъ о своемъ рѣшеніи выдать Марію за своего крѣпостнаго камердинера.

Эта сцена несомнѣнно принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ повѣсти. Не менѣе характеренъ и остальной разсказъ старика управляющаго, повѣствующаго случайно заѣхавшему путешественнику печальную исторію любви своей дочери Маріи. Разсказъ этотъ особенно производитъ впечатлѣніе простымъ безъискусственнымъ тономъ. Управляющій, (бывшій графскій крѣпостной), безропотно по-

коряется своей судьбѣ и не винитъ господъ въ постигшемъ его несчастіи, въ которомъ онъ самъ является совершенно пассивнымъ лицомъ. Если онъ рѣшился въ разговорѣ съ помѣщикомъ высказать свое мнѣніе противъ брака, грозящаго дочери, то вслѣдъ затѣмъ, со слезами благодарности, выслушиваетъ данное ему приказаніе уѣхать вмѣстѣ съ семействомъ въ самое дальнее изъ графскихъ помѣстій, хотя отъ этой ссылки единственная дочь преданнаго слуги сходитъ съ ума отъ горя и умираетъ любимая жена.

Разсказомъ управляющаго кончается первая и наибольшая часть повѣсти: «Марія». Вторая часть далеко не представляетъ ни тѣхъ же достоинствъ, ни той цѣльности, такъ какъ авторъ, впадаетъ въ преувеличеніе и рисуетъ неестественныя сцены и положенія. Хотя здѣсь, какъ и въ первой части, разсказъ ведется отъ лица стараго управляющаго, но въ немъ уже слышатся фальшивыя ноты при описаніи безутѣшнаго горя молодаго графа.

Въ теченіи трехлѣтняго пребыванія за границей, молодой графъ не перестаетъ тосковать въ разлукѣ съ Маріей. Наконецъ, онъ узнаетъ о смерти матери и, съ разрѣшенія отца, спѣшитъ къ своей возлюбленной въ далекое украинское помѣстье, но пріѣзжаетъ въ моментъ погребенія Маріи и падаетъ безъ чувствъ. Обморокъ его настолько продолжителенъ, что отецъ Маріи успѣваетъ похоронить ее и поставить у ея могилы деревянный крестъ. Но это не останавливаетъ влюбленнаго графа, который велитъ приготовить два великолѣпныхъ гроба въ деревянной бесѣдкѣ и въ одинъ изъ нихъ положить вырытый изъ земли прахъ Маріи, а другой оставляетъ для себя. Съ наступленіемъ весны, вмѣсто бесѣдки, построена каменная церковь и въ нее перенесены оба гроба. Проходятъ годы послѣ смерти Маріи, но ничто не можетъ утѣшить молодаго графа, ни разсѣять его горести. Онъ ведетъ уединенную жизнь, рѣдко кого допускаетъ къ себѣ и то по необходимости; но такая жизнь не мѣшаетъ ему быть благодѣтелемъ не только крестьянъ, ему принадлежащихъ, но и постороннихъ. «Всѣ благословляютъ его, добавляетъ авторъ, всѣ хвалятся своимъ счастьемъ; одинъ онъ носитъ въ груди своей корень злополучія, который... не прежде изсохнетъ, какъ во взорахъ страдальца потухнетъ послѣдняя искра жизни.»

Любопытно, что современная критика отнеслась съ наибольшимъ сочувствіемъ къ сентиментальной, сравнительно, слабѣйшей части повѣсти. Такъ, рецензентъ въ журналѣ «Благонамѣренный» 1824 года

(ч. 18, стр. 25 — 45), называя «Марію» прекрасной, хотя и сентиментальной повѣстью, говоритъ, что «читая Марію рецензентъ и притомъ журналистъ въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ, который и въ молодости своей не былъ плаксивъ, выронилъ поневолѣ нѣсколько слезъ. Какъ хорошо знаетъ сочинитель человѣческое сердце. Въ какихъ трогательныхъ положеніяхъ умѣлъ онъ представить героевъ своей повѣсти... Далѣе, въ томъ-же отзывѣ, рецензентъ, нападая на автора за недостатокъ простоты и естественности, находитъ вполнѣ естественной и даже назидательной искусственную развязку повѣсти. «Цѣль повѣсти Марія, замѣчаетъ онъ, самая полезная. Авторъ хотѣлъ показать, что самое лучшее воспитаніе, если оно не согласно съ предназначеніемъ нашимъ въ общественной жизни бываетъ для насъ пагубно и, что любовь самая невинная, самая благородная между людьми, родившимися, повидимому, другъ для друга, но въ разныхъ или, такъ сказать, противоположныхъ между собою состояніяхъ,—есть ужаснѣйшее мученіе, которое только одна смерть прекратить можетъ»...

Такимъ образомъ, современный рецензентъ обращаетъ вниманіе только на сентиментально - нравоучительный, безусловно подражательный элементъ повѣсти.

Этотъ элементъ, какъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ Нарѣжнаго развивается объ руку съ самобытнымъ; и на этотъ разъ съ замѣтнымъ преобладаніемъ послѣдняго, чего нельзя сказать о слѣдующей небольшой повѣсти Турецкій судъ, которая должна быть признана подражательною отъ начала до конца. Она принадлежитъ къ извѣстному роду переводныхъ и подражательныхъ произведеній, обозначаемыхъ общимъ названіемъ «восточныхъ повѣстей», гдѣ сочинители съ нравоучительною цѣлью изображали добродѣтели отдаленныхъ народовъ. Соотвѣтственно съ этимъ, и въ повѣсти «Турецкій судъ» приведенъ примѣръ неподкупнаго турецкаго правосудія, въ лицѣ Ибрагима-паши, посланнаго турецкимъ султаномъ въ Каиръ по жалобѣ жителей на Ассана-пашу. Разумѣется, Нарѣжный, подобно большинству сочинителей «восточныхъ повѣстей», выказываетъ полное незнакомство съ нравами и обычаями жителей описываемой страны и строитъ фабулу своей повѣсти на случайныхъ свѣденіяхъ, вычитанныхъ имъ изъ книгъ.

На ряду съ повѣстью «Турецкій судъ», въ собраніи «Новыхъ повѣстей» 1824 года, помѣщено не менѣе слабое, хотя, повидимому

до извѣстной степени, самобытное произведеніе Нарѣжнаго, а именно «Невѣста подъ замкомъ». Это не болѣе, какъ фарсъ въ драматической формѣ, довольно неправдоподобный и лишенный всякаго остроумія, въ которомъ выставлены на смѣхъ недогадливость и резонерство нѣмцевъ. Старый ювелиръ Рупертъ держитъ взаперти живущую у него молодую племянницу, Розину, такъ какъ хочетъ жениться на ней и присвоить себѣ тридцать тысячъ приданаго, оставленнаго ей покойнымъ отцомъ. Такіе же виды на Розину имѣетъ сосѣдъ ювелира, старый докторъ Аффенбергъ, выгодно продавшій свою первую жену какому-то богачу. Но Розина влюблена въ бѣднаго молодаго чиновника Милона, который уговариваетъ ее бѣжать съ нимъ и захватить часть сокровищъ стараго ювелира, въ счетъ задержанныхъ имъ тридцати тысячъ, что удается влюбленнымъ, съ помощью самой невѣроятной мистификаціи. Оба нѣмца, видя себя кругомъ одураченными, утѣшаютъ себя длинными разсужденіями и тяжеловѣсными остротами.

Однако, несмотря на всѣ недостатки этой повѣсти, Н. А. Некрасовъ въ раннюю пору своей литературной дѣятельности воспользовался сюжетомъ «Невѣсты подъ замкомъ» для водевиля въ двухъ картинахъ: «Шила въ мѣшкѣ не утаишь, дѣвушки подъ замкомъ не удержишь.» Водевиль этотъ былъ напечатанъ въ «Репертуарѣ Русскаго театра на 1841 годъ», подъ псевдонимомъ Н. А. Перепельскій.

XXI.

Остальныя три повѣсти, напечатанныя въ упомянутомъ сборникѣ повѣстей 1824 года, а именно «Богатый бѣднякъ», «Запорожецъ» и «Заморскій принцъ», принадлежатъ къ нравоописательнымъ и историческимъ сочиненіямъ Нарѣжнаго, въ которыхъ, какъ и въ «Россійскомъ Жилблазѣ», онъ изображаетъ русскіе нравы и русскихъ людей съ окружающей ихъ обстановкой и, такимъ образомъ, является вполнѣ самобытнымъ. Но и здѣсь, онъ придерживается замысловатой завязки старыхъ романовъ съ приключеніями, на которыхъ воспитался въ молодости. Запутанныя похожденія главныхъ дѣйствующихъ лицъ, которыми авторъ думалъ придать интересъ своему разсказу, производятъ непріятное впечатлѣніе на нынѣшняго читателя, который изъ-за нихъ не обратитъ вниманія на талантливыя сцены, описанія и прекрасно очерченные типы.

Такое именно впечатлѣніе оставляетъ талантливая бытовая повѣсть «Богатый бѣднякъ», которая, если мы не ошибаемся, имѣетъ, сверхъ того, автобіографическое значеніе. Повѣсть начинается съ краткаго описанія вечера, въ недалекомъ разстояніи отъ Полтавы; вдали раздается ревъ усталыхъ подъ ярмомъ воловъ и блеяніе овецъ, идущихъ съ паствы. Изъ пятилѣтняго похода возвращается молодой эсаулъ Ипполитъ, по прозванію Голякъ, сынъ бѣднаго шляхтича; товарищи его разбрелись по домамъ; ему одному негдѣ преклонить голову, такъ какъ его родная хата запустѣла, и «много понадобилось бы иждивенія, чтобы сдѣлать ее похожей на жилище человѣческое: а у него въ карманахъ было пусто!»

Ипполитъ пускаетъ коня на траву и рѣшаатся провести ночь подъ открытымъ небомъ. Передъ нимъ знакомая, но не забытая картина: вдали виднѣются села сосѣднихъ помѣщиковъ; справа стоитъ его заброшенная родовая хата, изъ которой, пользуясь наступающей темнотой, стали показываться кучи нетопырей. «Она заросла высокимъ бурьяномъ, окна выбиты градомъ и соломенная крыша снесена вѣтрами»...

Тутъ жилъ его отецъ, самый бѣдный шляхтичъ въ округѣ, Онъ имѣлъ во владѣніи небольшой участокъ земли и небольшую хату, въ которой помѣщался съ женой, сыномъ Ипполитомъ, дочерью Мариной, работникомъ и работницей. Шляхтичъ не лѣнился самъ ходить за плугомъ, жать и молотить хлѣбъ и косить сѣно. Отъ этихъ занятій никто изъ домашнихъ уволенъ не былъ. Однако Ипполитъ, съ самаго отрочества, охотнѣе ходилъ въ школу, въ ближнее село къ дьячку Сидору, чѣмъ въ поле или лѣсъ... Едва исполнилось ему двадцать лѣтъ. какъ, «постигли его бѣдствія не мечтательныя»: въ короткое время лишился онъ отца и матери; сестра его Марина, избавившись ига родительскаго, склонилась на ласки проѣзжаго шинкаря, обвѣнчалась съ нимъ тайно и бѣжала [1]), работники бросили опустѣвшую хату. «Ипполитъ остался одинъ во всей природѣ и вся природа показалась ему безплодною пустынею»...

Совпаденіе приведенныхъ здѣсь подробностей съ данными о дѣтствѣ и семьѣ В, Нарѣжнаго приводитъ насъ къ догадкѣ, что,

[1]) О подобномъ романическомъ бракѣ своей тетки Нарѣжной (сестры писателя) разсказывалъ сынъ Т. Нарѣжнаго однимъ знакомымъ въ Полтавѣ, гдѣ онъ, нѣсколько лѣтъ, занималъ должность воспитателя при Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ.

быть можатъ, авторъ, въ лицѣ Ипполита Голяка, до извѣстной степени, изобразилъ самого себя. На двадцатомъ году жизни, какъ было сказано выше, Нарѣжный, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ, вѣроятно семейныхъ, обстоятельствъ, вышелъ, до окончанія курса изъ московскаго университета, несмотря на успѣшныя занятія; и поступилъ на службу. Если причина заключалась въ смерти родителей то по прошествіи извѣстнаго времени, при посѣщеніи родины, на обратномъ пути изъ Кавказа, лѣтомъ 1803 года, онъ могъ застать такое же запустѣніе родного гнѣзда. Небольшое хозяйство и хата, неподдерживаемые трудами владѣльца, должны были прійти въ упадокъ. При этихъ условіяхъ, такая-же печальная судьба, какъ судьба Марины, (въ упомянутой повѣсти), могла постигнуть одинокую осиротѣлую дѣвушку, сестру Нарѣжнаго, въ отсутствіе брата, съ которымъ она не видѣлась нѣсколько лѣтъ.

Возможно также, что разореніе родоваго гнѣзда было отчасти причиной, что Нарѣжный, во время многолѣтней службы въ Петербургѣ, ни разу не отлучался въ отпускъ и умеръ вдали отъ родины, несмотря на разстроенное здоровье. Во всякомъ случаѣ, представленная имъ печальная несложная картина—гдѣ трагизмъ заключается въ самомъ положеніи бѣдняка, поставленнаго въ извѣстныя условія — едва-ли создана силою одного воображенія. Безъискусственная простота разсказа отчасти подтверждаетъ эту догадку, такъ какъ авторъ, противъ обычая сочинителей въ подобныхъ случаяхъ, даже не считаетъ нужнымъ описывать то, что думалъ и чувствовалъ бездомный эсаулъ Голякъ, сидя одинъ, подъ открытымъ небомъ, въ виду наступающей ночи, за которой долженъ былъ слѣдовать такой же нерадостный для него день.

Въ этомъ положеніи, застаетъ героя повѣсти его бывшій пріятель Вириладъ, растолстѣвшій до неузнаваемости, который навеселѣ возвращается домой въ сопровожденіи слугъ. Слѣдуетъ объясненіе, послѣ котораго Вириладъ приглашаетъ Голяка къ себѣ, поитъ и кормитъ его и, въ память ихъ прежней дружбы, оказываетъ ему самое радушное гостепріимство.

Типъ добродушнаго и плутоватаго Вирилада, не особенно разборчиваго на средства, а равно и его отношенія къ окружающимъ вполнѣ реально очерчены авторомъ. Особенно характеренъ, въ этомъ отношеніи, разсказъ самого Вирилада о своемъ постепенномъ обогащеніи: наскучивъ долгой нищетой, онъ, наконецъ, взялся за умъ,

сталъ какъ можно чаще являться съ поклонами къ сосѣднимъ помѣщикамъ, разыгрывать передъ ними роль шута, «дозволялъ пускать себѣ въ глаза табачный дымъ, мять чубъ и ерошить усы», и за это, въ короткое время, получилъ отъ одного пана нарядное платье, а отъ другаго пару воловъ. Затѣмъ, «когда онъ увидѣлъ, что отрава лести, угожденія и униженія сильно подѣйствовали на сердца и души милостивцевъ», то, при удобномъ случаѣ, началъ самъ выпрашивать у нихъ подачки... и, продолжая усердно прислуживать панамъ, купилъ себѣ хуторъ и пр.

Такимъ-же практичнымъ является Вириладъ и въ дальнѣйшемъ разговорѣ съ молодымъ есауломъ, который на его вопросъ: много-ли онъ привезъ добра изъ бусурманщины?—простодушно отвѣтилъ, что у него ничего нѣтъ кромѣ двухъ крестиковъ съ Аѳонской горы и другихъ рѣдкостей, подаренныхъ монахомъ. Вириладъ былъ настолько озадаченъ, что нѣкоторое время молча смотрѣлъ на своего гостя, затѣмъ разразился неудержимымъ хохотомъ и, съ тяжелымъ вздохомъ, замѣтилъ ему, что «въ Малороссіи народъ началъ развращаться, такъ что и самый страстной охотникъ до рѣдкостей, а притомъ самой богатой и щедрой за всѣ твои диковиныя вещи и съ сумкою едва-ли дастъ болѣе одного злотаго»...

Что же касается собственно романической завязки повѣсти, то, несмотря на общій, чисто реальный характеръ разказа, о которомъ свидѣтельствуютъ приведенныя нами выдержки, она является настолько же слабой, какъ и во многихъ сочиненіяхъ Нарѣжнаго. Этимъ объясняется умолчаніе о романической сторонѣ повѣсти въ современной рецензіи помѣщенной въ журналѣ «Благонамѣренный» 1824 года (ч. 28, стр. 25), авторъ которой ничего не видитъ въ разсказѣ, кромѣ комизма. Герой повѣсти не представляетъ для него никакого интереса; онъ считаетъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ пана Вирилада; но находитъ, что «Сочинитель слишкомъ много уже говоритъ о съѣстномъ и хмѣльномъ. Малороссійскія наливки и волошскія вина, добавляетъ онъ, очень хороши, но лучше употреблять ихъ при сочиненіи, а не въ сочиненіи»...

Въ повѣсти «Запорожецъ» Нарѣжный выступаетъ на путь историческаго романа и начинаетъ разсказъ съ прекрасной, вполнѣ реальной картины Запорожской сѣчи:

На площади передъ храмомъ угодника Николая, собралась толпа въ ожиданіи запорожскаго войска, которое возвращается изъ похода

съ побѣдой и богатой добычей. Наконецъ, въ полѣ поднимается пыль высокая, еще одно мгновеніе—и всѣ увидѣли развѣвающуюся въ воздухѣ хоругвь запорожскую. Но вскорѣ радость смѣняется общимъ уныніемъ, при видѣ храбраго атамана тяжело раненнаго, который едва держится на конѣ, поддерживаемый казаками. Атаманъ говоритъ рѣчь народу и велитъ положить себя у вратъ церковныхъ, чтобы услышать,—быть можетъ въ послѣдній разъ,—слово Божіе и помолиться объ отпущеніи грѣховъ своихъ.

Далѣе слѣдуетъ описаніе молебствія, по окончаніи котораго знамя запорожское внесено въ церковь, и всѣ распущены по куренямъ. Ослабѣвшаго атамана уносятъ въ его домъ, гдѣ уже дожидалъ его врачъ извѣстный во всемъ Запорожьѣ, «гдѣ каждый больной лечился, какъ зналъ»...

Не менѣе рельефной картиной авторъ кончаетъ свою повѣсть. Заслуженный, оправившійся отъ ранъ атаманъ обращается съ прощальной рѣчью къ собравшимся запорожцамъ и проситъ, какъ милости, дозволенія сложить съ себя почетное званіе. Долго длится общее молчаніе и, только по слову священника, запорожцы соглашаются отпустить своего атамана, который приглашаетъ всѣхъ куренныхъ атамановъ и все войсковое начальство къ себѣ на обѣдъ, а для простыхъ казаковъ въ каждый курень ставитъ по бочкѣ пива.

Затѣмъ авторъ представляетъ краткій строго историческій очеркъ описываемой имъ Запорожской сѣчи.

Указанныя здѣсь мѣста повѣсти Запорожецъ, въ сравненіи съ прежними попытками русскаго историческаго романа, ясно показываютъ, насколько Нарѣжный опередилъ своихъ предшественниковъ, не исключая и Карамзина. со стороны вѣрнаго пониманія задачи историческаго романиста, такъ, что въ этомъ отношеніи, его произведеніе до сихъ поръ не утратило своего значенія и не можетъ считаться отсталымъ. Если «Запорожецъ» прошелъ незамѣченнымъ въ нашей литературѣ, то это объясняется тѣмъ, что авторъ, подъ видомъ разсказа стараго атамана о своей прошлой жизни, вставилъ въ рамки русской исторической повѣсти совершенно чуждое ей и едва ли не переводное сочиненіе какого-то иностраннаго романиста, исполненное искуственныхъ эффектовъ, чѣмъ окончательно нарушенъ общій характеръ повѣсти.

XXII.

Шестая и послѣдняя повѣсть, напечатанная въ числѣ такъ наз., «Новыхъ повѣстей», а именно «Заморскій принцъ», написана въ драматической формѣ и скорѣе можетъ быть названа комедіей, чѣмъ повѣстью [1]). Она принадлежитъ къ наиболѣе самобытнымъ произведеніямъ Нарѣжнаго и, несмотря на нелѣпость сюжета съ нынѣшней точки зрѣнія, многословіе и слабыя мѣста, заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ со стороны рельефно набросанныхъ характеровъ, такъ комизма положеній и живости дѣйствія:

Панъ Златницкій, богатый малороссійскій помѣщикъ, кичится своими предками, изъ которыхъ многіе были гетманами; онъ выставилъ ихъ портреты въ особой комнатѣ, которую назвалъ «завѣтной палатой», и никому не позволяетъ вступать въ нее, безъ особеннаго дозволенія. Онъ настолько проникнутъ своимъ достоинствомъ, что, получивъ отъ губернатора письменный выговоръ за безцеремонное обращеніе съ крестьянскою собственностью на охотѣ, приходитъ въ негодованіе и считаетъ это «неслыханною дерзостью» относительно себя, потомка гетмановъ.

У пана Златницкаго живетъ племянница Наталья, за которую сватается сынъ сосѣда, капитанъ Алексѣй Прилуцкій; но потомокъ гетмановъ объявляетъ, что не иначе выдастъ племянницу, какъ за принца или, по крайней мѣрѣ, за князя. Въ виду такого рѣшенія, отверженный женихъ выдаетъ себя за заморскаго принца, но самъ не показывается, а черезъ посла сватаетъ Наталью. Панъ Златницкій, польщенный такою честью, съ гордостью объясняетъ своему сосѣду, отставному маіору Прилуцкому, отцу Алексѣя, что вѣсть объ его рѣшеніи выдать племянницу за принца или князя разнеслась въ иностранныхъ земляхъ и Богъ послалъ ей достойнаго жениха.

Во второмъ дѣйствіи, представленъ съѣздъ свадебныхъ гостей. Посолъ принца, отъ имени своего повелителя, проситъ пана Златницкаго отпустить Наталью въ церковь, для сочетанія бракомъ съ

---

[1]) Комедія эта передѣлана авторомъ изъ его собственной «вставной» повѣсти «Заморскій принцъ», помѣщенной въ четвертой, неизданной части «Россійскаго Жилблаза».

свѣтлѣйшемъ принцемъ. Златницкій нѣсколько разъ пытается отвѣчать, но безуспѣшно.

1-й гость. (Судья). Возможно-ли? Какая честь!

2-й гость. (Городничій). Отъ роду подобнаго не видывалъ, да и во снѣ не грезилось.

3-й гость. (Исправникъ). Не въ коня кормъ! не по нашему,— слова сказать не умѣетъ...

Наконецъ, маіоръ Прилуцкій выручаетъ сосѣда и вступаетъ въ бесѣду съ посломъ, который въ хвастовствѣ не уступаетъ Хлестакову въ Гоголевскомъ «Ревизорѣ» и разсказываетъ всякія небылицы о богатствѣ и могуществѣ Заморскаго принца. Гости съ умиленіемъ слушаютъ его. Панъ Златницкій велитъ призвать племянницу, послѣ чего всѣ удаляются въ церковь, кромѣ самого хозяина и маіора Прилуцкаго.

Третье дѣйствіе начинается монологомъ дворецкаго, который бранитъ своего господина, пана Златницкаго, за его затѣи и пророчитъ, что отъ свадьбы Натальи съ Заморскимъ принцемъ нечего ждать добра. Входятъ: судья, городничій и исправникъ. Дворецкій, таинственно объявляетъ имъ, что Заморскій принцъ большой колдунъ и чародѣй и что въ церкви онъ, въ виду народа христіанскаго, началъ оборачиваться. Слушатели поражены неожиданною новостью. Судья и городничій обращаются къ исправнику, такъ какъ дѣло происходитъ въ уѣздѣ.

Исправникъ *(весело)*... Когда такъ, то мы, по силѣ данной намъ инструкціи, знаемъ какъ поступить, въ такомъ казусномъ случаѣ.

Городничій. Крайне жаль, что это произошло въ уѣздѣ, а не въ городѣ! Право, и я не новичекъ въ своемъ дѣлѣ, и — самаго злаго оборотня умѣлъ бы такъ выворотить, что вся правда высыпалась бы изъ кармановъ. Жаль, истинно жаль!...

Исправникъ. Мы и сами ѣзжали и учиться ни у кого не станемъ! Слава тебѣ, Господи!

Судья. Все же безъ меня не обойдется дѣло. Вы не больше, какъ слѣдователи, я же по благости Господней—судья...

Дворецкій. Милосердые господа! Вы забыли, что не съ нами грѣшными будете имѣть дѣло. Представьте, вѣдь вы должны будете ратовать съ принцемъ, у котораго одна свита можетъ всю эту де-

ревню поставить вверхъ дномъ, хотя бы онъ самъ и не былъ чародѣемъ.

Городничій. И впрямь! Мы о свитѣ его совсѣмъ не подумали...

Судья. Ты, другъ мой, насъ пугаешь. Почему тебѣ знать, что принцъ въ самомъ дѣлѣ колдунъ?

Городничій. И подлинно, не пустяки ли?

Исправникъ. Это совершенный вздоръ...

(*Входитъ панъ Златницкій съ маіоромъ Прилуцкимъ*).

Златницкій. Что, дорогіе гости? Весело-ли проводите время, въ ожиданіи молодыхъ? Нѣтъ-ли отъ нихъ верховаго впередъ?

Судья. Позволь, любезный сосѣдъ, рекомендоваться тебѣ снова. Буде ты замолвишь у племянника своего за насъ словечко, то мы пресчастливые люди, мы,—т. е. я, судья, городничій и исправникъ.

Златницкій. Надѣйтесь на меня, какъ на сосѣда и пріятеля. Все, все, что только могу, готовъ сдѣлать въ вашу пользу. А въ чемъ дѣло?

Судья. Прежде дай обнять тебя и нижайше поздравить. *(Обнимаетъ его).*

Городничій. Съ неописанною честью! (*Обнимаетъ*).

Исправникъ. Съ полною властью! (*Обнимаетъ*).

Златницкій. Господа! Бога ради, уймитесь! Помилуйте, что съ вами сдѣлалось. (*Онъ бѣгаетъ вдоль и поперегъ горницы; они его преслѣдуютъ, кто кланяясь, кто наровясь обнять его*). Съ чѣмъ вы меня поздравляете! Вамъ уже извѣстно все и вы меня поздравляли. Что еще за новость?...

Судья. Ахъ, Боже мой! Такъ ты ничего больше не знаешь? Возможно-ли! Совсѣмъ ничего?...

(*Всѣ трое устремляются къ нему съ распростертыми объятіями. Устрашенный Златницкій отступаетъ, отмахиваясь чубукомъ*).

Прилуцкій *(становится между ними)*. Клянусь честью маіорскою, не позволю душить моего сосѣда... Говорите, господа, свои новости, хотя всѣ трое вмѣстѣ; я буду отвѣчать за сосѣда; видите, онъ едва дышитъ.

Судья. Изволь! Какъ ты думаешь, кто теперешній мужъ его племянницы?

Прилуцкій. Что за вопросъ? Безъ сомнѣнія, принцъ Заморскій!

Городничій. Вотъ то-то!

Судья. Не мѣшайтесь, господа, до времени; вѣдь я еще не смѣшался.—Ну, панъ Прилуцкій, такъ только что принцъ?

Прилуцкій. Чего жъ тебѣ больше?

Судья. То-то и штука, что мы кое-что и больше знаемъ! Этотъ принцъ мало того, что принцъ Заморскій; но онъ сверхъ того—слушайте внятнѣе—великій колдунъ!

Городничій. Чародѣй!

Исправникъ. Оборотень!

(*Прилуцкій и Златницкій пятятся назадъ. Молчаніе*).

Судья. Что теперь скажете?..

Прилуцкій. Что за бѣсовщина. Не даромъ, когда я садился на коня, для поѣздки сюда, двѣ проклятыя вороны страшно каркали надъ моей головой. Тогда-же подумалъ я, что это не даровое...

Входитъ толпа гостей мужчинъ и женщинъ; затѣмъ является посолъ принцевъ и объявляетъ, что обрядъ бракосочетанія кончилъ, и, что молодые скоро прибудутъ. (Слышны выстрѣлы и звукъ роговъ).

Прилуцкій (*тихо*). Сколько я ни храбръ, а долженъ сознаться, что лучше бы сдѣлалъ, еслибъ теперь сидѣлъ въ своемъ хуторѣ. Кто-же зналъ, что въ этомъ христіанскомъ домѣ встрѣчу принца, а притомъ колдуна и оборотня.

Златницкій (*со вздохомъ*). Панъ Прилуцкій! Не оставь сосѣда своего и друга въ эту рѣшительную минуту! Гдѣ бы мнѣ приличнѣе стать?—здѣсь? а? или здѣсь?—Ну, сказывай...

Наконецъ, новобрачные возвращаются изъ церкви; панъ Златницкій пораженъ не менѣе гостей, узнавъ въ особѣ Заморскаго принца отверженнаго жениха Натальи, Алексѣя Прилуцкаго. Хотя потомокъ гетмановъ глубоко возмущенъ бракомъ племянницы и объявляетъ, что «ему надобно умереть отъ стыда», но тѣмъ не менѣе, уступая убѣжденіямъ маіора Прилуцкаго и остальныхъ гостей, онъ заключаетъ новобрачныхъ въ свои объятія.

При чтеніи этихъ наиболѣе характерныхъ выдержекъ изъ комедіи «Заморскій принцъ» нельзя не замѣтить, что она напоминаетъ Гоголевскаго «Ревизора», но въ такой слабой степени, что мы не беремся опредѣлить, въ чемъ именно заключается сходство. Между тѣмъ, оно частью проглядываетъ въ общемъ ходѣ піесы, отчасти въ отдѣльныхъ, преимущественно, внѣшнихъ чертахъ. Неизвѣстно, было ли это дѣло простой случайности, или Гоголь, въ данномъ случаѣ,

находился подъ впечатлѣніемъ вышеприведенной комедіи, такъ какъ могъ читать ее еще въ юности.

Въ настоящее время, сравненіе наивной комедіи Нарѣжнаго съ «Ревизоромъ» Гоголя едва-ли возможно, равно какъ и нынѣшнія требованія критики не могутъ въ одинаковой мѣрѣ примѣняться къ обоимъ писателямъ. О сочиненіяхъ Нарѣжнаго мы можемъ судить только по связи ихъ съ предшествующей, а не съ послѣдующей литературой, уже достигшей извѣстной степени развитія; и при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду крайне невыгодныхъ и, такъ сказать, исключительныхъ условій его писательской дѣятельности.

Гоголь, разумѣется, какъ художникъ, былъ неизмѣримо выше Нарѣжнаго, но онъ выступилъ, со своими первыми юношескими произведеніями, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, въ пору полнаго разцвѣта русской литературы, готовой формы и выработаннаго слога. Онъ сразу попалъ въ кругъ первоклассныхъ писателей и образованнѣйшихъ людей того времени, которые были непосредственными критиками и цѣнителями его сочиненій. Не подлежитъ сомнѣнію, что они, въ значительной мѣрѣ, способствовали развитію таланта Гоголя и даже, быть можетъ, отчасти той, почти болѣзненной добросовѣстности, съ какой онъ относился къ задачамъ своей литературной дѣятельности и произведеніямъ своего пера. Напротивъ того, Нарѣжный, по выходѣ изъ московскаго университета, очутился въ чуждой для него чиновничьей сферѣ, вдали отъ остальнаго литературнаго міра, внѣ всякаго, а тѣмъ болѣе благотворнаго вліянія. Вслѣдствіе того, онъ остался одинокимъ въ литературѣ, со всѣми хорошими и слабыми сторонами самоучекъ, которыя видны въ недостаточной отдѣлкѣ его романовъ и повѣстей, подчасъ, отсутствіи чувства мѣры, въ извѣстной грубости выраженій и даже цинизмѣ. Если Нарѣжный, въ послѣдніе годы своей жизни,—какъ мы узнаемъ изъ краткой біографіи, составленной его сыномъ (55) «любилъ читать вслухъ свои произведенія», то читалъ ихъ въ тѣсномъ кружкѣ пріятелей, чиновниковъ, которые могли быть плохими судьями въ литературномъ дѣлѣ. При этихъ условіяхъ, произведенія Нарѣжнаго должны были неизбѣжно явиться передъ публикой въ необработанномъ видѣ, а произведенія Гоголя—въ такой-же мѣрѣ художественными и законченными.

Такимъ образомъ, въ примѣненіи къ Гоголю и Нарѣжному, какъ намъ кажется, едва-ли можетъ быть прямо поднятъ вопросъ

о подражаніи и заимствованіи, а скорѣе—слѣдуетъ признать бо̀льшую или меньшую степень вліянія отжившаго писателя на его непосредственнаго преемника, въ извѣстномъ родѣ литературы. Этого вліянія нельзя поставить въ упрекъ Гоголю, такъ какъ оно не касается его самобытнаго творчества. Такое вліяніе двухъ другихъ сочиненій Нарѣжнаго, а именно «Запорожца» и «Бурсака» отразилось на «малороссійскихъ» бытовыхъ и историческихъ повѣстяхъ Гоголя, равно какъ устарѣвшій романъ «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ», помимо содержанія, напоминаетъ въ извѣстныхъ сценахъ и описаніяхъ гоголевскую «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».

XXIII.

Романъ «Бурсакъ», наиболѣе извѣстное изъ произведеній Нарѣжнаго, вышелъ первымъ изданіемъ въ 1824 году. Въ немъ, какъ и въ «Россійскомъ Жилблазѣ», мы видимъ положительный поворотъ отъ подражательнаго романа къ самобытному, такъ что и въ этомъ отношеніи, помимо другихъ его достоинствъ, «Бурсаку» принадлежитъ видное мѣсто въ русской литературѣ.

Въ «Бурсакѣ», романѣ полубытовомъ и полуисторическомъ, мы встрѣчаемъ вполнѣ самобытные, принадлежащіе автору сюжеты, характеры, сцены и типы, а съ другой стороны законченныя историческія картины и мастерское изображеніе извѣстныхъ моментовъ изъ прошлой исторіи Малороссіи. Здѣсь Нарѣжный впервые представляетъ дѣйствительное, а не фантастическое описаніе стариннаго малороссійскаго быта гетманскихъ временъ, со всей тогдашней обстановкой. Историческая и бытовая часть тѣсно связаны между собою; и эта связь является безъ какихъ либо натяжекъ и видимыхъ усилій со стороны автора.

Что касается содержанія, въ сравненіи съ предшествующей романической литературой, то въ «Бурсакѣ» новымъ является и самый типъ главнаго героя Неона, въ лицѣ котораго Нарѣжный впервые вывелъ въ русскомъ романѣ настоящаго малороссійскаго бурсака старыхъ временъ, наивнаго и добродушнаго, но проникнутаго гордымъ сознаніемъ своей учености. Авторъ подробно описываетъ условія его воспитанія, сначала у сельскаго дьяка, затѣмъ въ бурсѣ, вслѣдствіе чего изображенный имъ типъ становится еще рельефнѣе и какъ-бы воскресаетъ передъ читателемъ.

Первымъ воспитателемъ Неона является его пріемный отецъ, дьячекъ Варухъ, который начинаетъ учить его съ ранняго дѣтства и съ такимъ успѣхомъ, что ученикъ «въ двѣнадцать лѣтъ читалъ и писалъ не хуже его и пѣлъ на клиросѣ на всѣ восемь гласовъ». Но Варухъ, не желая обречь своего питомца на жалкую участь сельскаго дьячка, рѣшается отдать его въ Переяславскую семинарію, въ надеждѣ, «что со временемъ, съ Божьей помощью, онъ займетъ завидный постъ діакона въ какомъ-нибудь селѣ». Но такъ какъ для пріема нужна была протекція, то Варухъ, по прибытіи въ городъ, на занятый рубль устраиваетъ попойку для ректорскаго келейника отца Паисія, при посредствѣ котораго Неонъ былъ тотчасъ-же принятъ въ семинарію и очутился въ бурсѣ, гдѣ бѣдные иногородные ученики имѣли даровое помѣщеніе.

Далѣе слѣдуетъ превосходное описаніе старой малороссійской бурсы, съ ея своеобразными порядками и уставами, которое принадлежитъ къ лучшимъ описаніямъ этого рода и до сихъ поръ не утратило своего бытоваго и историческаго значенія. Авторъ такъ близко знакомъ со всѣми подробностями обстановки и внутренней жизни бурсаковъ и такъ живо и наглядно передаетъ ихъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, до своего поступленія въ московскую гимназію, онъ самъ учился въ семинаріи и провелъ нѣкоторое время въ бурсѣ, гдѣ, помимо воспитанниковъ духовна́го званія, помѣщались также дѣти недостаточныхъ дворянъ. Если наша догадка справедлива, то отъ лица героя романа, бурсака Неона, авторъ передаетъ свои личныя впечатлѣнія при поступленіи въ бурсу, гдѣ на первыхъ порахъ все поражаетъ его и вызываетъ на размышленія.

По выходѣ въ свѣтъ романа «Бурсакъ» въ 1824 году, большинство русской публики впервые получило наглядное представленіе объ устройствѣ малороссійской бурсы и характерѣ семинарскаго воспитанія. Тѣлесныя наказанія въ тогдашней семинаріи, какъ и въ позднѣйшей бурсѣ, описанной Помяловскимъ, составляли существенную часть воспитанія, которое, по понятіямъ семинарскаго начальства, должно было развить въ ученикахъ «терпѣніе и послушаніе,—добродѣтели, необходимыя для всякаго человѣка, а особливо для готовящаго себя въ духовное званіе». Обитатели бурсы, въ свою очередь, настолько свыкались со всякаго рода истязаніями, со стороны преподавателей и старшихъ товарищей, что считали ихъ «пустяками, не заслу́живающими вниманія», и утѣшали себя мыслью,

что «количество полученныхъ ударовъ приближаетъ каждаго къ лестной цѣли быть діакономъ или попомъ». О развитіи нравственныхъ правилъ, кромѣ «терпѣнія и послушанія», никто не заботился; и семинарское начальство смотрѣло сквозь пальцы на способы пропитанія вѣчно голодныхъ бурсаковъ, если ихъ безчинства не переходили извѣстныхъ предѣловъ. Помимо открытаго добыванія припасовъ посредствомъ пѣнія духовныхъ пѣсенъ, подъ окнами горожанъ и произнесенія рѣчей, бурсаки пробавлялись ограбленіемъ чужихъ огородовъ и садовъ. Тотъ и другой способъ, изображенный впослѣдствіи въ малороссійскихъ повѣстяхъ Гоголя, подробно описанъ и въ «Бурсакѣ» Нарѣжнаго, гдѣ, между прочимъ, приведенъ случай грабежа въ саду женскаго монастыря, заслужившій, повидимому, примѣрное наказаніе. На слѣдующее утро, пойманнаго бурсака Сарвилу, съ связанными руками, привели въ пріемную комнату семинаріи, гдѣ «въ полукружіи сидѣли: ректоръ, префектъ, келарь, игуменья, дьяконша, нѣсколько монаховъ и монахинь... Начался допросъ и продолжался немалое время», послѣ чего виновный осужденъ на изгнаніе изъ семинаріи...

Въ то время, какъ въ переяславской семинаріи происходили описанныя событія, во всей Малороссіи все болѣе и болѣе усиливалось политическое броженіе:

«Сперва тайно, а потомъ и явно начали говорить на базарахъ и въ классахъ семинаріи, что гетманъ принялъ твердое намѣреніе со всею Малороссіею отторгнуться отъ иноплеменнаго владычества Польши и поддаться царю русскому. Такіе слухи болѣе и болѣе усиливались и доводили поляковъ до неистовства. Старый кіевскій воевода принялъ дѣятельнѣйшія мѣры воспротивиться такому предпріятію гетмана, низложить оное и еще болѣе поработить Малороссію. Гетманъ тайно началъ готовить войска.

Въ такомъ положеніи были дѣла народныя, и всякой, кто только имѣлъ какую-нибудь собственность, принималъ въ нихъ живѣйшее участіе. Послѣдній казакъ, у коего ничего не было, кромѣ плохой свиты и сабли, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на нарядного поляка и въ шинкахъ нерѣдко доходило до поволочекъ...» (стр. 57, ч. I изд. 1836 г.)

Послѣ этой исторической вставки, изъ которой читатель узнаетъ о времени описываемыхъ событій, авторъ снова возвращается къ бурсѣ и разсказываетъ о несчастьи, постигшемъ его героя. Въ одинъ зимній день, бурсакъ Неонъ, на обратномъ пути изъ классовъ въ

бурсу, неожиданно встрѣчаетъ пастуха изъ роднаго села, который сообщаетъ ему, что пріемный отецъ его, дьячекъ Варухъ, послѣ бывшаго съ нимъ случая, лежитъ при смерти и желаетъ проститься съ нимъ.

— «Случая? вскричалъ бурсакъ, случай или судьба, или что мы ученые называемъ fatum Turcicum.

— «Провались ты съ своею латынью, сказалъ сурово пастухъ,— идешь-ли ты къ умирающему отцу или нѣтъ? Теперь не лѣто; если запоздаемъ, то достанемся на ужинъ какому-нибудь голодному волку...»

Эти слова остановили приливъ бурсацкаго краснорѣчія. Неонъ, заручившись дозволеніемъ ректора и теплымъ платьемъ, быстро окончилъ свои сборы, послѣ чего оба молча двинулись въ путь, не пропуская шинковъ, стоящихъ у дороги. Наконецъ, когда всѣ купленныя булки были съѣдены, Неонъ вступилъ въ разговоръ съ своимъ спутникомъ, и началъ разспрашивать его о причинѣ внезапной болѣзни дьячка Варуха, пересыпая рѣчь учеными выраженіями и миѳологическими именами. На всѣ вопросы пастухъ отвѣчалъ упорнымъ молчаніемъ и только тогда удовлетворилъ любопытство бурсака, когда этотъ, потерявъ терпѣніе, спросилъ его простымъ языкомъ: «отъ чего отецъ мой сдѣлался боленъ и близокъ къ смерти?»

Изъ словъ пастуха оказалось, что охмелѣвшій дьячекъ взобрался на колокольню, чтобы перекричать звонъ деревенскаго колокола своимъ громкимъ голосомъ, за что и былъ сброшенъ съ лѣстницы звонаремъ и находился при смерти отъ полученныхъ ушибовъ.

«Вотъ какова жизнь человѣческая, промолвилъ со вздохомъ разсказчикъ—живи, живи, да и умри! Что, господинъ студентъ, не поворотить-ли намъ направо по этой утоптанной дорожкѣ?..» Въ этомъ шинкѣ «всегда можно найти преизрядное вино. Если ты, по примѣру всѣхъ бурсаковъ, путешествуешь безъ лишней копѣйки .. такъ пастухи въ этомъ случаѣ догадливѣе. Пойдемъ-ка!»

Неонъ охотно послѣдовалъ приглашенію и «чтобы доказать, что не всѣ бурсаки одинаковы, оставилъ въ шинкѣ половину злотаго».

Благодаря такимъ остановкамъ, путники уже въ глубокія сумерки дошли до хаты Варуховой. Умирающій дьячекъ съ умиленіемъ обнялъ пріемнаго сына и велѣлъ сѣсть у ногъ своихъ, а затѣмъ распорядился, чтобы пастухъ, вмѣстѣ съ старымъ батракомъ, приготовилъ сытный ужинъ.

«Къ вамъ придетъ также, добавилъ Варухъ, и пользующій меня знахарь. Не забудь припасти хорошую мѣру пѣннику. Хочу, чтобъ всего довольно было. Надобно, чтобъ эта ночь, которая можетъ быть есть послѣдняя въ моей жизни, проведена была сколько можно веселѣе. Дни прошедшіе, о коихъ имѣлъ я время размыслить, текли ни очень хорошо, ни очень худо и за то да будетъ прославлено имя Господне!»...

Пастухъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ удалился, чтобы «заняться дѣломъ полезнѣйшимъ, чѣмъ слушаніемъ послѣднихъ словъ дьячка Варуха, который, окончивъ бесѣду съ своимъ питомцемъ, отправилъ и его на кухню ужинать съ остальной компаніей. Ужинъ продолжался «до вторыхъ пѣтуховъ; а тутъ, когда пирующіе, вздумавъ успокоиться, зашли провѣдать о немощномъ — Варухъ уже оледенѣлъ!»... (стр. 58—70, I).

Также реально и просто описаны авторомъ похороны Варуха и непритворное горе осиротѣвшаго бурсака, который, продавъ имущество покойнаго, отправился въ Переяславль. Дорогой, когда онъ поровнялся съ тропинкой, ведущей къ знакомому шинку, «ему показалось, что онъ все еще очень печалится» и что вино разсѣетъ его горе. Но вмѣсто ожидаемаго утѣшенія, онъ почувствовалъ себя еще несчастнѣе и настолько опьянѣлъ, что, несмотря на сильный морозъ и вьюгу, вышелъ въ полночь изъ шинка, чтобы продолжать путь и сбился съ дороги. Чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ становился гуще, а снѣгъ глубже; онъ долженъ былъ чаще останавливаться для отдыха и мало по малу началъ выбиваться изъ силъ... Уже разсвѣло, когда онъ вышелъ изъ лѣсу и необразимая снѣжная равнина представилась его глазамъ. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы поддаться впередъ, но упалъ безъ чувствъ на снѣжное ложе; и былъ поднятъ проходившими охотниками.

Далѣе разсказъ становится менѣе выдержаннымъ и представляетъ смѣсь небывалыхъ приключеній съ изображеніемъ дѣйствительности, какъ, напримѣръ, описаніе жизни бурсака въ домѣ богатаго малороссійскаго помѣщика Искутарія, который пригласилъ его для надзора за своимъ шестнадцатилѣтнимъ сыномъ (ч. I, стр. 104—119). Авторъ немногими словами рисуетъ характеръ помѣщика, его жены и отношенія бурсака къ своему воспитаннику, котораго онъ считаетъ «лѣнтяемъ и повѣсою», но утѣшаетъ себа мыслью, что «его глаза не отцовскіе, и какая ему до того нужда? Довольно, что родители не могли имъ налюбоваться». Къ тому-же, въ домѣ помѣщика

жила его дочь Неонилла, молодая вдова, воспитанная въ Кіевѣ, веселая и обходительная, которая сразу плѣнила сердце бурсака и сама увлеклась имъ. Влюбленные сходились ночью въ садовой бесѣдкѣ для нѣжныхъ свиданій, которыя становились все чаще и вскорѣ были обнаружены. Бурсакъ, во избѣжаніе гнѣва оскорбленнаго родителя, долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ.

Но судьба печется о безопасности героя романа, который остается невредимъ среди всевозможныхъ приключеній, женится тайно на своей возлюбленной и находитъ покровителей, которые щедро снабжаютъ его платьемъ и деньгами. Онъ спокойно пользуется даровыми благами, не размышляя о причинѣ такой заботливости о немъ постороннихъ людей, и, по совѣту одного изъ своихъ покровителей, ѣдетъ въ казацкую столицу Батуринъ искать службы у гетмана, въ виду предстоящей войны.

XXIII.

Вторая часть романа «Бурсакъ» носитъ по преимуществу историческій или, вѣрнѣе, историко-бытовой характеръ и переноситъ читателя въ Батуринъ, гдѣ происходитъ торжество, по случаю дня рожденія престарѣлаго гетмана. На торжествѣ присутствуетъ и бывшій бурсакъ:

«Пришедъ въ соборную церковь, онъ увидѣлъ чрезмѣрное стеченіе народа... Мѣсто, гдѣ становился гетманъ, устлано было богатымъ ковромъ и осѣняемо сверху покровомъ малиноваго бархата, съ золотой бахрамой и такими же кистями. Вскорѣ суетливость духовенства и народа возвѣстили прибытіе великаго гетмана. Молчаніе распростерлось повсемѣстно. Сначала показалось около полусотни тѣлохранителей, одѣтыхъ въ богатыя черкески; они преслѣдуемы были важными чиновниками въ блестящемъ убранствѣ, за коими шествовалъ державный старецъ. Стопы его были медленны... Шествіе заключалось знатнѣйшими гражданами Батурина и другихъ городовъ Малороссіи... По окончаніи богослуженія, гетманъ вышелъ изъ храма тѣмъ-же порядкомъ, какъ и вошелъ. У крыльца церковнаго подвели ему богато убраннаго коня; онъ сѣлъ и, окруженный тѣлохранителями, медленно возвращался въ свои палаты при пушечномъ громѣ и колокольномъ звонѣ»... (стр. 5—7, II).

Это описаніе уже потому заслуживаетъ вниманія, что принадлежитъ романисту, сравнительно наиболѣе близкому по времени къ

гетманской эпохѣ. Все дѣтство его прошло въ Малороссіи, гдѣ еще свѣжи были преданія о Богданѣ Хмельницкомъ, и гдѣ онъ имѣлъ возможность слышать отъ очевидцевъ разсказы о послѣднихъ гетманахъ, которые, несмотря на потерю власти, въ церемоніалѣ и внѣшней обстановкѣ, вполнѣ придерживались старины и обычаевъ своихъ предшественниковъ. Этимъ также могъ воспользоваться Нарѣжный и, безъ нарушенія исторической правды, перенести окружавшую ихъ обстановку къ временамъ Богдана Хмельницкаго. Только при близкомъ знакомствѣ съ характеромъ эпохи, могъ онъ усвоить всѣ подробности стараго казацкаго быта и соблюсти въ такой степени вѣрность общаго колорита, которая составляетъ отличительную черту всей исторической части романа. Это можно отнести и къ слѣдующему описанію завтрака въ гетманскомъ дворцѣ

Въ ближайшій воскресный день, бурсакъ Неонъ снова увидѣлъ гетмана въ церкви, и по окончаніи богослуженія долженъ былъ идти по слѣдамъ его, такъ какъ получилъ приказаніе явиться во дворецъ.

«Гетманъ съ приближенными своими удалился во внутренніе покои, а Неонъ остался въ огромной комнатѣ, гдѣ множество знатныхъ людей, малороссіянъ, черноморцевъ и поляковъ, въ блестящихъ одеждахъ, взадъ и впередъ разгуливали. Иные были веселы и мололи всякій вздоръ; другіе задумчивы и неохотно отвѣчали на дѣлаемые вопросы; третьи попарно, или по три человѣка, отошедъ въ уголъ, шептались между собою, четвертые —казавшіеся совсѣмъ безъ характера и занятія,—похаживали важно по комнатѣ, смотрѣлись въ зеркала, закручивали усы, полуобнажали сабли и явно всѣмъ разсказывали, какихъ трудовъ стоило имъ изученіе искусства биться на поединкахъ, за то и сдѣлались они совершенными наѣздниками. Между тѣмъ, придворные служители набрали большой столъ и уставили оный водками, винами и разными кушаньями... Все многолюдство обратилось къ сему привлекательному предмету. Одинъ Неонъ, не смѣя даже шевельнуться, и подавно не осмѣливался приблизиться къ цѣли общаго обольщенія, а стоялъ у окна, какъ на горячихъ угольяхъ»...

Въ это время, въ комнату вошелъ Куфій, любимый шутъ гетмана, и обратилъ на себя общее вниманіе. Всѣ знали, какимъ вліяніемъ онъ пользовался у своего господина и, встрѣтивъ его радостными восклицаніями, стали распрашивать о здоровьи и расположеніи духа гетмана. Куфій отвѣчалъ нехотя на предлагаемые во-

просы и въ свою очередь спросилъ: «Кто этотъ молодой казакъ, у окна стоящій, и почему не пригласите вы и его къ завтраку?»

— «Это», сказалъ пожилой польскій сановникъ, «повидимому, какой-нибудь малороссійскій шляхтичъ, который пріѣхалъ ко двору предложить посильныя услуги, лишь бы его одѣли, дали клячу и кусокъ чернаго хлѣба».

«Все не мѣшаетъ, панъ Казиміръ», сказалъ Куфій: «пусть онъ и нищій дворянинъ, но какъ скоро Господь Богъ сподобилъ его вобраться въ чертоги своего гетмана, то не долженъ онъ выйти изъ нихъ съ засохшимъ горломъ и пустымъ желудкомъ. Ахъ! сколько нашъ старый простакъ Никодимъ питаетъ польской саранчи, которая за его же хлѣбъ-соль надъ нимъ издѣвается и строитъ козни!»... (стр. 10—13, II).

Эта сцена, очевидно вымышленная, является исторически вполнѣ правдоподобной, въ виду давней вражды малороссіянъ съ поляками, которая должна была еще болѣе усилиться наканунѣ отложенія Малороссіи. Равнымъ образомъ, и описаніе пестрой толпы гостей за гетманскимъ завтракомъ въ такой же степени соотвѣтствуетъ дѣйствительности и носитъ мѣстный колоритъ, такъ какъ дворъ малороссійскихъ гетмановъ, за все время своего существованія, состоялъ изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ.

Что касается чисто фактической стороны, то Нарѣжный, пользуясь правомъ историческаго романиста, только въ общихъ чертахъ придерживается историческихъ событій, а въ изображеніи историческихъ лицъ и ихъ семейныхъ отношеній, даетъ слишкомъ большой просторъ своей богатой фантазіи; вслѣдствіе чего, быть можетъ, Богданъ Хмѣльницкій является подъ именемъ Никодима, а равно и его приближенные названы вымышленными именами. Но и здѣсь, несмотря на фантастичность разсказа, исторія непокорной дочери Никодима представляетъ интересъ со стороны вѣрнаго пониманія исторической эпохи и вѣрнаго изображенія мѣстныхъ и бытовыхъ условій. Такимъ образомъ, съ историко-бытовой стороны, авторъ нигдѣ не измѣняетъ своей задачѣ, а тѣмъ болѣе, на страницахъ, гдѣ фантазія его является болѣе обузданной и онъ касается событій повседневной жизни.

Къ такимъ страницамъ во второй части «Бурсака» можно отнести описаніе службы бывшаго бурсака при дворѣ гетмана, его производство въ есаулы, а затѣмъ въ сотники, и крестины его новорож-

деннаго сына, такъ какъ гетманъ, въ видѣ особенной милости, вызвался быть крестнымъ отцомъ ребенка и поручилъ исполнить за себя эту церемонію одному изъ полковниковъ (стр. 19—40). Далѣе слѣдуетъ описаніе войны, которое принадлежитъ къ лучшимъ романическимъ описаніямъ этого рода, тѣмъ болѣе, что авторъ хорошо знакомъ съ мѣстностью, гдѣ происходятъ военныя дѣйствія. Здѣсь историческая вѣрность заключается не въ частностахъ, а въ вѣрномъ изображеніи общаго характера тогдашнихъ войнъ поляковъ съ казаками, типичныхъ чертъ обоихъ народовъ и безчеловѣчнаго обращенія съ евреями, которые у тѣхъ и другихъ неизмѣнно исполняли роль шпіоновъ и нерѣдко предавали ту или другую сторону изъ-за выгоды или иныхъ соображеній.

Неонъ, какъ и подобаетъ герою романа, съ самаго начала военныхъ дѣйствій оказываетъ чудеса храбрости, спасаетъ стараго гетмана изъ плѣна, а затѣмъ отъ вѣрной смерти во время рукопашнаго боя съ поляками, получаетъ нѣсколько ранъ, послѣ чего отправленъ на излеченіе, въ хуторъ, принадлежащій одному полковнику. Между тѣмъ, прежніе покровители Неона не перестаютъ заботиться о немъ, и, по окончаніи войны, напоминаютъ о совершенныхъ имъ подвигахъ гетману, который, несмотря на молодость героя, рѣшается возвести его въ почетное званіе войсковаго старшины. Бывшій бурсакъ крайне польщенъ такимъ почетомъ, который приписываетъ исключительно своимъ заслугамъ, и, нарядившись въ посланное ему богатое золотистое платье, «сообразное съ его новымъ достоинствомъ», спѣшитъ во дворецъ благодарить гетмана за оказанную милость.

«Вошедъ въ пріемную палату, наивно разсказываетъ онъ, по поводу сдѣланной ему встрѣчи, я возбудилъ всеобщее движеніе. Всѣ обступили меня съ привѣтствіями, поздравленіями. Иной удивлялся необычайнымъ моимъ достоинствамъ, другой чудесному счастію; этотъ превозносилъ великость моего разума, доказаннаго освобожденіемъ гетмана изъ плѣна, а тотъ отдавалъ преимущество сверхъестественному мужеству, съ какимъ поразилъ я пана Бурлинскаго и тѣмъ сохранилъ на плечахъ гетманову голову. Словомъ, на сей разъ всѣ сдѣлались самыми краснорѣчивыми витіями, и я начиналъ уже принимать важную осанку витязя, кидать вокругъ величественные взгляды и нѣсколько пасмурно кивать головою,—какъ пришелъ въ себя, услыша, что отходившіе въ сторону поздравители, говоря

между собою въ полголоса, довольно явственно произносили: настоящій бурсакъ!—Какъ скоро это магическое слово коснулось моего слуха, вдругъ я съ превыспренняго неба ниспалъ на землю бренную, на одну минуту задумался, и послѣ, непримѣтно вздохнувъ, сказалъ самому себѣ: vanitas vanitatum et omnia sunt vanitas!»... (стр. 119—120, II).

Вскорѣ Неонъ испытываетъ новое огорченіе, еще болѣе чувствительное для него, чѣмъ уязвленное самолюбіе. Панъ Искутарій, который не могъ простить своему непрошенному зятю похищеніе дочери, подалъ на него жалобу гетману и требовалъ примѣрнаго наказанія. Гетманъ, въ качествѣ судьи вновь назначеннаго войсковаго старшины, принялъ его среди торжественной обстановки, усвоенной въ подобныхъ случаяхъ, и сурово началъ допросъ, такъ какъ не забылъ такой-же исторіи, бывшей съ его собственною дочерью и сочувствовалъ негодованію оскорбленнаго отца. Тѣмъ не менѣе, судъ кончается въ пользу обвиняемаго, благодаря заступничеству Кіфія и присутствовавшихъ полковниковъ; и приводитъ къ неожиданному открытію, что бывшій бурсакъ—родной внукъ гетмана и сынъ его непокорной дочери, нѣкогда найденный въ лѣсу сельскимъ дьячкомъ Варухомъ.

Затѣмъ романъ становится все болѣе и болѣе неправдоподобнымъ и кончается общимъ благополучіемъ, такъ какъ Нарѣжный, за исключеніемъ сентиментальной повѣсти «Марія», большею частью слѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ и не любилъ оставлять читателей подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ несчастія главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа.

Изъ вводныхъ эпизодовъ романа, со стороны самобытности и реализма, во второй части «Бурсака» заслуживаетъ вниманія краткій очеркъ быта такъ наз. «плащеватыхъ» цыганъ, очевидно хорошо знакомыхъ автору, по воспоминаніямъ дѣтства (стр. 294—298, II). Затѣмъ, въ первой части романа особенно удачной кажется намъ сцена встрѣчи Неона съ шляхтичемъ, и слѣдующая затѣмъ общая характеристика шляхты (стр. 143—145).

Кромѣ того, въ первой части «Бурсака», въ видѣ вводнаго эпизода, не имѣющаго непосредственной связи съ главною нитью романа, вставленъ цѣльный, вполнѣ реальный разсказъ бывшаго бурсака Сарвилы, который послѣ изгнанія изъ Переяславской семинаріи, за ограбленіе монастырскаго сада, очутился «подъ открытымъ

небомъ, безъ гроша денегъ, съ небольшимъ запасомъ булокъ и плодовъ, данныхъ ему изъ милости на дорогу». Положеніе его было самое безвыходное, такъ какъ единственный извѣстный ему способъ честнаго зарабатыванія хлѣба, посредствомъ пѣнія духовныхъ пѣсенъ подъ окнами мірянъ, былъ теперь закрытъ для него. Съ другой стороны, семинарское воспитаніе не дало ему никакихъ твердыхъ нравственныхъ правилъ для борьбы противъ искушенія въ голодѣ и нуждѣ; и онъ пользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы украсть церковныя деньги, хотя этотъ первый шагъ на новомъ пути, до извѣстной степени, мучителенъ для него:

«Сошедъ съ паперти, разсказываетъ онъ, я бросился бѣжать со всѣхъ ногъ. Колѣна подгибались, въ ушахъ звенѣло, въ глазахъ мерещилось; мнѣ казалось, что преподобный Вавила гонится за мною. Такъ мучитъ совѣсть при содѣланіи перваго преступленія; при второмъ разѣ она вопіетъ менѣе внятно; при третьемъ еще менѣе, а тамъ мало-по-малу совсѣмъ замолкаетъ»...

Справедливость изреченія бывшаго бурсака Сарвилы подтверждается его дальнѣйшими похожденіями. Онъ становится все менѣе и менѣе разборчивымъ въ способахъ добыванія денегъ и средствъ для жизни, и подъ конецъ поступаетъ въ шайку разбойниковъ (стр. 218—261, I).

Такой исходъ, возможный при указанныхъ условіяхъ, является тѣмъ болѣе естественнымъ въ описываемыя времена, при безурядицѣ, господствовавшей тогда въ Малороссіи, гдѣ разбойники почти безнаказанно грабили по дорогамъ и даже, нерѣдко, цѣлыми ватагами нападали на селенія. Въ случаѣ неминуемой опасности, имъ всегда былъ открытъ доступъ въ Запорожскую Сѣчь, «эту чудовищную, по выраженію автора, столицу свободы, равенства и безчинія всякаго рода», гдѣ каждый безпрепятственно получалъ права гражданства... (стр. 325, II).

Въ представленномъ здѣсь разборѣ «Бурсака» мы выдѣлили, согласно нашей задачѣ, самобытныя мѣста романа, составляющія его лучшую и наибольшую часть, и только, мимоходомъ, коснулись остальной подражательной части, которая по содержанію напоминаетъ старые отжившіе романы съ «приключеніями».

Самобытная сторона «Бурсака» по выходѣ его въ свѣтъ обратила на себя вниманіе и современной критики, какъ видно изъ рецензій появившихся въ журналахъ 1824 года, что, съ одной стороны, сви-

дѣтельствуетъ о достоинствахъ романа, а съ другой—показываетъ, сравнительно съ прежнимъ, бо́льшую степень пониманія и развитія русской критики. Такъ рецензентъ журнала «Литературные листки» 1824 (ч. IV, стр. 49), указывая на тотъ фактъ, что современная русская литература не богата оригинальными романами, замѣчаетъ, что «Нарѣжный едва ли не одинъ занимается сего рода сочиненіями и въ его произведеніяхъ видно много ума, много воображенія... разсказъ «Бурсака» живъ, завязка занимательна, изображеніе Малороссіи и запорожскихъ нравовъ вѣрно»... Но, при этомъ, рецензентъ упрекаетъ автора въ недостаткѣ чувства изящнаго и того познанія свѣтской жизни и высшаго класса общества, какимъ отличаются современные иностранные писатели: «У Нарѣжнаго, говоритъ онъ, вельможа и корчмарь говорятъ однимъ нарѣчіемъ; и всѣ свои наслажденія полагаютъ въ пиршествахъ и попойкахъ. Всѣ его картины принадлежатъ къ фламандской школѣ и даютъ ему право на славу русскаго Теньера. Кромѣ того, Нарѣжный употребляетъ много словъ и малороссійскихъ выраженій, непонятныхъ для русскаго... Слогъ не вездѣ правиленъ,—смѣшеніе простонародныхъ и самыхъ высокихъ выраженій»...

Еще болѣе характерные отзывы о «Бурсакѣ» помѣщены въ 27-ой части журнала «Благонамѣренный» 1824 года. Въ одномъ изъ этихъ отзывовъ (стр. 215—216), рецензентъ называетъ «Бурсака», самымъ лучшимъ изъ всѣхъ, вышедшихъ до сего времени на русскомъ языкѣ оригинальныхъ романовъ, несмотря на многіе небрежности въ слогѣ и погрѣшности противъ вкуса. «Любители пріятнаго чтенія, говоритъ онъ, найдутъ здѣсь весьма занимательныя происшествія и необыкновенные характеры, мастерски изображенные вѣрнымъ наблюдателемъ. Сверхъ того, въ этомъ, истинно самомъ лучшемъ у насъ и можно сказать историческомъ романѣ — изъяснимся языкомъ нашихъ романтиковъ,—очень много мѣстности и народности».

Другой рецензентъ журнала «Благонамѣренный», того-же 1824 года (ч. 27, стр. 274—282), по поводу «Бурсака» касается общаго положенія тогдашней романической литературы: «Русскій оригинальный романъ, говоритъ онъ, есть необыкновенное явленіе въ нашей словесности, несмотря на то, что у насъ около полуторы тысячи романовъ, по каталогамъ нашихъ книгопродавцевъ,—но большая часть переводы. Русскихъ-же, оригинальныхъ едва наберется сто романовъ и тѣ, за небольшимъ исключеніемъ, можно

причислить къ самымъ плохимъ переводамъ. Жалѣть о томъ безполезно! Утѣшимся надеждою на будущее: можетъ быть и у насъ появятся свои Фильдинги, Лафонтены и Скотты,—а до того времени предлагаемъ любителямъ чтенія новый романъ Нарѣжнаго «Бурсакъ»... и ручаемся, что многіе прочтутъ его съ удовольствіемъ... Характеры дѣйствующихъ лицъ оттѣнены превосходно,—особливо характеръ гетмана. Всего любопытнѣе въ этой повѣсти мѣсто происшествія... Малороссія, обычаи малороссійскіе, гетманскій дворъ, шляхетство, сѣчь Запорожская и пр.—описаны превосходно». Далѣе рецензентъ приводитъ подробныя выдержки изъ романа «Бурсакъ»; но выражаетъ сожалѣніе, что «слогъ не вездѣ довольно обработанъ» и, что авторъ «съ излишнею подробностью описываетъ мелочи, недостойныя вниманія просвѣщенныхъ писателей,—безпрерывно появляются на сцену сулеи, чарки, вишневка и пѣнникъ. Нельзя также оставить безъ замѣчанія, добавляетъ рецензентъ, что всѣ лица въ этомъ романѣ имѣютъ необыкновенныя имена: Сервиллъ, Далматъ, Неонилла и пр.; даже названія селеній весьма странныя,—село Глупцово, село Швитково, сельцо Мигуны» и т. д.

Рецензентъ «Сына Отечества» 1824 года, (ч. 97, стр. 37—38), равнымъ образомъ, упрекая Нарѣжнаго въ недостаткѣ вкуса и плохой обработкѣ слога, придаетъ особенное значеніе самобытной части романа «Бурсакъ». «У насъ, говоритъ онъ, почти вовсе нѣтъ оригинальныхъ романовъ не только сочиненныхъ на русскомъ языкѣ, но и такихъ, коими изображены наши обычаи, которые основаны на преданіяхъ русской старины и представляютъ картины знакомыя и близкія русскому читателю. Всякое подобное произведеніе должно быть принято любителями пріятнаго чтенія, съ особенною благодарностью;—и «Бурсакъ» принадлежитъ къ сему роду книгъ... Особеннаго вниманія заслуживаютъ черты малороссійскаго быта и старинныхъ обычаевъ того края. Сіи оригинальныя черты, добавляетъ рецензентъ, мало-по-малу исчезаютъ подчасъ шлифовкою общаго просвѣщенія. Желательно, чтобы онѣ, до совершеннаго изглаженія, сохранены были, хотя бы въ повѣстяхъ; и вотъ почему можемъ, по всей справедливости, рекомендовать нашей публикѣ новое произведеніе Нарѣжнаго»...

Въ 1832 году, въ «Сынѣ Отечества» (т. 147, № II, стр. 102—103) опять встрѣчается отзывъ о «Бурсакѣ», подъ псевдонимомъ Ц а р ы н н ы й (А. Я. Стороженко) «Мысли малороссіянина, по про-

чтеніи повѣстей пасичника Рудого Панька», гдѣ почтенный критикъ, говоритъ, мимоходомъ, о «Бурсакѣ»; и отдавая должную справедливость таланту автора, особенно хвалитъ его, за вѣрное и мастерское изображеніе старой малороссійской бурсы (стр. 194).

XXIV.

Въ 1825 г. изданъ былъ московскими книгопродавцами Ширяевымъ и Смирдинымъ новый романъ Нарѣжнаго: «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ», съ портретомъ автора и слѣдующимъ посвященіемъ:

Его прев — ству, милостивому государю Ѳедору Павловичу Вронченку [1]):

«Съ давняго времени, ваше превосходительство никогда не оставляли меня безъ благосклоннаго вниманія, какъ скоро прибѣгалъ къ вамъ, съ представленіемъ о своихъ нуждахъ. Ласковое великодушіе ваше поставляетъ меня въ непремѣнную обязанность оказать предъ вами, по мѣрѣ возможности, свою благодарность. Посвящая имени вашего превосходительства новое мое произведеніе, подъ названіемъ: «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ», я ласкаюсь надеждою, что приношеніе сіе вы примете со всегдашнимъ вашимъ великодушіемъ и тѣмъ обяжете меня къ новой благодарности». 2-го февраля.

Романъ «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ» носитъ исключительно нравоописательный характеръ, и по содержанію опять-таки настолько отличается отъ другихъ романовъ и повѣстей Нарѣжнаго, что можетъ служить новымъ доказательствомъ разнообразія, а слѣдовательно, и силы его таланта. Здѣсь, авторъ знакомитъ читателя съ бытомъ старинныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ средней руки и описываетъ судьбу трехъ семействъ, разоренныхъ въ конецъ многолѣтней тяжбой. Поводомъ къ ней служитъ ничтожный случай; но подъ вліяніемъ чувства мести и оскорбленнаго самолюбія, страсти обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ разгараются все болѣе и болѣе и доводятъ ихъ до ожесточенной ненависти, передъ которой умолкаетъ голосъ разсудка, денежныя и другія соображенія. Такимъ

[1]) Ѳедоръ Павловичъ Вронченко († въ 1852 г.), товарищъ В. Нарѣжнаго по московскому университету, впослѣдствіи занимавшій, послѣ Канкрина должность министра финансовъ съ 1840—1850 гг.

образомъ, Нарѣжный не ограничивается описаніемъ подробностей домашняго быта выведенныхъ имъ дѣйствующихъ лицъ и обрисовкою отдѣльныхъ типовъ и единичныхъ чертъ характера, а ставитъ себѣ болѣе широкую задачу — изобразить типичную національную особенность малороссійскихъ нравовъ.

Сутяжничество, какъ извѣстно, составлявшее издавна отличительную черту малороссійскихъ нравовъ вообще и, преимущественно, малороссійскаго «шляхетства», до сихъ поръ держится тамъ во всей силѣ, какъ показываетъ число постоянно возникающихъ новыхъ тяжебныхъ дѣлъ, которыя служатъ не малымъ обремененіемъ для нынѣшнихъ судовъ. Для старыхъ судовъ, съ ихъ патріархальнымъ устройствомъ, этого рода дѣла составляли неисчерпаемый источникъ дохода, тѣмъ болѣе, что тогдашніе приказные, въ видахъ кормленія, не стѣсняясь, брали ту или другую сторону, смотря по степени щедрости «позывающихся». Нарѣжный, живя до двѣнадцати-лѣтняго возраста въ Малороссіи, вѣроятно, не разъ слышалъ, по поводу происходившихъ въ это время тяжебъ, разсказы о прежнемъ способѣ веденія ихъ въ казацкихъ сотенныхъ и полковыхъ канцеляріяхъ. Приведенные въ романѣ образцы тогдашнихъ канцелярскихъ бумагъ едва-ли могутъ быть названы каррикатурой, а скорѣе служатъ наглядными, хотя, быть можетъ, и преувеличенными образцами стараго канцелярскаго слога и своеобразныхъ судейскихъ рѣшеній.

Романъ «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ» еще рельефнѣе, нежели «Бурсакъ», дѣлится на самобытную и подражательную часть. Если въ «Бурсакѣ» талантъ автора проявляется съ большею силою, то самобытная часть все еще выступаетъ какъ-бы урывками и перемежается слабыми подражательными мѣстами. Между тѣмъ, въ романѣ «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ» самобытная часть совершенно отдѣлена отъ подражательной и носитъ характеръ вполнѣ законченнаго послѣдовательнаго разсказа, что уже составляетъ значительный шагъ впередъ въ литературной дѣятельности Нарѣжнаго, а равно и въ развитіи русскаго самобытнаго романа вообще. Къ самобытной части романа можно отнести цѣликомъ весь первый томъ и начало втораго; къ подражательной части — весь конецъ втораго и третій томъ.

Мы изложимъ здѣсь въ общихъ, наиболѣе характерныхъ чер-

тахъ содержаніе самобытной реальной части романа и, по возможности, словами самого автора.

Романъ начинается съ описанія грозы подъ Миргородомъ, сопровождаемой сильными порывами вѣтра и проливнымъ дождемъ. Въ это время, «и подлинно невеселое», два молодыхъ философа изъ Полтавской семинаріи пробирались лѣсомъ, по глинистой дорогѣ, останавливаясь почти на каждомъ шагу, чтобы закрыть руками глаза, ослѣпляемые блескомъ молніи, и выжать съ усовъ жидкую грязь, со шляпъ струившуюся.

— «Вотъ настоящій Девкаліоновъ потопъ, сказалъ одинъ изъ философовъ... Миргородскій протопопъ не напрасно предсказывалъ бурю, но ты во всемъ виноватъ, другъ Никаноръ Тебя никакъ нельзя было уговорить, чтобъ остаться и въ безопасномъ убѣжищѣ пѣть псалмы и стихири, и принимать рукоплесканія.

— «Твоя правда, Коронатъ, отвѣчалъ другой, — но мнѣ хотѣлось, если не къ ночи сегодня, то, по крайней мѣрѣ, завтра поутру обнять своихъ родителей, съ коими я не видался цѣлыя десять лѣтъ»...

Такимъ образомъ, разсуждая то въ слухъ, то про себя, молодые бѣдняки продолжали путь, и въ непродолжительномъ времени увидѣли вдали кибитку, стоявшую въ саженяхъ десяти отъ дороги, а подъ кибиткою нѣчто весьма толстое, покрытое чернымъ войлокомъ.

— «Это навѣрное хозяинъ укрывается отъ непогоды, замѣтилъ одинъ изъ нихъ,—вотъ и пара коней, привязанныхъ къ осинѣ.

— «Пойдемъ-же туда, сказалъ другой, — и усядемся по сторонамъ сего многоопытнаго Улисса, не ходящаго, подобно намъ, подъ дождемъ, по уши въ грязи, а всегда имѣющаго при себѣ священную эгиду Минервину, т. е. свою кибитку...

«Они пошли далѣе, достигли кибитки, сколь возможно тише усѣлись подъ нею и, снявъ шляпы, начали щипать траву и вытирать ею лица свои. Вскорѣ дождь и вихрь поутихли и философы увидѣли, что войлокъ пошевелился, послышалась сильная зѣвота и медленно показались двѣ ноги»; затѣмъ послышался басистый голосъ: «ну, что ты?» и еще двѣ ноги выставились.

Студенты всполошились; но недолго пробыли въ нерѣшимости, придвинули къ себѣ страннические посохи, и одинъ пошепталъ другому что-то на ухо. Они погладили чубы, раздвинули усы, и, раздувъ щеки, съ величайшею отвагою возопили:

— «Заблудихъ яко овча погибшая; погна врагъ душу мою; посади въ темныхъ, и уны́ во мнѣ духъ мой...»

— «Съ нами крестная сила! Что за бѣсовщина! раздались голоса изъ-подъ войлока: онъ быстро открылся до половины и двое пожилыхъ мужчинъ, приподнявшись, усѣлись противъ студентовъ ..» которые, «не безъ замѣшательства, опустили взоры въ землю и сжали губы».

«Хозяева кибитки и, по самой наружности, казалось, были люди степенные и не простые. Они одѣты были въ синія черкески; у одного висѣла съ боку сабля, а другой имѣлъ за поясомъ кожаный футляръ, въ какихъ обыкновенно приказные грамотѣи носили свинцовую чернильницу, нѣсколько перьевъ, ножикъ, съ придѣланною къ нему печатью и палочку сургучу. Они захотѣли знать о житьѣ-бытьѣ незнакомцевъ, объ ихъ родѣ и племени», и молодые философы, не желая «безчестить своего шляхетскаго званія» неопрятнымъ видомъ, выдали себя за дьячковскихъ дѣтей, которые, пользуясь вакантными днями, расхаживали по городамъ, хуторамъ и селамъ, чтобы пѣніемъ и рѣчами собрать денегъ на новое платье.

Хозяева кибитки, въ свою очередь, объявили юношамъ, что они «первостатейные» шляхтичи изъ большаго селенія Горбылей, друзья съ отроческихъ лѣтъ, оба называются Иванами и, что для различія въ постороннихъ бесѣдахъ, одного изъ нихъ стали величать «Иваномъ Старшимъ» а другаго «Иваномъ Младшимъ».

— Послѣ завтра, добавилъ Иванъ Старшій, въ селѣ нашемъ ярмарка, по случаю дня Ивана Купала, и мы обя имянинники. Если вы и впрямь честные парни.. и согласитесь «повеселить насъ и друзей нашихъ пѣніемъ и сказываніемъ похвальныхъ рѣчей, то увѣряю моею шляхетскою честью, что идти далѣе и, драть горло вы не будете имѣть надобности»... И такъ, студенты, что вы на это скажете?

Мнимые дьячковскіе дѣти пришли въ немалое смущеніе отъ такого предложенія, и чтобы объяснить свой отказъ, должны были заявить, что они сами принадлежатъ къ шляхетскому званію, не имѣютъ ни въ чемъ нужды и хотятъ провести наступающій праздникъ у своихъ отцовъ, которые также называются Иванами. При этихъ словахъ старые шляхтичи переглянулись, и лица ихъ просіяли, такъ какъ они начали догатываться, что видятъ передъ собою своихъ возмужавшихъ сыновей, отправленныхъ десять лѣтъ

тому назадъ въ Полтавскую семинарію, что и подтвердилось дальнѣйшими разспросами. Когда всѣ достаточно успокоились отъ радостной встрѣчи и могли продолжать путь, два Ивана рѣшили вернуться домой съ дорогими гостями и отложить на нѣсколько дней свою поѣздку въ Миргородъ, куда они собрались, чтобы «понавѣдаться о своемъ дѣлѣ» съ паномъ Харитономъ Занозою.

На слѣдующій день, молодые философы узнали подробно въ чемъ состояло «дѣло» ихъ родителей въ Миргородѣ, изъ-за котораго они уже десять лѣтъ «позывались» съ шляхтичемъ Харитономъ Занозою, въ Сотенной канцеляріи, хотя поводъ къ тяжбѣ былъ такой же ничтожный, какъ и въ Гоголевской «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».

Здѣсь причиною ссоры были кролики, принадлежавшіе Ивану Старшему, которые пролѣзли въ садъ пана Харитона и произвели тамъ опустошеніе. Два Ивана, не зная о случившемся, мирно бесѣдовали послѣ обѣда въ саду Ивана Старшаго, какъ услышали выстрѣлы за плетневымъ заборомъ, раздѣлявшимъ сады сосѣдей, и увидѣли кучу бѣжавшихъ къ нимъ кроликовъ, облитыхъ кровью, а за ними показался шляхтичъ Харитонъ, съ ружьемъ въ рукахъ, въ сопровожденіи своего пятилѣтняго сына, который несъ съ полдюжины убитыхъ кроликовъ.

...«Кто опишетъ мѣру нашего негодованія и гнѣва, разсказывалъ Иванъ младшій.—Что за храбрость оказалъ ты, панъ Харитонъ, вскричалъ другъ мой Иванъ, и какъ осмѣлился такъ буянить? Сосѣдъ, не скидывая колпака,—а надо знать, что мы оба были съ открытыми головами—подошелъ къ самому забору сказалъ: на сегоднишній ужинъ дичины довольно, и я сказывалъ тебѣ, панъ Иванъ, что, если не переведешь сихъ проклятыхъ животныхъ... то я въ скорости всѣхъ ихъ доканаю, а сверхъ того стану позываться.—Ахъ ты невѣжа, бурлакъ! и ты осмѣлился говорить это военному человѣку, не скинувъ колпака! вскричалъ другъ мой Иванъ, выдернулъ колъ изъ забора, взмахнулъ и колпакъ взвился на воздухъ. Но, какъ это сдѣлано въ торопяхъ, то колъ какъ-то задѣлъ сосѣда по уху, оттолѣ соскочилъ на високъ, сосѣдъ полетѣлъ на траву и мы съ торжествомъ воротились каждый въ домъ свой.

«Вотъ основа тяжбы, добавилъ разскащикъ. Начались слѣдствія, переизслѣдованія, и день-ото-дня дѣло наше становилось запутаннѣе. Я, будучи человѣкъ приказный, помогалъ другу своему совѣтами я

перомъ, и за то и самого меня опутали сѣтью неразрывною... и такимъ образомъ, во всегдашнемъ ратоборствѣ протекло около десяти лѣтъ. Въ теченіе сего времени, съ нашей стороны погублены: цѣлое стадо гусей, утокъ, множество свиней, овецъ, козъ и барановъ; за то и у пана Харитона убыло: три пары рабочихъ воловъ, двѣ лошади и нѣсколько коровъ съ теленками... Но кто исчислитъ всѣ убытки, кои одна сторона другой причинила!»... (стр. 27—29, I изд. 1825 г.).

Далѣе слѣдуетъ описаніе сельской ярмарки. Два Ивана не прежде рѣшились выйти изъ дому, въ сопровожденіи гостей и домочадцевъ, какъ, получивъ удостовѣреніе отъ посланнаго слуги, что «пана Занозы не видно». Они уже обошли нѣсколько разъ ярмарочную площадь и сдѣлали нѣкоторыя покупки, какъ на главной улицѣ показался панъ Харитонъ со всѣми домашними н множествомъ гостей, въ числѣ которыхъ былъ сотенный писецъ Анурій и два «подпищика». Противники вскорѣ сошлись: началась перебранка, за которою слѣдовали палочные удары, а панъ Заноза уже схватился за ефесъ сабли, но писецъ Анурій удержалъ его воззваніемъ:

— «Панъ Харитонъ, какая польза, слѣдовательно, какая и честь, что ты прольешь кровь человѣческую? Кромѣ убытковъ, горя и, наконецъ, несчастія отъ этого ничего не будетъ! Не лучше-ли тебѣ позываться? Я съ сею челядью моихъ подпищиковъ переночую у тебя, а завтра или послѣ завтра настрочу прошеніе въ Сотенную канцелярію и всѣ вмѣстѣ пустимся въ городъ».

Панъ Харитонъ кивнулъ головою въ знакъ согласія и молча пошелъ въ обратный путь.

На слѣдующій день, Иванъ Младшій, въ свою очередь, сочинилъ прошеніе въ Сотенную канцелярію, въ которомъ жаловался на пана Харитона. Прошеніе это было прочитано Ивану Старшему, въ присутствіи обоихъ студентовъ и единогласно признано «премудрымъ», послѣ чего кибитка была запряжена, оба друга сѣли и отправились знакомою дорогою «позываться».

XXV.

Пока шляхтичи судились въ Миргородѣ, ихъ жены и дѣти усердно посѣщали ярмарку. Молодые философы, одѣтые въ новыя платья, важно расхаживали въ толпѣ поселянъ, съ затаенною на-

деждою встрѣтить красивыхъ дочерей пана Харитона, плѣнившихъ ихъ сердца, во время уличной стычки позывающихся шляхтичей. Но, только, въ послѣдній день ярмарки желаніе ихъ исполнилось, такъ какъ, протѣснясь сквозь толпу къ скоморохамъ, они очутились рядомъ съ женой и дочерьми пана Харитона, вѣжливо раскланялись съ ними и съ ловкостью городскихъ щеголей, вступили въ разговоръ. Эта отрывочная бесѣда юношей съ наивными сельскими красавицами, ихъ дальнѣйшее настойчивое ухаживаніе за ними, первыя свиданія въ баштанѣ, подъ прикрытіемъ сумерокъ, а равно и вся исторія непосредственной, быстро развивающейся любви, усиленной препятствіями—прекрасно очерчены авторомъ. Здѣсь мы видимъ новую черту таланта Нарѣжнаго и прямое доказательство, что, еслибы и съ этой, чисто романической стороны, онъ рѣшился идти самобытнымъ, а не подражательнымъ путемъ, то его произведенія, вѣроятно, не прошли бы незамѣченными въ нашей литературѣ. Но, вскорѣ, свиданія въ баштанѣ были прекращены обратнымъ прибытіемъ въ Горбыли трехъ шляхтичей. Оба Ивана вернулись изъ Миргорода крайне недовольные своею поѣздкою, проклиная пана Харитона, глупость сотника и плутовство дьяка, который послѣ поднесеннаго ими рубля, кадушки меда и боченка пѣннику, торжественно обѣщалъ имъ свое покровительство, а затѣмъ, получивъ «кое-что» отъ пана Харитона, неожиданно перешелъ на его сторону.

При этихъ условіяхъ, миръ не могъ быть продолжителенъ. Новая «пакость», учиненная двумя Иванами ихъ противнику, заключалась въ томъ, что они, вооружившись ружьями, отправились въ хуторъ пана Харитона и истребили тамъ немалое число голубей, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ, а сыновья ихъ, сверхъ того, сожгли до тла голубятню. Панъ Харитонъ, въ свою очередь, отомстилъ за нанесенный ему убытокъ уничтоженіемъ пасѣки Ивана Старшаго, послѣ чего разгнѣванные паны снова укатили въ городъ, чтобы искать правосудія у Сотенной канцеляріи.

Съ отъѣздомъ родителей, влюбленные опять увидѣлись на баштанѣ; и «прекрасныя птички такъ проворно и охотно кинулись въ разставленныя имъ сѣти», что Никаноръ, сынъ Ивана Старшаго. который былъ вообще энергичнѣе своего товарища, рѣшилъ обратиться къ помощи богатаго дѣда, пана Артамона, жившаго по сосѣдству. При его содѣйствіи, дочери Харитона Занозы были тайно обвѣнчаны съ сыновьями его заклятыхъ враговъ, и, съ этихъ поръ,

ничто уже не мѣшало имъ наслаждаться своимъ счастьемъ. Такъ прошло около мѣсяца.

...«Новобрачные считали себя преблагополучными людьми, между тѣмъ, какъ отцы ихъ, позываясь между собою безпрестанно и дѣлая другъ другу возможныя пакости, едва-ли не были самые несчастные изъ всего села Горбылей... Нѣсколько разъ писали они къ своимъ семействамъ, и эти писанія преисполнены были жалобъ—то на неправосудіе начальства, какъ-то сотника, есаула, дьяка и проч., то предавая сугубому проклятію противную сторону. Всякій однакожъ надѣялся взять верхъ, почитая дѣло свое правымъ»... (стр. 90—91, I).

Наконецъ, сыновья двухъ Ивановъ вспомнили о своихъ злополучныхъ родителяхъ, и чтобы доставить имъ, хотя временное торжество надъ противникомъ, вызвали изъ Миргорода пана Харитона ложнымъ извѣстіемъ о пожарѣ его дома и болѣзни жены и дочерей. Панъ Харитонъ поспѣшилъ домой, но убѣдившись, что онъ обманутъ, напился до безчувствія, такъ что семья, считая его умершимъ, пригласила для чтенія псалтыря дьячка Ѳому, который едва не умеръ отъ страха, когда мнимый мертвецъ очнулся и заговорилъ съ нимъ. (Стр. 111—116, I).

Эта сцена, вслѣдствіе утрировки, принадлежитъ къ слабымъ страницамъ самобытной части романа; но она выкупается дальнѣйшимъ, вполнѣ реальнымъ и безъискуственнымъ описаніемъ празднества въ домѣ пана Харитона, прерваннаго неожиданимъ прибытіемъ писца Сотенной канцеляріи, пана Анурія.

...«Всѣ изъ почтенія привстали, а хозяинъ, ласково обнявъ гостя, усадилъ на своемъ мѣстѣ и предложилъ свой кубокъ съ варенухой. Всѣ глядѣли ему въ глаза, ловили каждое слово и хохотали, когда сей глупецъ улыбался своимъ выдумкамъ. Когда онъ вылилъ въ себя три кубка, то, избоченясь, произнесъ:—что дашь, панъ Харитонъ, за добрыя вѣсти, привезенныя мною изъ города? Самъ сотникъ, отдавая мнѣ свертокъ бумагъ, сказалъ: поѣзжай, дружище, и бумаги эти отдай самому пану Харитону. Изъ сего заключаю, что онѣ благопріятны, ибо я въ заключеніяхъ никогда не обманываюсь.—Понимаю! понимаю! сказалъ съ улыбкой хозяинъ, и поспѣшилъ поднести гостю новую шляпу, новые сапоги и глиняную трубку, купленную въ Полтавѣ.»

Панъ Анурій принялъ благосклонно подносимое, съ важностью вынулъ опредѣленіе Сотенной канцеляріи, надѣлъ очки и началъ

читать слѣдующую бумагу, которая, по своеобразному способу изложенія и содержанію, не уступаетъ прошеніямъ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, поданнымъ въ миргородскій повѣтовый судъ, въ Гоголевской повѣсти.

«Панъ Харитонъ Заноза жалуется, что паны Иваны, Зубарь и Хмара сожгли у него голубятню и съ голубями, коихъ было болѣе двухъ сотъ; а паны Иваны доказываютъ, что у старшаго изъ нихъ истреблена пасѣка, въ коей было не менѣе пятидесяти ульевъ.

«Сотенная канцелярія, по долгу своему, вникнувъ въ сіи обстоятельства, опредѣляетъ:

1) Предположа, что у пана Харитона при сгорѣніи голубятни погибли всѣ голуби, коихъ было счетомъ болѣе двухъсотъ, т. е. двѣсти одинъ, то, назнача высшую цѣну, за каждаго по полушкѣ, выйдетъ убытку на пятьдесятъ копѣекъ съ полушкою. Но, какъ паны Иваны клятвенно увѣряютъ, что въ пищу употребили только двадцать птицъ, слѣдовательно, настоящаго чистаго убытку принесли на пять копѣекъ, прочіе же голуби частію разлетѣлись, частію сгорѣли. А какъ никто ни одному голубю не связывалъ и не обрѣзывалъ крыльевъ, то и прочіе могли улетѣть; и такъ они изжарились по доброй волѣ.

2) У пана Ивана Старшаго истреблено пятьдесятъ ульевъ, и по теперешней порѣ, наполненныхъ сотами. По справочнымъ цѣнамъ, каждой таковой улей стоитъ шестьдесятъ копѣекъ; и такъ всего убытку выйдетъ на тридцать рублей. Исключа изъ сей суммы пять копѣекъ, панъ Харитонъ причинилъ пану Ивану Старшему истиннаго убытку на двадцать девять рублей девяносто пять копѣекъ, каковыя деньги въ теченіи трехъ дней и долженъ непремѣнно выдать писцу Анурію. Для необходимыхъ расходовъ Сотенной канцеляріи удерживается двадцать восемь рублей девяносто пять копѣекъ, затѣмъ остающійся цѣлой рубль имѣетъ быть выданъ пану Ивану Старшему съ роспискою» (стр. 130—132, I).

Панъ Харитонъ, не помня себя отъ бѣшенства, выхватилъ бумагу, изорвалъ въ куски и кинулъ въ лицо послу Сотенной канцеляріи.

Со всѣхъ сторонъ послышался ропотъ; но панъ Харитонъ ни на что не обращалъ вниманія; онъ схватилъ за воротъ пана Анурія, вытащилъ на дворъ и, бросивъ въ одноколку, подалъ ему вожжи въ руки. Не довольствуясь этимъ и двумя подзатыльниками, онъ поднялъ съ земли березовый сукъ и началъ поражать имъ то лошадь,

то Анурія. Бѣдное животное, сколько было въ немъ силы, бросилось со двора на улицу, а панъ Харитонъ туда же выскочилъ и кричалъ вслѣдъ писцу: «Скажи дураку сотнику и бездѣльникамъ членамъ Сотенной канцеляріи, что они беззаконники, и что я завтра же ѣду въ Полтаву позываться съ ними въ Полковой канцеляріи!»...

На другой день, панъ Харитонъ выѣхалъ изъ Горбылей въ самомъ невеселомъ настроеніи духа, тѣмъ болѣе, что узналъ отъ пріятелей, что его торжествующіе враги вернулись изъ Миргорода и «подняли такое ликованіе, какъ бы сдѣлали и Богъ знаетъ какое пріобрѣтеніе». Теперь онъ болѣе, чѣмъ когда-либо, ненавидѣлъ ихъ.

Слѣдующее затѣмъ описаніе поджога мельницъ въ романѣ Нарѣжнаго настолько напоминаетъ, по общему тону, сцену уничтоженія гусинаго хлѣва Иваномъ Ивановичемъ въ «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», что мы приведемъ это описаніе словами автора:

Лишь только панъ Харитонъ «очутился на выгонѣ, то представились ему принадлежащія панамъ Иванамъ двѣ вѣтряныя мельницы въ полномъ дѣйствіи. Онъ подъѣхалъ ближе и остановился. Пріѣхавшіе съ возами ржи и пшеницы крестьяне, сидя кружкомъ, курили тютюнъ и разсказывали другъ другу чудныя были, комулибо изъ нихъ на роду приключившіяся; внутри мельницы раздавались веселыя завыванія мельника. Для всякаго другаго путешественника эта сельская картина показалась-бы забавною, но панъ Харитонъ, смотря на нее, повергся еще въ бо́льшую мрачность... Онъ поѣхалъ далѣе и въ первомъ перелѣскѣ остановился подъ предлогомъ отдыха. Лошади были пущены на траву, а панъ и его слуга разлеглись въ тѣни древесной. Разъ двадцать спрашивалъ Лука (своего пана) не прикажетъ-ли впрягать кобылу и сѣдлать иноходца, и всегда получалъ въ отвѣтъ: погоди! — Наконецъ настали сумерки глубокіе и панъ Харитонъ вскочилъ съ одра зеленаго: — Впрягай кобылу въ возокъ и сѣдлай иноходца, сказалъ онъ слугѣ, и жди меня здѣсь... я скоро буду. Онъ скорыми шагами пустился... прямо къ мельницамъ. Достигши своей цѣли, онъ не видалъ уже ни одной души живой. Предварительно собрано имъ въ полѣ и снесено къ обѣимъ жертвамъ его ненависти множество сухаго хвороста, сѣна, соломы и прочаго дрязгу. Потомъ, высѣкши огня въ трутъ, положилъ его въ горсть сѣна и началъ со всей силы махать рукой, въ коей заключалась искра и вскорѣ произвелъ пламя. Тогда, су-

нувъ клочекъ сей подъ главное мельничное колесо, началъ подкладывать собранные имъ припасы, и когда увидѣлъ, что огонь коснулся строенія и оно задымилось, то онъ часть горѣвшихъ веществъ сообщилъ и другой мельницѣ и, отошедъ саженей на сто впередъ, остановился, чтобы полюбоваться плодомъ своей храбрости. Пламень скоро охватилъ обѣ мельницы.. и панъ Харитонъ, видя, что его мщеніе въ полной мѣрѣ удовлетворено будетъ, пошелъ спокойно къ своему становищу» и вмѣстѣ съ Лукою отправился въ дальнѣйшій путь.»

На другой день, утромъ, всѣ въ Горбыляхъ узнали «о новой пакости, сдѣланной панамъ Иванамъ», и никто въ цѣломъ селѣ не сомнѣвался, что это дѣло раздраженнаго шляхтича.

XXVI.

Наступила глубокая осень, но о панѣ Харитонѣ не было никакихъ слуховъ. Поэтому жена его и дочери сердечно обрадовались, когда въ одно утро вошла ключница съ извѣстіемъ, что дьячокъ Ѳома ожидаетъ ихъ въ большой горницѣ, съ письмомъ изъ Полтавы. Жена Харитона ласково встрѣтила и попотчивала дьячка, который долженъ былъ прочесть имъ полученное письмо, такъ какъ она и обѣ дочери были безграмотныя.

Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь содержаніе характернаго письма пана Харитона, тѣмъ болѣе, что оно служитъ для автора поводомъ представить новый типъ сельскаго дьячка, — еще болѣе своеобразнаго, чѣмъ дьячокъ Варухъ въ «Бурсакѣ»,—и изобразить его съ свойственнымъ ему юморомъ:

«Жена Анфиза и дѣти: Власъ, Раида и Лидія! всѣмъ желаю здравствовать, писалъ панъ Харитонъ.

«Было-бы вамъ извѣстно, что полтавскій полковникъ не умнѣе Миргородскаго сотника, а члены Полковой канцеляріи нахальнѣе, злобнѣе, прижимчивѣе, чѣмъ члены Сотенной. Они присудили чтобы за безчестіе, причиненное мною при множествѣ свидѣтелей писцу Анурію, — великое подлинно безчестіе получить нѣсколько ударовъ въ спину отъ урожденнаго шляхтича,—заплатилъ я двѣсти злотыхъ! Да если-бы я и до смерти убилъ негодяя Анурія, то нельзя требовать больше за это увѣчье, какъ развѣ двадцать или тридцать злотыхъ. Выслушавъ такое нелѣпое рѣшеніе, я твердо от-

рекся отъ исполненія, и бездушники опредѣлили отдать ему въ вѣчное и потомственное владѣніе мой хуторъ съ крестьянами и со всѣми угодьями... Однако-жъ, чтобъ не ударить себя лицомъ въ грязь... теперь-же отправляюсь въ Батуринъ, гдѣ до послѣдняго издыханія намѣренъ позываться въ Войсковой канцеляріи съ Полковою и Сотенною. Скорѣе соглашусь видѣть васъ въ рубищахъ, босыхъ, протягивающихъ руки для испрошенія куска хлѣба, или даже умирающихъ отъ голода, чѣмъ поддамся моимъ злодѣямъ. Когда Ѳома читаетъ вамъ эти строки, то знайте, что я уже въ Батуринѣ. Прощайте. Будьте здоровы. Харитонъ Заноза» (ч. II, стр. 47—49).

Мать и дочери поблѣднѣли, узнавъ о новыхъ подвигахъ пана Занозы, а у дьячка Ѳомы пучекъ волосъ сталъ дыбомъ, но онъ прежде всего оправился; да и естественно. «Хотя онъ сердечно преданъ былъ пану Харитону, но все-же не былъ ему ни братъ, ни другъ, а потеря первымъ хутора не лишало послѣдняго ни одной полушки изъ обыкновенныхъ его доходовъ».

— «Слава Богу! воззвалъ Ѳома, обратясь къ образамъ и перекрестясь трижды, — слава Богу! теперь-то конецъ всѣмъ позываніямъ... Правда, съ потереею хутора вы должны во многомъ себя ограничить; но это въ существѣ ничего не значитъ. Начиная отъ моего, блаженной памяти прадѣда, дьяка Максима, до меня, нижайшаго, дьячка Ѳомы, никто не имѣлъ болѣе имѣнія, кромѣ низменной хаты и небольшаго огорода...—а припомните, видали-ли вы когда меня печальнымъ... Такъ-то и съ вами будетъ... У васъ остается еще этотъ просторный домъ, большой садъ, три хаты крестьянъ и довольное количество земли. Если панъ Харитонъ, вмѣсто позыванья, займется хозяйствомъ, то жизнь ваша потечетъ въ покоѣ и довольствѣ».

Эти слова велемудраго Ѳомы ободрили сѣтующихъ женщинъ; онѣ дали слово ждать съ христіанскимъ терпѣніемъ конца затѣямъ пана Харитона, при чемъ просили дьячка навѣщать ихъ сколько можно чаще и не оставлять благими совѣтами.

Такимъ образомъ, дьячокъ Ѳома сдѣлался какъ бы дворецкимъ въ домѣ Анфизы. Онъ увѣщевалъ и домашнихъ служителей и сельскихъ крестьянъ, какъ можно меньше ѣсть и пить, дабы безбѣдно прожить до новаго хлѣба».

«Когда-же одинъ старикъ спросилъ: «Для чего-же ты, честной дьячокъ, за панскимъ столомъ кушаешь и попиваешь за троихъ?»

— «Другъ сердечный, отвѣчалъ Ѳома,—если я увѣщеваю сохранить строгую умѣренность, то разумѣю время, когда вы садитесь за столъ у себя дома. Если-же, по волѣ Господней, случится комулибо изъ васъ быть приглашену въ гости... о, тогда можете, даже обязаны насыщать чрева свои, елико возможно...» (стр. 52, II).

Въ то время, какъ Анфиза и ея дочери мало-по-малу свыкались съ новымъ образомъ жизни, а паны Иваны безпокоились объ участи своихъ сыновей, пропавшихъ безъ вѣсти, незамѣтно подошелъ Свѣтлый праздникъ. «Веселыя толпы народа обоего пола и разнаго возраста бродили изъ улицы въ улицу и громкое пѣніе раздавалось по воздуху; случившіеся на ту пору въ Горбыляхъ запорожцы, водя за собой гудочниковъ и цимбалистовъ, тѣшили народъ пляскою, борьбою и кулачными боями...»

На третій день праздника, передъ обѣдомъ, Анфиза съ дѣтьми и дьячкомъ Ѳомою сидѣли у оконъ на лавкахъ и «смотрѣли на веселящихся», какъ вдругъ услышали топотъ коней и увидѣли остановившуюся у воротъ польскую бричку, а позади ея повозку пана Харитона. Изъ брички сошли сотникъ Гордей съ эсауломъ, а изъ кибитки — писецъ Анурій, и громогласно прочиталъ опредѣленіе войсковой канцеляріи, по которому у пана Харитона, «за буйные и законопротивные поступки, велѣно отобрать Горбылевскій домъ, съ принадлежашими ему садами, огородами и полями и отдать во владѣніе сотнику Гордею, а женѣ и дѣтямъ пана Харитона предоставить право выйти изъ дому въ томъ одѣяніи, въ какомъ застигнуты будутъ» (стр. 59, II).

Анфиза, выслушавъ опредѣленіе войсковой канцеляріи,«въ полубезчувствіи упала на скамью, у забора стоящую... Самъ дьячокъ Ѳома, приглаживая волосы, не могъ ничего выдумать и бросалъ пасмурные взоры то на страждущихъ, то на кучу любопытнаго народа, собравшагося у воротъ дома. Но тутъ сквозь толпу пробрался незнакомый старикъ, въ богатой одеждѣ, и ласково предложилъ безпріютной семьѣ убѣжище въ своемъ домѣ, до возвращенія Харитона Занозы. Это былъ панъ Артамонъ, дядя Ивана Старшаго, который, въ первомъ томѣ романа, выручилъ изъ бѣды молодыхъ философовъ, послѣ приключенія въ баштанѣ.

Два Ивана искренно порадовались несчастію своего злѣйшаго

врага: но ихъ веселье было не продолжительно, потому что вечеромъ того-же дня сотникъ Горлей вломился въ домъ Ивана Старшаго въ сопровожденіи сотскихъ и десятскихъ, а къ Ивану Младшему явился писецъ Анурій. съ такой-же свитой. Затѣмъ обоимъ Иванамъ было объявлено, что «за ихъ убійства и неистовства, зажигательства, мудрая Войсковая канцелярія присудила лишить обоихъ движимаго и недвижимаго имѣнія и, отобравъ отъ нихъ оное, приписать сотенному имѣнію...» (стр. 78, II).

Здѣсь собственно конецъ романа и его естественная развязка; но авторъ, по обычаю романистовъ стараго времени, еще находитъ необходимымъ, съ нравоучительною цѣлью, довести «позывающихся» шляхтичей до полнаго раскаянія и наградить всякимъ благополучіемъ. Такимъ образомъ, изобразивъ реальную и вполнѣ возможную картину постепеннаго раззоренія трехъ семействъ отъ долгой тяжбы, которая повела къ обѣдненію принадлежавшихъ имъ крестьянъ и разстройству всего хозяйства, онъ сразу хочетъ поправить зло, накопившееся годами. Чудо это совершается при помощи добродѣтельнаго пана Артамона, который, не довольствуясь широкимъ гостепріимствомъ, какое онъ оказываетъ разореннымъ семействамъ, выкупаетъ изъ казны все имущество, отнятое у трехъ шляхтичей, приводитъ въ цвѣтущее состояніе принадлежавшіе имъ сады и поля, возобновляетъ постройки и устраиваетъ благоденствіе крестьянъ. Затѣмъ, когда панъ Артомонъ окончательно убѣждается въ искреннемъ раскаяніи трехъ шляхтичей и желаніи забыть старую вражду, то водворяетъ ихъ въ прежнихъ владѣніяхъ, подъ условіемъ «жить въ мирѣ и помогать другъ другу».

XXVII.

Романъ «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ», при своемъ появленіи въ свѣтъ, вызвалъ подробную рецензію въ «Сѣверной Пчелѣ» того-же 1825 года (№ 94). Считаемъ нелишнимъ привести ее такъ какъ, съ одной стороны, она наглядно рисуетъ незавидное литературное положеніе Нарѣжнаго, а съ другой—весьма характерна для тогдашней критики, которая справедливо упрекаетъ автора въ недостаткѣ «образованнаго вкуса»; но, при этомъ, также неразборчива относительно общаго содержанія романа, какъ и за четверть вѣка тому назадъ.

Рецензентъ «Сѣверной Пчелы», главнымъ образомъ, хвалитъ романъ за его нравственное направленіе: «Еслибы, говоритъ онъ, прекрасныя наставленія, украшенныя остроумными замыслами и веселою игрою воображенія, могли положительно дѣйствовать на людей, то многіе, прочитавъ повѣсть Нарѣжнаго, раскланялись-бы со стряпчими; но съ нравоучителями бываетъ то же, что съ купцами: всѣ проходящіе слушаютъ похвалы товарамъ, и очень немногіе заходятъ покупать... Въ этой повѣсти, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ Нарѣжнаго, читатель найдетъ, что авторъ обладалъ творческою силою воображенія, имѣлъ наблюдательный умъ, много читалъ, еще больше думалъ и нуждался въ одномъ — въ образованномъ вкусѣ. Съ прибавленіемъ сего послѣдняго качества къ числу прочихъ дарованій... Нарѣжный сталъ-бы на ряду съ почетными русскими литераторами. Теперь извѣстность его ограничена, и еслибы кто сказалъ, что онъ имѣлъ больше дарованій, нежели сколько имѣютъ многіе, — по мнѣнію пріятелей, знаменитые литераторы,—то сказалъ бы тотъ совершенную правду, и однакожъ ему не повѣрили-бы»...

Въ этомъ отзывѣ упрекъ въ недостаткѣ «образованнаго вкуса» ясно формулированъ рецензентомъ; это уже не прежнія мелочныя придирки къ отдѣльнымъ словамъ и претензіи за несоблюденіе принятыхъ правилъ краснорѣчія, обычныя у критиковъ начала нынѣшняго вѣка. Мы видимъ здѣсь вполнѣ сознанное требованіе.

Что касается содержанія, то рецензентъ «Сѣверной Пчелы», въ приведенномъ отзывѣ, безразлично относится къ хорошимъ и дурнымъ сторонамъ романа, и одинаково восхищается ими.

Исключеніе въ ряду критиковъ Нарѣжнаго составляетъ кн. П. А. Вяземскій, одинъ изъ образованнѣйшххъ людей того времени и, кромѣ того, талантливый, остроумный писатель и критикъ, который итогда понималъ значеніе Нарѣжнаго въ русской литературѣ. Самобытная сторона романа «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ» не ускользнула отъ его вниманія, и онъ ставитъ ее на первомъ планѣ въ своемъ «Письмѣ въ Парижъ» 1825 года, которое было впервые напечатано въ «Московскомъ Телеграфѣ», 1825 г. и подписано буквами *А. М.* (56). «Не удовлетворяя и въ этомъ романѣ, пишетъ онъ, эстетическимъ требованіямъ искусства, Нарѣжный побѣдилъ первый и покамѣстъ одинъ трудность, которую, признаюсь, почиталъ я до него непобѣдимою. Мнѣ казалось,

что наши нравы, что вообще нашъ народный бытъ не имѣетъ, или имѣетъ мало оконечностей живописныхъ, кои могъ-бы охватить наблюдатель для составленія русскаго романа. Правда, что нашъ наблюдатель не совершенно русскій, а малороссійскій, и что его два лучшіе романа «Бурсакъ» и «Два Ивана» относятся къ эпохѣ, когда Малороссія еще имѣла свою особенную и характеристическую физіономію»...

Этотъ отзывъ современника, написанный въ 1825 году, по поводу послѣдняго напечатаннаго произведенія Нарѣжнаго, въ высшей степени важенъ для насъ, потому что здѣсь мы находимъ новое и окончательное подтвержденіе словъ Бѣлинскаго, который называетъ Нарѣжнаго «родоначальникомъ русскихъ романистовъ».

«Далѣе въ томъ же «Письмѣ въ Парижъ» кн. П. А. Вяземскій, сопоставляя Нарѣжнаго съ другими сочинителями подражательныхъ романическихъ произведеній, хвалитъ его романы съ наиболѣе слабой стороны ихъ, а именно, со стороны запутанной завязки, — и въ этомъ отношеніи платитъ такую же дань понятіямъ времени, какъ и упомянутый рецензентъ «Сѣверной Пчелы». Между прочимъ, онъ ставитъ въ заслугу автору «Бурсака» и «Двухъ Ивановъ», что онъ «не даетъ читателю въ первыхъ страницахъ романа отгадать завязку, которая становится утомительною, когда любопытство удовлетворено преждевременно; но онъ довольно искусно заводитъ читателя, и при концѣ даетъ отчетъ ясный и сбыточный... Жаль добавляетъ кн. Вяземскій, что языкъ непріятный, грубый, иногда даже дикій, вкусъ неочищенный или, справедливѣе, совершенное отсутствіе вкуса, много вредятъ достоинству сихъ романовъ; но со всѣмъ тѣмъ они занимаютъ мѣсто въ числѣ замѣчательныхъ произведеній нашей лѣнивой и малоурожайной словесности. Несмотря на то, Нарѣжный умеръ, почти не слыхавъ добраго слова о себѣ отъ нашихъ журналистовъ, которымъ недосугъ разбирать книгу порядкомъ»...

XXVIII.

Нарѣжный умеръ на сорокъ-пятомъ году жизни, за двѣ недѣли до выхода въ свѣтъ своего романа «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ» 21-го, іюня 1825 года [1]). Смерть романиста прошла

[1]) Свѣдѣнія о днѣ смерти и погребенія В. Т. Нарѣжнаго доставлены въ редакцію «Русской Старины» секретаремъ С.-Петербургской духовной консисторіи, И. Тимоѳеевымъ.

незамѣтно, о ней узнали изъ краткаго извѣстія помѣщеннаго въ «Сѣверной Пчелѣ» того-же года (№75). Похороны его, вѣроятно, не отличались пышностью, судя по тому, что въ церковныхъ спискахъ умершихъ въ 1825 году возрастъ Нарѣжнаго дважды означенъ невѣрно, а въ одномъ спискѣ невѣрно записана фамилія. Такъ по кладбищенской вѣдомости Большеохтенской Святодуховской церкви за 1825 годъ, подъ № 108, значится слѣдующая запись:

«21-го іюня, умре отъ водяной надворный совѣтникъ и кавалеръ Василій Трофимовичъ Нарѣжный, 50 лѣтъ и погребенъ протоіереемъ Воскресенской церкви Іаковомъ Воскресенскимъ».

Въ другомъ спискѣ, а именно въ метрикѣ Воскресенской церкви, (нынѣ Скорбящей Божьей Матери) за № 3 значится:

«Надворный совѣтникъ и кавалеръ Василій Трофимовичъ Оринсскій, 42 лѣтъ, умершій отъ водяной 21-го іюня 1825 года, погребенъ на Большеохтенскомъ кладбищѣ протоіереемъ Іаковомъ Воскресенскимъ».

Причина такой странной неточности, въ показаніи возраста и даже фамиліи умершаго, могла заключаться въ небрежномъ веденіи метрикъ тогдашнимъ духовенствомъ, или же въ какихъ-нибудь исключительныхъ условіяхъ смерти Нарѣжнаго. Въ виду этого, считаемъ долгомъ упомянуть о случайно дошедшемъ до насъ свѣдѣніи, требующемъ подтвержденія, будто-бы несчастный романистъ «былъ подобранъ пьяный въ безчувственномъ состояніи гдѣ-то подъ заборомъ», и если предположить, что во время погребенія, не было никого изъ близкихъ ему людей, то возрастъ его могъ быть означенъ приблизительно. Если Нарѣжный дѣйствительно умеръ при этихъ условіяхъ, то становится понятной краткость приведеннаго выше извѣстія объ его смерти въ «Сѣверной Пчелѣ» и полное умалчиваніе остальныхъ газетъ и журналовъ. Одинъ только рецензентъ «Московскаго Телеграфа», 1825 года, и то мимоходомъ, по поводу появленія послѣдняго произведенія Нарѣжнаго, «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ», упоминаетъ о печальныхъ обстоятельствахъ романиста: «В. Т. Нарѣжный, пишетъ онъ, скончавшійся въ іюлѣ сего года, подавалъ нѣкогда большія о себѣ надежды. Обстоятельства—тяжелая цѣпь, часто гнетущая таланты, остановила и Нарѣжнаго на его поприщѣ»... (57).

Во всякомъ случаѣ, какъ-бы ни были печальны условія жизни и смерть Нарѣжнаго, это не имѣетъ никакого отношенія къ пло-

дотворной дѣятельности нашего перваго самобытнаго романиста и къ его историко-литературному значенію.

Изъ посмертныхъ неизданныхъ сочиненій Нарѣжнаго насколько намъ извѣстно, уцѣлѣла только первая часть неоконченнаго романа «Гаркуша малороссійскій разбойникъ [1])». Этотъ романъ, по содержанію, принадлежитъ къ особому виду, такъ называемыхъ «разбойничьихъ романовъ» (Räuberromanen), богатыхъ приключеніями, которыя одно время были довольно распространены въ западно-европейской литературѣ и перешли къ намъ въ переводахъ и передѣлкахъ, во второй половинѣ XVIII столѣтія. Вообще, насколько можно судить по первой части «Гаркуши», романъ этотъ можетъ быть отнесенъ къ позднѣйшимъ произведеніямъ Нарѣжнаго, такъ какъ, подобно имъ, состоитъ изъ подражательной болѣе слабой части и отдѣльной, самобытной, гдѣ недостатки выкупаются болѣе или менѣе удачными и талантливыми сценами и описаніями.

Нарѣжный, повидимому, хотѣлъ изобразить въ этомъ романѣ извѣстнаго южнорусскаго разбойника Горкушу, который, во второй половинѣ прошлаго вѣка, прославился своими подвигами на далекомъ пространствѣ, отъ Умани до Полтавы и отъ Казани до лимана Днѣпровскаго, и послѣ своей окончательной ссылки въ Нерчинскъ, въ 1782 году, еще долго жилъ въ народной памяти. Украинцы приписывали ему похожденія многихъ разбойниковъ, ы указывали слѣды его даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ никогда не былъ, такъ что, мало-по-малу, онъ сдѣлался для нихъ какимъ-то миѳическимъ лицомъ. Естественно, что и Нарѣжный, проведя дѣтство въ Малороссіи, могъ слышать о немъ много еще свѣжихъ преданій и разсказовъ, хотя сильно преувеличенныхъ, но до извѣстной степени имѣющихъ фактическую основу [2]). Между тѣмъ исторія «Гаркуши» въ романѣ Нарѣжнаго, опять-таки судя по первой части, имѣетъ

---

[1]) Рукопись этого романа (106 стр.) составляетъ собственность »Литературнаго Фонда«; она была получена нами отъ бывшаго предсѣдателя «Комитета для нуждающихся литераторовъ и ученыхъ» Н. С. Таганцева и возвращена нами по принадлежности черезъ бывшаго секретаря общества В. И. Семевскаго. Полное тождество почерка данной рукописи съ рукописью, находившеюся у насъ, трехъ неизданныхъ частей «Россійскаго Жилблаза», не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она написана самимъ авторомъ.

[2]) Въ пятой неизданной части своего романа «Россійскій Жилблазъ» Нарѣжный изобразилъ въ одной сценѣ дѣйствительнаго украинскаго разбойника Горкушу, котораго онъ и тамъ почему-то называетъ Гаркушей.

мало общаго съ исторіей разбойника Горкуши, заслужившаго извѣстность въ Малороссіи (58).

Дѣйствительный Горкуша сначала поступаетъ въ запорожцы и, въ качествѣ товарища Гонты, принимаетъ дѣятельное участіе въ уманской рѣзнѣ за религію, а послѣ уничтоженія Сѣчи становится контробандистомъ, и обобранный до чиста поляками, начинаетъ промышлять чужою собственностью. Многочисленная шайка его пополняется бѣглецами, примкнувшими къ нему послѣ запрещенія вольнаго перехода крестьянъ въ Малороссіи. Между тѣмъ, исторія героя романа «Украинскаго разбойника Гаркуши» носитъ болѣе частный и, такъ сказать, личный характеръ и представляетъ интересъ психологическій. Основной причиной разлада Гаркуши съ окружающей средой является бѣдность и связанныя съ нею нравственныя терзанія,—тема не разъ встрѣчаемая въ произведеніяхъ Нарѣжнаго и очевидно хорошо знакомая ему. На этотъ разъ, онъ впервые выводитъ бѣдняка изъ крестьянской среды, и изображаетъ народный бытъ реальными чертами, безъ прикрасъ и напускной чувствительности тогдашнихъ сочинителей сельскихъ и пастушескихъ повѣстей.

Будущій разбойникъ Гаркуша представленъ въ видѣ нищаго, безроднаго пастуха, которому, помимо безвыходной нужды, приходится много терпѣть отъ равнодушія и презрительнаго отношенія людей «болѣе сытыхъ и лучше одѣтыхъ, нежели онъ». Гаркуша жилъ одиноко въ своей бѣдной уединенной хижинѣ съ двумя вѣрными псами, и, несмотря на свою набожность, «рѣдко посѣщалъ храмъ Божій,—такъ какъ у него и самое праздничное платье было хуже, чѣмъ у другихъ будничнія,—а довольствовался онъ во время священнодѣйствія стоять на паперти и, со смиреніемъ мытаря творить свои молитвы»...

Между тѣмъ, насталъ день рожденія Гаркуши и день воскресный. Ему исполнилось двадцать пять лѣтъ. Гаркуша, какъ сталъ себя помнить, всегда посвящалъ его на славословіе Божіе, служилъ молебенъ, и, послѣ, отлично угощалъ—псовъ своихъ, ибо никто изъ людей не удостоивалъ его посѣщеніемъ, да онъ нисколько о томъ не печалился.

И на сей разъ, Гаркуша не отступилъ отъ своего правила. Онъ чисто на чисто выбрился, надѣлъ довольно чистую свиту и отпра-

вился въ церковь, гдѣ сталъ у самаго клироса, ибо никого еще тамъ не было, и началъ молиться, какъ умѣлъ...

«Мало-по-малу, церковь начала наполняться народомъ, наполнилась, и священнодѣйствіе началось. Когда Гаркуша со всѣмъ усердіемъ творилъ земные поклоны, то нѣкто изъ народа толкнулъ его въ спину столь небрежно, что онъ плотно стукнулся лбомъ объ полъ. Поднявшись, онъ видитъ подлѣ себя Карпа, племянника старосты.— Посторонись! сказалъ тотъ надмѣнно.—Некуда, отвѣчалъ Гаркуша, и всякій имѣетъ такое-же право сего отъ меня требовать, какъ и ты.—Ба! сказалъ племянникъ старосты; такъ я равенъ и тебѣ негодный?—Я такой-же христіянинъ, отвѣчалъ сей и продолжалъ молиться; но соперникъ его шепнулъ что-то на ухо дьяку Якову Лысому, и сей знаменитый сановникъ, сошедъ съ клироса, взялъ Гаркушу за руку, повелъ по церкви, потомъ вышедши за двери, сказалъ: оставайся здѣсь невѣжа, когда не умѣешь смиренно стоять въ храмѣ, иначе—ты меня знаешь: покайся во грѣхѣ и смирись!

«Несмотря на проливной дождь, вѣтеръ, градъ, словомъ на всѣ собравшіяся октябрьскія непогоды, Гаркуша смиренно простоялъ на паперти до окончанія службы, выждалъ всѣхъ людей, и уже хотѣлъ вступить церковь для отслуженія молебна, какъ показалси священникъ съ своимъ причтомъ. Сколько не умолялъ его Гаркуша воротиться, удвоивалъ и утроивалъ обыкновенную плату, тщетно!— Для чего не сказалъ заранѣе, былъ отвѣтъ, и скоро всѣ скрылись.

Этотъ случай рѣшилъ дальнѣйшую судьбу Гаркуши. Съ стѣсненнымъ сердцемъ и слезами на глазахъ, вернулся онъ въ свою хижину и, въ первый разъ, ласки вѣрныхъ псовъ не могли развеселить его. «Онъ отобѣдалъ безъ вкуса, пасмурно сѣлъ на скамью, и—мщеніе представилось воображенію его въ видѣ добродѣтели и сознанія своего внутренняго достоинства». Долго обдумывалъ онъ планъ мести и рѣшилъ пустить въ дѣло своихъ доморощенныхъ кота и кошку; и для этой цѣли проморилъ ихъ трое сутокъ голодомъ, въ запертомъ чуланѣ, и затѣмъ снесъ ихъ на голубятню дьяка, гдѣ оставилъ на цѣлую ночь. Не довольствуясь этимъ, онъ на другой день явился къ своему врагу, подъ предлогомъ покупки голубей, чтобы полюбоваться его отчаяніемъ, такъ какъ дьякъ любилъ своихъ птицъ «болѣе всего и охотнѣе лазилъ на голубятню, чѣмъ вступалъ въ чертоги жида, содержавшаго шинокъ, хотя и туда ходилъ онъ охотнѣе, чѣмъ на клиросъ»...

Однако, виновникъ уничтоженія голубей былъ вскорѣ открытъ по жалобѣ дьяка «выстеганъ лозами» въ земской избѣ и, кромѣ того, долженъ былъ заплатить рубль денегъ за нанесенный убытокъ. Гаркуша, за это двойное и, по его мнѣнію, несправедливое наказаніе рѣшилъ снова отомстить дьяку: онъ забрался ночью въ его садъ и подпилилъ всѣ лучшія плодовыя деревья. Не забылъ онъ и своего главнаго врага—Карпа, племянника старосты, и за нанесенное имъ оскорбленіе отплатилъ еще большей обидой, такъ какъ началъ ухаживать за невѣстой Карпа и соблазнилъ ее.

Несложная исторія отношеній Гаркуши къ Маринѣ, начатыхъ изъ желанія отомстить врагу и перешедшихъ въ сердечную привязанность, принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ неоконченнаго романа Нарѣжнаго. Также реально описана авторомъ свадьба Марины съ Карпомъ, гнѣвъ обманутаго мужа, истязаніе несчастной женщины и насильственное, вынужденное у ней признаніе въ присутствіи свадебныхъ гостей, родителей и родственниковъ. Прошелъ мѣсяцъ послѣ свадьбы Марины; но Гаркуша напрасно поджидалъ ее въ овинѣ, обычномъ мѣстѣ ихъ прежнихъ свиданій, и при встрѣчахъ старался обратить на себя ея вниманіе. Онъ долженъ былъ убѣдиться что безвозвратно утратилъ благосклонность своей возлюбленной, и рѣшилъ отплатить ей за свою «мнимую» обиду. «Въ свободное время ходя по базару, или сидя въ шинкѣ, повѣствовалъ онъ всякому любопытному, что онъ не только былъ доступнымъ любовникомъ Марины во время ея дѣвичества, но что она и матерью будетъ его дитяти, а не Карпова».

Такія рѣчи не долго кроются въ народѣ, и Марина, узнавъ о нихъ, въ свою очередь, рѣшила отомстить бывшему возлюбленному за его нескромность. Она велѣла позвать къ себѣ дьяка Якова Лысаго и, въ присутствіи свидѣтелей, объявила ему, что истребитель его голубятни и сада все тотъ-же Гаркуша и что она готова подтвердить это подъ присягой. Дьякъ вскипѣлъ гнѣвомъ; по его настоянію собрался крестьянскій судъ, и рѣшено было представить дѣло «на благоусмотрѣніе» помѣщика, пана Кремня, дворъ котораго стоялъ на выгонѣ.

Но помѣщикъ, который является въ романѣ олицетвореніемъ всѣхъ пороковъ, неожиданно принялъ сторону обвиняемаго, такъ какъ хотѣлъ воспользоваться его услугами для своихъ цѣлей, и объявилъ просителямъ, что считаетъ Гаркушу совершенно правымъ и

строго запрещаетъ «возобновлять вражду и неустройство»... Съ этими словами, панъ Кремень удалился «съ величайшею важностью, а просители побрели съ панскаго двора, повѣся головы».

Въ ту-же ночь, панъ Кремень отправилъ въ путь Гаркушу, съ шестью дворовыми, и велѣлъ имъ раскопать плотину у мельницы сосѣдняго помѣщика, пана Балтазара, своего непримиримаго врага, которому старался вредить всѣми способами. Новый слуга съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе, и, сверхъ того, захватилъ съ собой на обратномъ пути четыре крестьянскія телѣги съ хлѣбомъ, привезеннымъ наканунѣ для помолу, и четыре лошади чѣмъ доставилъ немалое удовольствіе своему господину. Но легкая удача настолько вскружила голову Гаркушѣ, что при слѣдующемъ походѣ, вслѣдствіе собственной оплошности, онъ попалъ вмѣстѣ съ товарищами въ руки крестьянъ пана Балтазара и, по его распоряженію, запертъ въ гумнѣ. «Наступила ночь, и Гаркуша безъ труда вырвался изъ некрѣпкой тюрьмы: освободивъ себя и товарищей, онъ велѣлъ ожидать его на другомъ берегу рѣки, а самъ оставшись одинъ поджегъ солому въ нѣсколькихъ мѣстахъ, послѣ чего бросился бѣжать безъ оглядки. Когда онъ присоединился къ товарищамъ, то, «оборотясь, увидѣлъ, что гумно пана Балтазара багрѣло въ пламени, клочки соломы, извиваясь въ воздухѣ, падали на крыши крестьянскихъ домовъ... и вскорѣ большая половина селенія превратилась въ огненное озеро». Гаркуша улыбнулся, «но улыбка сія не была уже для него отрадною. Неизвѣстный голосъ говорилъ ему: это уже не шутка! Это другое дѣло, чѣмъ истреблять голубей и садъ дьяка Якова Лысаго! Зажигатель!»... (65 стр.).

Панъ Кремень сначала равнодушно принялъ извѣстіе о новомъ подвигѣ Гаркуши, но пришелъ въ немалое безпокойство, когда изъ города пріѣхалъ его сынъ и сообщилъ ему, что панъ Балтазаръ подалъ на него жалобу по поводу истребленія плотины и поджога селенія и что завтра къ нимъ «чуть свѣтъ прискачетъ исправникъ съ командой для захвата обвиняемыхъ».—«Милости просимъ: сказалъ на это панъ, какъ скоро увижу, что не будетъ способа отбояриться легче и дешевле, то Гаркушу съ товарищами обвиню однихъ во всемъ и отдамъ обѣими руками: пусть съѣдятъ ихъ хоть съ костями. На мѣсто ихъ есть у меня ребята удалые»...

Гаркуша, сидя въ сѣняхъ, подслушалъ отъ слова до слова весь разговоръ между отцомъ и сыномъ, и не помня себя отъ ужаса и

злобы, отыскалъ своихъ злополучныхъ товарищей и уговорилъ ихъ бѣжать вмѣстѣ съ нимъ. Съ наступленіемъ ночи, они залѣзли въ панскую кладовую и, сдѣлавъ запасъ оружія, съѣстныхъ припасовъ и денегъ, пустились въ путь.

На утренней зарѣ, когда они отошли верстъ десять отъ селенія и расположились завтракать у дороги, то увидѣли повозку, окруженную четырьмя конными, которая остановилась прямо противъ ихъ лагеря. Гаркуша, не сомнѣваясь, что это исправникъ съ командой, спокойно ожидалъ его приближенія и слышалъ, какъ онъ, выйдя изъ повозки, отдалъ приказъ «на всякій случай» задержать его (Гаркушу) съ товарищами, какъ «людей подозрительныхъ». Гаркуша настойчиво убѣждалъ блюстителя правосудія оставить ихъ въ покоѣ и напомнилъ о заряженныхъ ружьяхъ. Исправникъ отскочилъ назадъ отъ этой угрозы; но, устыдясь команды, которая не шевелилась, повторилъ приказъ: «Ребята, берите ихъ!» и былъ убитъ наповалъ Гаркушей; товарищи послѣдовали его примѣру, и двое изъ команды разлеглись на землѣ; остальные бросились бѣжать.

Послѣ этого новаго преступленія, Гаркушѣ осталась одна дорога—промышлять разбоемъ.

Здѣсь обрывается самобытная часть неоконченнаго романа Нарѣжнаго, которая, несмотря на правдоподобную завязку, живость отдѣльныхъ сценъ и положительныя достоинства, читается съ трудомъ, такъ какъ помимо тяжелаго языка, общее впечатлѣніе нарушается неестественными положеніями, утрировкой въ частностяхъ, лишними разглагольствованіи и неумѣстными ссылками на историческихъ героевъ. Что касается остальной части рукописи, то она несомнѣнно представляетъ заимствованіе изъ какого-нибудь западно-европейскаго «разбойничьяго» романа, судя по вычурнымъ рыцарскимъ рѣчамъ Гаркуши, за которыми слѣдуетъ мелодраматическая сцена клятвы во взаимной товарищеской вѣрности, сопровождаемая цѣлованіемъ въ дуло заряженнаго ружья и пр. Даже самое описаніе глубокой пропасти, поросшей лѣсомъ,—гдѣ будущіе разбойники находятъ убѣжище,—является преувеличеннымъ, и, если принадлежитъ Нарѣжному, то можетъ служать свидѣтельствомъ его поэтической и, въ данномъ случаѣ, слишкомъ богатой фантазіи.

XXIX.

Мы представили общій очеркъ литературной дѣятельности Нарѣжнаго; и коснулись многихъ подробностей, ненужныхъ при

оцѣнкѣ писателей, стоявшихъ въ иныхъ, болѣе благопріятныхъ, условіяхъ, но необходимыхъ относительно Нарѣжнаго, въ виду того что наша публика только отчасти знакома съ его отдѣльными сочиненіями, а тѣмъ менѣе съ его произведеніями, помѣщенными въ повременныхъ изданіяхъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Главная причина такого незаслуженнаго забвенія заключается въ томъ, что ни при жизни Нарѣжнаго, ни послѣ, его настоящее значеніе не было выяснено въ литературѣ и не сдѣлано надлежащей оцѣнки его сочиненій. Вслѣдствіе того, многое въ его романахъ и повѣстяхъ осталась непонятнымъ, а тѣмъ болѣе черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ при тѣхъ пробѣлахъ, какіе до сихъ поръ существуютъ въ исторіи нашей романической литературы прошлаго вѣка и первой четверти нынѣшняго. Такимъ образомъ, для добросовѣстной оцѣнки сочиненій нашего перваго романиста, намъ пришлось обратиться къ предшествующей романической литературѣ и добавить много лишнихъ объясненій.

Съ другой стороны, относительно Нарѣжнаго, едва-ли можетъ быть поднятъ вопросъ о томъ, заслуживаютъ-ли его сочиненія такого подробнаго разбора? Если вообще, исторія развитія самобытнаго русскаго романа имѣетъ значеніе для исторіи русской литературы, то имѣютъ значеніе и сочиненія писателя, который за первую четверть нынѣшняго столѣтія является единственнымъ представителемъ русскаго самобытнаго романа, о чемъ свидѣтельствуетъ кн. П. А. Вяземскій въ приведенномъ выше «Письмѣ въ Парижъ», 1825 г. Если не все написанное Нарѣжнымъ, имѣетъ одинаковую важность, и у него встрѣчаются довольно слабыя произведенія, то это не даетъ намъ права оставлять ихъ безъ вниманія. Во всякомъ случаѣ, для полной безпристрастной оцѣнки писателя, необходимо коснуться всѣхъ его трудовъ, и вопросъ заключается только въ болѣе или менѣе подробномъ разборѣ, сообразно съ ихъ относительнымъ достоинствомъ. Къ Нарѣжному это болѣе примѣнимо, нежели ко всякому другому писателю, потому что его произведенія не только связаны съ исторіей развитія нашего первоначальнаго романа но, и съ развитіемъ русской прозаической литературы вообще.

Такъ, юношескія произведенія Нарѣжнаго весьма характерны для уясненія условій, въ какихъ находились тогдашніе прозаическія писатели, которые, въ виду подавляющаго господства стиха и драмы, стремились быть стихотворцами и драматургами и, насилуя свой

талантъ въ этомъ направленіи, неизбѣжно прибѣгали къ заимствованію и подражанію. Нарѣжный, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ стихотворныхъ опытовъ, обратился къ драмѣ, которая въ тѣ времена достигла извѣстной степени развитія и уже пользовалась правами гражданства въ нашей литературѣ, и тогда имъ представлены были два значительныя произведенія, написанныя въ драматической формѣ: «Кровавая ночь или конечное паденіе дому Кадмова» и «Димитрій Самозванецъ». Нѣсколькими годами позже, съ напечатаніемъ «Слова о полку Игоревѣ» и русскихъ былинъ (Киршей Даниловымъ), Нарѣжный дѣлаетъ попытку русской исторической повѣсти въ «Рогвольдѣ» и Славенскихъ вечерахъ».

Хотя «Славенскіе вечера» принадлежатъ къ слабымъ поизведеніямъ Нарѣжднаго, но все-таки имѣютъ историко-литературное значеніе, такъ какъ служатъ выраженіемъ извѣстнаго момента въ исторіи нашей подражательной романической литературы. Это уже не прежнее копированіе и передѣлка какого-нибудь одного или двухъ образцовъ, а стремленіе создать нѣчто новое и подражаніе нѣсколькихъ разнохарактернымъ образцамъ,—попытка неумѣлая, но уже представляющая переходную ступень къ самобытному творчеству. Въ какой степени «Славенскіе вечера» удовлетворяли требованіямъ современной читающей публики, показываетъ тотъ фактъ, что ни одно изъ произведеній Нарѣжнаго не заслужило такихъ восторженныхъ похвалъ со стороны тогдашней критики, которая при всей строгости къ стилю, на этотъ разъ восхищается и слогомъ «Славенскихъ вечеровъ».

Этотъ фактъ самъ по себѣ служитъ достаточнымъ доказательствомъ, насколько требованія нынѣшней критики непримѣнимы къ отжившимъ писателямъ вообще и въ частности къ Нарѣжному; объ его произведеніяхъ можно судить только въ связи съ условіями времени и въ сравненіи съ предшествующей, а не послѣдующей романической литературой. При этомъ, мы не должны упускать изъ виду блатопріятныхъ условій литературной дѣятельности новѣйшихъ писателей, сравнительно съ прежними условіями; широкаго развитія нынѣшняго русскаго романа, выработаннаго слога, вкуса и повышеннаго интеллектуальнаго уровня читающей публики. Въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о тѣхъ трудностяхъ, какія приходилось преодолѣвать нашимъ первымъ самобытнымъ романистамъ. Здѣсь, какъ мы говорили выше, по поводу печальнаго

положенія русскихъ прозаическихъ писателей конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка,—не было ни готовыхъ образцовъ, ни традицій, «существовавшія правила творчества, преподаваемыя теоріей словесности, могли только стѣснять писателей, задерживать ихъ развитіе...» (ч. I стр. 11—12).

Русскій романъ, повторяемъ, въ тѣ времена былъ исключительно подражательный, съ слабыми проблесками самобытности. Русская публика настолько привыкла къ иностраннымъ образцамъ и способу писанія западно-европейскихъ романистовъ, что русскіе сочинители какъ можно ближе придерживались ихъ, чтобы угодить своимъ читателямъ. Нарѣжный, по необходимости, слѣдовалъ общему направленію, на ряду съ усиленнымъ стремленіемъ къ самобытному творчеству, которое съ историко-литературной стороны придаетъ теперь особенное значеніе его произведеніямъ; но въ былое время это-же стремленіе къ самобытности только мѣшало ихъ успѣху. Полусамобытный, полуподражательный характеръ его романовъ и повѣстей прежде всего лишилъ ихъ художественной цѣльности, что, нарушая общее впечатлѣніе, навлекло на автора заслуженный упрекъ въ недостаткѣ «образованнаго вкуса». Эта двойственность въ произведеніяхъ Нарѣжнаго, которая ставила ихъ въ художественномъ отношеніи ниже общаго уровня болѣе слабыхъ и даже бездарныхъ романовъ и повѣстей того времени, особенно затрудняла критиковъ, которые, въ большинствѣ случаевъ мимоходомъ касались ихъ или обходили молчаніемъ. Свысока относился къ нимъ и остальной литературный міръ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, тѣмъ болѣе, что Нарѣжный, живя вдали отъ него, шелъ своимъ путемъ, неподдаваясь вліянію новаго времени.

При этихъ условіяхъ, Нарѣжный долженъ былъ неизбѣжно казаться отсталымъ своимъ современникамъ, хотя въ сущности въ своихъ романахъ и повѣстяхъ, онъ оказывается болѣе новымъ и самобытнымъ, нежели всѣ его предшественники. Такимъ образомъ, безъ преувеличенія можно сказать, что его романъ: «Черный годъ, или Горскіе князья» былъ первымъ русскимъ сатирическимъ романомъ, гдѣ онъ, не ограничиваясь сферой повседневныхъ явленій, касается разныхъ сторонъ общественной и государственной жизни. Въ своихъ двухъ сочиненіяхъ «Россійскій Жилблазъ» и «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ» онъ положилъ начало русскому реальному нравоописательному роману, равно какъ его «Запо-

рожецъ» и «Бурсакъ» могутъ считаться первыми, болѣе или менѣе самобытными произведеніями въ области русскаго историческаго романа. Въ «Гаркушѣ» мы видимъ попытку нравоописательнаго романа изъ народнаго быта.

Не подлежитъ сомнѣнію, что при такомъ разнообразіи произведеній и силѣ таланта, о которомъ свидѣтельствютъ лучшіе романы и повѣсти Нарѣжнаго, онъ могъ-бы занять видное мѣсто среди русскихъ первоклассныхъ романистовъ, а для этого онъ долженъ былъ явиться въ пору большей зрѣлости литературы и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Но тѣмъ выше приходится намъ цѣнить оказанныя имъ услуги русской романической литературѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ II-Й ЧАСТИ.

1) „Историческая Христоматія“ А. Галахова, т. II, стр. 292—293. Спб. 1877 г.

2) Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе и пр. соч. А. Шафонскимъ, въ Черниговѣ 1786 года, изд. М. Судіенко, въ Кіевѣ, 1851 г., стр. 63. См. также А. Лазаревскій „Описаніе старой Малороссіи“ и пр. Кіевъ 1888 г. Выпускъ I. Предисловіе, стр. II.

3) См. воспоминанія о Малороссіи конца XVIII вѣка, въ статьѣ И. Тимковскаго: „Мое опредѣленіе на службу“, „Москвитянинъ“, т. V, 1852 г., ч. I, стр. 1—26.

4) „Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года“. Соч. П. Знаменскаго, Казань, 1881 г., стр. 20.

5) „Краткая исторія академической гимназіи, бывшей при имп. моск. университетѣ“, проф. Страхова, въ „Сборникѣ учено-литератур. статей профессоровъ и преподавателей моск. унив., изд. по случаю его 100-лѣтняго юбилея. Москва, 1855 г.

6) См. также „Исторія имп. моск. университета“, написанная проф. С. Шевыревымъ къ тому-же юбилею. Москва, 1855.

7) Число учениковъ обѣихъ гимназій значительно превышало число студентовъ, какъ видно изъ таблицы 1787 г. (за пять лѣтъ до поступленія Нарѣжнаго въ гимназію), помѣщенной въ книгѣ „Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губерніи съ ихъ уѣздами и пр. 1787 г.“. Печ. въ Москвѣ, стр. 30—31.

8) „Исторія имп. моск. университета“, проф. С. Шевырева, стр. 195.

9) „Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей имп. моск. университета“ со дня учрежденія 12 января 1755 года и пр. Москва, 1855, два тома.

10) „Москвитянинъ“ 1851 г., часть III, статья И. Тимковскаго стр. 20.

11) На ихъ записки ссылается проф. С. П. Шевыревъ въ своей „Исторіи моск. универс.“, стр. 270.

12) Первымъ періодическимъ изданіемъ при университетѣ, въ которомъ участвовали и студенты, было: «Полезное увеселеніе», которое выходило въ 1760, 1761 и 1762 гг. Издателемъ его былъ М. М. Херасковъ.

13) См. журналъ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, 1798, ч. XIX, стр 33.

14) a) „Geschichte (des griechischen und römischen Drama's" von J. L. Klein, I. B. Leipzig. 1874 ss. 221—236, 321—357, 382—395. — b) „Les Tragédies d'Eschyle", trad. en français par Ad. Bouillet, Paris, 1865. — c) „Les Tragédies de Sophocle", trad. en franç." par M. Bellaguet. Paris, 1879.

15) Акты, собранные „Кавказскою археол. коммиссіею", т. II. Тифлисъ, 1868.

16) a) „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ", Н. Ѳ. Дубровина. Спб. 1886, т. III — b) „Присоединеніе Грузіи къ Россіи, 1799—1831 гг." Истор. изслѣд. Ад. П. Берже, въ „Р. Стар." 1880, книги V, VI, VII. — c) „Тифлисскій Вѣстникъ" 1873 года, ст. „Безпорядки въ Грузіи" №№ 72—74, 76, 77 и 79.

17) См. „Исторія войны и влад. русскихъ на Кавказѣ", Н. Ѳ. Дубровина", т. III, стр. 444, а также „Тифл. Вѣст." 1873, № 74.

18) Ст. Ад. П. Берже, „Присоединеніе Грузіи къ Россіи", Р. Стар. 1880, кн. VII, стр. 369.

19) „Исторія войны и пр. на Кавказѣ", Н. Ѳ. Дубровина, т. III стр. 515.

20) П. Соб. Сочиненій И. В. Кирѣевскаго, т. I, М. 1861, стр. 42.— Атеней 1829, ч. IV, стр. 318—320.

21) См. краткую исторію основанія Общества въ чтеніяхъ „Бесѣды любителей Русскаго слова". кн. I. Спб. 1811. г.

22) „Исторія министерства Внутреннихъ Дѣлъ" Н. Варадинова Спб., 1858 г., ч. I, стр. 22—69 и 104—187.

23) „Димитрій Самозванецъ", трагедія въ пяти дѣйствіяхъ В. Нарѣжнаго, соч. въ 1800 г., напечатана въ Москвѣ 1804 г.—Второе изданіе вышло въ Москвѣ въ 1830 году.

24) „Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, съ прибавленіемъ извѣстій о жизни и твореніяхъ писателей, которыхъ труды помѣщены въ семъ сборникѣ". Спб., 1812 г., изд. Н. Гречъ.

25) П. С. З., т. XXIX, 22,208.

26) В. И. Семевскій. „Волненія горнозаводскихъ крестьянъ 1760—1764 гг.", „Вѣстникъ Европы", 1877 г. №№ 1 и 2.

27) „Высочайше утвержденные доклады и др. свѣдѣнія о новомъ образованіи Горнаго начальства и управленія горныхъ заводовъ", ч. I: „Историческое описаніе горныхъ дѣлъ въ Россіи, съ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ до нынѣшнихъ. Спб., 1807 г., стр. 155—157.

28) „Мѣсяцесловъ" (адресъ-календарь), съ росписью чиновныхъ особъ или общій штатъ Россійской имперіи, на лѣто отъ Р. Х." 1811—1813 гг.

29) Воспоминанія В. И. Панаева. См. „Вѣстникъ Европы" 1867 г., сентябрь и декабрь, стр. 123—124.

30) a) И. Сѣряковъ: „Походъ Игоря противъ половцевъ", Спб. 1803 г. Стихотворное переложеніе.—b) А. Палицынъ: „Игорь, героическая повѣсть". Съ древней славянской пѣсни, писанной въ XII вѣкѣ: перелож. стихами, Харьковъ, 1807 г. См. изслѣдованіе Е. Барсова „Слово о полку Игоревѣ и пр.", т. I, Москва, 1887 г.

31) „Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ третьяго вѣка. Галльскія стихо-

творенія", перев. съ французскаю, Е. И. Костровъ. Въ двухъ частяхъ. Москва, 1792 г.

32) П. Морозовъ, „Е. И. Костровъ, его жизнь и литературная дѣятельность". Воронежъ, 1876 г.

33) „Цвѣтникъ" 1809 г., изд. А. Е. Измайловымъ и А. Бѣницкимъ. Спб., іюль, стр. 263—274.

34) Ibid. 1810 г., изд. А. Измайловъ и П. Никольскій. Спб. февраль, стр. 123—147.

35) Ibid., іюль, стр. 93—118.

36) М. И. Сухомлиновъ „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію", т. I. Спб. 1889, стр. 427, а также М. Богдановичъ, „Царствованіе импер. Александра I", т. V, Спб., 1871 г., стр. 194—195.

37) А. Н. Пыпинъ. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I". Спб. 1885 г., стр. 362.

38) „Чтенія о русскомъ языкѣ", Н. Гречъ, ч. I, Спб., 1840 г., стр. 333.

39) В. С. Сопиковъ „Опытъ русской библіографіи". Спб. 1813—1821 гг.

40) О значеніи Петровской реформы, см. ст. А. Н. Пыпина, „Московская старина", „Вѣстн. Европы" 1885 г., январь.

41) Ibid. февраль и мартъ

42) „Русское масонство въ XVIII вѣкѣ", „Вѣстн. Евр." 1867 г., январь, стр. 86.

43) См. брошюру: „Масонъ безъ маски или подлинныя таинства масонскія, изданныя со многими подробностями точно и безпристрастно", пер. Иванъ Соцъ. Спб., 1784 г.

44) Ст. А. Н. Пыпина: „Русское масонство въ XVIII вѣкѣ". „Вѣстн. Европы", мартъ; — а также сочиненія М. Лонгинова — „Новиковъ и московскіе мартинисты", изд. 1867 г., стр. 258, прим.

45) См. статьи А. Н. Пыпина о масонствѣ, „Вѣстн. Евр." 1867 г., январь и февраль; 1868 г., іюнь и іюль; 1869 г., ноябрь и декабрь; 1872 г., январь, февраль, іюль.

46) Ibid. „Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ", „Вѣстн. Евр." 1872 г., февраль, стр. 561.

47) Елагина. „Записка о масонствѣ", „Русск. Архивъ" 1866 г., изд. второе, стр. 593—594.

48) М. Лонгиновъ. „Новиковъ и московскіе мартинисты", 1867, стр. 101.

49) „Вѣстникъ Европы" 1868 г, іюнь, ст. А. Н. Пыпина. „Русское масонство до Новикова" (отсюда заимств. приведенная выдержка изъ кн. Рейнбека).

50) С. В. Ешевскій. „Московскіе масоны прошедшаго столѣтія" стр. 405—406, „Рус. Вѣстн." 1864 г, № 8. См. также „Лѣтописи рус. лит. и древ." изд. Н. Тихонравова, т. V, М. 1863 г., ст. „Новыя свѣдѣнія о Новиковѣ", стр. 51.

51) М. Лонгиновъ. „Новиковъ и московскіе мартинисты", 1867, стр. 304.

52) „Истор. Христ.“ А. Д. Галахова, т. II, стр. 292—293.

53) Тамъ-же.

54) „Исторія русской словесности“ А. Галахова т. II, Спб., 1868, стр. 183.

55) „Ист. Христ.“, А. Д. Галахова, т. I.

56) П. Соб. Соч. кн. П. А. Вяземскаго, 1878, т. I, стр. 203—204.— „Моск. Телеграфъ„, ч VI, стр. 182—184.

57) „Моск. Телегр.“ 1825, ч. IV, стр. 346.

58) См. статью Н. Маркевича „Горкуша украинскій разбойникъ“ въ „Русскомъ Словѣ“ 1859 г. (сентябрь, стр. 138—244), гдѣ подробно изложено все слѣдственное дѣло на основаніи допросовъ Горкуши и его товарищей, съ приложеніемъ документовъ, автографовъ и пр.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Послужной списокъ дворянина Трофима Нарежнаго, въ повѣтѣ Гадяцкомъ жительствующаго.

1798 года, апрѣля 28 числа.

Трофимъ Нарежный, 52-хъ лѣтъ.

Женатъ на дочери дворянской Анастасіи, 49 лѣтъ.

Дѣтей имѣетъ сыновъ двухъ: Василій, 18 лѣтъ, въ императорскомъ московскомъ университетѣ обучается; Феофана, 4-хъ лѣтъ, дочь Параскевію, 16-ти лѣтъ.

Людей за собою не имѣю, а имѣніемъ недвижимымъ я по предкамъ, а собою для дневнаго пропитанія пріобрѣтеннымъ пахотною и сѣнокосною землею владѣю. Другихъ-же угодій никакихъ не имѣется.

Въ повѣтѣ живу, въ мѣстечкѣ Устивицѣ.

Чиномъ корнетъ.

Нахожусь въ отставкѣ.

Грамоту получилъ изъ Кіевской дворянской коммисіи 1786 года, октября 24 дня, за подписомъ губернскаго предводителя дворянства Степана Тарновскаго и шести уѣздныхъ депутатовъ: кіевскаго—коллежскій ассесоръ Василій Покистенскій, остерскаго—секундъ-маіоръ Петръ Човановичъ, пирятинскаго—секундъ-маіоръ Левъ Гербаневскій, золотоношскаго—приватъ-маіоръ Николай Ноцоно, миргородскаго—секундъ-маіоръ Антонъ Кириченко-Остромовъ, хорольскаго—титулярный совѣтникъ Демякъ Твердовскій, дворянскій секретарь Степанъ Силванскій. На имя корнета Трофима Нарежнаго и родъ его во вторую ея часть внесенъ.

Къ сему формулярному списку корнетъ Трофимъ Нарежный подписался.

Ревѣзовалъ, и что грамота на имя корнета Трофима Нарѣжнаго имѣется, только что безъ номера, должнаго на оной быть, въ томъ завѣряю. Маршалъ Василій Чарнышъ.

II.

По указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны самодержицы Всероссійской и прочая, и прочая, и прочая.

Объявитель сего изъ польскаго шляхетства Трофимъ Ивановъ, сынъ Нарежной, бывшій въ службѣ Ея И. В. въ Черниговскомъ Карабинерномъ полку вахмистромъ, а нынѣ, по поданной отъ него челобитной, за имѣющимися у него болѣзнями, далѣе воинской службы продолжать не могущій изъ оной на собственное его пропитаніе по обвязательству его остаться вѣчно въ россійскомъ подданствѣ, съ награжденіемъ корнетомъ мною уволенъ и по выключкѣ изъ полку отпущенъ въ домъ его Кіевскаго намѣстничества, Миргородскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Устивицѣ состоящій. Которому до присылки изъ Государственной военной коллегіи, по сдѣланному отъ меня во оную представленію, надлежащаго объ отставкѣ указа, и на корнетскій чинъ, во свидѣтельство вышеописаннаго и свободнаго ради въ домѣ прожитія, а въ пути пропуска, сей пашпортъ за подписомъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати, данъ въ Малороссіи въ селѣ Вишенкахъ, Маія 15 дня 1786 года (на подлинномъ тако) Ея И. В. всемил—шей Государыни моей генералъ-фельдмаршалъ главнокомандующій кавалеріею и второю дивизіею Кіевской Черниговской и Новгородско сѣверской генералъ-губернаторъ, полковъ лейбъ-гвардіи коннаго подполковникъ, кирасирскаго военнаго ордена полковникъ орденовъ всѣхъ россійскихъ императорскихъ королевскаго прусскаго Чернаго Орла и голштинскаго святыя Анны кавалеръ Графъ Румянцевъ-Задунайскій.

Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ значковый (?) товарищъ Даніилъ Коломійцовъ.

Дворянства секретарь Иванъ Туманскій.

№ 879.

III.

1786 года октября 24 числа. По указу Ея И. В., Кіевскаго намѣстничества дворянское собраніе слушавъ доношеніе корнета Трофима Нарежнаго и приложенной при ономъ пашпортъ отъ его сіятельства господина генералъ-фельдмаршала, сенатора и многихъ орденовъ кавалера, графа Петра Алек-

сандровича Румянцева-Задунайскаго, сего года маія 15 числа ему данной,— опредѣлило: какъ съ онаго явствуетъ, что проситель Нарежный, за имѣющимися въ него болѣзнями отъ воинской службѣ его сіятельствомъ съ награжденіемъ корнетскаго чина уволенъ. Въ высочайшей же Ея И. В. грамотѣ, на вольности и преимущества дворянству жалованной, въ 78 пунктѣ предписано во вторую часть родословной книги вносить роды военнаго дворянства по алфавиту. О коихъ въ имянномъ указѣ блаженной и вѣчно достойной памяти государя императора Петра Перваго 1721 года генваря 16 числа узаконено сими словами: всѣ оберъ-офицеры, которые произошли не изъ дворянства оные и ихъ дѣтей и ихъ потомки суть дворяне и надлежитъ имъ дать патенты на дворянство, для того, сообразуясь оному высочайшей грамоты 78 пункту, внести помянутаго просителя Нарежнаго въ родословную дворянскую кіевскаго намѣстничества книгу во вторую часть и изготовить грамоту при выдачѣ которой имѣетъ онъ внести въ дворянскую сумму то число денегъ, которое отъ дворянскаго собранія опредѣлено будетъ, а пока оная грамота изготовлена будетъ дать ему, Нарежному, свидѣтельство въ томъ, что онъ дѣйствительно собраніемъ дворянства признанъ дворяниномъ. (Подлинный подписали:) Губернскій предводитель дворянства Василій Капнистъ. Депутатъ уѣзда Кіевскаго Димитрій Валявагъ. Депутатъ Остерскаго уѣзда Петръ Купчинскій. Депутатъ Козелецкаго уѣзда Василій Танскій. Депутатъ уѣзда Хорольскаго Алексѣй Кодинецъ. Депутатъ уѣзда Золотоношскаго Николай Поповичъ. Въ должности секретаря Павелъ Роменскій.

IV.

Выписка изъ журнала, учененнаго въ коммисіи, высочайше учрежденной для повѣрки дѣйствій Полтавскаго дворянскаго депутатскаго собранія.

Іюня 10 дня 1842 года.

Слушали: Дѣло изъ кіевскаго въ полтавское дворянское депутатское собраніе поступившее и въ описи по Гадячскому уѣзду подъ № 213 показанное, изъ коего значится, что состоявшій въ подушномъ окладѣ отставный корнетъ Трофимъ Ивановъ сынъ Нарежный, доказывая благородное свое происхожденіе, при доношеніи 1784 года 8 дня въ кіевское дворянское депутатское собраніе въ засвидѣтельствованной копіи представилъ пашпортъ отъ г. генералъ-фельдмаршала и кавалера графа Румянцева-

Задунайскаго ему, Трофиму Нарежному, 1786 года маія 15 дня за № 879 данный въ томъ, что онъ Нарежный служилъ въ черниговскомъ Карабинерномъ полку вахмистромъ, а, всходство просьбы его, за болѣзнію, уволенъ отъ оной съ награжденіемъ чиномъ корнета.

По сему пашпорту кіевское дворянское депутатское собраніе учиненнымъ 1786 года октября 24 дня, за подписомъ губернскаго предводителя и пяти уѣздныхъ дворянскихъ депутатовъ, опредѣленіемъ, въ силу высочайшей грамоты 78 статьи, заключило: внесть доказателя Нарежнаго во 2-ю часть дворянской родословной книги; въ спискѣ же отъ него, Нарежнаго, въ 1798 году къ дѣлу сему доставленномъ прописано его семейство и владѣемое имъ недвижимое имѣніе, жительствуетъ въ Гадячскомъ повѣтѣ. Грамоту получилъ въ 1792 году, которой при дѣлѣ нѣтъ и свѣдѣній по коимъ можно бы разсмотрѣть правильно ли внесены прошеніе и документы въ законные книги и регистры, а равно и книгъ на выдачу грамотъ не доставлено.

Опредѣлили: какъ доказатель Трофимъ Нарежный чинъ корнета получилъ при отставкѣ отъ службы, что относится не до потомственнаго, а до личнаго дворянства, то ревизіонная коммисія означеннаго опредѣленія кіевскаго дворянскаго депутатскаго собранія правильнымъ и съ законами согласнымъ признать не можетъ, полагаетъ, всходство указа правительствующаго сената 30 мая 1834 года 2 отдѣленія 10 статьи 2 пункта, отставнаго корнета Трофима Нарежнаго съ его дѣтьми внесть въ списокъ неимѣющихъ права быть записанными въ дворянскую родословную книгу и, съ приложеніемъ пашпорта, опредѣленія и выписки изъ журнала сего отослать оные во временное присутствіе герольдіи правительствующаго сената въ установленное на то время, а копіи со всего того передать тогда-же въ полтавское дворянское депутатское собраніе.

Подлинный журналъ за подписомъ гг. предсѣдателя, членовъ коммисіи и скрѣпою секретаря.

V.

Аттестатъ.

По указу его императорскаго величества, изъ императорскаго московскаго университета студенту изъ дворянъ, Василью Нарѣжному, корнета Трофима Нарѣжнаго сыну, въ томъ, что онъ сентября 4 дня 1792 года

записанъ въ дворянскую московскаго университета гимназію, въ которой обучался: латинскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, географіи и математикѣ; въ 1798 году произведенъ въ студенты, а въ 1799 году переведенъ въ университетъ, гдѣ обучался: 1) логикѣ и метафизикѣ, 2) энциклопедіи всѣхъ наукъ, 3) всемірной исторіи и географіи, 4) чистой, и смѣшенной математикѣ, и 6) опытной физикѣ, съ похвальнымъ прилежаніемъ и успѣхомъ, поступая добропорядочно; за что въ 1800 году получилъ въ награжденіе серебряную медаль. Почему, въ силу высочайше аппробованнаго въ 1775 году генваря 12 о университетѣ проэкта, иправительствующаго сената того же 1775 генваря 24, и 1756 годовъ маія 17 чиселъ указовъ, достоинъ награжденія оберъ-офицерскаго чина. Нынѣ же, по прошенію его, отъ университета съ симъ уволенъ, съ обязаніемъ, дабы онъ въ праздности не былъ, а явился къ опредѣленію въ службу, куда слѣдуетъ. Данъ въ Москвѣ, за подписаніемъ тайнаго совѣтника, университета директора и кавалера, октября 10-го дня 1801 года.

Иванъ Тургеневъ.

№ 1199. У сего аттестата его императорскаго величества московскаго университета печать.

Овѣдѣнія.

о службѣ надворнаго совѣтника Нарѣжнаго извлеченныя изъ дѣлъ Общаго Архива Главнаго Штаба.

Надворный совѣтпикъ Василій Трофямовичъ Нарѣжный, изъ дворянъ, кавалеръ ордена Св. Анны 3 степени, обучался Россійскому, Латинскому и Нѣмецкому языкамъ, чистой математикѣ и Геометріи, въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ, женатъ на Александрѣ Ивановой, имѣетъ сына Владиміра 5 лѣтъ, въ службу вступилъ изъ студентовъ Императорскаго Московскаго Университета, въ новооткрывшееся Грузинское Правительство съ чиномъ коллежскаго регистратора 3 октября 1801 года и находился у письменныхъ дѣлъ при бывшемъ правителѣ Грузіи, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Коваленскомъ; по открытіи въ Грузіи Россійскаго Правительства, опредѣленъ секретаремъ въ Лорійскую управу земской полиціи 18-го мая 1802 года; уволенъ отъ сей должности 14-го мая 1803 года; опредѣленъ въ экспедицію Государственнаго Хозяйства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1-го сентября 1803 года, произведенъ въ Губернскіе секретари 31-го декабря 1804 года; уволенъ 22-го мая 1807 года; опредѣленъ помощникомъ экспедитора Кабинета Его Императорскаго Величества въ Гор-

ную экспедицію 30 мая 1807 года; по Именнему Высочайшему повелѣнію 1807 года сентября 8-го, произведенъ въ титулярные совѣтники, со старшинствомъ съ 31-го декабря 1806 года, по Именному Высочайшему Указу произведенъ въ коллежскіе ассесоры 1-го іюня 1811 года; уволенъ отъ службы 25-го іюля 1813 года; опредѣленъ столоначальникомъ въ Инспекторскій Департаментъ Военнаго Министерства 11-го марта 1815 года, при новомъ образованіи Департамента, поступившаго въ составъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, утвержденъ столоначальникомъ 20-го марта 1816 года; Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Анны 3 степени 12-го декабря 1816 года, по опредѣленію Правительствующаго Сената 20-го декабря 1818 года, произведенъ въ надворные Совѣтники, со старшинствомъ съ 15-го февраля 1818 года, а 10-го сентября 1821 года, по прошенію его, Нарѣжнаго, уволенъ изъ Департамента за болѣзнію. Въ походахъ и въ сраженіяхъ противъ непріятеля не бывалъ [1]).

Хронологическій перечень сочиненій В. Нарѣжнаго.

Сочиненія, помѣщенныя въ журналахъ:

1) «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (редакторы: Подшиваловъ и Сохацкій) Москва, 1798, ч. XVIII:

Сотвореніе Розы, перев. съ нѣмецкаго, стр. 104—110.

Брега Алты, стихотв., стр. 281—288.

Къ Аристію изъ Горація, ода 22, кн. 1, стр. 319.

Къ другу моему, стих. стр. 333—335.

Ibid. ч. XIX.

Освобожденная Москва, стих., стр. 33—45.

Ibid. ч. XX:

Рогвольдъ, стр. 353—364, тоже 369—375.

Пѣснь Владиміру кіевскихъ баяновъ, стр. 378—388.

2) «Иппокрена или Утѣхи любословія», 1799 г. (редак. Сохацкій), часть I:

Римская ревность, стр. 401—415, 417—426.

---

[1]) Помѣщенныя здѣсь свѣдѣнія о службѣ Нарѣжнаго сообщены Г. начальникомъ Общаго Архива Главнаго Штаба С. Н. Перетерскимъ.

Снѣжинка, басня, стр. 427, часть II (1799):

Мстящіе Евреи, стр. 17—27; 33—43; 49—56.

Розы, басня, стр. 56.

Дубъ, басня, стр. 58.

Ibid. «Иппокрена» и пр. 1800, часть VII:

Кровавая ночь или конечное паденіе дому Кадмова (театральное дѣйствіе), стр. 161—172.

3) «Цвѣтникъ» 1810 (редакт.: А. Измайловъ и П. Никольскій):

№ 2: Георгій и Елена (повѣсть).

№ 7: Анастасія (повѣсть)

4) «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія»:

1818 г. №№ XI и XII: Любославъ (повѣсть).

1819 г. № VII: Александръ (повѣсть).

Сочиненія В. Нарѣжнаго, вышедшія отдѣльными изданіями:

1) Димитрій Самозванецъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе В. Нарѣжнаго 1800 года. Москва, изд. 1804 [1]).

2) Славенскіе вечера. Книжка первая. СПб. 1809. (Съ посвященіемъ П. А. Буцкому).

3) Россійскій Жилблазъ или Похожденія князя Гаврилы Симоновича Чистякова. СПб. 1814. Романъ въ шести частяхъ. (Изъ нихъ три послѣднія были пріостановлены цензурой въ 1814 году.

4) Аристіонъ или Перевоспитаніе. Справедливая повѣсть. 2 части. СПб. 1822. (Съ посвящ. Петру Александровичу Взметневу).

5) Новыя повѣсти В. Нарѣжнаго. СПб. 1824 года. 3 части. (Съ посвященіемъ К. Я. Командеръ):

ч. I: Марія, Богатый бѣднякъ.

ч. II: Невѣста подъ замкомъ, Турецкій судъ, Заморскій принцъ.

ч. III. Запорожецъ.

6) Бурсакъ, малороссійская повѣсть. 4 части. Москва, 1824 года [2]).

---

[1]) Ibid. Москва, изд. 1830 года

[2]) Бурсакъ, изд. 1860. Москва, въ типографіи М. Каткова.

Ibid. изд. Книжнаго Магазина «Новаго Времени» СПб. 1881 и 1886 гг.

7) **Два Ивана или страсть къ тяжбамъ.** 2 части. Москва, 1825, съ портретомъ автора. Изд. Коммис. Имп. М. Унив. (Съ посв. Его Прв. Өеодору Павловичу Вронченко).

8) Славенскіе вечера. 2 части. СПб. 1826.

9) **Черный годъ или Горскіе князья.** Москва, 1829. Романъ въ четырехъ частяхъ.

10) Романы и повѣсти Василія Нарѣжнаго. СПб. 1835--1836, (въ типогр. А Смирдина), въ десяти частяхъ:

I. Бурсакъ, часть первая.

II. Ibid. часть вторая.

III. Два Ивана или страсть къ тяжбамъ, часть первая.

IV. Ibid. часть вторая.

V. Аристіонъ или Перевоспитаніе.

VI. Черный годъ или Горскіе князья. части: первая и вторая.

VII. Ibid. части: третья и четвертая.

VIII. Богатый бѣднякъ и Запорожецъ.

XI. Марія, Невѣста подъ замкомъ [1]), Турецкій судъ, Заморскій принцъ.

X. Славенскіе вечера.

Ibid. Романы и повѣсти Василія Нарѣжнаго, изд. in 8° 1835—1836.

1) Гаркуша, малороссійскій разбойникъ, неоконченный романъ В. Нарѣжнаго, въ рукописи (посмертное сочиненіе).

---

[1]) Невѣста подъ замкомъ, см. Библіотека для дачъ. СПб. 1855.

ОПЕЧАТКИ

ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

стран.	строка.	*напечатано:*	*слѣдуетъ читать:*
11	22	большоге	большаго
21	11	Пушкиъ	Пушкинъ
56	11	начинавшейся	начитавшейся
58	24	иастуховъ	пастуховъ
62	10	Ниьгерда	Иньгерда
88	27	знатиыя	знатныя
104	32	философы XVП	философы XVIII

Таблицы

стран.	таблица	*напечатано:*	*слѣдуетъ читать:*
31	I	343	521
32	II	съ 1801—1804	съ 1801—1814

Примѣчанія

стран.	номера	*напечатано:*	*слѣдуетъ читать:*
II	27)	Любителер	Любителей
»	30)	Измаплова	Измайлова
»	35)	Елисаветой	Елизаветой

ВО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

стран.	строка	*напечатано:*	*слѣдуетъ читать:*
4	10	отпусилъ	отпустилъ
17	36	врагов	враговъ
34	3	состявляли	составляли
123	32	не онъ	неонъ

Пропущены въ текстѣ:

стран.	строка.		
15	14	ссылка.	(12
76	9	ссылка	(35)

3337
3258
1896
Stanford University Libraries
3 6105 010 126 600

